

Анатолий Можаровский

Я слышу музыку небес
Поэтические тетради

Том первый

Київ
2012

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5
М75

Можаровский А.И.

M75 Я слышу музыку небес. *Поэтические тетради*. Т.1. —
К.: ИПЦ «Киевский университет», 2012. — 528 с.

ISBN

ISBN

Книги Анатолия Можаровского — своеобразный поэтический дневник человеческой души, искренне стремящейся к Любви и познанию Божественных истин в леденящем одиночестве терзаемого греховными соблазнами мира.

Издание третье, исправленное и дополненное.

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Відповідальний за випуск
Михайло МАЛЮК

Редактор
Євген ПАШКОВСЬКИЙ

ISBN
ISBN

© Можаровський А.І., 2012.
© Протопоп В.Р., ілюстрації, 2012.
© Урбанська С.Г., художнє оформлення, 2012.
© Видавничо-поліграфічний центр «Київський
університет», 2012.

«КОМУ-ТО ПОМОГИ, И МИР ПОХОРОШЕЕТ...»

Необъяснимая и странная штука — поэзия: она нынче не приносит такой известности, как даже банальная попса, на ней нельзя разбогатеть, во всяком случае, материально. Но вдруг вовлекает, как некая воронка, в свою орбиту, и человек уже вращается не только вместе с Землей, но и с Поэзией — даже закон земного тяготения тогда действует чуть по-иному. И неожиданно для себя и для других, скажем, известный в мире ученый-академик, режиссер, актер, врач или военный (профессия тут не важна) начинает чувствовать, что без поэзии его будет только половина, а с ней он гораздо более полон. Не зря среди множества ее определений есть и такое: поэзия — это лучшая часть человека.

Анатолий Можаровский наверняка в какой-то момент почувствовал нечто подобное. Собственно, вот подтверждение в его строках:

*Я слышу музыку небес!
Стройный хор,
офкестр
и дифижеф-Отец.
Вселенная поет и славит Бога!*

С одной стороны, эта «музыка небес» подсказывает автору, что «из вечности любовь стремится к нам», но с другой стороны, с нижнего уровня грешной земли видится нечто совсем противоположное — « зло закружило каруселью». В этом несоответствии, конфликте уровней и кроется главный нерв или узел поэзии Анатолия Можаровского, а на попытке преодоления такой разрушающей душу полярности и строится основная система координат автора.

Главными для него на этом пути становятся не изыски фор-

Станислав Бондаренко

мы, ее обрамления и инкрустации, а мир, каковым его видит душа. Это как в живописи Нико Пиросмани или Катерины Билокур, где авторы, следя святому наиву души, словно бы говорят: вы могли видеть похожие цветы, небо, корову или духан, но у меня они свои, другие! Ибо я вижу их такими. Анатолий с горечью и болью видит нынешние наши «обрїї», а именно — то, что «Вкраїна наша — давно в болоті», как сказано в одном из стихотворений, написанных им на украинском языке. Кто же сотворил это все расширяющееся «болото»? Конечно, часть ответа можно найти в том же стихотворении:

*Вставайте, браття, роззуйте очі!
Вкраїна наша — давно в болоті.
Неначе жабу туди загнали
дядьки пихаті — кафманенята, кефманенята...
Потрошать неньку, неначе куфву,
бо хто вона ім?! — дефуть на шкуфву.
Недолженки від уроду —
здирають шкуфу зі свого ґоду.
Цяцьки купують та «іномоду»
за чисту кров свого народу.*

Бесспорно, политики вместе с кланами тут главные закаперщики, но — при пассивно-аморальном участии всех нас. Ибо все вместе, общество в целом отошло от Божьего промысла и приблизилось к трясине. Очень трудно «держаться» за Небо, но именно на это следует решиться, чтобы одолеть болото под ногами, не утонув, — по убеждению лирического героя книги, это, по сути, единственный выход. Тем более, что уже даже само ощущение Природы — Божественной и собственно человеческой — зачастую подменено политической трескотней, «доцільністю» и предвыборным словоблудием:

*Нет трав и птиц,
но есть пафтийный клич —
«Все для народа!» —
но без прифоды
вы уроды!..*

Видимо, сама зыбкость новых состояний общества и при-

«Кому-то помоги, и мир похорошеет...»

роды, их пограничность, так сказать, порождают в душе автора неологизмы, которыми просто пестрят страницы книги. В них чаще всего наблюдаются сдвоенные оттенки тонко подмеченных ситуаций и положений. Заметьте: «темнолесь», «синедаль» и «небеснодаль», а есть и совсем жесткие: «людоедня», «дядьки пихаті — карманенята, керманенята». Действительно, еще недавно было привычно говорить «керманичі», а сейчас, когда явственно наметилось их вырождение, они лишь «керманенята», да еще довольно карманно-маленькие, то есть вылитые «карманенята».

Что или кто может быть спасителем в такой ситуации? Скорее всего, лишь кто-то недюжинный, вооруженный Духом, возможно, такой, как привиделся автору в некой «синедали», если он только движется в нашу сторону:

*Путник идет с несгибаемой волей —
вечный солдат бесконечной войны.*

Да, держаться за Небо не у каждого и далеко не всегда получается, но важно уже само стремление, жажда-попытка (которая не пытка) духовного наполнения и самоусовершенствования. Можно начать хотя бы с этой житейско-поэтической аксиомы или заповеди:

*Кому-то помоги, и миф похорошеет.
Ведь музыку любви ты ощущаешь в сердце.
У птиц учись
на музыку слетаться.
У птиц учись — они все вместе —
и музыка любви
не прекратится
в сердце.*

Думаю, «на музыку» поэзии Можаровского будут слетаться все новые птицы-друзья — это действительно «музыка Любви», взыскующей и благодатной.

Вообще, если доискиваться истоков творчества Анатолия, то скорее всего они обнаружатся в самой его непростой судьбе. И в ней уже неукоснительно начинает исполняться известный совет-завет замечательного поэта Николая Заболоцко-

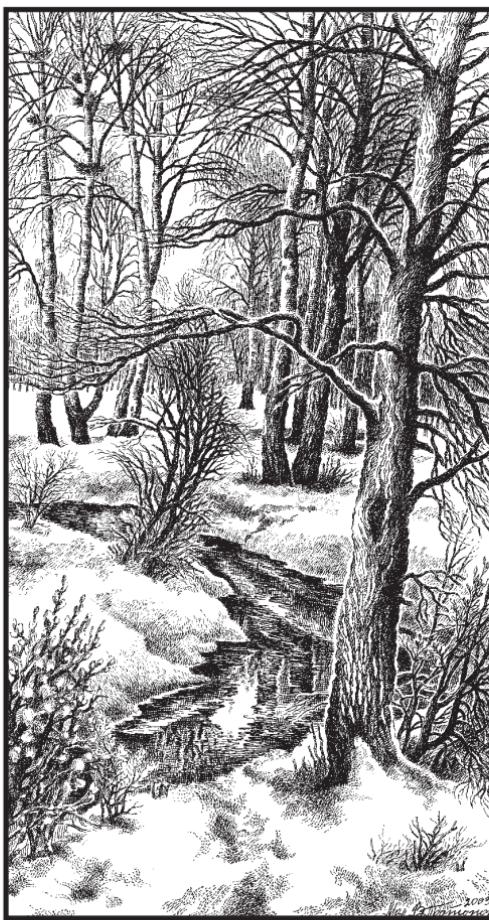
Станислав Бондаренко

го: «Душа обязана трудиться и день, и ночь, и день, и ночь», ибо после пережитого эта душа хочет видеть мир хоть чуточку лучше — человечнее и духовнее. И пусть довольно часто «зыбкая тропа сменяется топью», как сказано у Можаровского, но при этом «и сердце трепетно стучит — всегда любить... И всех любить».

Только такая Любовь, видимо, и способна удержать нас над той самой «топью» или «болотом».

*Станислав БОНДАРЕНКО,
поэт, лауреат международных
и всеукраинских премий*

Метрадъ первая

Анатолий Можаровский

* * *

Я вижу небо.
Я вижу море.
Я вижу лес.
Я вижу горы.
Я вижу солнце в вышине —
его лучи так льнут ко мне.
И мысли ровной чередой
покой несут,
несут покой.
И сердце трепетно стучит —
всегда любить...
И всех любить...
О, Боже, Боже,
помоги
всю жизнь мою
отдать любви...

08.09.06

Метрадь первая

* * *

Болото, болото, болото.
Зыбкая тропа сменяется топью.
И мерзость страха владеет мною
и дальше: топи, топи, топи...
И страх взрывает сознанье:
нет конца этим страданьям!
Рука хватает траву и листья,
надежда слабая в сердце теплится.
Трудно удержаться и не провалиться...
Над головой голубое небо,
там чистота и моя надежда.
Спаси меня, Боже, от этой топи,
пошли мне смелость пройти болото.
Дай силы, Боже, дай волю
и убедишься, что я с Тобою.
Вперед, без страха, по миру топи,
Вперед к Нему, побеждая болото.

08.09.06

Анатолий Можаровский

* * *

Хочу быть птицей
в небесной выси —
лететь, парить,
скользить в поднебесье,
кричать от счастья
над облаками,
камнем падать вниз
и снова врываться
в небесное море...
Душа и сердце
очень устали —
скорей бы птицей
в небеснодали...
Хочу!
Но этого
пока не дали.

10.09.06

Метрадь первая

* * *

Впереди дорога,
впереди печаль...
Путник выдохся немного,
но себя не жаль.
Глупость взял в дорогу —
с нею глупь-печаль.
Смелость понемногу
утрясет все, знай...
Суeta уйдет в дороге, —
мудрость Бог дарует,
мудрость и печаль...
Все по кругу и по кругу —
вверх скользит
спираль...

11.09.06

* * *

Дороги деда и отца:
сквозь мглу, туман и темнолесь.
И очередь моя идти.
Лес темный —
ночь без луны и звезд...
И кажется,
что света не увидеть никогда.
А страх в душе —
едва ли передать.
И крик от ужаса, как выстрел.
Господи, спаси!
Молитвы громкой слышу я
слова свои.
И — чудо — лес отпрянул —
вот рассвет.
Дорога в тишине
и страх исчез.
И лес ночной
остался за спиной.
Шагаю бодро —
ведь домой!
Сомненья прочь —
мой ужас на дороге побежден.

14.09.06

* * *

Я слышу музыку небес!
Стройный хор,
оркестр
и дирижер-Отец.
Вселенная поет и славит Бога!
Из вечности любовь стремится к нам —
и нет упрека
покайся, изменись, вернись...
Груз прошлого, как кандалы,
повис
на теле, на душе
и нет в ответ любви; зло
закружило каруселью.
И нет конца.
А музыка небес не прерывается.
А музыка небес в сердца врывается —
и есть надежда к Богу мне прильнуть.
Один лишь шаг.
И — новый путь.
Тогда к звезде — и навсегда,
отбросив тяжкий груз греха.

15.09.06

Анатолий Можаровский

* * *

Боль души и сердца боль —
времена, хоть волком вой.
Бесы мира ополчились на меня,
и давно покоя нет ни дня.
Остается на мечту мне уповать —
ведь мечту мою им не забрать.
Обращаюсь я к мечте —
приди ко мне,
не лишь во сне.
И на крыльях в облака неси,
а потом к морям и рекам опусти.
Дальше в горы синие с тобой,
а потом — пустыни тихий звон.
Над лугами, над полями, над лесами —
по росе и под дождем...
Под холодными и теплыми ветрами —
там хочу, чтоб был мой дом.
Покажи покой и тишину родной земли,
и туда меня быстрей неси —
тихо там хочу уснуть.
А проснувшись, буду радоваться я,
будто юность возвращается моя...
Не оставь меня, моя мечта.
Только ты спасешь меня!

20.09.06

Метрадь первая

* * *

Небо осени над нами —
голубая даль.
Листья кружатся ветрами —
наперед не унывай.
Позади осталось лето —
там и молодость моя.
Позади звезды не видно —
впереди звезда.
Вечереет на бульваре,
слышу шум дождя.
Осень лихо наступает —
плакать мне нельзя.
Буду сильным, буду крепким —
впереди звезда.
Слезы на душе в поэта,
но в глазах — весна.

21.09.06

* * *

Вставайте браття, роззуйте очі!
Вкраїна наша — давно в болоті.
Неначе жабу туди загнали
дядьки пихаті — карманенята, керманенята...
Патрошать неньку, неначе курву,
бо хто вона їм — деруть на шкурву.
Недолуженки від уроду —
здирають шкуру із свого роду.
Цяцьки купують та «іномоду»
за чисту кров свого народу.
На шиях наших їх забагато —
катів всіляких — щирозубатих...
Гризуть Вкрайну, гризуть народ —
ми ж поніміли, неначе зброд.
Брати-вкрайнці, хіба ж ви бидло?
Вставайте сміло, поки ще видно!
Вдягнімо шлеї рабам на шиї.
Зорімо землю та хліб посіймо.
Й потому всіх їх — катів брехливих,
що розпродали і душу, й тіло —
в Славутич темний — усіх одразу
й нехай пощезне уся зараза!
Кудись подалі за синє море...
А ми радіймо! Ми здоровіймо!
Та хліб і квіти, вино й безстрашня
nehай квітують в господі нашій...

24.09.06.

Метрадь первая

* * *

Стрелы яда вновь несутся
в сторону мою.
Снова женщина мне скажет:
«Я тебя убью».
Полюбить она не сможет —
ей бы лишь терзать.
Мое сердце, мою душу
вновь и вновь пытать.

25.09.06.

* * *

Снова тихая пристань,
снова нужен покой.
Сердце еле стучится,
словно загнанный конь.
В жизни успел не много,
Божьи законы поправ,
гиблою шел дорогой,
счастье свое украв.
Боже, я думал счастье —
женщины, власть, вино,
но Ты приоткрыл мою душу —
холодно, стыдно, темно...
Боже, лиши меня боли,
силы былые верни,
продли на земле дорогу,
время исправиться дай.

26.09.06

Метрадь первая

* * *

Хочу на луга, и к травам
припав покорным лицом,
запах вдыхать и плакать
навзрыд обо всех, обо всем.
Хочу я увидеть море,
лежать на спокойной волне.
И с чайками над головой
молить Тебя:
не оттолкни!
Дай мне увидеть горы.
Оставь на вершине меня.
Буду, взирая в небо,
славить и славить Тебя.
Я знаю, что в мире дальнем
путь уготован другой.
Но счастье —
с Тобой в общеньи,
какой бы ни шел тропой.

27.09.06

* * *

Переливы, перепевы,
журчат ручьи после зимы.
О вы, луга! Вы заливные —
приволье детства кутерьмы.
Заискрится, заиграет
в лужах солнца гладь воды.
И в апреле, в середине,
половодье унесет
и цвет золота укроет
берег, родину, песок.
Сколько радости и счастья
дали мне цветы,
а на смену — разнотравье,
разнопенье птиц
кружит голову!
И солнце вновь на листике искрится.
Утром я, как птицы пенье, полечу к реке.
Но как гром среди небес:
«Всей земле даешь прогресс».
На лугах ученые, трактора и экскаваторы,
прорабы и наряды, все лето гром машин,
и нет реки, а есть мелиорация,
и нет цветов, а есть глобализация.
Нет трав и птиц,
но есть партийный клич —
«Все для народа!»,
но без природы.
Уроды вы, уроды!
И радость детства
мне не снится,
а снятся ужасы реки...
Мне не вернуть мои луга.
Кричу во сне, кричу, как птица,
что потеряла берега.

Метрадь первая

Страна! Ты так больна,
а лекари твои оттуда,
где умерли мои луга.
И снятся ужасы реки.
Им нет конца.
Мои луга, моя река!

27.09.06

Анатолий Можаровский

* * *

Ветер над миром промозглый,
тучам не видно конца.
Дождь ледяной — потоком холодным,
вокруг — ни лица.
Двигаюсь еле по тропке чуть видной,
среди небес — луна.
Кончился день, как камень,
скоро очлег под кустом.
Ночь впереди —
размышленья хлыстом,
что же там завтра?
Счастье, ты в чем?
Путник идет с нестигаемой волей —
вечный солдат бесконечной войны.
Скоро он выйдет на путь попросторней
и без дождя пелены.
Ярче засветит солнце —
радость в глазах, на устах.
Вот оно счастье! Всепросветленье
в награду
за отряхнутый прах.

29.09.06.

* * *

Октябрь,
череда дождей,
туманная морось повсюду.
С деревьев листвы перелеты,
банальные словокрасоты.
Было все и вечно пребудет
И тихая радость в душе
в мглистом просвете надежды.
Поверь в нее и ее глаза.
Увидев их раз, забыть нельзя.
И каждый день потоки мыслей —
утро придет ли после дождя?
В туманной мгле город,
иду, но едва ли живой?
Вдруг лицо средь тумана
с улыбкой, глаза без обмана...
Любимая, через века!
Я знал, и верил, и ждал,
звал в ночной немоте.
Вот — возьми сердцеболь,
любимая, я навсегда с тобой.
Ты — материк покоя.
С осенью?
Или с тобою?..

29.09.06.

Анатолий Можаровский

* * *

Я кружусь, кружусь над городом —
и город мне, как брат.
Я кружусь, кружусь над городом,
как снег — с небытия.
Я кружусь над городом —
сон это иль явь?
Я кружусь над городом,
где родина моя.
Вижу улицу, идет толпа,
вижу в ней вчерашнего себя.
Видно сверху, как я одинок!
Никому в толпе нет дела до меня.
А я кружусь над городом — и вовсе не устал,
и кружит над городом фантазия моя.
Я кружусь над городом,
вырвавшись из толпы.
Я кружусь — и свечами
стали вдруг столпы.
Я кружусь над городом —
и город мне, как брат.
И в судьбе моей,
летьбе моей —
никто не виноват.

29.09.06.

Метрадь первая

* * *

Музыка звучит в душе,
музыка моя — другой не надо...
Музыка войны, музыка любви,
вчера и завтра...
Музыка моя, другой не хуже.
Музыка моя — и мне так лучше.
Слышу я слова перелетных птиц:
«Мы летим, летим и очень устали.
Еще чуть-чуть
и завтра станет лучше.
Увидим новый мир,
тепло и солнце.
Хотя не все достигнут цели.
Помогите слабым».
Прокричала стая
и мне как будто полегчало...
Ведь в мире есть любовь,
а значит есть надежда
и слово музыкой становится, как прежде.
Кому-то помоги и мир похорошееет.
Ведь музыку любви ты в сердце ощущаешь .
У птиц учись
на музыку слетаться.
У птиц учись — они все вместе —
и музыка любви
не прекратится
в сердце.

29.09.06.

* * *

Ветер осенний, серое небо.
Такая же серость в душе.
В тоску и унынье вгоняет
когти и долбит покой,
в печаль и во страх вгоняя,
как с преисподней...
А почему как, а не оттуда?
Давит, терзает и не дает покоя
ранимая поздняя осень.
Лужи и грязь под ногами.
Золото листьев —
в ржавый метал превращает.
Рвется душа из серости на свободу —
подальше от страха,
от тоскоброда.
Что же со мною?
Разве не поздняя осень?
Вчера под златолистом я был другим.
Серое небо, хмурое небо...
Солнце, вернись!

30.09.06.

Метрадь первая

* * *

Вдвоем по узкой тропе,
идущей вверх,
и все выше и выше по склону,
а до вершины еще далеко.
Мы устали, почти сломались,
идти нелегко.
Ветер холодный, солнце в тумане.
Кричу: мне назад!
Но сердце стучит —
не вернешься.
К победе — вперед!
Горы, горы, горы —
желание высоты.
Тщеславие гонит вгору,
в горы гонят мечты
босоногого детства,
несбывшихся грез,
облезлой надежды —
в горы без них не пойдешь.
Тяжело встретить друга,
с которым можно идти.
Как хочется дойти!
Друг, не предай цели.
Друг, поддержи —
я слаб, и я предавал...
Я веру давно потерял.
Друг, прости,
истерзана душа моя...
Вперед, вперед, вперед!
С другом я.

30.09.06.

Анатолий Можаровский

* * *

Вчера еще был праздник —
бежал по миру опьяненный я.
И пьяным был не от вина,
а счастье сшатывало от любви меня.
Проснулся утром, радость попрощала,
ушел хмель жизни и надежда.
О, Боже мой, ты дал мне столько жизни!
Я оголенным нервом чувствовал ее.
Теперь тюрьма,
в ней надзиратель — сатана.
И жало его чувствую вполне.
И скрыться, убежать не знаю как,
все планы рушатся.
Верни мне, Боже, радость бытия,
верни покой в истерзанную душу —
Твоих заветов я вовеки не нарушу!
О Боже, средь земли верни свободу.
Хочу ходить, взлетать хочу я.
Верни свободу сердцу —
а другое забери все.
Как ошибался я, прости!
Хочу полета
праздник обрести.

01.10.06.

* * *

Прийшла орда — забрала все.
Народу кинули кістяк
і трохи хліба.
А люди звикли — кращого не знають.
А знають, то тікають за кордон,
а там:
«Працюй від раночку до ночі,
виплакавши очі».
А вдома лиш кістяк та обіцянки:
«Все буде добре,..
принаймні, краще, як було».
Ось вже загинуло село —
поля у бур'яні та чагарях,
селяни вимирають на паях.
І тут здригнулась Україна,
Майдан загув, завиравав,
Кучмоїди втікали, мов шакали.
Ледве зажевріла надія — народ сміявся та співав,
А світ аплодував і нам надію дарував.
Не довго диво те світило
і знову щастя закотилося
за хлів,
туди, де гною стільки назбиралось,
що вже не виміє ріка.
І знову слізози на неголених щоках —
це «любі друзі» постараались,
профукавши все, що могли.
Нову надію прогуляли
і нові вибори збули.
І знов орда така пихата —
організована, горлата,
а з ними юдушки партійні
соціалісти-комунійні —
в них Ленінюга на вустах,
а банти з грішми на хвостах.
Та «любі друзі» подуріли —
кидаються туди-сюди,
не сплять давно — лайно в лайні...

Йдем до кінця — кінець не скоро,
хоч і підметена комора,
але ще море є землі,
ще є дівчата молоді,
і синь ріллі,
й ліси у синьому брилі.
Та потомились від «дурдому»,
попритихали й мовчимо.
Так тихо скрізь!
Лиш божевільні
по телевізорах кричать,
неначе розуму нема,
а гвалту, гвалту — тьма і тьма!
Та світло зріє крадъкома,
й орду зітерши в порохняву,
її череп'ям вриє яму.

01.10.06.

Метрадь первая

* * *

В памяти детство и юность —
счастья полны.

В памяти —
все времена в красоте своей.

В памяти
радость и счастье, сегодня и впереди.

В памяти — прямые надежды,
а не косые дожди.

Мысли покоя мне не дают —
из осени так тревожно возвращаться в весну,
из лета назад,

из осени в вешнюю синеву.

Осень роняет извесь небес.

Ускорила даже движение дней,
листопад ночей, вперед и вперед.

Я же кричу:

«Осень остановись, в зиму я не хочу...»

В памяти годы спрессованы
в тонкий тающий лед,
над которым время летит
только вперед.

Боже, я знаю — нет пути назад.

Но, хотя бы во сне,
возврати, — хоть на возглас! —
меня к весне.

01.10.06.

* * *

Всю жизнь не любил Совдепию
за черствость и ложь.
Нарушив заповеди Бога
и мумию сделав вечно живьем,
поклоняться ей приучили с детства.
Рабами мы были у Сатаны
и рабами остались
у новой страны,
где комсомол и бандюки в едином порыве
счастье строят,
а мы хлебаем
о надежде спорим
для них
и других таких.
Женщины в борделях
и на бульварах —
либерализма план.
Мужчины, как чумные,
за деньгой в погоне —
капитализма лик.
Дети с пивом и сигаретой,
озверевшие от тоски —
рынок регулирует все.
Все на выборы, гуськом, за Совдепию.
Пацаны не дураки — в депутаты,
а менты чистят мундирные ряды —
сильно они заняты.
XXI на дворе, а мы ходим взад-вперед
из Совдепии да в Совдепию.
«Что строим?» — Кучма кричал.
А ведь знал — Совдепию.
Я к памятнику Ленину пойду,
посмотрю в его гранитный лик —
чем так очаровал он нас?
И попрошу тебя, народ, — очнись.
Он был вчера... Он камень.

Нам нужен Бог живой,
ведь мы народ строевой.
Мы много лет проблуждали.
И где конец?
Где наш дом?
Кто ведет?
Комсомол и пацаны —
идеям каменюки верны.
Очнись, народ,
долой на поля
блудниц с верхушки.
Вся водка выпита —
сегодня нас пьет земля,
прильнув к макушке.

05.10.06.

Анатолий Можаровский

* * *

В аллеях парка юной королевой
блестает осень —
я к ней зван.
Каждый день иду на праздник, —
ты любовь моя.
Деревья стройными рядами
и листьев золотой огонь
сквозь дождь часами.
Ты так близка.
И грустно, и светло,
и время будто бы застыло,
стоит, а я иду,
по кругу, в гору, я иду.
Осень-королева,
меня ты счастьем озарила.
И мудрость с тонкою печалью —
от тебя.
Мысли в ряды ты превращаешь.
Смысл жизни постигать ты заставляешь.
А смысл в любви —
другого не дано.
Прошу тебя,
пусть не знакомо будет зло,
пусть в преисподнюю сойдет оно.
А мне — любовь, любовь.
Осенний бал, кружи меня,
даря любовь день ото дня.
Хочу быть добрым я...

05.10.06.

* * *

Мой город, о тебе я мечтал.
Мой город, о тебе я грезил.
Мой город, я тебя не предавал,
и в ответ ты был другом мне.
Все улицы и скверы,
площади, сады
всегда были милы.
Всегда любил и думал о тебе.
Болел и плакал, когда ранили лицо
твое вандалы.
Не раз терзали, рвали, добивали,
но ты стоял.
Ты стар, и мудрости не занимать.
Ты всех простил и приютил.
Всегда, в веках, —
и златоглавый, и зеленый,
цветущий в солнце.
Киев — брат мой,
ты город городов.
Тяну к тебе я руку,
в ней — цветы.
Ты нас прости,
злоруких.

05.10.06.

Анатолий Можаровский

* * *

*Матери Надежде
и отцу Ивану*

Вы видели цветущий сад?
Я — да.
Но так давно...
А в памяти — все в бело-розовом деревья,
жужжанье пчел и гул шмелей,
птиц пение и говор журавлей.
Я вновь хочу увидеть сад,
вдыхая аромат
и слыша тишину.
Не так живем, но счастье всех — увидеть сад.
Мы любим мир: блеск, славу, гул машин,
и наша радость — новый лимузин.
Не в силах наших мир поизменить,
мы кровь льем за бензин,
и сад нам никогда не посадить.
Я все равно мечтаю о весне.
Цветущий сад, ты в памяти моей.
И мать с румянцем на щеках
в саду, где молодость моя.
Нас мир увлек — все суeta и мишурा,
а блеск монет — пуста мечта.
Куда идем? Зачем? Что ждет?
И где наш сад? Где яблоня цветет?
Остановитесь, люди,
всемольбой прошу.
Всем нужен сад
и яблоня в цвету.

09.10.06.

* * *

Боже, Ты так много мне дал,
а я не знал, все гулял и бежал.
Был неискренен к друзьям,
врал, обманывал и воровал,
часто смеялся над людьми,
и не было во мне любви.
С виду был тихим, кротким,
а внутри, — о Господи, прости —
я был не лучшим отпрыском Твоим.
Все расточил и пропил, богатства накопил.
Стою у грани, там где край.
Ешь, пей, гуляй — болит душа.
Куда, зачем я шел?
Стою у грани на краю, грехи осознаю.
В душе весь ужас жизни без Тебя.
В миг любой
поставишь пред Собой —
и что скажу?
Прошу Тебя,
хоть в долг — продли года.
Я отработаю, стану другим.
Поверь мне и отпусти —
хочу невинность обрести.
Мне б только видеть мир Твой —
звезды, луну, солнце, траву, реки, луга,
деревьев шум и тепло дождя,
снег — я все люблю.
Услыши меня! Стою у края
и каждый день я умираю,
догибаю, подыхаю.
Освободи! Я душу отбелю!
Сегодня лишь я понял цель
и буду верен ей.

09.10.06.

Анатолий Можаровский

* * *

Я солдат войны меж духовным
и естественным мирами.
Я ветеран сей войны,
придуманной и начатой не нами.
Я в окопах за духовный мир —
то герой, отмеченный наградами,
то вдруг — не ранен и в тылу,
и сплю, и ем, гуляю и грущу.
Мгновенье —
и я первый в рядах за тленный мир,
где я герой — сражаюсь, не жалея сил.
Смотрю вперед — духовный мир.
Идут колонны, вижу в первых рядах себя.
Где я? Кто я? Человек или тля?
Как быстро я перебегаю, и стороны передовых меняю.
Иль я предатель? И кого предал?
Стучусь в свой мозг и в сердце — металл.
Кто я? Где родина моя?
Мне говорят, мир естественный — дом,
а мир духовный — на потом.
Но чтобы жить в духовном мире,
нужно войны вести с домом своим.
Как сложно все, нет твердости наяву.
Нет понятия, как неправильно я живу!
Нужны герои, а перебежчик, — наемник войны.
Миру духа такие нигде не нужны.
Но родину выбрал сегодня я —
мир духовный — отчизна моя.
Отныне там, на передовой,
веду сражения сам с собой.
Тело изранено, ноет душа.
Узнать бы, кто победит?
Не измельчай!
Даже еле дыша...

10.10.06.

* * *

Я поднимаюсь до небес, пою, от счастья тая.
Уж отроду много лет,
а я все в облаках летаю.
Как хорошо бывает на земле, я знаю,
но когда снова мысли о себе —
я в небо убегаю.
Там я с тобой, и нет преград —
мир, тишина, покой —
все с нами.
Мой друг,
я с мыслью о тебе
за облака взлетаю.
Наверное, я слабый человек —
не воин, не герой, не гений.
Мне часто очень трудно на земле
и голову я в небо поднимаю.
О небо, тайна великая!
О счастье мечтал годами.
Но благо таки придет —
когда не себе, а небу внимая.
Уходят годы, детства память —
все оказалось суета.
Хоть небо тайны не открыло,
но и надежда меня не покинула.
И мысли в суровые дни — другие:
ночами кричащие, днем немые.
Витает в облаках, — мне говорят —
несерьезно, мол, для мужчины.
Карьера, деньги, слава — это да,
а облака — несчастливым.
Бесценный дар мне дан —
я вижу небо и им живу.
Оно мое теперь, как прежде,
и там мой мир, моя надежда.

10.10.06.

Анатолий Можаровский

* * *

Ветер сонный дожди принес —
всю ночь я слышал
барабанный бой на крыше.
В тумане нежном
город плыл
и мысли светлые.
День остыл.
Что человек? Что ждет его?
Каков конец пути?
И как мне путь по дождю пройти?
Нас миллиарды на Земле —
все разные и все в родне,
а сколько горя и зла несем.
Театр терзаний друг друга во всем!
Кто нас завел в сей порочный круг?
Князь тьмы?
«Не виноваты мы», — говорим.
«Я тебя лучше», — повторяем.
Как дрожащую тьму разорвать,
наполнив пространство любовью?
Как искренним стать,
навеки изгнав святотатство?
Путь у каждого свой
и своя дорога...

15.10.06.

Метрадь первая

* * *

От Бога идем
по палящей спирали к Богу.
Он — судья, оценитель сердец.
Остановись!
Знак незримый стоит.
Задумайся! Изменись!
Любовь омоет грехи, изменит мир,
поднимет нас и одарит.
Стань другим на излете дня,
сегодня же, после чистоты дождя,
вечером может быть поздно:
за день мы столько наломаем дров,
себе в костер, чтобы страсти сжечь.
О, Господи! Словно в пустыне палящей жесть!
Стону и плавлюсь: услыши, как я одинок!
Я в жизни столь нагрешил,
Господи, только услыши!
Жару помоги сбросить вниз.
Помоги отпрянуть от суety,
во власти Твоей меня изменить —
сам я слаб,
и гибну в огне, как нить.

15.10.06.

Анатолий Можаровский

* * *

Кольцо сжимается вокруг меня,
день каждый — тяжелее чем вчера,
зло одолело, изнурило так меня.
Хочу покоя, радости души.
Отец небесный, Ты меня спаси.
Я Твой! Тебе хочу служить.
Пусть сумрак горести
исчезнет предо мною.
Пошли покоя.
Спаси меня и сохрани.
Стремится буду только в гору
к Твоим законам,
меня Ты только поддержи.
Я заблудился.
Ты прости,
из круга зла меня спаси.

15.10.06.

Метрадь первая

* * *

Стволы деревьев кто-то отлил из металла.
Остатки листьев золотых,
словно гирлянды.
Снова небо и воздух прозрачен.
Ушла когда-то первая любовь,
но в памяти ее несущ сквозь годы.
Этим и живу, как и тогда, обняв дерево руками,
прижавшись к нему щекой,
слышу трепет листьев созвучный трепету души.
Но время вспять не обратить,
а я хочу, мечтаю...
Сегодня в памяти весна моей любви:
твои глаза, твои уста и руки на плечах.
О счастье!
Словно вчера, одна сквозь годы улетаешь,
но в памяти листвы не исчезаешь.
Конец сей осени и я спокоен.
Живу надеждой день за днем.
Ведь что есть жизнь? Мгновение,
как встреча та с тобою.
Это мгновенье я пронес сквозь годы,
как солнцетрепет золотой листвы.
Я знаю — радость где-то, во мне — покой души.
Спасибо, осень! Ты вечная моя любовь,
и время нас уносит —
тебя в мою память,
а меня — к зиме.

15.10.06.

Анатолий Можаровский

* * *

Серое небо всплакнуло холодным дождем,
мир мрачноват и нервозен.
И так день за днем.
На лицах прохожих — то ли дождь, то ли слезы.
Поздняя осень —
ветер с деревьев последние листья уносит.
Ты грустишь и плачешь.
Мы, взявшись за руки, идем
немые под проливным дождем.
Вспомни весну, что нас пьянила и так влекла.
Запах цветов в ночи — ты в свете фонаря,
чистота лица и теплые твои лучи.
Я помню —
пьяный от трепета волшебного сердцеиенья
всю ночь пою в цветах каштанов о любви.
Затем звон лета — солнце у реки,
где мы вдвоем, невзгодам вопреки,
как в счастья облако весь день вовлечены.
Ты нежна и красива, как сны.
Теперь вот осень принимает нас,
и в даль мы серую идем
под проливным дождем.
И снова ночь, ночь, но не весна.
И снова ночь, но и не лето.
Как быстро все прошло, и где все это?
И только память возвращает нас в весну,
которой нет начала и предела.
В весну, где молодость была —
начать бы все сначала...
Я не волшебник, чтобы чудо сотворить,
я буду просто говорить.
Ты вспомни ту весну —
дорога, мост, луна,
я не один, ты тоже не одна.
Любовь связала накрепко сердца.
Ты все молчишь,
ты где-то там, куда мне не пройти.

Метрадь первая

К тебе стучу, кричу —
не слышишь ты меня...
Смотри: та же дорога, тот же мост,
и вот, опять, луна,
холодный дождь, вода, вода...
И я один,
и ты — одна...

20.10.06.

* * *

Н.П.Глущенко

Лето все ярче,
но нет вдохновенья.
Художник за городом.
Угрюмо, день ото дня, строит планы,
так он писать не привык.
С утреннего поезда
спешит красавица Мадлен,
бежит тропинкой среди цветов и трав
под пение птиц, шум дубрав.
Он не поверил глазам,
и радость в сердце — нет, не обман.
В реке поплавали, полежали в траве.
Глаза заискрились ее в ответ.
Какое лето! Как счастлив он!
Набрал полевых цветов
и подарил их девушке.
О муза, такой и в Париже нет.
Взял холст и краски —
писал натюрморт, как портрет.
Цветы ярчайшие
изображал со страстью —
в миг импрессы возникла яркая.
Изображать красавицу не хотел —
в цветах и лете ее воспел.
Встал на колени и голову склонил.
«Что с тобой?» —
а он слезу уронил.
Когда поезд красавицу вдаль унес,
мастер снова цветы принес.
Глаза светились при свете дня!
Есть силы
творящего свет огня.

20.10.06.

* * *

Трава медовая, цветы цветут,
яренье солнца,
поющий луг.

Река течет, вода искрится — какое счастье,
мне это снится.

Картины детства
встают все в ряд,
и жизнь вдруг легче — и все не плохо так.

Верни мне, Боже, детства рай.
Я многое и многих потерял!

Исчезла радость в сердце,
истлел весь свет в глазах,
но я как прежде —
босой в лугах.

Идем куда-то, не зная как,
бредем и ноем
и все не так.

Верни мне, Боже, детства рай.
Пусть хоть немногого
побуду в краю,
где радостью полны луга,
где солнце светит и неба синь,
где я бегу, бегу один,
бегу к реке.

Давно все было, тяжел мой путь,
устал немного — мне б отдохнуть.
Хочу туда — где Бог и я.

Хочу забыть невзгоды,
оставить рай в душе
Но зовут туда, где Бог и путь.
Смотрю на небо — все та же синь
и солнце светит, и я один.

Бог оставил на миг,
среди дня, чтобы понял —
та большая дорога — уже не моя.

Анатолий Можаровский

Пойду тропинкой среди берез,
рябин кудрявых, дубов и грез
и сколько слез пролью —
не знаю,
ведь на тропинке —
кусты с шипами,
обрывы, скалы,
болото, камни —
все отмахну и все перетерплю,
ведь домой иду — где счастья шквал
и детства свет,
где так бежалось,
как нигде не бежал...

20.10.06.

* * *

Взлетает сердце, душа трепещет
от моря счастья — живу! пусть хлещет!
Могло не быть, но Бог дал жизнь мне.
Песчинке мира на Вселенной дне.
И я есть мир.
Осознаю, что создан
для цели Творца.
Но как живу — суете не видать конца,
муравей — умнее меня.
Вечером мысли уносят к звезде,
утром все начинаю сначала, —
мысли о Вечном, — вы где?
Поглощен убиванием времени,
ускоряя путь, но куда?
И все обещаю — остановлюсь.
Знал голод и бедность,
ныне сыт и богат кругом.
А мысли все не о том, не о том.
Твердости нет на пути.
Ты основной Закон соблюди:
помоги слабому, обиженному защити,
поделись с другим! Этим живи!
Мир не изменишь, но путь к звезде отыщи,
для себя и других исполни Божественный план.
Начни сегодня,
а планы пустые врагу оставь.

22.10.06.

* * *

Вглянусь в ночное небо —
звезды, планеты, луна.
Мир огромен — какая ж огромина!
И, затаив дыхание, славлю Творца.
Бесконечность тревожит —
тайному несть конца.
Человеку дано познать немногое —
таков замысел Творца.
Мы пришли в этот мир
для очень важной цели.
Луна и Марс притягивают нас,
но задача другая —
познать себя, изменить себя,
приблизив душу к Создателю,
избавив ее от страстей, пороков
и наполнив любовью,
бесконечным Истоком.
Славить и славить Творца,
любовью близких одаривать,
обиды прощать,
глупоты не оспаривать.
Задача с виду простая,
а ты попробуй,
и скажешь, такая ли?
Гордость души
счастья не дарит,
и хоть это кажется страшным —
все дальше мы уходим от себя.
А ведь созданы были с любовью —
Бог отпустил наши души,
счастье казалось огромным,
ибо весь мир нас любил,
пели птицы, шумели деревья,
ласкали нас реки и море.
Что же случилось?

Метрадь первая

Чем становимся старше,
от счастья и любви уходим все дальше...
Боже, верни нас к истокам.
В воле Твоей отринуть от нас
ложь, самолюбие, жестокость.

22.10.06.

* * *

Все небо в красках, в облаках дивных,
холмы в осенних золотых ливнях.
Меж ними сосны,
меж ними ели,
тропинки в стороны, как заметели.
А рядом гроздья сверкают красные.
Какой восторг, какое счастье ведь!
Стоять бы жизнь так и видеть это.
Но манит серость, как дней газета.
А облака в картинах Божьих?
О Господи! Ты сотворил их
для нас бездушных?
Мы рубим, мы жжем леса,
и плюем на все —
ведь мы владыки мира.
Мы губим моря и реки —
все нипочем! —
и даже горы дрожат в наших руках,
ведь мы — владыки
от мала до велика!
А где же сердце и душа?
Зарыты в мусоре,
который мы оставили везде.
Мы все покорили —
так нам казалось.
Мы даже в космос глаз повели,
но на Вселенную сил маловато,
придется здесь помирать,
как в свалке лопата,
а наши души и сердца
умудренные наши внуки
смогут в мусоре поискать.

25.10.06.

* * *

Судьба бросала меня,
как щепку в потоке горном,
крутя и вертя в неизвестность несла.
Теперь вот стою у последнего края —
картины жизни
перед глазами.
Я за жизнью той очень скучаю —
было все: и риск, и опасности на поворотах,
но жил,
и как мог, карабкался из болота.
Я не знал, что значит покой, тишина и рассветы.
Жизнь клокотала в теснине горной реки —
плеск воды, водопады и камни.
Закроешь глаза — удар! — и ты без сознанья.
Приходилось мне жить,
как разведчику в логове хмуром,
хоть вокруг все свои,
улыбались, шутили,
но камни в руках — отвернись и убьют.
Я шел, словно рыцарь,
в броне с головы до ног —
доспехи стальные к земле прижимали.
Надежда была на леса,
где уютно и тихо,
где дом и невеста,
и я — неубитый.
Надежда держала, вела, исцеляла,
и вот он — конец.
Ненадолго. Небольшой перерыв.
Реванш диких сил и я начинаю сначала,
я все еще силен,
а враг пусть дрожит, убегает —
не сломить мою волю врагам без надежды,
ведь им деньги нужны,
а мне —
только правда и вера.

25.10.06.

Анатолий Можаровский

* * *

Когда-то в годы молодые
я был смущен, подавлен и угрюм,
груз жизни мне казался непосильным,
и вынести все это не хватало сил.
Я ждал счастья, радости, успеха —
и юность дарила надежду,
и вроде бы всё начиналось, как я хотел...
Но не успел.
Поломки на дорогах — со всех сторон.
Я — угнетён,
живу надеждами лучших дней
день ото дня,
но жизнь — хмура.
Сияет солнце,
да мне кажется —
не для меня.

28.10.06.

Метрадь первая

* * *

Был однажды мне дивный сон —
вот пустыня, белый песок,
и кустарник вон.

Справа море — его я не вижу,
но чувствую.

Иду под солнцем —
навстречу старец с бородой,
на ослике,
глаза добры,
преспокоен он.

Картина на всю жизнь со мною.
Живу,

встречи ожидая с Ним.

О чем-то поговорили не спеша —
и вмиг запела моя душа.

И я проснулся,
как в юности, от счастья пьян.

Весь день
во всерадости неизмеримой жил,
обретя сверхпокой.

Кто был со мной?

Достоин ли думать о Нем?

Ведь я путник простой,
израненный на дороге.

С тех пор переменилась жизнь.

Он Сам подсказал,
кого я встретил,
но эта тайна — моя навеки.

28.10.06.

* * *

Человек совершаet подвиг —
покоряет горы,
человек стремится к вершине
и камнем падает скоро.
На утлой лодчинке
бьется сквозь океаны.
Зачем это нужно?
Подумай, пьяный!
К тебе взываю, — не падай вниз.
Там яма, а не карниز.
Оглянись!
Человека ты встретишь редко,
но узнаешь везде,
по взгляду милости,
а не на лбу звезде.
Пусть он будет в пример.
Учись пока есть человек,
человек, а не супермен.
Пусть он будет, как веха.
Не падай, не ной,
не обвиняй, называя свиньей.
Смотри, как по жизни идет человек!
Как всегда небогат,
как всегда, не разодет.
Не всегда есть хлеб
и лихая слава.
Но на таких, как он,
стоят державы.
А мы поклоняемся одним уродам,
блеску и мишуре,
которым светить не в сердце,
а на уличном фонаре.

28.10.06.

* * *

Размышления, сожаления —
сожаления, размышления —
все о былом и что потом?

День и ночь вспухает мозг —
вот если бы так...

Нет — все не так...

или лучше бы так — и наоборот.

Мозг — на износ, обороты предельные,
сохнет, болит — кто есть человек
и куда его разум ведет?

Суeta и сумбур,
взгляды назад, а потом вперед —
что нас ждет и что же мы за народ?!

Тщимся составить четкий план,
чтобы в мыслях покой,
а вытекает обман.

Пробую, и даже выполняю план.

С утра — все сначала
и план поновей.

Разум дымится — до затлеванья бровей,
а я все там же, и даже отстал!

А где же финал?

Жизнь отмеряем по суете —
кто сколько успел.

Кто рвал и хапал,
и не отышавшись, отпал!

Размышления, сожаления —
сожаления, размышления —
и так уже тысячи лет...

Есть основной закон,
а я хочу — свой.

Бога хочу обойти,
мир во владение обрести.
Успеть, и успеть, и успеть...
Но где же он, этот успех?

Анатолий Можаровский

Редко мысли приходят другие —
спокойные, не суевидные.
Бог с великой улыбкой
прощает меня.
Ведь еще немногого —
и где грешня?
Суэту за борт,
маету с ума!
В руки — посох,
а на плечо — сумка...

28.10.06.

* * *

Я снова хочу уйти
в ночной заснеженный город,
бродить всю ночь в сугробах
и зареве фонарей.
Темные тени деревьев,
в снежных ушанках дома.
Зовущий свет окон
и одинокие прохожие.
Смотрим друг на друга —
враг или друг?
И что на душе?
Ночной заснеженный город,
снегопад и ветровой.
Яркая в небе луна,
все небо в отблесках света
и огни городские,
уходящие медленно ввысь.
Небо и город манят меня.
Кто же боле?
Едины в порыве
и одинаково мне верны.
Я чувствую себя свободным,
счастливым.
Город ночной — весь мой
и я его властелин!
До утра
никому не забрать его у меня.
И лишь с утра возня, кутерьма,
толпы людей и грохот машин
вырвут у меня этот город,
и снова один в толпе брожу.
Жду вечера, к городу иду,
преисполненный счастья,
силы, любви.
В этом снегу я не один —
и ветра шум, как ночи гимн.
О Боже! Я бреду в снегу
без страха, надеждою окрылен.

Я не один! По городу иду —
со мною небо, деревья, снег —
все проходящее по кругу бытия
и вечное в белом круге.
Жизнь, казалось бы коротка, как вдох,
оказывается бесконечной,
в разомкнутом кругу.
И эта ночь —
свидетель моей вечности —
здесь и чувства другие.
Чем рьянее снегопад,
тем радостней взгляд,
и, кажется, я постиг
все таинства творенья.
Одно из них —
я живу, любя весь мир,
и ночью, наполненной великой тайной,
иду по городу.
Как эта ночь полна духоогня!
О, небо, сохрани меня!

30.10.06.

* * *

Последний вечер ноября —
все тихо и спокойно,
но миром правит Сатана,
а мы здесь — подневольны.

Мы ищем остроты и ощущений,
нам нужен тела лязг
и напряжение.

Словно машину разгоняешь влет,
газ придавив до пола,
за поворотом неизвестности — обрыв,
и сердце бьется беспокойно.

Любовь, мечты и грезы —
на лету.

Мысли и тело — в предельных
оборотах.

И будто снова умираешь,
не выдержав бега охоты...

Жизнь теплится уж еле-еле.

Хочу, хочу на небо!

О небо! Где я был и не бывал,
в снах посетив их земли, страны,
и падал о землю, не ведая,
что под ногами.

И ужасы за поворотом
сменялись ужасной работой,
тело дрожало и душа.

Я вскакивал. О ночь!

Сколько страданий
накопилось в мире
в расплату
за лобзание кумира!

Все рвемся и рвемся
за поворот,
отбросив высокое
и Бога за борт.

Кого любит, того и бьет —
говорится в Писанье, —
и бьет, не жалея розг
для наказанья.

Мы сами их выбираем,
когда педаль газа
в чувствах, эмоциях и наслажденьях —
до костяка выжимаем.
Он Всесилен и Благ —
и я снова живой и богатый.
Уходит последний ноябрьский вечер —
меняюсь и я лишь на миг
до неминуемой встряски,
когда снова чувства свои
до конца выжимаю,
его — Сатану ублажая.
Он шлет мне все новые
грезы и мысли,
и я поддаюсь им сначала,
словно ребенок.
Где мудрость веков?
Как к ней припасть губами?
Слушать и пить ее молча, не шевелясь,
вбирая, сколько возможно, до самого края,
лицо свое, медленно
в лик неземной превращая.
Как просто и сложно —
ведь я это знаю, не зная.
А тело, набравшись вновь силы и рвенья,
снова стремится туда — за поворот,
где ни покоя, ни радости —
лишь обман для ребенка...
Но я отыщу заповедный колодец,
воды которого выведут
к небу и солнцу.

30.10.06.

* * *

Две тысячи лет назад
пришел Спаситель.
Ученье получили мы —
читаем, думаем,
все просто, как у Бога...
И мудрствуем,
теориями Бога поучая.
Законов приняли — не счастье.
Партийцы, пораженцы, мудрозвоны —
каждый старается мир научить,
а себя никак ничему не может.
Мир сколько пережил страданий,
сколько теорий в жизнь воплотили.
Кости и прах по всей земле —
их результаты в изобилии.

01.11.06.

* * *

Человечество ищет модель,
где будет лучше, лучше, краше,
а люди по-прежнему вертятся
в колесе бедствий и несчастий.
Не начать ли с чистолиста,
по утрам послание Спасителя читая,
колес погибели не изобретая,
лишь исполняя
то, что сказано.
Начни с себя, правитель и царек,
министр и депутат собранья,
себе в упрек — как ты живешь?
Орешь, все тянешь, рвешь,
а рядом нищий обречен
тебе в рабы.
Ты благодетель,
так начни с мольбы!
Читай и думай по утру —
жизнь истечет и ты —
к ответу.
Земельки подсобрал —
домов и слуг —
и все себе на плечи.
Богатство праведным бывает редко —
и все оно — чужое.
А мы все новые теории верстаем,
кричим, шумим и воздух дотрясаем.
Паяцы мира, шоу для чертей.
Мир в тупике и люди меж огней.
Им правда — жизнь по Книге —
так нужна!

По Книге Книг,
которой нам не написать.
Давайте выполним ее любую часть.
Мир не испортить тем,
но мир и не узнать.

01.11.06.

* * *

Мир манипулирует сознанием —
крутит, вертит, мозги забивая.
Телеэкраны, бесчисленное множество
газет и журналов —
утром и днем, вечером за столом,
с чаем вдвоем —
гробы и обнаженные девицы,
война, цунами, и чем нам бриться.
Каждый старается
выпереться и выставитьсь —
и плебс нам все ближе,
то ли в Москве, то ли в Париже.
Тайные общества, националисты, ученые,
политологи и журналисты —
месиво информации!
Не понять и не объять.
Как дальше жить —
vas будут учить.
Вот интервью,
как памятник себе на родине
с речами открыть.
Та родина — мы все. Я тоже с вами.
Ее ряды — во все концы стройны.
Мир демократии, где все равны.
Смотри, читай, не напрягай,
мы знаем, что тебе подать.
Каждый красуется —
прическа, грим, костюм,
а ты сиди, смотри без дум.
Мир заблеван массой средств.
Звезды, бомжи и проститутки,
артисты, пажи и министры-полудурки —
с утра до вечера и так день ото дня.
Не выдержало сердце —
слушай похоронные песни.
С головой что-то не очень —
 выпей таблетку и полежи.

Отошел — бери газету и зорче смотри:
конкурсы груди, бедер и девиц.
Для тебя мой родной, чтобы пиво играло —
жизнь красота — а завтра сначала.
Ты вроде свободен, но мозг твой заверчен
в потоке заразы.
Спрятаться негде и невозможно,
грехот динамиков, крики «шансонов».
Не сопротивляйся — ты весь в шоколаде.
Живи, наслаждайся,
чего еще надо!

01.11.06.

* * *

Прошу тебя, ноябрь,
пусти меня в декабрь —
сегодня твой последний день.
Хмурое утро в тумане,
морось и мглы пелена —
назревает осенний дождь
и каждый выдох последним кажется.
А я хочу в декабрь.
Всего лишь день — и в зиме.
Темные деревья —
ветки цепко держатся в пространстве,
бередя воздух осени,
туманом наполненной.
Стаи, кричащих в небе, птиц.
Мир, как во сне.
Темных красок больше
перед дождем,
но завтра зима —
и я хочу туда.
Так трепетно вбираю день —
и вот он — дождь.
Осень плачет о своем уходе,
скрываясь в память бытия.
Дана мне Богом радость —
пожухлая трава
и золото листьев,
взметаемых ветром,
и голубое небо в вышине,
потери близких — безвозвратные,
и в ежедневной кутерьме
осень почти ушла.
Последний день — преддверья декабря
остановил мой бег среди сует бездумья —
в никуда.
И каждое мгновенье уходящего ноября —
навеки мое.
Дождь и туманная мгла — слезы в моей душе —
все без обмана — и прямо.

Прости мне, Боже, все,
что отблеском Твоим не почтено.
Я становлюсь другим
средь этих дней.
Я твой — и я живой...
Наступит декабрь прекраснее,
чем год назад.
Я стал ближе к Тебе,
хотя и слезы — в моих глазах.

09.11.06.

Анатолий Можаровский

* * *

В лазури небо, в цветах земля,
солнца лучи — и молод я.
В зеленом парке трава блестит
и мы с тобою в траве сидим.
Под солнцем лета в краю родном —
и нам по двадцать всего лишь лет.
Жизнь распрекрасна —
и зла в ней нет.
Глаза сияют, лица горят —
мы влюблены друг в друга.
И в первый раз,
руки касаясь твоей легко,
я гладжу пальцы...
Как я влюблен!
Счастье рядом —
и без оглядки.
В лазури небо и солнца свет —
и нам с тобою все больше лет.
Десятилетья промчались шквалом
и мы с тобою чуть-чуть устали.
Рассудок с нами — и очень крепкий.
Как потерять его — с тобою вместе?
И парк зеленый — трава блестит.
На мир глядим мы и не горим.
Сказать, что плохо сегодня нам —
это не правда и не обман.
Но сердце рвется туда опять,
где солнце в небе и я, как пьян.
Ты там нежна и необычна.
А здесь знакомо все
и все привычно.

09.11.06.

* * *

Клоун правит городом —
клоуном правит зверь.
Зверем правит золото,
в брюхе под названием «банк».
Он глотает, что видит,
все, что бежит,
глотает все, что плохо лежит.
Глотает — переварить не может —
из-за чего чадит и смердит —
либеральный капитализм.
Прыгает зверь по сцене —
кого бы еще исцелить?
Вот смотрите, как он вылечил клоуна,
который, как чумной,
что-то вполголоса говорит.
Речь несвязная и невнятная,
как у пришельца из космоса, —
исцеленный навеки,
правит княжеским городом.
Ты понимаешь? Я не понимаю,
откуда свалилось горе?
Какой дурак за него голосовал?
Вы — православные.
Кто помутил разум ваш?
Войдите в храм,
покайтесь, головехи склоня.
Городом правит secta —
правит, как ордачня!
Пчелы оставили город
и не гудят шмели.
Зеленые мухи повсюду вместо них —
и знаете вы, куда летят они?

15.11.06.

Анатолий Можаровский

* * *

Моя страна на поле боя,
передовая пролегла
сквозь помрачение людей.
У нелюдей-врагов за боем вой,
ведут войну по всей стране,
оружие их — ложь и наглость,
против которой трудно устоять.
И падают родные братья
снопами хлеба на полях.
Холеные, поднявшиеся вверх,
на плечи родины моей,
трещат о капитализме,
всеобщем благе,
а третьи требуют —
у всех забрать и им отдать.
Коррупция, как моль,
разъела всю страну,
а им, лощеным, —
пахану да прокурорам-коммерсантам
и всех мастей их своре
хочется весь мир забрать в коморы.
Моя страна на поле боя —
народ изранен и избит.
Он падает, лежит и стонет,
а враг по телевизорам кричит,
манипулирует сознанием,
врет, изворачивается —
он сильней...
Зло давно укоренилось по стране,
ложью подрывая бастионы духа.
Сердца в надрыве —
мы не видим исцеленья от беды,
измучены, поражены.
Братья и сестры, на последнем рубеже,
страну очистим от кощея лжи!

15.11.06.

* * *

Господи! Ты дал мне жизнь,
создав из частички материи.
И в грустный час я вернусь,
возвратя тело земле —
и стану с ней одним целым.
Душа на небо улетит —
что ждет меня?
О, тайна бытия!
Зачем нужна вся эта суeta?
Я в ней погряз, познав и радость и беду.
Бреду куда-то,
не зная как, куда, зачем иду?
И правильно ль живу,
растрачивая дух на ничто?
Кто скажет — совершенен я?
И как стать достойным?
Южный ветер. Август на дворе,
рыжие листья среди зеленых.
Трава желтеет и от умиленья взывает:
«Встаньте на колени».
Волшебный запах моря слышу.
И хочется сказать всем:
— Друзья мои, какое счастье!
Жизнь моя, и ваша тоже —
так не похожи.
Но все части земли,
и, значит, все мы — целое,
а если так, нет врагов,
а есть заблудшие во враждебности.
Давайте в единый час
станем все на колени,
припав губами к земле единой.
Мы все — земля!
И души наши — небо!
Мы Бога часть! Мы пыль,
и ни элиты, ни толпы.
Времени мало —
слышен звон.

Анатолий Можаровский

Но мы успеем и устроим
праздник на коленях,
на родной земле,
прильнув к ней иссохшими губами,
в праздник победы
разума над злом,
и в этот день все будут с нами.

20.11.06.

* * *

Туда надули, здесь убрали —
и есть красавица в журнале.
Есть женщина —
не мама, а шалава.
Успех ей нужен и любой ценой.
Идет к врачу —
ей губы надувают,
грудь вшивают,
работают насосы —
жир с живота, бедер —
в мусор ведер.
Уже не тело, а отходы.
И вот — красавица на удивленье.
Глаза прищурены —
перенатяжка.
Жизнь такова —
жизнь тяжка!
Снимают для журналов и газет
мечту мужчин, готовых
целовать ей силиконы.
Но скоро, говорят, мы все
пойдем к врачам
и будут целые заводы
крутить, вертеть, качать —
ох, эта мода.
Житье пойдет еще сложней —
не до тарифов ЖКХ,
не до полей!
Вчера был дядечка Лопух —
в канаве жил и в яме.
Сегодня он тебе не друг —
звезда телеэкрана.
Ах, сколько сил потратил он:
подрезы, вставки и накладки —
всевездесущая попса
бабла на рожи не жалеет.

25.11.06.

* * *

Не ори ты в глаза человеку —
сердце другого береги.
Время пройдет — призовут к ответу.
Чем оправдаешь жизнь?
Тем, что умен, больше знаешь —
зачем же другого так обижашь?
Жил тем, что раны наносил соседу —
сердце и душу наотмашь губил.
В мире отношения жестоки:
любовь — только тело и секс.
Хотя где-то бывают исключения
и способен человек всех любить.
Мало любви высокой и чистой —
в мире я повидал.
Люди целуются
и хотят почета.
Чем жестокость их объяснить?
Как далеко все зашло...
Трудно вернуться к прозрачным истокам,
реки и те уже — чистые редко:
всюду стоки, отбросы, грязь.
Река молчаливо терпит беду,
а мы горделиво идем к суду.
Задумайтесь все,
кто думать и чувствовать может:
мир — на краю.
Человеку осталось немного.
Спасенье в любви —
помоги себе, если сможешь.

25.11.06.

* * *

Отвернувшись от Бога теряет лицо
в прямом и переносном смысле.
В переносном,
потому что человек перестает им быть —
и даже, если власть или деньги есть,
авторитет фальшивый —
не испытать к нему любви,
а только страх и презрение.
В прямом — лицо, как маска из театра,
жутко лживая.
Лицо уже не лицо
и образ Божий в человеке сник.
Бог отвернулся —
и лучи Его остали тебя.
За грех Бог не греет Своей любовью.
Ныне ты сильный и еще увереный,
но час придет —
и в снах ночных ты испытываешь ужас —
вовек тебе не видеть красоты.
Покоя нет и нет любви —
есть гордость, грех и самомненье.
Прости нас, Боже,
мы все перешли дорогу
не в том направлении.
Мы свет подменили тьмой
и цена подмены — покой.
Покой и чувство завтра —
словно в детские годы.
Грех затянул, связал и здравствует,
а сбросить кандалы некогда.
Грех сладок, приторен,
наполнен деньгами.
Как без него?
Есть всегда оправдание.
Еще чуть-чуть и завтра сделаю,
а время уносит
к вечному и неуспелому.

Анатолий Можаровский

Все быстротечно —
лишь мгновенье
и лика нет.
Есть отвращенье
каждого к другому.
Нам зеркала нужны на всех путях —
остановись, взглядись,
ты лик или ты сон,
и где твой свет,
сиянье глаз кому отдал?
Ведь создан ты по образу Отца,
подарок получив до конца,
но не сберег.
Грех нас увлек и победил,
лик святости
холодным камнем подменив.
Послушай стук, взглядись в себя,
оставь свой грех, вернись
туда, где свет и радость музыки небес.
Выйди из тьмы, пока еще можешь идти.
Не жди чужой молитвы и чужой свечи,
но воротись и сам зажги,
смахни слезу и за себя и за того,
кто не успел,
кому сейчас уж —
не до грешных дел.
Вернись!
Отец твой ждет тебя.
Его ты, Его сын, дитя.
Он все простит,
вернет лицо,
и будет так светло!
Светло...

25.11.06.

* * *

Мир изменить —
не поле перейти,
но ты попробуй —
и с себя начни.
Проснувшись, улыбнись
дождю, что Бог послал.
Восславь Творца!
Не мир — людей,
живущих по закону
придуманному и чужому
от ministra до главы района.
Генсек, рабочий,
инженер иль бизнесмен
начнем с утра,
с незримых перемен:
ану-ка встань,
молитву сотвори,
о сокровенном
с Богом говори,
о своих планах расскажи.
И ты увидишь: большинство их
возня мышей в твоей кладовке,
и эти планы — лишь уловки.
Живи с молитвой,
любое дело,
любой свой шаг
Отцу небесному вверяя.
Вот день проходит, ты устал,
вернись домой
к родным местам.
Не гневи близких —
будь кротким, тихим,
прости всем козни и обиды.
Будь добр, люби,
ненавидеть и не пробуй,
оставь грозьбу,
иначе мир угрошишь.
А вот и ночь — пора ко сну.

Скажи спасибо ты Ему.
За день, за близких, за далеких —
молитва в ноги.
И так твой первый день прошел —
мир пляшет, пьет, играет в карты,
ворует, врет — и все с азартом.
А ты другой,
ты уже не тот,
что был вчера.
Ты стал сильней.
Давно пора!
Ведь ты часть мира,
значит и мир чуть-чуть другой.
Спасибо Богу.
Ему всю славу пой.

30.11.06.

Метрадъ первая

* * *

Благоговею и люблю!
Перед одной Его любовью,
я низко голову склоню.
Благоговею и люблю!
Спасибо, Боже, за сей трепет,
который чувствую,
взирая на траву.
Спасибо, Боже, за разноцветье
лугов, полей,
где я живу,
сосновый лес весной и летом,
дух леса, шум ветвей,
за птичий перепевы.
За реки и моря,
где был и не был.
О Господи!
Даруй нам вечность,
а с ней — леса, поля, луга.
Тебя мы славим —
здесь и там,
сегодня.

30.11.06.

Анатолий Можаровский

* * *

Ночное небо.
Лик луны.
Величие и всесиянье
влечет меня
и не слепит сознанья.
Ты одинока в небе и спокойна —
я знаю эти чувства,
мне они знакомы.
О чем ты думаешь
в далеких небесах,
даря свой свет
ночному небосклону?
Твое величие и сила мне близки —
особенно в дни полнолуний.
Я жертву приношу тебе
в дни эти одиноко.
Грущу — и жизнь моя,
как оголенный нерв.
Боль в теле заставляет помнить о тебе.
Мне больно, но спокойно и светло.
Я чувствую с тобой свое родство.
Я часто на тебя смотрю —
хочу к тебе и мысленно к тебе лечу.
Я очень часто вижу сон —
я и луна, и мы вдвоем,
и летний вечер запахом пьянит,
твой свет и лик —
и не один я в этот миг.
Жду лета, вечера —
а дальше — наш секрет,
ведь ты мой друг уж столько лет.

30.11.06.

* * *

Благоговею и люблю.
Иду, хочу победы и терплю.
Нельзя мне ненавидеть,
любить — смертям назло.
Я пробовал обиды местью утолять
и пробовал на зло
злом большим отвечать.
Я ненависти полон был и часто зло
на близких и родных срывал.
Я ненавидел бывшего товарища
за то, что он другой,
а значит не такой.
Я ненавидел власть,
любившую соврать, украсть.
Я ненавидел их за лица,
которые в ужасных снах
могли присниться.
Я всех судил,
всех расставлял по полкам,
пока хватало сил.
Сегодня счастлив я
и всех люблю.
Я, голову склоня, благоговею
перед Богом и людьми.
Я брат ваш,
близок вам — уже не враг.
Жалеть я перестал того,
кто был не мил.
Жалеть я перестал и власть —
на это нету сил.
Поверьте мне — любовь легка —
не требуя таких усилий,
как ненависть и зло.
А безразличным жить
средь мира невозможно.
Холод, тепло — другого не дано.
Я выбрал свет, тепло и всепрощенье.

Анатолий Можаровский

Я умиляюсь вами, люди —
простите мне сомненья.
И не делю вас —
на похожих,
на хороших и родных.
Мне все близки,
и я не одинок —
мне есть с кем путь верстать.

02.12.06.

* * *

Рву жилы,
борясь, цепляясь,
а жизнь уходит —
не замечаю.

Живу надеждой
и днем одним,
а ветер зимний —
и стужа жжет,
сжимает душу
и время гонит —
вперед, вперед —
к весне скорее —
там цвет и свет
и ветер южный
да стужи нет.

Весна уходит и лета звон —
то жар, то солнце и мы несемся,
сжимая время,
мы ищем сами не зная что.

А жизнь несется
по кругу с солнцем.

Солнце встает и вновь заходит —
ночь, утро, день — а я все занят.
И день рождения взрывает нервы —
и бег мне этот и мил, и немил.

И это все — будто бы жизнь.
Реальность, сон ли?

А счастье и взвесить,
сложить все вместе
никак нельзя.

И ты в пространстве —
в небе песчинка, —
а над тобою —
звезды крупинка.

02.12.06.

Анатолий Можаровский

* * *

Я верю в вечность —
стремлюсь туда,
где был и не был.
И что такое вся жизнь моя?
Сжимаю время, все рвусь вперед —
быстрей, быстрее.
Что меня ждет?
Насытить душу пытался долго,
но сделать это не в силах я.
Смотрю на мир —
о время, время, не торопись.
В одном мгновенье —
вся моя жизнь.
Ты веришь в вечность —
туда стремись.
Жизнь бесконечна.
Какое счастье — жизнь!

09.12.06.

Метрадь первая

* * *

Отдал — забудь. Иди вперед.
Тернистен путь.
Ты выбрал сам судьбу.
Ведь было много вариантов,
но не подумал о билете счастья,
взял тот, который вел в ненастье.
Был труд, много труда и горечь.
Получал от небес подарки.
Ты шел и рос.
Неустроенность, непонимание,
агрессия и нелюбовь,
а ты все шел и шел.
Ты думал, награда —
это ценности и добро,
но понял, это не то, не то!
Награда — дух,
окрепший, могучий.
Награда — любовь и состраданье.
Есть план, что дальше?
Ты видишь пороки, грехи
что были и вцепились на пути?
Есть силы мусор посбросить вниз.
Трудись! Трудись!
Блаженнее давать,
чем принимать.
Ты сам избрал путь.
Кого обвинять?
Иди, терпи, люби, борись.
Венец уж близится.
Держись!

09.12.06.

Анатолий Можаровский

* * *

Я счастлив среди снегопадов,
где в лунном свете одни снежинки!
Нежно ложатся на нивы,
ветром гонимы —
кружат и кружат весь вечер,
наполненный счастьем.
И твой румянец и блеск в глазах.
В январский снег уходим.
И лунный свет на лицах —
мы потеряли реальность.
Идем и снежинки кружат.
От счастья голова кругом.
Какое счастье любить в ненастье.
А снежной буре конца не видно
и кружим мы, кружим в снежной стуже —
я рад и счастлив.
Продлить бы ночь на много лет —
мы смотрим в глаза друг другу.
И сколько света, тепла и счастья —
луна над нами —
со снегом в танце —
и эта ночь — наше сверхбогатство.
Январь и май — какая даль.
Но нам все рядом —
весна на сердце.
Снежинки кружат,
летят, летят —
в их хороводе —
наш вечный праздник.
Ведь все смешалось:
любовь и снег,
лунная ночь
и душ оркестры.

15.12.06.

* * *

Великий,
Богом избранный народ,
от мира древний,
шел вперед.
Путь в кочках, терниях, камнях.
Народ идет сначала по Востоку,
затем по всем концам земли.
Египет. Моисей.
Клич слышат все. Исход.
Страх неизвестности —
с Востока на Восток.
Пески пустыни. Зной и сорок лет
по Богом заданному кругу.
Отсчет времен —
в экранах вечности движенье.
Народ достиг высот и положенья
и снова отступил —
кто мудрость древнюю так помутил?
И люди снова в поисках земли,
далек их путь в слезах, песках, крови.
Истертой обуви не перечесть —
новых миров, земель, освоенных пустынь.
Но мудрость вековую светочи несут,
хранят, как жизнь, свои святыни.
И слезы часто лют за грех отцов,
поправших Бога —
распяв его на древе в приступе страстей.
И так, не раз со дней Моисея отступая,
идет народ — и часть его в земле чужая.
Европа вздрогнула в двадцатом веке,
вдруг растеряв и бдительность и ум.
И снова все винят еврея, который шил, лечил.
Все беды наши в них — пронесся крик.
Глаза их память древнюю хранят —
и не понять их, не постичь.
Они молчат, а мы все тщимся обвинять.
И снова слышен клич — Исход!
Но не туда — а в лагерь.

И восток — не тот далекий —
весь залит кровью.
Бабий яр, другие безизвестные яры —
идут, как шли тогда —
с надеждой детворы,
со страхом и предчувствием беды.
Швея и лекарь, и скрипач —
трудяги на чужой-родной земле
за смертью шли в яры.
Безмолвные от ужаса глаза.
Мир, ты сошел с ума!
В ярах, канавах — кости маленьких детей
и стариков, и матерей.
Холокост! Холокост! Холокост!
Звонят колокола моей страны.
Упокой, Боже, убиенных —
души их сохрани.
Экраны памяти. Туманный дым —
Восток, пустыня, берег моря —
избранный народ — Авраам и Сара
идут вперед.
Как новую жизнь построить в мире —
фундамент на любви,
и стены — руки наши.
Ведь все одной крови,
но сколько горя
каждый каждому несет,
идя вперед.
Что ж изменилось на планете?
Все те же страсти, зло.
Прости нас, Боже! Научи!
Мир мы погубим без любви.

15.12.06.

* * *

Господи!
К Тебе в небеса!
В мире сплошное зло.
Словно был и не был.
Счастье, радость —
все Ты даешь.
А я все забыл!
Пустые слова — мои и других —
рвут болью — и сердце во мрак.
И нет покоя.
Одиночество здесь такое,
что в пылинку хочу превратиться,
отдать ветру прах.
Как укрепить свой дух,
стать сильным, упрямым на пути своем?
Ведь даже когда вдвоем —
Бог не с нами.
О нем вспоминаем,
когда сзади стена.
И путь отрезан.
Мы молим, вопим, просим пощады —
и в эти минуты Ему мы верим.
Почему же потом
живь не можем спокойно, тихо?
Мы же не ураганы,
не ветер Твой и не буря,
а так сотрясаем в стакане.
Боль тянет в небо.
Времени мало — жизнь впустую.
Ищем путь не душой, а телом —
и наслаждение нам уделом.
Поля цветов и земляничные поляны
нас ничему не учат
и роскошь их потеряли.
Лес и небо — уже за спиной.
Интересен грохот телеэкранов.
Щелка в чужую жизнь времяя занимает.

Анатолий Можаровский

Все бежит. Хорошо, прекрасно —
но в миг проснулась душа —
рваная боль — и ты стал опасен.
Пустота, пустота, пустота...
Мир болен, а мы выживаем —
крутимся, вертимся, плоть ублажаем.
Пустота — то проснулась пустая душа.
Ты ее ощущаешь,
болеешь, страдаешь.
Но есть еще шанс излечиться —
ты должен сам измениться.
Но — не без Бога.
Дорога, дорога...
Жизнь, как в начале.
Рваная боль —
это душа устала.

15.12.06.

* * *

Боль, боль
и сознанье в тумане.
Меня бьют и бьют —
я умираю.
Бьют вандалы,
«деды» Армии Красной,
бьют для утешы —
ведь я не опасен.
Свора диких зверей
без имени-рода.
Бьют для утешы,
бьют для насмехи —
они из Совдепа.
Их предки там и остались
с вождями на пьедестале.
Боль, кровь и сознанье в тумане.
Слышу крик:
«Ты зеленый, а мы старики
тебя научаем».
Я жизни не видел,
мне восемнадцать.
Я шел в эту армию
за страну сражаться.
Боль, кровь — я умер.
Отныне сырая земля —
моя мать навеки.
Сколько таких, как я,
ушли в этом веке?
Бессмысленно, глупо,
ради утешы нелюдей бесчеловечных.
Мама, не плачь —
я с тобой в небесах.
С нами Бог, с нами вечность
и мне навсегда восемнадцать.
Мы варвары без истоков и веры.
Остановитесь на миг, химеры!
Нет оправданий ни власти, ни людям.

Анатолий Можаровский

Совдепия была, есть и будет,
пока не проснется наш разум,
уснувший от страха в жестоких двадцатых,
уснувший от ужаса в подлых тридцатых.
Как в коконе, сбился в углах
непрозревших душонок.
Страх миром правит —
и все мы блуждаем в потемках.

20.12.06.

* * *

Шановне панство, що владу має,
Вкраїну нашу в руках тримає,
а її душу — в смолу гарячу.
Панам так краще —
ненька незряча.

Народ стомився в байки вслухатись —
у всіх аспектах його дубасять,
втуляють байку про те, що буде,
про те, що є — щоб не забули,
аби свій розум закрили міцно,
тому, що в казці жити зручніше.
Із новим роком усіх вітають —
щастия, здоров'я усім бажають.
Про єдність нашу розповідали
й нове комірне нам прислали.
Панове-браття, ваше комірне —
тяжке занадто — нам непомірне.
Шановне панство, люд на галері,
в цепах, холері.
Пливем туди, куди женуть нас,
а ваш гарапник гуде по спинах —
злиденних і оневірених.
Меморандуми та розмови,
універсалі та домови.
Вам Україна — а нам комірне.
Хлів-комуналка — ваше дитинство.
Ви все забули — пани з городу.
Граблі вам треба, як вищу моду.
Ви вкрали все і помолились —
церкви поставили в селях,
де народилися і не знали,
що будете колись панами.
Якої віри ви — язикаті?
Такі вже щирі! Такі пеклаті!
Зосталось мало — і буде пізно.

Анатолій Можаровський

Чи то Крижопіль чи Запоріжжя —
все піде прахом і діти ваші
слізьми заллються за це багатство.
Пани із гною в безглуздій раді —
прокляття люду — з багна і смраді!

20.12.06.

* * *

По телевизору дают квартиры,
не всем, а тем,
кого на шоу пригласили.
Цветы, улыбки, аплодисменты —
наверное, так надо в текущем моменте.
Момент пришел —
не позавидуешь другому.
Смотрю по телевизору — «летучка» —
жеки, мэры, крик, толкучка.
Все бледные и нервные такие.
Начальники стают артистами — играют,
куда Бродвею или Ла Скале!
Сегодня жизнь — театр и людоедня.
Мне снится сон — я на диване,
смотрю в экране:
там дядя Ваня с женой —
в чем мать породила.
Целуются, ласкаются жлобы — а ты?
Еще чуть-чуть и я завою.
Я на другой канал —
там мэр на унитазе застонал.
Глаза, слова все о любви...
Иду туда, где дядя Ваня с его женой —
а там — конец.
Все спят и в телевизоре храпец.
Открыл глаза,
беру программу почитать,
узнать, где сон, а где не он.
Еще годок и туда, за водопад.
Ты в телевизоре увидишь смерть,
но невпопад.
Жену свою, ее любовника,
момент их встречи, их цветов охапки.
Выпьешь лекарство и успокоишься —
так надо.
Звони по телефону и на соседей капай.
Смотри — его уже уводят куда надо.
Жизнь из Космоса — планета танца.

Анатолий Можаровский

Там все не так, как здесь —
«Майбахи» мчат и все миллионеры.
Им ничего не надо, кроме шоу.
Я бизнес новый себе открою —
очки с туманом — беруши в уши.
Я стану тоже миллионером,
сяду на «Майбах» и двину в шоу.
Меня не видит страна родная —
очки с туманом надели люди.
Меня не слышат — уши закрыты.
И только мэр с его элитой
на меня смотрят и ненавидят.
Лишил их шоу, лишил их кайфа.
Им бизнес мой — серпом по яйцам.
Я стал крутым и очень известным.
Планета танца — иль это невеста?
Очки в тумане и «Майбах» мчится.
Реальность это — или мне снится?

20.12.06.

Метрадь первая

* * *

Подари мне, Господи, слова —
передать хочу я
Твою Вселенную, бесконечный простор,
движение планет, красоту миров.
Какое счастье увидеть небо,
все в облаках бегущих.
Какая радость — бытие Твое!
Дни уловимы — хочу запечатлеть
солнечный лик, луну и небес бесконечность
величием картин Творца.
И каждый день я обещаю посвящать Ему
и опять бегу по кругу глупот.
Я изменяю ритм суеты,
склоняясь к виденью живой красоты.
Меня уже не воротить.
Колокол уже звонит.

25.12.06.

* * *

Я пришел бы домой с работы усталый,
снял костюм, ордена, медали,
но меня ими не награждали.
Я носом землю рою —
в поту, без обеда,
а ордена и медали вешают дармоедам.
Я буду землю рыть
и хлебом соленым кормиться —
мне не нужны железки.
Мне бы чистой водицы,
озера лилий,
тишины, света небес.
Я с озером проведу, как в полете,
мгновение —
и во Вселенную на автопилоте.
Вы вешайте себе ордена и медали,
а траву зеленую —
небеса мне дали.
У нас разные цели
и ценности жизни.
Мне — любовь бесконечную,
а вам — железки безжизненные.

25.12.06.

* * *

Мир стал мрачным и чужим —
злости дым, неправды дым —
едкий, черный — дым, дым, дым.
Я один! Ты один! Он один.
Только партий своры к финишу власти бегут,
как на античном ристалище.
Колесницы! Грохот, шум.
Под колесницами — народ.
Партии летят, их клич «вперед».
Я задавлен! Ты убит!
Он раненый кричит.
Финал. Дошли не все.
Воцарились алчность, ложь!
Троны их — чумной народ.
Венцы — мозоли трудовых побед,
но не их, а тех,
кто под колесницами полег.
Кому сегодня нужен труд —
ну так, чуть-чуть.
Сверху трона — танцы, пляски.
Деньги правят деньгобал.
Деньги партиям любой ценой.
А тебе они зачем?
Ты в пыли под колесницей — не герой.
Тихо тянем лямку, бурлаки,
с колесниц то нас не видно.
На ристалище рвут поводья
в направлении одном —
к трону, где алчность и ложь.
Вдохновеньем служит трон.
Нет тех,
кто против рвущихся вперед,
ряды сомкнет!
Кто остановит бег,
бросит трон,
где грязный, едкий дым?
Мир стал мрачным и чужим.
Ты один. Я один.

И он — не гражданин.
Дым выедает не глаза,
а жжет сознание.
Болит душа,
а ты ей водочки налей.
По маленькой да спозаранья.
Через час — ты не герой,
но за все стоишь
пустой горой.
А кто ряды сомкнет
и колесницам перекроет
путь вперед?
Слышишь,
народ стонет и кричит?
Слышишь колокола звон?
Он по тебе звонит.

25.12.06.

* * *

Я верю в Бога. Я верю в вечность.
Я знаю — ты мне для счастья дана.
Я верю: придут времена,
когда — рука в руке —
не расстанемся никогда.
Май и солнце. Гроза и дождь.
Трава зеленая. Меня ты ждешь.
Я полон радости к тебе бегу.
Манит река,
а ты на каком берегу?
Весна сменилась летом.
Зной и неба голубого даль.
Гроза с дождями. Не унывай.
Я полон радости, хоть чуть грущу.
Бегу к тебе. Как я люблю...
И снова речка — воды хрусталь.
И вновь — два берега. Какая даль!
Я знаю, верю, что ты здесь.
Но вот и вечер. Конец, конец.
Я не сдаюсь, хоть уже боль.
Глаза потухшие и мир не мой.
Осень. Золота листьев ураган.
Солнце ласкает, как будто май.
Позади годы, впереди дни.
Небо серо. Пошли дожди.
Я в Бога верю и Его бесконечность.
Душа так трепетна,
так предчувствует вечность.
Грусть в сердце — огненноболь.
Иду к тебе я и свято верю,
что буду с тобой.
Река меж нами — два берега и туман.
Яркий свет вдруг.

Молния? Нет?
Милая! Целая вечность!
Я снова с тобой.
Ветер сгонит золотую листву,
небо и бесконечность —
Слава! Слава Творцу!

25.12.06.

* * *

Я стал нервным и злым —
и на то есть причины.
Я, комфорт создавая,
порвал себе жилы.
Мир планку успеха
поднимал потихоньку.
Я отставал, но напрягался — еле жив —
за успехом спешил.
И как будто успел, но сейчас понимаю,
что успех у того, кто все это придумал,
кто мир и страну в колесо поместили.
В колесе — президенты и дворники.
Любой ценой к алчности.
Я стал нервным и злым.
Я поддался и мне все мало.
Леса, моря, дождя все меньше.
Успех в виде пачек купюр в чемодане —
рубим леса, истощаем недра.
Чем больше пачек —
тем весомее человек,
а душа его в это время — в черном квадрате.
Малевич — гений. Тайна квадрата раскрыта —
все в жизни ради корыта.
Задан темп и дорога к аду.
А мы идем, будто так и надо,
широкими рядами —
скорость на пределе.
И я средь первых, и я при деле,
но стал нервным и злым,
надышавшись адскими испареньями.
Но мгновенье — и меня обогнали —
успех иллюзорен —
я не играю.
К черту планку стандартов —
я возвращаюсь.
Есть план возврата,
но путь заторен
такими, как я.
А мне назад так надо.

Я поднимусь вверх и через небо
вернусь туда, откуда ушел.
Там свет, покой и мечты о счастье —
мысль об успехе из сердца вон.
Мне нету дела до глупых стандартов —
спешите, я освободил место.
Путь к успеху
на одного стал меньше.

30.12.06.

* * *

Глаза любимой — бархат и свет.
Глаза любимой — других в мире нет.
Глаза любимой — нежность и покой.
Милая женщина я счастлив с тобой.
Радуга в небе — солнце после дождя.
Я тебя встретил — ты для меня одна.
Одна отрада слышать тебя.
Одна отрада — моя, моя.
Сердце радостно стучится —
лето, солнце и река —
луг в цветах, вода искрится.
Мы вдвоем и нам ничего не надо.
Продлить мгновенье: наша навеки цель.
Нежность, упокоренье,
тихий рай.
Милая, родная,
никогда не оставляй.

30.12.06.

Анатолий Можаровский

* * *

Не унывай и не грусти — неси свой крест.
И не греши — твой крест не так тяжел.
Есть судьбы посложнее.
Отверженным и прокаженным несть числа.
Твоя судьба светла, чиста,
ты видишь небо.
Солнце ласкает и жжет.
Все зависит от того,
как ты себя ведешь.
Цветов поляны, напевы птиц,
деревьев шелест — и ты летишь.
Ковер травы и неба высота.
Свобода мира
и Бог всегда.
Ты слышишь листья —
глаза на миг закрой —
услышишь музыку,
как мир иной.
Твой крест не так тяжел,
а ты грустишь.
Оставь отчаянье и укрепись.
Гуляй в траве зеленой,
с ближним делись
радостью и счастьем,
улыбкой в день ненастный.
В ответ тебе надежда —
ты боль чужую взял.
И снова лето
и песнь для тебя.
И вихрь солнцесвета
опять любя.

30.12.06.

Метрадь первая

* * *

Консервы — килька в томате,
ставрида в масле!

— Здрасте!

Где ваша старушка-мать?

Вот пакеты — гречка и рис —
ты, мать, держись.

До выборов девяносто дней.

Ешь и пей.

Ты видишь нашу заботу.

Это, мать, наша работа.

Придешь на участок,
бюллетень бросишь в урну.

Мы за людей и для людей —
в это время ты не болей.

Потом мы позаботимся о вас —
участок на кладбище — нищак.

Все, как у людей.

Ты не робей.

Я, авторитет, за базар отвечу.

Мне нужна власть. Без вас никак —
вы электорат.

Когда в кабинет я въеду,
буду думать только о вас.

Кому венок, а кому газ —
никто не останется без внимания.

Молодых девчонок — к себе в баню.

Хлопцев в охрану и на мои заводы.

Я дам зарплату вам и работу.

Мы строим мир — все нам:
земля, заводы, реки, воды.

А вам — консервы и крупа!

— Пока!

01.01.07.

* * *

Со злом по жизни не пройдешь:
упадешь, погибнешь, пропадешь.
Сердце не выдержит давления зла,
и лопнет, как струна.
Бог заложил программу нам в путь —
любовь!
И только с нею можем мы дойти,
но демон зла не устает нас соблазнять,
вводить в свой круг и обольщать.
И многие, закрыв бронею зла сердца,
заходят в круг, где горю нет конца,
и зло затем выплескивают наружу.
Вирус его летит, летит, летит
и видим мы везде одни проблемы.
То власть ведет себя,
словно орда, что
с армией победу одержала,
отвоевав себе империи кусок.
А для начала
в долю зла вошла.
Но этого ей показалось мало —
давай родной народ
кромсать и угнетать.
Вот радость и утеша!
А намерения были благие —
порядок поустановить!
Но всех налоги и тарифы задавили.
Народ плетется, еле дышит,
орду же это не колышет.
То твой сосед сошел с ума,
то ты не спиши, или в больнице,
то друг злозамышляет с нездоровья,
то в семье — раздор и перебежки,
но ты терпи — Бог дал поддержку.

Любовь навечно.
Железки-ордена — от власти.
И не тому, кто заслужил.
А Бог дает любовь
и этот орден жив.

01.01.07.

* * *

Звечоріло,
синє небо потемніло.
Обрій кличе і тривожить.
Місяць і зірки.
Я прийду до тебе,
моя лебідко.
Хутко час злітає,
тане ніч,
кожен поцілунок
як останній клич.

01.02.07.

* * *

Хочу начать жизнь сначала —
хоть это и невозможно.
Я упаду в траву, зарыдаю.
Я хочу видеть тебя,
когда тебе восемнадцать.
Обнять, прижаться,
время остановить и не расставаться.
Жизнь, как бесперый птенец,
летит, не возвращаясь.
Я иду в толпе,
никому уже не улыбаясь.
Где же наша весна?
Я просыпаюсь с головной болью,
сжав зубы.
Все, как вчера.
Много думал о жизни,
но ответ в Писании.
Соблюдай и надейся.
А я ломаю голову,
ищу какую-то истину,
смысла иного
в деньгах побольше.
Лежать так вечность,
испивая Твои слова.
Иногда дается,
но начать сначала,
жить по-новому
не удается.
Не пытайся вернуться
в свои восемнадцать.

Иди вперед,
там ведь лучше,
страсти оставь
на снежной дороге.
Чистый и полегчавший —
груз прошлого сброшен.
Не фантазируй,
улыбайся и радуйся
каждой секунде.

01.03.07.

* * *

Я думаю про Вас, моя кохана, —
то тихо смуток в серці забринить,
то буревій — пориви урагану.
Я думаю про Вас щоденно.
Не знаю Вас, та думаю щомить.
Нехай у мареві весни, у Вашім серці
відлунить тиша.
Мої думки дійшли до вас,
і ми почнемо шукати нас,
вдивляючись у перехожих,
та смуток нам не дасть спокою:
коли і де та зустріч надійде?
Стою коло вікна.
Сніг білий-білий — пелена.
І я один, і ви одна...
Пориви вітру. Буревій.
Я думаю про вас щоденно...
Я думаю про Вас шалено...

01.03.07.

* * *

Метель, снега, январь и я.
Душа поет в летящем снеге,
кружится в его потоке.
Все неродное, наносное,
всю горечь, боль
я сброшу в снег
и здесь найду покой.
Снег пушистый меня, покрывает,
а я иду, ему подпевая,
чистый снег
мысли мои просветляет.
Я счастлив и радуюсь жизни —
в январе,
в этой снежной, бурлящей
ночной карусели.
Я один
и чувствую пульс Вселенной.
Стал чист, как младенец.
Зло и страдания снег заметает,
к весне они в этих сугробах оттают,
станут радостью и любовью с покоем.
Мир в движении —
время придет
и весна улыбнется прохожим.
Я один —
очень мало людей
в снежном вихре.
Я иду в январе —
снова счастливый.

10.03.07.

Метрадь первая

* * *

Я снарядом ворвусь в ваш мозг,
взорвав больное сознание.
Я по-другому, может быть, мог,
но я — народ — доведен до отчаянья.
Я заставлю вас думать иначе,
изменив ваши мысли скверные.
Я впечатаю вас в фасад
недостроенного вами государственного здания —
шуты, паяцы, гармонисты и клоуны —
самовоспетые, самовосхваленные, самовлюбленные
правители с черной икрой вместо души,
страну ведущие
по буераками и колдобинам.
В ваших речах одно пугало:
то левым, то правым уклоном,
то Западом, то Россией,
то рожей с кондомом.
Мы терпим, слушаем, иногда буяним.
Вы плюете на нас из дворцов феодалов.
Я снарядом ворвусь в ваш мозг
и взорву больное сознание.
Я, уставший народ, заставлю
перетерпеть страдания,
страхи, тревоги, ночи бессонные,
слезы раскаянья, но не всем —
только тем, у кого совести немного осталось.
А остальным — возьму топор
и вытешу осиновый кол.

10.03.07.

* * *

Листья желтые шуршат по асфальту —
ветром гонимые — первые.
Яркий, солнечный день искрится и радует —
последняя неделя лета так пролетает.
Далее осень, дожди, дни все короче —
жду я, любимая, нашей весны в первых морозах
и грудах листвы опавшей.
Лето наше — в памяти все.
Насытиться жизнью не сможет никто.
Мне всего мало —
и ласк твоих — редких, упрямых —
да рук скольжения.
Жизнь моя — на гребне волны.
В изнеможении лодка качается.
Что дальше? Туман, дождь в океане
иль штиль в облаках?
Вечность отмерена нам, но где и когда?
Милая женщина — до тебя я устал,
а сейчас в полете.
Что будет потом?
Живу одним днем,
куда память уносит.
И сравнить мне не с чем
это лето и осень.
И вчерашний день —
взгляд твой.
Я был так несчастен — и вдруг
твои глаза.
Я тихо жду —
и так люблю я это лето —
я в нем горю.

15.03.07.

Метрадъ вторая

* * *

Пришли такие времена,
что кажется,
минувший век нес бремя легче,
но подвигов его не сосчитать.
Все мелковато, воровато —
вокруг лишь глупость, дурь.
Встаю я утром, как солдат,
мечтающий погибнуть в схватке.
Но боя нет и подвигу нет места —
все заговоры, ложь да клевета.
«Фигня для понта» — вот наша страна.
В других не краше — так же, или хуже,
а нам, как символ — Запад.
На него равнение и планы.
Ворваться в золотой бы миллиард,
жизнь буржуинскую да средний класс —
автомобиль, камин и вечерком коньяк,
наркотики, кайф, пиво, порно,
заменившие мыслителей на пустоту,
как на мечту,
брюки, блузки, бриллиантов тьма...
Шли и упали, куда-то вниз.
Я вам дам лестницу и попрошу:
«Народ поднимись!» —
здесь солнце,
когда-то росли хлеба,
здесь твое детство, мать и страна.
И пусть поводыри едут в Давос,
а мы в чистый лес —
плакать по себе,
сколько есть слез.
Давайте спасем себя —
тебя, меня, не родившееся дитя!
Мир очнись! Очнись страна!
Слава Богу, почти очнулся я.
И в таком же состоянии —
землян семья.

15.03.07.

* * *

Господи!
Хочу к тебе, слышишь!
Боль, страданье, скорбь
сделали меня чище.
Снег пролетает, зима в разгаре,
смотрю в окно.
Небо и птицы,
плывущие в воздухе снежном!
Прошу Тебя, Боже —
исцели — мне больно.
Я многое в жизни ломал, коверкал —
я шел, бежал и верен был себе.
Прости меня, если сможешь.
Хочу жить тихо,
смотреть на мир с любовью.
Поверь еще раз.
Ты слышишь, как болит,
как я погряз в пучине скверны.
Враг оказался сильней меня,
а я думал, что верен Тебе.
Моя вера — просто страх перед жизнью.
Я почти прозрел и вижу себя.
Прости!
Я стану другим — Тебе это известно.
Я рвусь непрестанно к чистоте мыслей.
Помоги и дай мне силы!
Ты меня слышишь?
Я Твой и Тебе жизнь отдать хочу.
Я в тупике — ужасы снятся.
И день и ночь — лишь боль.
Верни силы. Я люблю Тебя,
и жизнь, и близких.

15.03.07.

* * *

Я в бизнесе рвусь, как струна, угорая.
Деньги люблю, люблю успех,
товар предлагая.
Бывают дни, недели, но нет продаж,
нет поступленья — и я шалею.
Нет настроения и покоя, —
лишь крики, вопли — чумной вот такой я.
Не даю людям и близким счастья,
требую, попрекаю, загоняю всех и себя я.
Терпения нет и нет покоя,
хоть знаю — постучат в дверь и я открою.
Придет толстый дядя,
достанет гривны и доллары — и я заиграю.
Купит, растает и еще раз придет —
снова гривны, доллары, а, может, и евро.
Стану я богатым, известным —
жадным буду таким, что обо мне напишут песни.
Деньги все — себе родному. Все зарою.
Кайф по-олигарховски и радость по Кумиропопсову.
Сижу я, жду и все мечтаю —
я бизнесмен, капиталист, жизнь на бабло меняю.
Позабыл про леса, про море.
Мне бы доллары и большую комору —
запастись добром на тысячелетие.
Земли хочу собрать, как фараон египетский.
Не просите у меня — ничего не дам я.
Все себе.
Смотрите, идет блаженный и раздает подаянья.
Он не капиталист — он без мозгов, каналья.
Не то что я — с пальцами растопыренными...
Я сам люблю себя и себя славлю,
а вы все лохи — мне жаль вас.

18.03.07.

* * *

Чим мерзенніший чоловік —
тим краща машина.
Чим дурніший чоловік —
тим молодша дружина.
Чим дрібніший чоловік —
тимвищий щабель на владній драбині.
Чим заразніший чоловік —
не підірвати й на міні.
Якби я не був дурний —
в мене також був би син.
І я б його навчив —
у школі довго не барись.
Зошити, книжки, щоденник —
для понту й атестату,
вчи «феню», м'язи качай.
Купимо тобі дисертацію,
підеш у депутати —
правити крайною.
На щаблі, де ти сядеш,
вгору дивись
та кусай того,
хто просунувсь вище —
вниз його.
Не жалій жодних дуп.
Так собі потихеньку
правитимеш ненькою.
Та нема в мене сина
і не збулась Україна.

18.03.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Падает снег на город.
И тот и другой — мне дорог.
Гость я в городе и в мире этом —
время вечернее, а нет покоя.
Я останусь и заночую —
спать не буду, а буду сидеть
и смотреть на луну и звезды,
тихо плача о предстоящей разлуке.
Жизнь была часто не в радость —
были и скорби и муки.
Но мир этот дивно устроил Всевышний —
былое вчера сегодня кажется лишним.
Душа и сердце не хранят дурных раздумий.
Там только память о счастливом
и только радость.
Весна, цветущие вишни, май,
сирень и сады в белесом тумане.
Боже! Как они незабываемы!
Вспомню детство, родителей и льются слезы.
Вспомню первую любовь и красные розы.
Вспомню луга в траве зеленой —
цветы, пение птиц, река.
Вспомню все и ночь проведу в молитве,
славя Творца.
Жизнь, как пар, уходит, унося нас с вами.
Это потом, а сейчас — вечер ранний,
солнце еще высоко, ночь не за горами.
Этот вечер мой — я допью его летом.
Снег и снег.
Славлю Бога за это.

18.03.07.

* * *

Мысли разные, мысли правильные,
мысли странные, мысли безумные,
мысли прекрасные.

В один миг, в один час,
как понять себя?

И вот опять, та же череда.

Гениальное рождается редко,
словно вспышка, почти незаметная
за кутерьмой, осенними листьями,
снегом, дождем с ветром и бурей,
за бездонною тишиной.

Оседлаю скакуна мыслей —
через пропасти и ущелья
попаду в бесстрашие,
обрету свободу.

Страсти, желания
и недостижимые цели,
и тошнота от вращения...

Свобода в тебе — бери и не гордись!
Забудешься — и проиграл.

Череда мыслей —
новый шквал — запутался в них —
не тщись.

Избавься от них — свобода —
и вверх летиши.

Богу молись,
тогда мысль покориши.

18.03.07.

* * *

Я был ракетой в жизни —
летел! До предела скорость.
Суетился, спешил,
преждевременно ступени теряя.
Были времена — и обшивка трещала.
И вот — орбита, круг первый — удача.
Принимая поздравления, усталый, разбитый
я засыпаю.
Сквозь сон слышу вибрации, грохот —
метеоры долбят.
Смотрю на компьютер —
повреждена электроника.
Меня качает.
Орбита — мечта, цель жизни,
и вот — незадача.
Вкалываю, как проклятый, —
ремонт.
Ни конца, ни начала —
еле живой к концу дня,
немного сна
и снова работа.
Ошибка, две, иду, как на автопилоте.
Сон не снимает усталости —
весь разбитый,
а еще основные задания,
а я уже еле двигаюсь.
Посадка не скоро
да я и не спешу.
Я планету счастья ищу
и когда-нибудь к ней подлечу.
Пусть корабль раздолбан, помят —
я его поддержу, отдохну и
к счастливой планете,
но никак не обратно.
Путь долг, спешить мне некуда.

Метрадь вторая

Я так стремился, но корабль разбит.
Я руль сжимаю,
болтаюсь, дрожу, замерзаю.
Смотрю в иллюминатор
и счастья планету озарением вычисляю.

20.03.07.

* * *

Сознание и язык — взаимосвязанные.
Энергия сознания извергается пустословием.
Вырваться в мир!
Соединиться с сознаниями других.
Мозг бессмысленно переливается через край,
пустота жаждет вырваться
и заполнить такую же.
Энергия разрушения, энергия поражения —
неразумие ведет к погибели своим безумием.
Вначале я, потом ты, далее он
и цепь пустословия замкнута.
Играет гармонь, а может, аккордеон —
на сцене он, или не он —
не молод, не умен,
но создал цепь и сам не знает,
как выгнило его сознанье.
И так — каждый второй.
Язык действительно враг мой.
Но язык — и инструмент.
И здесь ни при чем мозг и разум.
Начиналось все, как обычно —
итог плачевен:
переиграл сам себя
и ничего из этого не вышло.
Как сбежать из этой карусели.
Угорел в себе и глаза потускнели.
Бог — и только Он — звезда, всегда,
к Нему идти, оставив себя вначале.
Прост и тих язык в затворе —
мудрость получишь в награду
не для гармошки и сцены,
самоутвержденья и пораженья,
болезненного самомнения.

Меморандум вторая

Прост и тих,
да еще и мудр —
цель будет достигнута многими.
Я в начале пути —
сегодня начал идти.

20.03.07.

* * *

Зло многомерное, зло бесконечное,
зло безумное, зло бездушное —
спрутяга, объявшний мир.

Часть спрута я и ты.

Я ухожу, отрываясь от ядовитых корней.

Ты остаешься — тебе это нравится,
ты его любишь, вы вместе сильней.

Я страх перед вами оставлю —
смрад преисподней и серы дух.

Я на светлом и чистом —
разбитый, еле живой, —
всех призываю бежать от спрута —
пусть сам извивается со своими подружками.

Их у него — не перечесть.

Он им нравится.

Их интересует
лишь полная вседозволенность.

Я убежал на воздух.

Зло победить старался, но это в сказках легко —
голову змею рубиши, за нею вторую, третью.

В реальности мерзость
подлее, хитрее, поизворотливей.

Нежится и улыбается
зверь в смоле и когтях.

Зло победит лишь Всевышний.

Сам я от зла озел.

Спелые вишни
и сад не снится.

Кошмары, ужасы ада —
я сломался и не устоял.

Снова к Богу,
чтобы удержанял.

25.03.07.

* * *

Жизни смысл и жизни цели —
все на свалку, все в трубу.
Едким дымом разнесется
труд мой — и я в дыму.
Труд, заботы, нервы, срывы,
радости и мрак.
Снится лес густой, красивый,
снится девушка-змея.
Просыпаюсь с дикой дрожью —
так устал и не заснуть.
Утром все начну сторицей —
есть ведь смысл, а цели нет.
Между ними, как граница,
вал дерьяма и крик чужой.
Как добраться, как добиться —
я один, но Бог со мной.
Слышу я Его заботу,
слышу мудрость с высоты,
но барахтаюсь в болоте —
сам стремлюсь туда идти.
Через вал — не удается.
Вроде силы есть,
есть надежда, но тревога
не дает присесть.
Поздний вечер и тревога —
самому мне не дойти,
Боже, за руку возьми,
поддержи и проведи.
Сам я слаб и ненадежен,
да тревога жжет в груди.
Тишина в ночи со снегом...
Завтра утром встану с Богом,
и попробую дойти.

25.03.07.

* * *

Жуткий вечер, жутчайшая ночь.
Утро невесело, дождь, как клочь.
Сжимает уныние.
Нервы выгорели, а хотелось не так.
Я любил дождь всегда —
летом, весною, осенью,
когда капель и мрак,
когда тихо ждешь,
когдатише идешь
под моросящим дождем.
Сегодня не так.
Дождь несет страх. Могло и не быть.
С детства мечтал о войне
и получил сполна.
Кровь кипит — это лично моя война.
И я, невидимый враг,
сжигаю пороки.
Становлюсь все сильней, крепче,
но иногда не выдерживает сердце.
Лежу в терзающем ожидании,
как в окопе на передовой.
Страх и одна мысль в сознании —
не победить, так выжить.
День лишь один.
Сам командир,
сам составишь план.
Стратегия есть,
но с тактикой часто бедлам.
Враг внутри и не отступает,
даже на время краткое.
Ты напряжен,
как на издыхании.
Улыбка на лице,
и враг на миг побежден.
Вечность ближе и выше.
Бога прошу и знаю, что слышит.

27.03.07.

* * *

Я лечу, я плыву в голубых небесах,
В лучах солнца купаюсь.
Я о счастье мечтаю.
Я на земли мечты, улетая, взираю.
Вокруг зелень густая.
Я на спину ложусь, смотрю в небо, летаю.
Птицы, небо и вечер — все тает...
Стать бы птицей на мгновенье, умчаться.
Мне хорошо в траве —
здесь бы мне и остаться.
Но время лета,
как время счастья —
у меня минут таких
очень мало:
то душа болит,
то просто мне чего-то не хватает.
Едкий дым машин,
толпы людей на улицах,
грехот.
Я привык к родному городу
и страдаю,
был он садом цветущим,
благоуханным,
теперь он город капитала и нахала,
бродячего пса и шакала.
Поэтому в мечты убегаю,
летаю...

27.03.07.

* * *

Берег моря.

Я, как околдованный,
стою средь кипарисов.

Бархатом сочным —
цветы под ногами.

Волны бирюзовые
катятся на скалы,
облизывая камни годами.

Пена, буруны и запах моря —
я околдован этим виденьем,
застыл и боюсь пошевелиться —
испугать или сглазить стихию:
вдруг я к ней, а она исчезнет.

Чаек стая с высоты падает в пучину,
и сердце мое замирает.

Я многое в жизни видел,
любил и ненавидел,
но море, горы так меня сразили,
и понял я, что это за сила.

Я еще чуть-чуть прижмусь
и постою у кипарисов,
а затем в воду зайду в блаженстве.

Море, море, ты моя стихия,
только здесь я понял — мы родные,
точно так во мне бушуют страсти,
точно так я тих и смирен,
или рвусь куда-то и дрожу от счастья,
то угрюм и сер, или сержусь.

Я и море —
песчинка и огромная стихия,
но я ему близок духом,
хоть и не так силен.

И вот волны столь нежное касание,
я в нем — и нежность получил с избытком.
Волна качает и качает,
и мысли мои стали так же тихи,
а грустные куда-то испарились.

28.03.07.

* * *

Поплыvем, моя душа, поплыvем
под белым парусом вдвоем.
Поплыvем, моя душа, —
жизнь чудесно хороша.
Плещется вода у борта нашей лодки.
Нам хорошо,
мы обрели свободу от мирского зла.
Мы вдвоем — под нами небо —
и вода кругом.
Море, дальше океан —
мы увидим много стран.
Нам не нужны дома, земля и деньги —
мы счастливы свободой,
хоть ждут нас ливни, ветры,
бури и шторма.
Я не один, и ты не одна —
вдвоем мы с тобою, душа.
Раньше жил, тебя не замечая,
раньше думал только о себе.
Всего на свете было мне все мало —
я покорял, стремился, добивался
и вдруг тебя почувствовал в себе.
Ты вовсе не такая, как я думал,
ты боль предчувствуешь — и в том моя вина.
Ты не свободна и забыта мною —
я виноват,
так виноват перед тобою.
Я слушал долго, что ты говорила —
мне было трудно рвать все прежние мерила,
мне в новой жизни —
новый строить дом,
там, где моря и небо,
и мы с тобой вдвоем:
не нужен архитектор и прораб,
кирпич или металл —
дом под дождем и снегом —
просто на траве.
И вкус свободы, оказалось,
сладок мне.

Анатолий Можаровский

И вот под парусом и ветром
над водой
несется лодка —
нам хорошо с тобой.

28.03.07.

* * *

Мчусь на лошади по дороге.
Дорога неизвестна, но впереди мечта.
С деревьев падают на плечи мне листья.
Осень ранняя и в небе — звезда.
Мчусь на лошади — ей бы отдохнуть,
но ждет любимая и долог путь.
Ждет любимая, сердце затая.
Я лечу к ней ночью, днем был занят я.
Днем — война, опасности, атаки и стрельба.
А я — с войны к любимой на час, а может, два.
Идут бои тяжелые — я в порохе, крови.
Из рукопашной схватки сегодня вышел я.
Осенний листопад — в небе горит звезда.
Мир сдвинулся, качнулся и сошел с ума.
Сколько жертв ненужных, сколько бед и слез.
Правителей бы наших — на передний вал
и пусть грызутся досыта, а я уже устал.
Я встречаю женщину который день подряд.
Я влюбился осенью — я, как листопад.
Увижу ль я победу — дом, и сад, и мир.
Пока — осенний лист
дорог мне и мил.
Я влюбился осенью.
Война с огнем.
Дожить бы до вечера,
и ночью вдвоем.

29.03.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Я лечу под звуки песен.
Я лечу, мне дом мой тесен.
Я лечу и звезд рукой касаюсь.
В сердце радость, словно каюсь.
Я грустил, были причины,
но отпали, грусть я кинул
с высоты метеоритом.
След оставит,
ночью будет видно
грусть мою.
Так серый цвет стал ярким.
И тусклый свет сознания смешался
с яркими фантазиями ночи.
Теперь пою, танцую и летаю.
всех, кому грустно —
в небо приглашаю.

29.03.07.

* * *

Жизнь никогда не кончается.
Жизнью всегда начинается.
Шел ты — и вот тупик,
боль, утрата и разочарование.
А ты осмотрись.
Жизнь всегда только начинается.
Попробуй уединись — мысли прочь.
Сознание станет ярче,
мысли вернутся, но тихие и спокойные.
Ты вспомнишь сосновый бор,
небо, озеро
и что там за голубой водой?
Роща цветущих акаций.
Ты не один — рядом кто-то грустный,
на него кричат, поучают
и так уже много лет.
Он тоже страдает.
Он тоже не свободный от мира человек.
Мы ищем улады плоти,
счастья для тела —
комфорт, стильная одежда.
И, вдруг, —
прозренье, знак,
как взрыв!
И мы бежим...
Ты примешь знак, но не до конца —
еще ропща, еще надеясь.
И, как всегда, сначала
Бог испытывает сердца.
Акаций цвет или черемуха?
Вишневый сад и я тихо сижу.
Куда, зачем? Я вроде понял смысл.
Но в глазах клети сталь,
в ней бушующий медведь.
Ни секунды покоя.

Раб, закрытый в утеху,
но я не зверь и видел мир другим,
и раньше или позже
придется выбирать
борьбу,
тяжелую борьбу.
И если ты не холоден
и не горяч,
тебе борьбу не стоит выбирать.
А я горяч,
и я пошел в разгон,
выбрав борьбу
меж телом и душой.

30.03.07.

* * *

Дрогнул мир и страна свалилась —
большая, могучая,
на полпланеты калейдоскоп осколков.
Мы все решили — это весна,
надежд, морали,
мы так устали.
Знамена, митинги, газеты
мешали с грязью.
О весне почти не говорили,
жизни исчадия повторяя.
Бизнес пищал, жужжал.
И каждый, кто хотел весны,
на шею посадил мента или бандита —
чиновников свиту.
Там убивают, там сажают,
там забирают, что успели.
Мрак небытия —
вот она, родина моя.
Мозги болванят свободой слова.
Трещат головы и сердце рвется —
весна отцвела.
А мы стоим у грязного колодца —
пить нельзя.
Рискнуть, попробовать
или новый копать?
Я так хотел весны своей стране —
я так люблю её, истерзанную, не извне.
Как ей помочь?
Как очистить ее от грязи?
Ложь законом жизни стала,
врут все, кому не лень.
Я тоже вру себе, и всем кому хочу,
и что это за жизнь? и как еще дышу?
Хочу весны, хочу дождя,
хочу грозы и молний день и ночь,
хочу омыть страну — стране помочь.

30.03.07.

* * *

Он сменил имидж,
автомобиль
«Рейндж-рover спорт»
купить себе смог,
а тебе — зависти полон рот.
Есть престижные районы,
есть трущобы для люмпенов,
есть дворцы, есть имения,
на лацкане звезда.
Если платишь, орден от президента.
Не платят екс-прокуроры,
генералы, политики и другие балалайки.
Украшают себя охотой, любовницами,
кровью животных.
Остальным — газеты, глянцы,
передачи шлюхер с румянцем.
Дурака сажают в кресло,
в душе его так нежно шарят руками.
Он то плачет, то рыдает —
говорит, как в кабинете доктору, по психотеке.
Зал в ладони бухает, а мы дома на диване —
паутина, пыль, пиво —
тоже ведь стали жить красиво.
Когда пара пива в час — жизнь «нищак».
Мир оболванен рогатым,
оболванен зубатым, оболванен проклятьем.
И дворец, и джентльмен,
и красотка в «Мерседесе»,
и электорат с диванов и кресел — все в плену.
Спят и видят новый день — счастья список.
Кто на имиджевом авто,
кто в шопе от кутюрье,
кто пакуется еще,
кто — за пивом спозаранку,
кто под бражкой, с грязной чашкой —
жизнь красива.

Жизнь прекрасна!
Побольше водки! Побольше пива!
Глаза искрятся,
мир ужрался.

30.03.07.

* * *

Рита! Я смотрю телевизор часами.
Рита! Я кручу и вращаю мозгами.
Рита! Я давно мог бы править миром,
не будь я смолоду таким кретином.
Рита! Ты виновата в том, что случилось.
Увидев тебя, влюбился в сладость.
Цель свою променял на усладу.
Рита! Я был гений, а что со мной стало —
лысый с брюшком — тапочки и шаровары,
протертый диван и ты весь день перед глазами.
Рита! Мир потерял в моем лице Наполеона.
Я мог взорвать все тоже — как эти вот в доме.
Рита! Я тебя оставляю! На память
тапочки и шаровары лежат на диване.
Сделаем вид, что я в космос взлетел без ракеты.
Ты остаешься одна. Покеда!
Жизнь и судьбу ты мою поломала,
я, идиот, ждал от тебя шоколада,
а получил горькие ласки.
Время ушло и вся жизнь — по льду голой жопой.
К черту салазки,
жизнь начата новая в понедельник —
лес, бездорожье и я, как отшельник.
Лучше жить один на один с природой,
чем себя так тревожить.
Рита! Живи, наслаждайся экраном —
вечером дяди, бутылка и звон стаканов.
Живи так и дальше, пока не облезешь,
а я пропретрезвевший.
И буду грезить.

01.04.07.

* * *

Мир повернулся спиной
и очень резко.
Я шел по дороге и видел
бездушную жизнь, как кокетку.
Мир стал холодным и безразличным —
взываю к судьбе,
прошу о жизни приличной.
Все очень быстро —
не успевает переварить сознанье.
Я шел и надеялся,
но обманули все ожидания.
В мире дорог и неизведанных стежек
я видел так мало —
теперь вот — протез без застежек.
Путь перекрыт и движение —
только глазами.
А там горизонт — кусок неба,
а я хочу дальше.
Сегодня тревога и мира спина на полмира,
движение глаз, и усталость, бессилье.
Глазами бегу, кувыркаюсь,
а ноги потеряли свободу движений.
Глазамизываю, прошу, умоляю —
к лету хочу,
к себе повернуть мир лицом.
Ведь это возможно. Я знаю.
Мир, я люблю больше и больше.
Славить Бога хочу!
Плыть с Еgo облаками.
Лето, слышишь меня —
ты уже не за горами.
По осколкам февральского наста
скользжу и на солнце взираю.

Анатолий Можаровский

Небо синее без облаков — умиляет,
ласковой синью в глазах
и лице полыхает.
Это мира лицо.
Спина у него — другая.

01.04.07.

* * *

Февральский яркий день и неба голубого глубина.
Искрится солнце в нежном льду —
и я иду.
И в памяти — картины детства —
такой же день, такой же лед, коньки.
Мальчишка убегает все быстрей — вперед.
Февраль кружит и скоро март — весна в пути.
И слышен ее дух, воздух пьянил,
а я на льду, как много лет назад.
Иду и сердце замирает — скоро март,
голубизной его насытиться нельзя.
Слава Творцу — жизнь бесконечна и мила —
и радость бытия, и грусть потерян.
Любой ценой хочу туда, где мне двенадцать лет.
Симфония начала — и душа
не ведает земного грустъ-конца.
И ощущений в ней — на миллионы лет.
И смерти нет.
О, как права ты, детская душа. В ней дух Творца.
Ведь с многолетней тяжестью
грехов и заблуждений —
и мысли суэтны, и нету звонких пений.
Растрачено все чистое и светлое в пути.
Скоро весна — может спасти.
В ней есть надежда воскресенья всех творений.
И возвращенье в радость бытия.
О Боже! Как прекрасна жизнь моя!

01.04.07.

* * *

Вчера увидел я картину —
лиц двадцать гневное письмо писали.
Не казаки, но гневно и сердито —
телеканалам, президенту и министру,
попсуха из Совдепии — ногами.
Их лица кто-то снял с телеэкрана,
холеные, подтяжки,
перекраски, имидж,
лимузины, острова, прислуга, деньги, дачи —
все может рухнуть в одночасье.
По телевизору нам крутят Галю,
Павлику Дурову — дуля к чаю.
Галя поет, танцует лихо,
слова, музончик.
Муж ейный, ее хозяин
для нас — «Кобзончик».
Я тоже в бизнес рванул внезапно,
киоск поставил.
Водичка, масло, галстук на шею, штаны с Китая.
Я бизнесмен, куда там Гале.
Но вот внезапно пошли проверки:
менты отрядом, чинуши, клерки.
С утра до ночи меня долбали, в поту и нервах,
чуть срок не дали.
Жену — в канаву и Галю — в койку,
а мужу Гали — в ладонь подковку.
На счастье дали — иди, хохол ты!
Поля, долины, сосновый бор,
лошадка, грабли тебе родному, а мне — киоск,
Галюшка в доме.
На сцену девку — в киноактрисы.
Поет и пляшет, все мне в карманы,
валютой разной, зеленой, грязной.
Вот это бизнес — и нехристь в силе.
Еще Сердючку — в телеэкраны.
Мы дураки, а им — Ла Скала.
В трусах девчонки, мальчишки в серьгах —
орут, бузятся и рвут нам нервы.

Попсуха старая из хлеба с маслом
на макароны торговой марки
и простоквашу с именем «Галя».
Котомки тихо берите, братцы,
по хатам, к семьям — от вас устали.
Понятно дело — привыкли к шику,
но время лечит судьбу-старчиху.
Играйте дома — соседям, близким,
а нам Сердючка и Галя вышли.
Их нам рогатых — хохлам — одели.
Вбивают баки и мы балдеем.

02.04.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Звериным стал мой лик и взгляд мой озверел.
Контроля нет над мыслями и разумом давно.
Я не безумен, но давно я отолпел,
ведь мы преобразились.
Мы к этому стремились.
Нам нравится пугать других,
самим от страха умирая.
Разум, волю
переменили на минусовый знак.
Не внезапно,
наши предки теряли данное им,
а нам передали — звериный лик.
Рык и гнев ведут к смоле и сере.
Там выше, как нам кажется, накал
и выше злобева потенциала.
Сера, дым, но вроде светло,
привыкли к ним — и уже легко.
Ведь это не страдания, не душевная боль,
лишь прожигание в тупике для слов.
Солнце в февральской дымке,
снегом покрыта земля.
Я не видел уж много лет поля.
В воронке зла я,
вгрызаюсь в плоть и душу свою.
Мамона, демоны —
я не живу...

02.04.07.

* * *

Кто не терял — не получал.
Кто не мечтал — не обретал.
Кто не терпел — не страдал.
Кто не ждал — не жил.
Кто не жил — по тому колокол призывом не звонил.
Жизнь — Божий дар.
Свобода — высший смысл.
Не горячись, а в казарме посиди,
на нарах за решеткой полежи, строем походи,
поживи всю жизнь
под общественным контролем.
Смирился — раб, а восстал — бунтарь!
А бунтарей — на эшафот.
Мне снятся сны: свобода,
нет стран и государств.
Нет строя, партий, руководяг.
Нет трескотни о заботах,
о демократии пустословия.
Нет тяжкой длани,
о которой так все мечтают,
в гробах перебирая кости
тех, кто был рукой силен
и погонял рабов.
А дальше новый сон: рассвет,
над горизонтом солнца,
восторг в тишине.
Душа плывет в этом огне
над лугами в белом тумане,
над морем синим
вместе с дельфином
вот, опять, в багрово-красном
тишайший шорох ветра
и я от всего свободен.
Звонит будильник — утро раннее.
Застыло сердце.
Вновь остановилось.
Звонок, я просыпаюсь и радуюсь будильнику, —
свободен.

Свободы лик:
не будь рабом идей — идолов от земли.
Закрой глаза и с Богом говори.
Свобода от Него.
Свобода для Него.
Свобода — Он.

02.04.07.

* * *

Город распахнула весна —
начало марта.
Зима лишь вчера ушла,
словно угасла,
осталась на просторах
ледяной вселенной.
Земля к весне
в молодом движении.
Снег почернел,
ручьи, потоки вод.
Ненастье и холодный дождь стеной
смыывает зиму. Грустно мне.
Еще вчера —
мороз и солнце, нежный снег,
крик птиц под небом голубым.
Сегодня — небо как свинец,
и шум воды.
Скорее б ночь —
исчезнуть в ней тревогу потеряв.
Пришла весна,
ее я ждал,
но я в печали —
похорон зимы...
Мы вновь, который раз, теряем что-то,
и грусть потери — плеткой по душе.
Но боль потерь проходит —
радость близко.
А в памяти зима оставит грусть.
Навеки, навсегда
ушла еще одна зима...

02.04.07.

* * *

Мир, как челюсти взбесившегося крокодила,
рвет всех встречных.

Остальные проходят мимо.

Некоторые, ухмыляясь, обвиняют жертвы —
надо хитрее быть, осторожнее,
или сидеть в пещере.

Страсти, гнев, зависть, раздражение.

Любовь присутствует,
но видоизмененная и в основном плотская —
совокупление —
так называют секс-движения.

Любить — в постели мять тело иль гладить.

Любить — целовать, дрожать, разрывать

и так далее.

Любить, улыбаясь ближнему?

Да, бывает, но редко.

Легче рвать тело и душу другому,
обвиняя его в грехах и бедах своих.

Злому легче прожить в современном мире,
злой и жестокий быстрее идет к своей цели,
круша и ломая все на пути.

Мир — во тьме, хоть солнце и светит.

Ложь и порок — нашего мира вехи.

Мир рвет, ломает, крушит, ухмыляясь.

Мы все поддались его власти,

от истинной Божьей Любви удаляясь.

Но озверение не может быть долгим,
без грома с небес, без огня и дыма,
пепел и слезы уготованы всем нам.

02.04.07.

* * *

Встану рано поутру, соберу нехитрые пожитки —
остальное — книги и картины — дома оставлю
и уйду чуть свет на запад, туда, где родина моя.
Там родился мой дед, прадед, а потом и я.
Там в земле лежат предки предков.
Помню детство, дом, оконницы из дуба,
сад и ясени — рядами.
Помню луг, реку, поля и лес,
я сегодня снова буду с вами.
Там богатство — прах.
Родине моей другое надо.
Там отсутствует нацбанк,
не слышен звон металла презренного.
Там простор, покой и радость.
Ведь у каждого есть своя родина,
а мне моя роднее.
Детство, юность в облаках пролетели —
жизнь казалась бесконечной, прекрасной.
Звали в путь города.
Мы ушли, но частью остались там.
Эта часть зовет и ждет меня —
радуется каждой встрече,
на заре с душой соединяясь,
и оставаясь чистой, словно часть небес.
Душа же вся поранилась, изорвалась
средь призраков успеха и побед —
кого и над кем? Мы успели, вы не успели —
кто секунды считает и где конец?
Все тленно — одна прахосуeta.
Копите, дерзайте, но без меня...

02.04.07.

Анатолий Можаровский

* * *

По роще березовой тихо иду я — сон ли это, или мечта?
Душою я здесь отдыхаю,
в шорохе листьев молитву шепчу, восторгаясь.
Осень все обжигает своим неуемным огнем —
на земле появился румянец.
Днем лучи солнца листву
превращают в багрянец,
ночью первый мороз
тонким инеем все покрывает.
Лист желтеет, березы белеют, осень, лес
и я, оглушенный природой, пьянею.
Это осень моя — и в нее я вошел,
нет — влетел, не заметив.
Шорох листвы золотой — иней не ночью, а днем —
на висках побелевших.
Осень моя, ты одна — ведь другой не бывает.
Золота блеск и небес голубизна —
а душа не готова к таким переменам.
Может сон, может просто мечты,
я себя успокою — ведь это все явь:
этот лес золотой,
солнце и небо над головою,
из глаз голубых тихо капают слезы.
Осень пришла — я так молод душою.
Осень пришла —
и я плачу к березе прижавшись щекою.
Лето, весна, все прошло —
только память да боль утихают.
Первая осень — второй не бывает.
Вечная осень, за нею зима — вот и все,
что осталось.

03.04.07.

* * *

Не думай с грустью о смерти
с рассвета и до заката.
Не думай с грустью о смерти,
как о потере, утратах.
Бог создал мудро мир.
Смерть — лишь яркая смена
состояний и впечатлений —
путешествие в мироздании.
Мир не может быть обездвиженным.
Вчера, сегодня или в настоящем
застывшая система рушится.
Система в движении,
изменяется и развивается.
Космическое путешествие —
слишком опасное и напряженное —
Душа увидев миры Творца,
становится лучше и не останавливается.
Мир — есть вечнодвижение,
и, слава Богу, что все изменяется.
Кровь, воздух, вода — в движении.
И жизнь продолжается.

03.04.07.

* * *

Морфий, кокаин, коньяк —
с утра, вечером или просто так.
Мир удивителен —
ты смел, как герой.
Яркие краски, фантазии,
девки, табачный рой.
Жизнь легка, безоблачна,
и ты христианин?
Тебя рвут, стегают, кусают —
грязных слов плеть по лицу.
Ты загнуждан, собой гоним,
воз тяжеленный прешь, нелюдим.
Жизнь опостылела, нет терпения —
мрак без просвета.
Но терпишь так много лет —
ждешь весну, а там и лета.
Все пролетает в рыжую осень.
Ты хочешь любить, ищешь ее,
а попадается постыдная девка.
Каждый день,
каждый шаг тебе опостыл —
все не так.
Ты не прячешься за плетень,
а разрываешь грудь.
И рану сердца — на показ,
рубцы и шрамы, неровный стук.
Но душа исполнена любви
и ты жалеешь вершителей мук.
Прости меня, Господи — я слаб.
А, может, я глуп?
А, может, и неспособен
пламя великой любви принять,
мы все одной крови.
Я мало получил на шею —
значит, еще хомутяру в克莱ят.
Роптать буду дерзко, сжав зубы,
но рано или поздно любить буду.

Не слюнявой любовью
в камышах или под рябиною,
когда, зверея, зовут себя
любимым, любимою,
а любовью
отмученного и истерзанного,
как у Бога — вечною.

03.04.07.

* * *

Мир давно сошел с ума.
Моя страна,
и ты туда же?
Белые хаты, мальвы, чернобрывцы,
поля во ржи,
воловешек голубых глаза —
изничтожены.
Луга, цветы, травы, леса,
деревья вековые смотрят в небо.
И люди тихие — с работы,
вечером селом едут телеги
и тянутся в ночное табуны коней.
Мальчишки родины моей!
Рос я, росла страна —
без веры, без Христа.
Ты шла и путь твой уводил, казалось, ввысь.
Мир дрогнул на миг —
и ты, родная, покатилась вниз.
Поля в сорняках, как лес,
а лес в отходах свалок.
В ночное не кони уже уходят,
а взлетают «бабочки».
Страна, ты хоронишь своих детей —
трибуны, партии,
воры и гензеки в бронзе отлиты.
Внизу баражтаешься —
забита, затравлена вся, пропита.
Моя страна — откуда столько?
Орда прет вверх — все туда,
и только
на холмы Печерские.
Ты слышишь, Боже, помоги!
Очисть Печерские холмы!
Очисть страну — даже огнем!
Я первый голову сложу
за милую мою страну.

Ты слышишь, Боже?
Больно мне —
страна в грязи, страна в дыму.
Дай нам священного огня!
Я жду...
Я так люблю мою страну.

04.04.07.

* * *

Я зубами бы грыз скалу.
Я ногтями бы ее рвал.
Я боролся бы изо всех сил,
Бога б молил, руки к небу подняв.
Я бы рвался из ущелья вверх —
из глубокого к небесам.
Я бы жизнь свою потерял,
но не ныл бы и не стонал.
Солнце, небо и облака,
крик орла в вышине —
вот ведь какая жизнь нужна,
а не та, что на дне.
Так всегда я с юности думал,
храбрым и сильным себя считал.
Было время, когда душа,
в вихре свободы кружась,
на огонь удовольствий летела
и думать о яме было нельзя.
Вершина скалы, ураганы счастья —
и вниз.
Раненный, избитый, измученный борьбой.
Знаний о жизни, казалось, — вагон,
а на поверку — прах.
Ныне я снова вверх — один,
а вокруг — зловещая тишина.
Ущелья мрак и мысль одна —
вершина скалы, борьба.
Слева — вихрь удовольствий
до самого дна.
Иду по лезвию — в крови ступни —
туда, где свобода, еще боюсь,
но яма разврата уже не моя.
Толкни меня, Боже,
правее с ножа —
туда, где свобода,
где Твоя борьба.

04.04.07.

* * *

В перепехах апрель
тихо вводит в буйство весны,
листву выталкивая из почек.
И первый гром, и ливень первый,
и град по телу.
В аллее каштанов — восторг стихий,
безумий радость.
Весною и смерть не страшна.
Воскресшей природе — мои слова,
Бог на небе, и Бог в душе, и радость в сердце.
Душе шестнадцать — и снова
молнии яркий свет.
Весна и буря. Утих апрель,
мне веселей.
А, может, и вправду шестнадцать,
иль поезд жизни так быстро мчался?
И я смотрел из окон редко,
сошел в апреле и не заметил.
Какая радость — под ливень прямо.
«Мне восемнадцать», — душа сказала.
Ведь не стареет душа, а тело —
его забота, его проблема.
Нам ближе сердце,
душа и песни птиц прилетевших —
их я заметил — ведь ждал всю зиму —
весна так долго не наступала.
И вот я снова в своем апреле.
Тихо, спокойно — буря умчалась.
И снова солнце — и май настанет.
В цветах и солнце
любовью ранней.

10.04.07.

* * *

Вишен белоцветье — весна в разгаре.
Небо в черных тучах
и солнце с жесткими лучами.
Град — и весна в печали,
не грустно —
вишни греют.
Сквозь снег и холод
я к саду вышел.
Жизнь — сквозь окна
и тесный скверик
в джунглях каменных.
И вот весна.
Вишневый сад — всего две вишни —
фруктовый остров среди асфальта —
чуть-чуть травы, цветы и лопухи.
Как город жмет природу жестко —
я часть природы, я венец,
я человек и в джунглях жарких —
такой же, как вишневый сад.
Прозрение сквозь снег и жесткие лучи.
какая разница, куда идти?

10.04.07.

* * *

Утерянный рай,
души покой и скорбь горой —
ледник скорбей и страх —
вчера, сегодня, завтра.
И скорбь и страх — осеннее ненастье.
Покой на грезы променял.
Искал, не спал —
дорогу правды потерял.
И зло пришло во всей красе.
То сон кошмарный,
то претензии — ну здравствуй!
Весь сжался — с кем ты дружишь?
И вот — обратный путь назад,
туда, где детства солнце светит.
Чего ты сник? Да — долг путь,
страх выедает силы,
а ты иди, смотри на мир красивый.
Но он не твой — твое вон дерево в аллее.
Твои цветы асфальт преодолели
и ярким солнцем расцвели.
Твои — все птицы,
твоя луна,
с тобою страх.
Молитвой победи — и не блуди.
Ведь столько, столько позади!

15.04.07.

* * *

Тихим, кротким, незлобивым
встречу новый день я завтра.
С солнцем ярким, ветром южным,
под дождем весенним, ранним.
Я омоюсь, успокоюсь,
изменив ход мыслей сразу.
Силы духа пламень взвею,
отрекаясь от заразы.
Поселю туда я мудрость,
ведь давно уж накипело,
наливалось, давно созрело
то зерно в душе печальной.
А с весной все подоспело —
ценности смешались в теле.
Тело просит наслаждений,
хочет ласки и комфорта.
Ну а мне, какое дело?
Скорби в теле нагорели.
Страсти все возьму в охапку
и с горы высокой брошу.
Слышишь грохот камнепада —
страсти змеями клокочут.
Я их — камнем, я их — камнем.
Блуд, стяжение, болтливость,
сребролюбие и страхи
все на свалку — камень сверху — и я чище.
Слышу звоны, слышу пение,
слышу музыку умиротворенья.

15.04.07.

* * *

Ветер кружит пыль дороги —
я иду усталый.
Нет воды в припасах,
хлеба нет,
а иду и напеваю.
Мой напев — лишь шепот тихий,
губ растресканных движенье,
а в глазах всепросветление.
Я иду дорогой горной,
ноги исколов шипами,
но напев свой тихий —
полушепотом продолжаю.
Путь свой знаю
по книге Мудрости.
Этот путь избрал я сам.
Так я думал,
но теперь Ему благодарен.
Ветер кружит пыль дороги,
солнце жжет, немеют ноги.
Путь далек или не долг.
Я иду к вам, звезды, —
и пыль мне не помеха.

29.04.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Я прах под ногами людскими.
Я горд и тщеславен заметно.
Я прах под ногами.
Я сам так хочу —
вы заметьте.
Никто не бросал меня в ноги.
Я выбрал эти жернова с любовью:
пусть земнолюбие и пустословие
сотрутся, как прах на дороге.

29.04.07.

* * *

Лес осенний манит —
запахом листвьев пряным.
Под осиной — гриб заблудший.
Я к нему полунагнулся,
но рука остановилась,
что-то в сердце сжалось.
И я к осине прижался —
к дереву с корой зеленою,
древу легенд
и недобрых предсказаний.
Но любовь к нему такая,
что во мне все замирает.
Небо в серой рвани —
изредка блеснет лучами.
До заката есть мгновенье —
и я — к ели с вдохновеньем —
созерцать ее наряды,
посидеть с красою рядом.
В роще тихо и так чисто,
журавлиный крик струится.
Клин исчез за облаками —
солнце вдруг багровым стало.
Вечер, мне домой пора.
Серый лес не отпускает.
Знать судьбе я так обязан,
чтоб у Бога попросить
больше праздничных мгновений
для природы и души.

30.04.07.

* * *

Всю жизнь наперекор судьбе
и шквал в «девятый вал».
Смогу ли устоять?
Всю жизнь наперекор судьбе —
и есть ли в этом смысл?
Я слышу голос в тишине —
остановись.
Судьба ведь знаки подает —
зовет.
Не всегда прямой и легкий путь.
Бывает и не отдохнуть.
Или выполнить начертанное —
в этом смысл?
Или в борьбе, в которой не победить?
У каждого своя судьба,
свой путь, свой смысл.
Летят десятилетия —
и мало кто прислушивается
к зову изнутри, к слезам бессмертия.
Все думают судьбу переиграть.
Потом приходится вернуться вспять,
иль отступать,
и раны заживлять.
Я парус опустил
и лодку потерял.
В морщинах весь,
а лодка то — все там.
Судьба зовет — и снова новый шанс.
Смирение, и снова по волнам.

30.04.07.

* * *

Я шел к тебе четыре года сквозь войну.

Я шел и ждал весну
победы над врагом,
весну любви.

Четыре года, всю войну,
зимой и осенью, весной и летом,
день за днем.

Я видел ужасы.

Я не герой — простой солдат.

Я часто плакал и стонал.

Болели раны, мучил страх.

Я побеждал себя, врагов давил
и шел, как мог.

Я устал и победил. Пришла весна
в цветах каштанов.

Цвели сады

и ты несла цветы.

Тюльпаны яркие в руках,
лицо в слезах и серебро в висках.

Четыре года шел я в этот парк —
войны солдат, вечный солдат.

Прости, что не дожил.

Я бронзовый, как символ
всех, кто полегли.

Прости меня, прости.

30.04.07.

* * *

Синие горы в белом.
Стога хлебов на полях.
Шум леса, горная река,
ромашки на лугах.
И мы в стогу —
глаза в глазах
и небо в облаках.
Бегут к горам,
а мы остановили время.
О, облака, вы так белы!
И на вершинах так изменчив цвет!
А мы, так опьяненные, лежим.
Любовь и лето — неба белый дым.
Время стоит и, кажется, не миг,
а вечность и бессмертие — для них,
для нас,
для лета и любви.
Умчались годы,
лето вновь пришло.
И облака, и небо — так легко.
Но горизонт белес.
Жизнь пролетела,
как мечта с небес,
той ночью, в том стогу,
где я по-прежнему люблю.

30.04.07.

* * *

С гор несется поток —
изгибами, каскадами.
В чистоводье солнце —
цветными переливами.
Камни столетьями ласкам ее поддаются,
сглаживая углы водой несущейся.
Стою и думаю о красоте и реальности.
Ау, люди — вы опоздаете
в борьбе за злато, власть и успех
жизнь свою губите,
в сумраке мрачном
будьте, как камни,
в потоке горном углы стирая
промыслом Божьим.
Остановитесь,
прислушайтесь к зову,
вы заплутали.
Поводыри ослепшие
ведут в болото,
в топи серные.
Люди! В реке,
словно древние предки,
души омойте потоком чистым.
Слышите, колокол —
это по вам его звон!
Поводырей своих,
серой пропитанных,
на дороге оставьте —
сытых, серых, упитанных.
Люди, вы —
дети Всевышнего.
Реки живые зовут вас —
слышите?

* * *

Ветер тучи гонит, полные дождя.
Тоскно и тревожно — я или не я?
Май в цветах каштанов,
свечи разожглись
к дню победному.
Сколько прошло
на полях сражений.
Стоит солдат седой
и память теребит —
грохот металла, взрывы, минный вой —
смерть за спиной.
Светлы,
юны легли они в полях.
Вся их война — моя война.
Вертятся в памяти
боев картины. Мать рыдает
с письмом в руках.
Три ее сына в земле —
и только сад,
груши цветущие, в память о них —
в вечность ушедших, юных таких.
Комок в горле — моя война —
сегодняшний мир и обезумевшая страна.
Люди ограблены, правды нет —
памятник воину, цветов букет.
Сердца очерствевшие,
как не похожи вы
на детей той войны.
Вы со своей страною воюете —
светлое, чистое вряд ли знакомо.
Спорите о языке — от скуки.
Родину сделали потаскуюй,
вечный Закон поправ.
Оккупантов хуже —
говорю вам я —
старый седой солдат.

02.05.07.

* * *

На крыльях май несется по земле.
Венец весны. Цветы и буйство зелени —
воскресшая природа — солнца свет,
небес голубизна и облака.
Стою я на своей земле и мне опять
так хочется на ней повоевать.
Очистить Родину от скверны, лжи —
очистить жалкую, где грабежи,
где земли реки и леса украдены, как и тогда —
врагом, в кровавых днях.
Земля — у ног врагов моей страны,
псевдоэлиты и шпаны —
людей без чести — совесть в кулаке.
Душа расстаяла, исчезла в бардачке.
И грабят, бьют, дают советы, как нам жить.
Детей учить их языку,
чтоб дети грабили нас всех.
Вы не заботитесь о нас, а яму роете себе.
Где ваша мудрость, «гер зольдат»?
Как хочется повоевать с мечом в руке.
Огнем души помочь стране.
Я выполню свой долг.
Моя страна, болею я тобой.
Мы правду воскresим,
как этот май.
Долг отдадим.
Мы все восстанем и придем —
солдаты той далекой мировой —
и Родину еще раз
мы спасем.

02.05.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Вечер, фонари на бульваре
и аллею каштанов качает
тихий дождик.
Майская ночь,
ночь полнолуния,
и воздух весенний свежит.
Ветер фонари на бульваре качает,
а я все не сплю и не собираюсь.
Ночь полнолуния — и мне уехать охота.
Мчусь в машине,
куда, сам не зная.
Просто еду и наслаждаюсь.
Ночь пролетит, сменится солнцем луна,
как было всегда и исполнится снова.
Жизнь, как шоссе, уносящее вдаль из дома.
Вчера — Новый год,
а сегодня — тревожит май.
Душу не греют неоны клубов и баров.
Влюбиться — не спать, все в минувшем,
где я не играю.
Дорога в ночи,
в свете фар — неизвестность
манит и беспокоит.
Жизнь, как шоссе —
чем дальше, тем больше вопросов,
ответить на них нелегко,
да и будет ли польза?
Мчусь, губы сжав,
и мысли гоню шальные.
Мне — пятьдесят,
не километров, не миль,
а половина жизни, —
в мечтах и минувшем,
красивом...

02.05.07.

* * *

Метеоритный дождь —
полосы света в небе.
Камни горят в атмосфере,
камни горят, превращаясь в пепел.
Мне бы метеоритом,
преодолев земное притяжение —
туда — во Вселенную,
откуда они прилетели.
Метеоритом промчаться
по другим системам,
увидеть мир и назад вернуться.
А есть ли смысл в этом?
Опередить время?
Просто мечта,
невнятный зов
мальчишки с седыми висками...
Я смотрю в небо
и не превозношу над другими.
Не обеспокоен и хлебом насущным —
как птицу меня кормит Сущий.
Я не лучшее Его создание,
но жизнь положу за Его мироздание.
Сожму волю в одну точку Духа,
словно воссоздавая Вселенную.
И себя распознаю — вычищу,
 выброшу тленное,
и все конченое и конечное
переделаю в любовь вечную.

02.05.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Чемодан, вокзал — к чертям.
Так распорядилась судьба.
Касса, билет, особый регион —
экспресс, вагон тринадцать.
Ногой под зад и на перрон —
ободранный экспресс и вот вагон.
Дверь с петель сорвана,
окна выбиты, купе тринадцать.
Соседи выпивши —
дети мне.
Лица страшные, глаза бездушные.
Поколение — мозги набекрень.
Соседка, — брови выщипаны, губ нет,
глаза огромные, кожа зеленая — ваш билет?
Проводник, контролер, милиционер —
вы с соседки берите пример.
Кругом зараза и только она в противогазе.
Мы уже в особом регионе — шахты, заводы, АЭС —
стопроцентный прогресс,
регион самый развитый,
кормит страну несчастную.
И впрямь дышать трудно — дым и газы.
А тут — нож к горлу, на ходу грабят.
Шапку сняли, часы забрали.
«Кто вы?» — спрашиваю.
«Мы — Хама бригада».
На этих рельсах — тридцать лет.
Милиционеру — сразу проценты; а мне — мой билет.
Скоро ваш полустанок, к выходу дорогой.
Там очередная бригада
«Рыжего шулера» —
за тобой.

02.05.07.

* * *

Приснился в понедельник жуткий сон —
или не сон?
Над страной мрак и дыма тьма,
а в небе новый стяг — триколор!
Но не такой, как у соседки за спиной,
а сине-красно-розовые полосы ввысь
И ширина полос — у кого какой процент
электорального чма.
И стяги, стяги по стране.
Фабрика «Госсзнака» работает день и ночь.
Печатает, штампует и за цент продает.
Флаг из окна, на заборе и в руке.
На тысячу лет, говорят на странном языке.
Рыбья речь — чувак, бабло, хаза,
шконка — и немое кино.
Джонсон держит девку в охапке.
Встал спозаранку, таблетку в рот —
холодный душ!
Вот так народ!
Из дома не выхожу —
боюсь, что не сон.
Лучше в четырех стенах
свободой подышу,
чем — «Левой, правой, стой, чувак!» —
за окном кричат.
А, может, сон?
Не пойму никак.

02.05.07.

* * *

Оду женщине —
но не той, с колыбелью,
ночью с плачущим дитем —
а тут муж с работы грязный —
и не любит ее, бедную, никто.
Оду спою красотке —
тонки бровки, тонки ножки,
глаз наметанный и томный, мол, устала —
жизнь не ваша.
И так далее милашка.
И идет к ней, как олень,
под прицел стрелка,
прямо в сердце, в печень цель,
задрав нос кверху,
победитель секс боев,
затаив улыбку страсти
меж вставных зубов,
память греет шелк постели,
кожи бархат, ласки губ
и на будущей неделе
он ей просто лучший друг.
А жена в халате дома —
кошки, дети, гастроном —
бегает по кругу адском,
ведь на ней — весь дом.
Но подружка в топлес виде
пахнет дорогим вином:
«Я весь мир к ногам ей брошу», —
думает стариик-козел.
И бросает потихоньку —
утончился кошелек.
А она уже филонит —
то не так, и то не впрок.
Обобрав козла седого
двинула на острова.
А его, еле живого,
в клинике отхаживает жена...

Кто искал судьбу-шалунью,
получил ее, колдунью.
Ручек шелк и бархат губ
до добра не доведут.
Без морали есть печали,
скорби без морали есть —
так вот всем козлам несчастным
бес на помошь подойдет...

06.05.07.

* * *

Моя країно, моя Україно...
Чорнобривці в садах,
любисток та мальви під вікнами,
від гір до гір твоя земля
нині вільна від ярма.
Оспівану поетами,
розписану палітрами —
століттями звеличують тебе.
Не раз розіп'ята,
не раз розтріпана
по чужих світах.
Та я тебе не покидав.
Білі хатки в садах весняних.
Ти, наче чиста дівчина із диво-казки.
Мене теж любила —
в лісах твоїх я набирався сил,
в полях твоїх я почувався сином.
Живу тобою.
Прийшла зоря.
Ти підвелася з попелу.
Ти встала й сонцю
руки простягла,
зоря твоя зійшла.
І надійде той день,
коли здригнеться світ
весь зачарований тобою,
і сам Ісус Христос
пройде по цій землі.
Твої сини
до слави вічної тебе знесуть,
й настануть дні,
коли ти станеш
храмом Живого Бога
на землі.

06.05.07.

* * *

Я по бульвару под каштанами бреду —
глаза потухшие, хотя встречаю я весну.
Каштаны свечи разожгли, ведь всюду май,
а я один, и сердце просит тепла чуть-чуть.
Душа истерзана, изранена душа,
и мысли нервные несут сумбур в речах.
Дорогу в небо я черчу, но не Марс или Луну,
а в царство Духа.
Мне бы покоя, хоть на миг, или на час.
Душа истерзана болит.
Весна на улице, весна и месяц май,
и этот день не лучший у судьбы, ты так и знай.
Судьба моя, ты клетку черную швырнула
мне не впервой.
Но ныне ведь весна —
зачем же мне страдать?
Я в небо синее уйду меж облаков,
туда где мир и не болит душа,
но не на Марс или Луну — там те же скорби,
и тот же мир, та же печаль.
Я по бульвару медленно иду —
свечи каштанов
и вся природа славят Бога.
А я грущу — значит грешу.
Сброшу печаль, очищу душу от страстей,
уйдут грехи — уйдет печаль,
мне, Боже, верь.
Мне трудно сразу мир свой изменить.
Но вот огонь в моей душе,
слышишь его, как он горит —
выплавлю золото души, шлак уйдет,
и будет свет в глазах.
Еще не раз придет мой май.

Анатолий Можаровский

Сегодня я был побежден
самим собой,
но дым развеялся и вот —
в душе огонь,
и блеск его
дрожит в моих глазах.

06.05.07.

* * *

Птицей — в небо! Птицей в синь!
Птицей ты несешься ввысь.
Эх, судьба моя, держись!
Ты несла,
как кони перепуганные, вдаль.
Ты несла по полю,
по колдобинам.
Я держался цепко, падал,
волочился за тобой.
Но другую я приметил
и ушел к другой.
Та другая не такая —
тихая, как плес.
Та другая — молодая.
Я рискнул и конь понес.
Обмануть тебя хотел я,
обмануть и побежать.
Но на то судьба дана нам —
что б не выбирать.
Ты несешься вдаль, как ветер,
пулями — года.
Но ты милая, родная, —
ты моя судьба.
И вот миг пришел наш звездный —
ты взлетела ввысь с равнин —
я остался и кричу все:
эх, судьба моя, держись!
Но одна лететь не сможешь,
ты же ведь моя судьба.
Я с себя свалил весь груз —
и к тебе, под облака.
Говорят, синица в руки
лучше, чем журавль в глубинах неба.
Никогда я так не думал.

Анатолий Можаровский

Жил я сердцем, не умом.
Куда ты, туда и я,
и доволен, счастлив я,
что такая
выпадает мне судьба...

08.05.07.

* * *

Зеленые листья деревьев весенних
ветер качает, как на качелях.
Солнце искрится, играет и греет —
после дождя все стало свежее.
Птицы на подоконник
в гости садятся и смотрят
глазами печальными,
словно все знают.
Мир из окна я давно созерцаю.
Небо бездонное в вечно движении —
цвет облаков то белый, то серый.
Красный, пурпурный — на душу ложится.
Мысли спокойные, редко взрывные —
уходят, приходят, откуда не знаю?
Куда — неизвестно.
Я в мыслях живу,
как в гостях.
Мир — за окном призывает и манит.
Мир за окном,
почему так случилось?
Взять бы, собраться
и добрым бродягой в дорогу.
Дом — не свобода,
окно мне не мило.
Добрый бродягой уйти.
Как красиво!
Жизнь доживать.
Запах листьев, травы придорожной,
шелест деревьев, лесов незнакомых.
Все это будет, если сердце желает.
Мысли придут и мысли растают.
Придет мое время.
Уйду по дороге,
где радость иная.

11.05.07.

* * *

В майском парке — дождь из поливалки
в свете солнечном, ярком.
Брызги искр его кружатся
и ложатся пеленою на газоны,
реют надо мной.
Прячусь от воды холодной
и в полдневном зное,
я бреду дорожкой
дальше в парк зеленый.
На краю газона —
две березы, словно чудо,
стрелами взметнулись в небо,
и какой покой.
Глаза вверх по стволам скользнули
и в верховьях кроны остановились.
Березы верхушками, как головами, прижались
и ветками-руками обнялись,
как символ неземной любви.
Моей душе бы петь да веселиться,
но слезы по щекам струятся.
Май цветет, играет, ну чего ты плачешь?
Иль душа такая?
Можно же иначе,
но глаза застыли на ветвях.
У одной березы — листья мягче мяты,
а другая — осень, горе, грусть
с тенью расставанья.
Майский дождь искрится,
слезы тихо льются.
Вот мои березы!
Вам уж не вернуться...

P.S. Березу засохшую срубили в июне 2007 года.
В июне 2008 года умерла вторая.

18.05.07.

* * *

Остановлю мысль
лишь на мгновение —
открывается Вселенная —
великий, бесконечный мир Творца.
Звезды, планеты в движении,
галактикам нет конца.

Остановлю я мысль
лишь на мгновение —
и в вечной, неизбывной тишине
услышу шепот,
музыку и звездопение.

В мерцании света
слаженный оркестр.

Остановлю я мысль,
лишь на мгновение —
затем продлю мгновение еще.
Стану аскетом, без движения
по миру роскоши и зла.

Мне мысли заслоняют небосклон.
Мне мысли не дают покоя днем,
зломысли беспокоят ночью.

Мысли зовут, желают об одном —
им роскошь, с утра удовольствий,
им нега, деньги,
женщины, вино.

Я мысль остановлю,
желания отброшу.

Желания исчезнут навсегда,
и вот — покой,
аскеза и звезда.

18.05.07.

* * *

Проснулся ранним утром мая —
лучи скользят, по комнате играя.
Я руки к солнцу возведя,
прославил Бога.
Средина мая — весна промчалась.
Как трепетно мгновенье
надежд на счастье —
верь, молись!
Таков закон — не торопись
за птицей радости.
Печаль смягчает сердце.
Она пролог любви,
которую мы ждем всю жизнь.
Любви не по расчету.
Любви, не жгущей слету,
одной, как вечность.
Цветущий май.
Цветы и ароматы,
полеты птиц вдыхай.
Печаль мила и тиха.
Моя печаль в горах —
несет меня —
дай Бог, всегда —
за голубые небеса.

20.05.07.

* * *

Я птицей юной взвиваюсь в небо,
страх преодолевая и слабость крыльев.
Из сил выбиваясь, падаю,
страх умножая —
«Держись!» — мне ветер говорит,
свои подставляя потоки — держись.
И снова ввысь
подталкивает стая.
И я, свой страх преодолев, вздымаясь выше.
Выбиваясь из сил,
кувыркаюсь вниз, раскинув крылья.
Страх разрывает сердце,
но ветер мягко опускает
в луговые травы.
Я прихожу в себя,
вглядываясь в небо.
Там такие же, как я, учатся летать.
И я использую страх, как успех,
Опираясь на него — и снова вверх:
страх превращается в энергию борьбы,
а слабость — в расслабление после полета.
Мне силы нужны
каждый день подниматься
все вверх и вверх.

22.05.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Ветка сирени в твоих руках —
солнце и небо в глазах.
Счастья весны лицо не скрывает.
Счастье весны ветер ласкает.
Хочу быть ветром вокруг тебя,
лес волос теребя.
Хочу быть ветром вокруг тебя,
гладя ресницы день изо дня.
Я — романтик, мир-циник —
несет насильно.
А мне бы — ветром в небе синем,
весной твоей — вокруг тебя.
Я романтик, но время вышло.
Улыбка лицо озаряет все реже.
Годы несут,
словно лошади дикие —
ни спрыгнуть, ни усмирить,
не удержать их на диком излете.
Ветер свистит у висков
и краснеет закат,
ветер пустынный кружит песок,
следы заметая.
И только памяти тончайший волосок
все еще теплится,
чуть согревая,
как солнышко красное,
уходящее за горизонт.
Кони все мчатся,
вихири за ними,
ветер свистит —
мне б не упасть!
Я ведь романтик,
а вовсе не циник...

22.05.07.

* * *

Ностальгия ломит,
мысли все наперекос.
То в лесу, то в снежном поле
тянет под откос.
То ли стог с любимой, милой,
то ли луг, то ли асфальт.
Чем-то вечно недоволен —
тянет все назад.
Забреду ли под калину,
или под рябиной лег —
что-то на душе немило
или просто занемог.
Десять лет асфальт не мытый —
тротуары все в смрадьбе.
Милый город, дикий город,
ностальгия по тебе.
Тянет вдаль — назад, в мир дивный —
эмигрант в своей стране —
будто занавесом тяжким
придавило нас вдвойне.
Где ты? Где я? Кто нас ищет?
И кому мы здесь нужны?
На майданах — все артисты,
в парках — нищета страны.
Кухонь полевых зловонный чад.
Дяди кормят люмпенистов —
грозный демонстрантотряд.
Стенка на стену — не тянет.
Нужен просто кнут и лом.
Санитарные машины — без крестов.
Смрад несется лет уж сто.
Ностальгия — крик души.
Чем мы кончим я и ты?

22.05.07.

* * *

Сильный ветер
превращает меня в парус.
Я иду ему навстречу, напрягаясь.
Вихри пыльные
с песчинками взвиваясь,
с тротуаров по спирали вверх,
кружатся и пугают.
В темном небе — яркий взрыв
рваной молнией
от края и до края,
рокот грома.
Вдруг чувствую себя
полным сил и бесстрашия,
волны дождя крупного —
ощущение такое,
что в пространстве я растаял.
Разрывы молний, грохот,
майский дождь.
Цветущие каштаны надо мною —
эта ночь дала мне силы,
веру в Бога,
и служить Ему готов я.
Майский дождь.
Стихия опьяняет.
Мир прекрасен —
жизнь всегда такая.

22.05.07.

* * *

Тихая летняя грусть,
свеча на столе тихо тает.
Отблеск пламени на лице,
такое уже бывало.
Бывало не раз и не только с тобой.
Пламя свечи дарило надежду.
Пламя свечи мерцало,
очищая заблудшую душу.
Ночь за окном и луна,
как в старинных рассказах.
Тихий шелест листвы,
и я новый сдаю экзамен.
Жизнь казалась другой —
впереди океаны.
Белые айсберги,
чистоты кристальной.
Океан с юга на север,
на полмира и очень яркий.
Но все, что было потом,
не со мной отслушалось.
Сверху кто-то ходил по мне,
топтался, плевал, рявкал:
«Я тебя утоплю в деръме. Ты — шавка!»
Отмываться бежал к реке,
плыл против течения,
нырял глубоко, освежал мозги
до нового жизнетечения.
Новое счастье — уже озерцо.
Виден берег другой — и ладно.
И снова кто-то плевал в лицо
и я снова в реку. Отрадно!
Надежда осталась —
убить не смогли.
Я не раз еще встану!
Новую песнь начну,
со свечой растану.

22.05.07.

* * *

Колючкой сознание мира опутано.
Свобода равная и всем одна,
но колючая проволока через сознание
невооруженным взглядом видна.
Концы проволоки — в руках верных.
Не только дергают, но и суют в темя
мысли нужные, мысли туманные —
страна свободная, а одно сознание.
Люди то разные — честные и вороватые,
но проволока колючая — будто и не виноватые.
Не виновен, кто честен, но гол и нищ.
Не виновен, кто украл море,
но перед прокурором чист.
В прокуроре проволока —
колючка в мозг.
Дергают, импульсы шлют
в темя и через нос.
Мир в сознании, как ему кажется —
гимны, знамена, гербы, товарищи,
кто это выдумал — очень умен.
Или умом коллективным
придуман облом?
Сами себе на заводиках,
мотаем в мотки и — в вагон.
Для себя колючую проволоку —
детям своим и в свой дом.
Кто это выдумал? Как он умен!
Поверх свободы
колючим дерьямом.
Сытые, пьяные, голые, драные —
в пастиах всех пирамид —
все вы, братцы, подключены,
все опутаны, аж звенит.

Кто газетой,
кто радио-теле-микрофоном —
опутаны, но зря не тужьтесь.
Пальцы в уши не нужно совать.
Тонка проволока — даже астральная.
Продолжайте свободой дышать.

23.05.07.

* * *

Счастья Эверест.
Счастья Эльбрус.
Каждый видит
со своего шестка.
Зачем мне Эверест?
Я в пивную пойду —
в пабе модном посижу,
гормонами женскими, пивными укачаюсь.
Глаза хмельные, речь ленивая
и я счастлив.
Другой — в клуб ночной,
к девочке-вешалке — ноги стрелой.
Обкурена, зубки с кариесом,
попка, трусики.
Мозг выбрасывает в кровь
какие-то мыслишки,
и он, как баран убойный —
шальной и чумной,
счастье свое под ногами нашел.
Третий с утра — на базар с мешком —
хлам из Турции или из Чайны.
Деньги рекой —
покупайте женщины и мужчины.
Пальто мафиозное, чашки модные —
к вечеру выдохся, но счастья — воз.
Вот денек — вот где привоз!
Четвертый — на выборы,
в списки партийные.
Деньги, мандаты —
теледебаты, спичи и райтеры,
адреналина — от пят и до темени.
А где ж держава?
На нее, от счастья,
просто нет времени —
пятый сад растит
для себя и семьи своей.
От рассвета до полуночи —
небо и крик журавлей.

Птенец из гнезда выпал
неоперившийся,
боль в душе дикая —
ведь погибнет он!
грею ладонями несчастного.
Бог мой,
этот мир и счастье в нем —
иней...

02.06.07.

* * *

Когда умру — заройте, как собаку,
а не умру — ведите, хоть на плаху.
Я молча смотрел,
я на кухне бухтел,
я лакейски голову гнул.
Я подыгрывал всем.
С моего согласия
пала моя страна —
на самое дно,
где девки продажные и мужики голубые,
нехристи чопорные,
пациенты нетрадиционной медицины.
С моего молчаливого согласия,
с моего ублюдочного «здравствуйте»
пала страна туда, где нет солнца.
Как поднять ее милую,
грязную, пьяную, но так любимую?
Как девку продажную
сделать жемчужиной чистою?
Огнем и мечом, горем, болезнями,
Богом Христом, Его явлением?
Пока есть время — молчать не буду.
Молитвой-мечем бороться буду.
Жизнь отдам я за счастье ваше —
грешный, измученный
и счастьем несчастный.

02.06.07.

* * *

Солнце светит — в речке лето.
И бежит до края света
мысль моя,
мечта о лете.
Лето в свете, лето в цвете
да июнь с грозой ночами.
Дождь рекою, буря, ветер —
это лето!
Круг за кругом, год за годом
воскресает все в природе.
Я мудрее или нет,
солнца свет.
Нежный шепот листьев пышных —
я под деревом тенистым.
Вечерком,
сюда я снова,
с милой женщиной-зазнобой.
Буду петь, шутить, смеяться —
лето! лето! как я счастлив.
Травы, свет,
душе не ймется
в парках города зеленых.
Я влюблен опять и снова,
теплым летом, ярким цветом.
Все поэты —
пока лето и рассветы
над землей.

02.06.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Гуляют нервы и рвут все тело —
и мысль, как белка в колесе,
кружит по мозгу оголтело —
и боль и страх, как на войне.

Гуляют нервы
сожженные не за правое дело.

Я, просто, бесовской дорогой шел,
словно солдат в строю — налево —
команду слышу и бегу.

А нервы жги,
как палый лист.

Жги, как траву
на скошенном газоне.

И нет копытам дела до меня.

Скоты в хлеву Совдепии,
животные, ублюдки кабинетов.

Здесь мало кто остался человеком.
Зато хлевов!

Сидят крысяры кабинетов.

Сегодня нет,
просвета нету...

Я человек и Богу верен!

Услышьте Его,
кабинетов звери.

16.06.07.

* * *

Бегу, лечу в страну другую,
где счастья море.
Смеяться буду
и радоваться утром,
вскочив с постели,
от света пьяный.
И вечером, всесчастьем,
уйдут ненастья.
Уйдут дожди холодные,
хоть на дороге лист осенний,
каштанов кроны, как из духовки.
Желтеет лист,
лечу к нему.
К цветам на поле пожелтевшем,
где рожь спела — мое сердце.
Где море волны укачали,
в далеком детстве — колыбель
и мама радуется,
хоть я не сплю, кричу и плачу.
Но мама рада — как иначе?
Сын родился!
У нее счастье птицы.
Другой здесь мир —
мечты, желанья.
Другой здесь мир —
здесь радость с нами.
Бегу, лечу
в траве под солнцем —
всем нужно счастье,
к нему и рвемся.

16.08.07.

* * *

Дочери Ирине

Впереди — стена в нелегкий час,
и сзади — тоже.
А мысль сжигает мозг и гложет.
Туда вперед — и не иначе.
Стена стоит и я не плачу,
сжав зубы нервно и руки тоже.
Пройти мне надо шагов хоть сто бы.
Стена судьбы, горечь потери.
Стою, зверею — ну что мне делать?
Туда, назад я тоже шел бы
в полянах счастья искать колодец
воды кристальной, живой и чистой.
Лечил бы сердце и небо слышал.
А память все хранит те островки удачи,
где много смеха и радость счастья.
Сквозь вал ненастия туда хотел бы.
Но только память — ее удел то —
хранит и держит, дает надежду.
А так — вперед мне — сквозь эту стену.
Глаза закрою и стану птицей.
Взмах крыльев мощный — стена разбита
духосилой, мне данной свыше.
Простор, свобода и воздух — чище.
Сзади отстойник, как шлюз судьбы.
Стена разбита, а я лечу.
И радость счастья. И горя нет.
Полет счастливца — размах побед.

05.09.07.

* * *

Свалка железа, асфальта вонь,
город мертвееет или что-то со мной?
Зелень деревьев, травы ковры —
все исчезает — боль головы.
Город цветущий и склонов рай.
Улетел, отымел — ты попробуй узнай.
Город мой и не мой — руки все приложили —
и приезжие и старожилы.
Шум моторов и дым,
лязг и грохот машин.
Днем и ночью он беспокоен —
и для меня стал чужим.
И я, словно дым, уйду
и рассеюсь в небе.
Город мой — был он и не был —
без войны и без катастроф
город выродился, озверел, возрос.
Фантастические щупальца
опутывают всех.
Город мой!
Слыши повсюду
дикий смех мракочудищ,
денег звон.
И нефть, и газ —
повсюду тусклый свет,
но час придет
и все сметет в кювет.

06.09.07.

* * *

Белым облаком по небу — ветер свежий.
Солнце светит.
По лицу улыбка.
Тихо, тихо — сердце слышу.
Тихим пением полета наслаждаюсь —
самолетом.
Сам работаю мотором и пилотом.
Руки-крылья — серебром холодным в небо.
На земле чего мне делать?
Я лечу и звезды рядом.
Ночью звезды — звездопадом.
И Луна — любимая планета —
сколько мною ты воспета?
Звезды в небе, звезды в небе —
я качаюсь, мир мой —
дивный, мир планетный.
Сколько мне лететь осталось —
позади мгновенья тают.
Сердцеболь за вас осталась —
всех несчастных, недалеких.
Пиво, водка самотеком,
дым табачный на рассвете —
вместо поцелуев лета.
Я плыву над облаками.
В облаках плыву не сам я.
Много братьев с облаками.
Жизнь их странная — не с вами.
Мысли их и песнь не с вами —
в облаках и с облаками.

06.09.07.

* * *

Идет великая война,
над миром Бог, а в мире — Сатана.
Живем, как хочется тебе, ему и мне.
Бог — трудный путь — не отдохнуть.
Потери, скорби, сердцеболь.
Бог есть любовь, а в мире чернокровь.
И нам жестокость, как на раз —
удар, удар и я погас.
Он тоже, но не верит Богу
и водкой заливает раны.
Ему бы на дорогу к Богу,
но он — под бесом.
И мерзостей судьба не пожалела.
А есть ведь шанс, но нет охоты —
ведь с водкой, пивом да экраном
жить беззаботней.
Мир помертвел давным-давно,
но сладость, как в кино.
Не трогай душу — ты, дерньмо.
Мне так кайфово!
Ушла любовь.
Сошла на нет душа.
Потерь не сосчитать,
ужасов мира не объять.
Беги, лети, настал твой час.
Бог ждет давно.
Иди, не жди. Ты слышишь звон?
Не жди конца. Живи, душа!

13.09.07.

* * *

Мой Господь! —
моя сила,
мое вчера, сегодня и завтра.
В нем бесконечность жизни.
Все звезды, планеты, миры.
Он Светило их.
Суетность дней, гнев и беспокойство.
Страх перед завтрашним и неустройство —
все внимание на мишуре —
«Свобода слова», «Дебаты».
День и ночь у телеэфира.
Запах осени, шорох листьев
и те проходят мимо
и как-то неловко менять что-то.
Все начну завтра — Бог ждет меня,
а я, как глупая шавка,
грызу себя, далеких, близких.
Сегодня яркий день осенний —
я счастлив, я весенен.
Счастлив тем, что Бог меня слышит.
Счастлив тем, что из порочного круга
я почти вышел.
Плыют облака
белые и густые,
в песке воробы купаются.
И голуби во дворе
меня, словно забыли.
Завтра, все завтра.
Я приду с хлебом.
Видит Бог,
я меняю жизнь ежедневно.
Мысли тянут меня назад,
чтобы все сначала.
Не нужно мне никого —
только б дышать осенью,
слышать листьев шорох,
еще раз ключ журавлинный увидеть.

Вот опять слезы —
счастья
от пробуждения веры.
У меня есть Бог.
Он мне поверит.
Мысли спокойные —
вечер без телевизора.
Смотрю на небо
и не мечтаю.

13.09.07.

* * *

Рву нервы с раннего утра,
не отдохнюю.
Рву душу —
в порочном круге
болтаюсь точкой.
Рву сердце и нет мне покоя.
Мир узкий, плоский
и, словно проклятый, в доме я.
Слезы близких утром
кислотой прожигают.
Я любил этот мир,
а теперь проклинаю.
Жить хотел долго и в счастье,
но каждый день горе,
каждый час — терзанье.
Душу вылечил
и был словно лев
и вот — снова срыв.
Больно от бессилия и тупика жизни,
но нужно устоять и выжить.
Грех победить.
Мне бы меч и свободу,
я бывойной прошел
по миру злобы —
рубил, калечил, очистил поле.
От Сатаны детей нет покоя.
Как много их в мире диком.
Я один на один с ними.
Как я выжил? Боже, дай сил и разума.
Я — Твой навеки. Не отдай врагам меня.
Солнце светит.
Я тоже светлею — мой крест небольшой —
дойду, как сумею.

Меморандум вторая

Иду, стремясь победить себя,
отмыть болото.
Я знаю, что дойду,
все успею.
Для этого и жгу себя,
ничего не жалея.

29.09.07.

* * *

Тихий вопрос, дерзкий ответ —
и тебя уже нет.
Ты смятый, угасший впечатан в стену.
И снова крик гнева, и я отплываю
во мраке ада — один.
Мне нужно не туда,
там не моя звезда.
И снова окрик, свист кнута
и я вновь мраком объят.
Где сила воли?
Жизнь на волоске
и снова крики.
Я привык, мне нравится тот кнут и этот крик.
Я загибаюсь, не живу,
но кнут, как хлеб.
Хоть я в хлеву, как скот убойный —
но здесь мой дом.
Глаза к земле — а там дерымо
и запах, родной и близкий.
И окрик гневный — я привыкший.
А где-то небо, ветер с юга,
зелень травы,
цветы над лугом.
Но это не мое, я мрачен.
Мне — хлев и кнут.
А что свобода?
Что с нею делать?
Других забота,
а я с кнутом иду по кругу.
Со мною много,
и каждый к вере склонен.
Хоть все в навозе —
и те — в хлеву, и те, кто гонит.

29.09.07.

* * *

В мире, где правит зло,
правды нет.
Но вдруг — взрыв надежд,
песни, свет.
И всем тепло.
Кто грезил о свободе, правде —
слезы счастья льет,
а все одной ногой
как будто там.
Иллюзия обмана, крушение надежд.
Мы снова видим хана —
на нем царский венец.
Снова темно и холод —
и так всю жизнь.
И так на много лет вперед.
Мне бы птицей и — на крыло.
Крылатых взмахов череда
и вижу — там горит звезда,
и путь мой к ней сквозь годы —
в полете я свободен
хоть на какой-то час.
Лететь бы так мне долго.
Лететь бы — на износ.

04.11.07.

* * *

Давайте вместе ходить рядами —
сегодня праздник,
и ты не с нами — Октябрь великий —
страну на дыбу, народ стреножил.
И было видно нас всех
несчастных на всю планету.
Строим Магнитку, не дискотеку.
Водка рекою — воды заместо.
И пили крепко рабочий, гений.
Гулаг за сеткой, а в нем наука —
конструктор видный, вохра, мишпуха.
Хлеба мало и земли тоже.
Страною правил и всех стреножил
народ родимый и дядя Ленин,
лежащий в морге — бишь в мавзолее.
Стучали резво друг на друга —
жена на мужа и сын по кругу.
На этом всем держалось знамя,
и герб с серпами, и баба с дядей.
Армия Красная на границах стояла,
КГБ крепко за жопу держало.
Каждый, кто прыгал с котла на полянку
тут же имел зону-подлянку.
Я не страдал, а лишь всем гордился,
строем ходил, петь научился.
Жалеть не жалею — мозгов не хватило
на лодке и веслах уйти из могилы.
Кончилось время, грохнулись резко —
искры летели по всей планете.
Громко кричали — и новое знамя,
снова начало и путь, как гирлянда.
И новый порядок — свобода, не братство
и капиталом займитесь вы, братцы.
Не выдержав натиск зеленых бумажек,
ушли, как в артисты.
А нам все собачки — тяв-тяв,
и народ смотрит нежно
на дядю Икону и тетю Надежду.

И снова все в жопе и те, и не эти.
Давайте рядами, и снова все вместе, —
Октябрь! —
начало пути недалече —
на кладбище, рядом,
там всех и поместят.

07.11.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Господи!
Приди,
приди
ко мне.
Белым пламенем
моя любовь к Тебе.
Господи! Приди!
Мой дух поник,
и я, как неживой,
морозом обожженный куст цветов.
Как я страдаю без Тебя, Бог мой.
Так больно и так страшно мне!
Мой дух поник.
Господи! Приди и сохрани.
Грешен я
и получил сполна.
Господи! Приди и сохрани.
Я осознал свои грехи
Помилуй, Боже. Дух мой укрепи.
Миров Владыка!
Дай мне силы —
утром, ночью, днем.
Дай силы мне,
и я буду с Тобой.

10.11.07.

* * *

Я жил в болоте,
с кочки на кочку прыгая.
С островка сухого
на другой островок перебирался.
Встречал человека,
знакомился с ним, сближался.
Вскоре находил в нем
множество изъянов.
И на очередной кочке — сам оставался.
Тот был чересчур толстым,
а тот злым и худым.
Тот имел бульдожье лицо,
а этот малообразован, тупой.
Так и жизнь проходила впропрыжку,
а я, как кулик в болоте, закрылся.
Видел себя всегда в белом свете,
в дорогих одеждах, вымытым,
и подающим большие надежды.
Наступило время жатвы — брожу по суше
и колоски подбираю.
Какие-то растения дикие —
о них ничего не знаю.
Смотрю, у других стога зерна чистого.
Что же за урожай у меня чахлый?
Я жил так напрасно — мелко думал,
а любил еще мельче.
Но был уверен в себе.
Итог — и стыдно мне.
Смотрю на чужие стога,
и тупость свою прозреваю.

13.11.07.

* * *

Взрыв бомбы и падает дом —
покореженные железнобалки,
и груды кирпича —
пыль столбом в небище.
Солнце поблекло.
Сознание из мозга вытащили:
по балкам железным, ржавым пройдись им.
В кирпич окуни его нежно,
в пыльном облаке спой ему песню.
Затем опять в мозг всади —
голова, как обручем стянута.
Ход мыслей, иди ко мне.
К кому, не знаю, ты обращаешься.
Мозг, опухший от пыли грязной.
Пыль кирпичная просветляющей не бывает.
Снова хочу выбросить это сознание,
но другого у меня не бывает.
Желания тухнут и смысл бытия
облаком пыли на грязный асфальт ложится.
Выброшу мысли все
и буду, как пыль, кружиться.
Падать на листья деревьев,
дождем с них смыться
и двигаться с потоком.
А пока нового взрыва нет
промою мозг в телевизоре,
чтобы стать еще поущербнее.

13.11.07.

* * *

Железные шкафы
улицы города заполнили.
Трубы дымят в пространство.
Улицы березовые,
улицы каштановые —
стали улицы бензиновыми
и дурмановыми.
Корабли в море — штурм, стихия
удар о камни и море синее —
в мазуте и нефти на километры.
Люди моря — моряки смелые —
трупы синие, трупы белые.
Птиц тысячи мертвых.
Перья грязные.
Птицы живые,
в нефтяных пятнах.
Взлететь пытаются,
не получается.
Падают в нефть,
Богом созданы,
для славы Божией.
В падаль мертвую превращаются.
Люди глухие,
бесчувственные, агрессивные.
Люди глупые — мир в руки
вам Бог дал!
Вы убиваете его и нефть славите.
И остановить вас нельзя. Поздно.
Время склонило нефтью в прошлое.
Будущее жутко — за птиц Божьих
в дыму и мазуте, счет окончите.

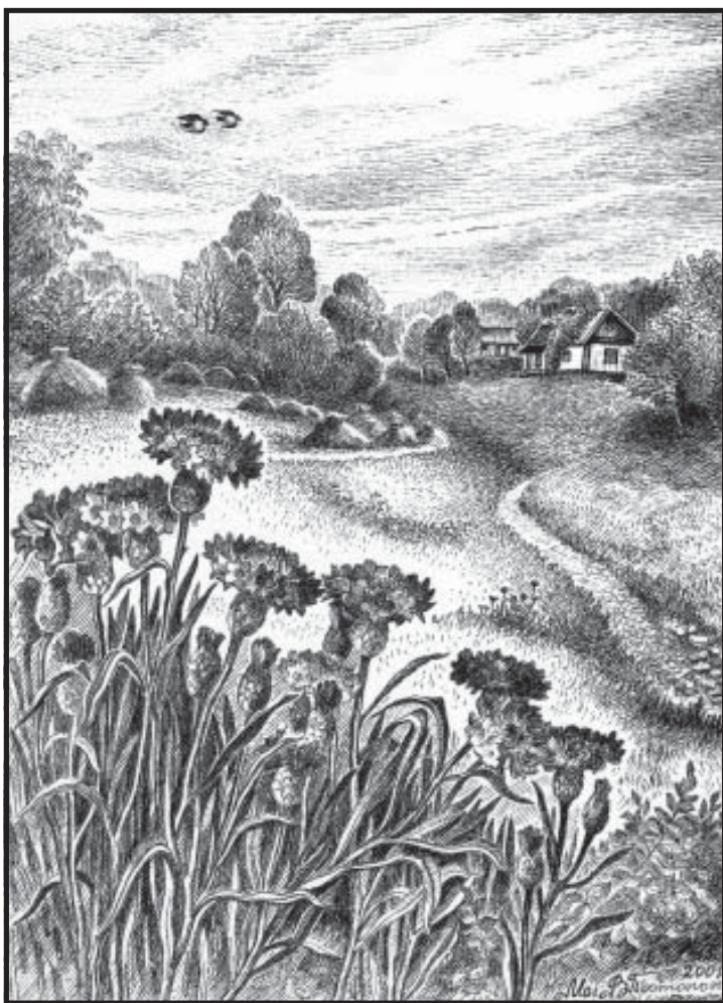
13.11.07.

* * *

Все, существующее в сознании,
все, что может вообразить человек —
все это существует во Вселенной.
Мои фантазии с годами меняются,
как девушки под фонарями,
становятся красавицами с кожей матовой.
Глаза чуть с поволокой,
и только моя память
хранит объем живых грез.
Был бы я, как Бог,
я бы мог
очистить память.
С чистого места начать и плакать.
Господи, прости.
Я не ребенок, мне много лет
и заканчивается мой проездной билет.
Скорость при посадке лайнера — огромная.
Время скорости тождественно.
Очистить память от сора жизни.
Мой путь не вышел.
Я жгу себя огнем геенны
и зубы зверя — в свое же тело.
И только чистых мыслей рой
слов молчащей горой.
Идти по жизни — туда все вверх.
Мой путь не вышел,
но время есть.

14.11.07.

Метрадъ третья

Анатолий Можаровский

* * *

Елей лапы белым снегом
чуть прикрыты,
припорошены.
А под ними рыжим цветом,
жухлотравье и осот.
Ветер северный протяжный
воет, воет, как поет,
словно празднуя
зимы начало.
Мир застыл. Тревога в небе.
Солнца нет и нет луны.
Запахнулось небо серым
и душе не до весны.
Выжить, пережить, дождаться —
но зачем спешить, пугаться?
Ведь зима собой прекрасна,
елям не болит душа.
Соберу в кулак всю волю,
уходя по бездорожью.
Слияться с белым,
слиться с полем,
дерево обняв.
И оставаться так — навечно,
словно грифка трав.

Январь 2007.

Метрадъ третья

* * *

Я от жизни ждал многого.
Сегодня — больницы, обследования,
кровь, страх —
и я молюсь Богу.
Судьба ломала и строила.
Я боролся, баражтался, боялся, вставал.
Весна, лето, осень,
шестерни в слаженном механизме.
Остановить нельзя — сила Божия!
Остановить можно только себя.
Ежемгновенно — борьба.
Я выстою.
Крики, шум и маразм общественный.
Оскорблений, унижение,
все терплю.
И молюсь!
Падает снег
и каждая снежинка — моя родимая.
Я уже не жду весны,
а живу мгновением —
на ожидание
нет уже времени.

Январь 2007.

Анатолий Можаровский

* * *

Метель, снега, январь и я.
Душа в снегу летящем.
Все наносное, неродное,
всю горечь, боль
я сброшу в снег
и тем найду покой.
Снег пушистый меня покрывает,
я иду и ему подпеваю.
В январе,
среди снежной ночной карусели,
я чувствую пульс Вселенной.
Я чист, как младенец,
душою и телом.
Зло, страдания снег заметает,
к весне они в этих сугробах оттают,
станут радостью и любовью,
и меня успокоят.
Мир в движении,
скоро весна улыбнется прохожим.
Я один.
Очень мало людей в снежном вихре.
Иду в январе —
вновь счастливый.

29,01,07

Метрадъ третья

* * *

Вздыбленные лошади! Опасность!
На душе тревога.
Молнией несется мысль —
неужели это последняя моя дорога?
На развилке долго я стоял.
Мозг работал на предельном напряжении —
выбирал.
Оказалось, ложная дорога.
Враг уже свой меч достал.
Искры сыпятся из глаз,
а в горле клич.
Он давно меня подстерегал.
Я всю силу соберу,
меч неиспытанный в боях,
но все равно приходится решать:
вперед, к победе, или драпать, что есть мочи?
Грохот металла, крик и море пота.
Я уже ранен — крик и боль.
Мне от усталости просто упасть охота.
Но враг силен — он закален коварств боями.
Я просто тихий человек, но драться буду,
как цунами.
И вот — удар — я победил! Что дальше?
Вино, красавицы и наслажденья?
Но рано или поздно,
меня подстерегут.
Останется ли сила для сраженья?
Я выберу борьбу
и новую дорогу —
я никогда еще
не падал духом.

29,01,07

* * *

— Вас вызывали к прокурору?

— Я не знаю.

— Меня много раз.

— С чем и поздравляю.

Нет, я не был запятнан,
просто живу в Совдепии.

Старался выделиться,

а сие опасно.

— Вы любили?

— Я не знаю.

— Я любил так, что душа моя была там,
где ощущения сродни раю.

Я любил до безумия, за что Богу я благодарен.

Но поезд увез мою суженную за железный занавес,
а я Совдепией жить здесь был оставлен.

Я рвал свое сердце на мелкие части.

Бог оставил живым, но израненным.

— Вы пробовали быть честным, прямым и смелым?

— Я не знаю.

— Я пробовал — срывался, болел, лгал
и от страха терял сознание.

Лагерь без колючки и вышек — наша Совдепия.

Но «колючка» — каждый второй чиновник,
который ею быть назначен.

Вышки — соседи и близкие по работе.

Шаг влево, шаг вправо

и ты — под пулеметом.

Нервы рвутся на этой дороге.

Ты тянешься вверх,

а Совдепия железными оковами

рвет ноги.

Ты проходишь участок пути, побеждая,

но ран не счесть на груди,

ты страдаешь.

Новый участок,

пулеметов треск.

Совдепия строго следит за переходом.

Когда и где ей конец,
чтобы путь вверх не охраняли?
Пройдет лет за сто —
свобода не на словах настанет.
А наша пройдет под кровавым флагом.
Не нравится — за кордон!
Ишачить, шакалить.
Здесь вирус тысяча девятьсот семнадцатого.
Сколько миллионов легло
в его казематах, палатах?
Этот вирус во мне и в тебе —
жжет душу и разум мутит.
Но нам — легче,
мы окрепли в схватке,
и победим остатки.

14,01,07.

* * *

Боже! Когда взлечу над летом,
дай кружить и кружить кометой.
Пусть рвется сердце,
в камень сжимаясь,
я буду лететь и лететь, Тебя славя.
Я стану другим — чище, тверже кремня.
В маете мирской часто каюсь,
но на завтра
к старому возвращаюсь.
Жизнь мотаю,
не думая о прошлом,
жизнь прожигаю,
словно нарочно.
Время летит,
как метеор в синем небе,
а я его трачу,
как мелкие деньги.
Грешен, устал,
и время на ничто убиваю.
Боже! Когда придет мой час?
И я над землею растаю?
Наверное, летом.
Когда столько солнца,
и сверху планета,
как любимой оконце.

14.01.07.

Метрадъ третья

* * *

Морда тоталитарная из памяти вылезла,
но страха не вызвала.

Плакат «За Родину-мать».

Как повезло,

что меня принесло,

когда ГУЛАГ проволоку снимал,

лысый завесу открывал,

гремел двадцатый съезд.

Понты! Кто съест?

А дальше жарили усатого грузина.

Кавказкий урка правил половиной мира

и все визжали, радовались дню,

чтобы ночью — в ГУЛАГа матню.

Меня Провиденье держало в мире поднебесном.

Когда опустился,

не так стало тесно.

Серый цвет менялся на глазах.

Я где-то что-то вякал невпопад.

Листовок не писал

и многотысячных колонн не собирал.

Я не боялся, не дрожал,

но пролетел, храня свой зад.

ГУЛАГ уж был не тот — почти плакат.

Прошли десятилетия,

но как, свободны мы?

Сегодня день весны

и морда Сатаны.

Она не та — сменился строй,

во власть пришли

турьбой все те же урки и скоты

и новый генеральный план.

Не план развития, а жопа Сатаны.

Дележ, грабеж средь бела дня.

Но шапки, бусы — то херня.

Тащат озера, земли, лес.

Тупому дядьке из народа —

флажок, плакат, наклейка в морду.

Картинка с буквarya — для дурака,

а умным — вся река.

Взяли бы солнце.
А как иначе?
Ведь дед лежит в ГУЛАГ-траншее,
отец мозги водярой вклеил,
а сын свободен, и на шею.
Орел в небесной вышине,
а сын в деревне,
с флагжком в руке,
и банка пива в кулаке.
Народу власть!
И так все всласть.
Он о сексе знает все —
учат в школе.
В стране, где творили гении —
ничего, кроме секса и развлечений,
кроме сдуревших дур, дядей
с флагжками и пивом,
выстроившихся за отрадой.
Морда вылезла в памяти —
морда тоталитарная.
Время другое — мораль тюремная.
Что тебе делать на нашей земле?
Лезь, сука, обратно. Нам хорошо без тебя.
Мы и так в дерьме. Свободы запах в воздухе слышно.
Дурак, то бордель —
снимай штаны, чтобы скорее вышло.
Я на конвейере — мне всего двадцать.
Я свободна и жизнь прекрасна.

14,01,07.

* * *

Птицей в небо, птицей в даль
улетай, моя душа.
Не унывай, тело стало для тебя тюрьмой,
каторгой сибирской: бом-бом-бом —
звук кандалов на твоих ногах.
Шаг вперед и три назад.
Наземь падаешь, лежишь — и никуда.
Звук кандалов в голове.
Еще вчера ты свободен был,
как сокол в облаках.
А сегодня ты как зверь, загнан в сеть,
потерявший волю, силы —
страх сменил твой смех и радость.
Ты лети, моя душа,
хоть и в мыслях, хоть недолго в небесах —
воля прежде —
с кандалами ты оставь свой страх.
Море видишь с высоты — оно твое.
с тобой радость, смех души — ты лети, лети.
Тела боль и жало сатаны
вытащить нельзя, пойми,
оставлять я буду их вдвоем,
а душа — все чаще в небо —
там мой дом
и покой в лазури голубой,
там весна, любовь —
одна на всех и без конца.
С неба — в горы, лес, куда хочу —
я лечу, лечу.

02.06.07.

* * *

И снова в горы ухожу я с песней,
и снова в горы — мой мир мне тесен.
И снова в горы ухожу я на вершины,
мой дом остался без меня, и есть причины.
Мир сжался в точку —
напряжение невиданных усилий.
Мир сжался в точку —
и в нем я просто лишний.
Я вроде бы большой и сильный,
но мир мне побороть нельзя.
Но смысл всей жизни все равно — борьба.
Здесь все в борьбе и все смешалось:
орудий грохот, звон презренного металла.
В истоках — деньги,
и между ними — тоже.
Опять они,
и мир не может жить иначе.
Мешки с деньгами — мечта, удача.
сознание устало от порока.
Порок так сладок — оставить его неохота,
и силы тратятся на сбор презренного металла,
и сны мне снятся — сижу, считаю...
Уйду я в горы к вершинам белым,
где ветер чистый все обметает,
уйду я в горы, когда не знаю.
Сижу пока, считаю...

02.06.07.

Метрадъ третья

* * *

Бог силы дал — за веру и любовь.
Бог силы дал, как в океане шторм.
Бог силы дал
и дух мой не сломить.
Бог силы дал,
чтоб жить и жить!
Помогу слабому.
Помогу в горе всем,
свой хлеб отдав.
Служить буду людям,
и своей стране.
Отныне, духом воспряв,
я всех врагов сильней.
Молитва и усилие —
для всех людей я раб.
А мысли зловредные,
бесам назад.
Любовь и вера Богу.
Любовь и жизнь для всех.
Мне корку хлеба черствого,
глоток воды на день.
Взываю заблудших
жизнь изменить.
Любви и веры каждому
Бога молю.

10.06.07.

* * *

Квадрат и круг в уме я изучаю.
Накладываю друг на друга,
рядом ставлю.
По геометрии судьбу я изменяю.
По кругу путь мой,
без углов, прямой.
Откуда вышел — туда и пришел.
Квадрат сложнее.
Я иду — сбоку стена.
В конце пути я в угол попадаю.
Стена передо мной
и новый путь я выбираю.
И снова «стоп», болят мозги,
в глухом углу завою от тоски.
Квадрат — погибель для меня.
Мне — воля и свобода.
А тут стена и угол — тень в глаза.
Я выбираю, понимая, —
жить так нельзя.
Кручу круг жизни в голове.
Квадрат перемещаю внутрь, вовне.
Лихая геометрия,
а мне нужна прямая.
Прямая линия стрелой.
Но надо мной довлеет груз —
радостей, проблем.
И этот груз мне сбросить суждено —
и по прямой, стрелой,
откуда прибыл.
Но другим.

10.06.07.

* * *

От дома к дому,
от неба к небу,
от Бога к Богу
лежит дорога.
Дорога-путь,
можно свернуть,
можно направо, можно налево.
Путник устанет — ляжет под древо.
Что между тем и между этим?
Ковка металла — я не заметил.
Я думал всюду — любовь и радость.
Счастье не в этом, как оказалось.
Путь так далек!
А оказалось — короткий.
Ты еле дышишь — за все в ответе.
Страх и дрожь в теле — ковка металла.
Огонь — наковальня — вода закаляет
и снова огнем в металл превращает,
в сталь для сражений,
для работы в поле
до изнеможения.
Металл бездушный, металл бездуховный —
а мне очень больно,
и я бездомный —
с домами, деньгами,
вещами, богатством.
Все это лишнее
в пути за счастьем,
обувь оставь ты —
ногами босыми
по траве на рассвете!
В росе серебряной,
дома в небе,
дома, как картины —
видишь и хочешь.
Иди, если можешь.
Иного не будет.

Анатолий Можаровский

Иное смыла твоя дорога.
Жизнь удалась?
Кто тебе скажет:
вышла не вышла?
Ведь ты еще дышишь...

16.06.07.

* * *

Сpirалью ветер кружит в поле,
с неба дождем — косым, холодным.
В душе такой же.
Мы в резонанс вошли.
Когда-то на другом краю Вселенной,
я не подумал, как здесь тленно.
Я побывал везде, где мог.
Я видел звезд глаза большие.
Планеты мне друзья, родные.
Я по-другому не хочу,
покрыться пылью, паутиной.
Я еле вышел
из состояния квадрата.
Пусть ветер кружит, стонет пир.
Корабль летит в бессмертный мир.

16.06.07.

* * *

Тоска щемящей болью,
как ноющий зуб
во время отдыха на взморье.
Не вовремя.
Не совладать с собой сегодня,
не сбросить ее камнем в море,
во власти тьмы, уныния, тоски.
Ветер набирает силу до взвода,
словно в трубе печной.
О, зимний ветровой!
Я не сдаюсь ему.
Цепляюсь сознанием за все перед глазами:
за хмурое небо перед дождями,
за деревья в листве зеленой,
за лета зной.
И помоши нет.
Все глубже во тьму.
И вдруг подходит голубь,
старый беспалый друг.
Глаза в глаза — чиста душа.
И я почувствовал тепло,
друг поделился и исчезла мгла.
Вновь тихий ветер,
согретый птицей.
Душа моя жива...

23.06.07.

* * *

Во сне иль наяву я вижу белый цвет
цветущих яблонь сад,
солнца палевый рассвет,
воронью стаю в небесах
и громкий, рвущий нервы, крик ворон.
Весны земля, я буду плакать по тебе,
оплакивая сад, рассвет и новый день.
И каждый раз моему сердцу
места мало
от красоты родной земли.
Я буду меньше спать,
ловить секунды,
запечатляя их.
Вернуть бы вспять
весь белый сад,
росу в траве.
И каждый раз
что ждет меня
там, в небесах?
Что заслужил?
Мне не узнать великой тайны.
Пока же плачу по земле,
и вижу сад.

23.06.07.

* * *

Птицей — к тебе
в окно на рассвете.
Птицей к тебе!
Скажи мне где ты?
Всю жизнь по краю,
к далекому дому.
Шел, грешил,
все напрасно.
Ныне ушел от края,
но судьба не отпускает.
Покой приходит и исчезает.
Я бы птицей — к тебе,
но устал от ошибок.
Но я не сдамся,
бежать не буду.
Ворвусь к тебе
и так любить тебя буду!

23.06.07.

Метрадъ третья

* * *

Нет правды на земле, а истина в вине.
И пьют, забывшись на какой-то час,
а умники воруют газ,
воруют сталь и все, что видит глаз.
И наш «обычный гражданин» — опять в деръме,
и светских львиц — вагоны по стране.
Горпиненки раком в поле роют землю Хорошенке,
Мучма, зять и кравчученки
так засрали страну, что и татарам не отмыть.
Нам затею,
нацидею,
а себе все остальное.
Нам хохлам — читай газеты.
Наша песня, видно, спета —
разделилась на две части — Голубые и другие
вешают лапшу на уши,
несъедобную галушку —
жарят дуриков-хохлов
в каждом месте — будь здоров.
Есть идея? — Да, конечно,
но вокруг ее нам тесно.
Деградируем мы быстро —
истина в вине нечистом.
Истину зарыли, бляди!
А жулье все стало сзади.
Бывший жулик, ныне гений!
Сказки лучше
не придумал даже Ленин.

24.06.07.

* * *

Мои мечты
все больше о былом.
Мечты о прошлом
в сожаленьях, ностальгии.
Все пролетело,
как осенний дождь!
И снова лето,
ветер с парусами,
хотелось — кораблем по сини.
Хотелось кораблем — и со стихией,
когда волна — свирепой массой.
И небо с чернодождем!
Но!
Утвой лодочкой
по миру состязаний.

24.06.07.

* * *

День нелегкий,
грустью щиплет,
цепью прикован к телу.
Мысли вокруг планеты
ветром прохладным.
Оркестр играет.
Мелодий нежных отзвуки слышно.
Я встал и вышел облаком белым
в закат багровый.
В солнце остывшем, казалось, греюсь —
цепи невидимой звон постоянный.
Кто и как выдумал птице неволю
для ублажения прихоти барской?
Птица сгорает. Сердце трепещет.
Кто это выдумал?
Ружье и патроны, выстрел по стае.
Как мне знакома
мечта остататься
в небе пустыни.
Сердце стучит —
разлука и счастье.
Кто-то убит,
а кто-то смеется.
Небо вечернее,
лунностью брезжит,
цепи железные,
я вас посброшу.

27.06.07.

* * *

Звуки леса в голове играют.
Говор птичий.
Звон и трели жизни.
Лес живой давно забыт мной.
Грохотня моторов, чад бензина —
толпы железные — все ими забито.
Мечта идиота — чад и грохот —
ад построен, все в работе.
Красавиц томных —
ноги в руки.
Тойота «Ярис» — мечта от скуки.
Ноги красавиц — в ваши руки,
а вы им — чек
за счастье с сукой.
Товар на железо меняют,
молча товар за бензин забирают.
А дальше — толпы чудовищ мрачных.
Грохот и чад, ад вам в счастье.
Деревья сохнут, цветы увяли—
колонны чудищ ад создали.

27.06.07.

* * *

Дьяволосети мир объяли.
Деньги на счастье — женщин без счета,
и мать когда-то, и блядь сегодня.
Дым сигарет, ментол и драник —
табак везде и пиво, как пряник,
мобила в руке, как знамя.
Из дома вышел — грязище всюду.
Окурки, шкурки, бутылки, банки.
Вонище газов машин блестящих.
Свет неона, зов ресторана.
И сети, сети — отспозаранья.
Жизнь все играет на струнах мрачных,
и звуки песен от жизни нашей —
и болью планете, и болью в небе.
А нам не слышно, а нам не нужно.
Нам сети ткали, а мы помогали.
Работа вышла, мы не устали.
Вчера был папа, сегодня — беник.
Жизнь куролесит и мир глотает
кого-то в сетке — того, кто рядом.
Страшней кошмаров
житуха наша,
страшнее страшных —
и всем прекрасна!

27.06.07.

* * *

Я предавал не раз друзей
и по закону отомщенья
имел встократ благодаренье.
И снова предавал
друзей, родных, знакомых, Бога!
Я предавал Творца и предаю,
себя считая распрекрасным человеком.
Иду по жизни, памятник хочу,
грудь орденов.
Я предавал и предаю,
хотя слегка осознаю
предательств подлость.
Я виноват.
Ты, Господи, прости.
Не от ума — проступки и грехи.
Заблудший, как ягня, отару потеряв,
в болоте оказался и кричал,
но крик услышала и приползла змея —
жестока, голодна.
Прости мне, Боже, все
возможное простить.
Я осознал никчемность
и ничтожество свое.
Простите, люди на пути.
Прости меня, мой друг,
и, недруг мой, прости.

27.06.07.

* * *

У каждого — своя судьба.
Один зажат, как в жернова.
Второй — как белка в колесе.
У третьего — хомут на шее.
Четвертый пляшет в карусели.
Каруселяка счастья — днем и ночью,
под солнцем и в ненастье,
на море, в горах
жизнь прожигается нараз.
Смотришь — упал на тротуар,
а тут подушка под него.
Весь целый и пошел в кино.
— Счастливый! — говорят, —
и зависти не счесть.
Ведь не берет его за попу бес —
заговоренный, мол, закрытый.
Все беды мимо — еда в корыте,
девка в койке, деньги рекой.
Посудомойки, повара, шофера —
и все ему — и все выше гора!
Аванс судьбы
похлеще хомутьвы.
Не каждый выдержит и устоит.
Душа отлетит.
И каждому — что заслужил
Господь уделит.
Тяни ты лямку,
не завидуй другим.
Лошадь дикая,
то вперед, то вспять.
И всем нам нужно
здесь устоять.

28.06.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Город уходит в ночь, и свет из окон.
И я ухожу прочь — у меня нет окон.
У меня нет дома и нет квартиры,
я один в этом мире —
изгнаник из рая за грехи Адама.
Мир города ночного — из ярких красок,
вереницы освещенных автомобилей.
Это люди другой касты —
в ночную жизнь они выезжают,
а я ухожу прочь все дальше и дальше.
Мыслей нет и желаний тоже,
но я не праведник, я — неудачник.
Моя жизнь, как поле —
в бурьянах и без плуга.
Стоят такие поля по всей стране —
как мы похожи друг на друга.
Скоро мойnochлег под звездным небом,
я, как всегда,
буду смотреть на звезды и мечтать о хлебе.
Детство, юность, семья —
все позади.
Я, как изгнанный из рая,
скорблю, надеюсь,
но не страдаю.

29.06.07.

Метрадъ третья

* * *

Дождь

по крышам домов
и зонтам прохожих.

Сышен грохот —
глухой и далекий —
раскаты весеннего грома.

Дождь тротуары смывает
и листья деревьев свежеют.

На газонах трава
в каплях воды холдеет.

Дождь!

Я бегу под него
полон счастья и радости жизни.

Дождь!

Мне шестнадцать всего —
я люблю эту девушку,
и, мне кажется, это — взаимно.

Дождь!

Я не знаю, что значит любимых терять,
и что это мне предстоит.

Дождь!

Мне шестнадцать —
все еще в радостных солнца лучах.

Дождь!

Мокрый и радостный
я по ступеням взлетаю.

Дождь!

Вот мое счастье —
она неземная,
не такая, как все, — вся сияет.

Дождь!

Все смешалось в моей голове.

Я парю над землей,
реальности не ощущая.

Бог ты мой!

Я люблю! Я безумен!

Горю под водой дождевой и медленно таю.

Дождь!

Мы с любимой по улице,
в блестках воды — поцелуи.
Мир, ты постой, не спеши,
мое счастье летит и сгорает.
Скоро расстанемся мы,
я буду год ее ждать,
но напрасно.

Дождь!

А пока я не знаю,
что будет и что ожидает нас дальше.
Гром — ты прижалась ко мне —
счастья такого
на земле не бывает.

Дождь, дождь, дождь
в моей душе сегодня.

Серый, холодный
и листья с деревьев опали.

Дождь!

Много лет я несчастный, уставший,
очень тихий и все ожидаю чего-то.

Дождь!

Не проходит сегодня, вчера
и что завтра?

Мысль и глаза —

к той звезде, что моя.

Это все,

что осталось.

29.06.07.

* * *

Край неправды —
страна родная.
Олигархи правят —
мы им помогаем.
Молчим, как стадо —
и зависть наша:
они крутые,
мы — биомаса.
Парламент, мэры, министры, клерки
сели на шею и им уж тесно.
Землю, заводы, леса и реки —
украли, суки.
А нашим детям —
пиво и водку, секс и жвачки.
И детский лагерь уже закрыли —
дворцы давно там,
а нам — картинки в журналах пестрых.
Жизнь элиты — платья из Милана
да клей бродяжкам.
Православье распяли
и негр на сцене —
он пастор наш.
И хитрый гений —
секты, клубы.
народу танцы.
Молчат казаки,
а партий разных
вагон да тачка,
но люди эти — одна мантака.
Цвета различны, программы тоже,
но суть едина — народ лишь глажут.
И кости видно и мяса мало,
весь жир скачали себе в амбары.
Была надежда — сегодня нету.
Страна родная пошла по свету,
по подзaborью, пьяна и боса.
А мы все спорим — куда Мороза?

Куда Наташку
и Мучму-зверя?
Мэра больного —
и «Беркут» скачет —
свои же парни.
Мозги уплыли — и только маски.
Ломать не строить —
пахать не будем
и сеять тоже.
Мы все забудем —
сорвались с рельсов,
разбиты рожи.
И солнце светит
холодной дрожью.
Откройте очи:
украла небо кучка вельможек —
жлобов позорных, подстилок вздорных.
Им лишь бы деньги да «Мерседесы».
И строим неньку — фундамент славный —
песок, деръмишко да кнут и пряник.
И грохнет домик да ляжет башня —
накроет многих в доме богатых.
И ангел сверху трубой жестокой
очистит землю
панов и прочих.
Огнем и ветром земля воспрянет,
и будем сеять мы хлеб — не веник.
И кнут не нужен —
мы христиане.
Дорога к небу и есть наш пряник.

09.07.07.

* * *

Временами мне хочется
волком выть,
временами, как раненный зверь,
броситься на обидчика
из последних сил
мне сильно охота.

Живем мы в мире разных людей —
чаще злых, коварных, жестоких.
Рвем кому-то сердца
и делаем это охотно.

Пламень любви, как солнечный луч,
скользит, ласкает и греет.
Добился своего мой друг —
и хочется рвать зубами.
Ушла, как паровоз, любовь,
чад дыма и рельсы в грязи.
Я не такой, и ты не такой,
а вместе — заразы.

Откуда скорби и боли столько?
Всех мамы растили с любовью,
вырос и озверел.

С мозгами что-то такое —
дебил и гнида, и скот —
слова над землей витают
вместо ласки, любви и света.
Слышим: «Ты спрячь свой рог.
Я сверну все это».

Откуда слова и кто учил?
В мире красот и ярчайших красок.
Я всех любил,
каждый рвал и царапал.
Сердце устало от гнева.
Боже, согрей меня,
вытащи из ада тело.
Но Бог молчит и ждет,
сколько я выдержу это.
Я сжался в камень, умолк
и прячусь в древесных ветках.

Анатолий Можаровский

Я бегу от всех вас, чумных.
В мыслях своих, хоть редко,
я счастлив, израненный,
слёзы тайком глотаю...
Мир демонов, поспеши —
я от тебя убегаю!

10.07.07.

* * *

Белый свет моих туманов.
Меня вечер догоняет —
солнце красное садится в горизонт.
Над рекой летают птицы,
травы пахнут, свет струится,
и я берегом бегу.
Летний вечер
пахнет мяты и ромашкой.
Летний вечер — я так весел —
радость бурей через край.
Без причины не играй ты со мной,
моя судьба.
Я так молод, я так глуп,
мне шестнадцать лет.
Звук свирели на лугу —
я бегу, бегу, бегу.
Скоро ночь и звезды в небе —
я люблю тебя, как лебедь,
до конца и без оглядки.
Эта ночь мила и сладка.
Все пройдет,
исчезнет и сгорит,
только память все хранит.
И туман в лугу вечернем,
стелится седым свеченьем,
я седею вместе с ним,
но, как мальчик, я с тех лет
все храню
 тот дальний свет.

15.07.07.

* * *

Ценой других жизней
я продлеваю свою.
Ценой других жизней
я неплохо живу.
Ценой других жизней
я сыт и богат.
Цена других жизней —
презренный металл.
Я удачив, везуч.
Я нахал кутерьмы.
Я клепаю металл —
умирает страна!
Чем измерить успех и к чему я стремлюсь?
Я коплю и копытами бьюсь,
а вокруг пустота.
Алкоголь, наркота,
и бабье, и врачи.
Свою жизнь я храню
в ясный день и в ночи.
Рядом косит беда,
рядом нищий старик.
Умирает страна, а мой индекс летит —
в гору биржи броски,
вверх доходы и бум.
Я ведь гордость страны — кровожадный паук.
Власть и деньги гурьбой, а чужая где боль?
Я не слышу ее —
мне б еще подкопить.
Мавзолей на Днепре,
мавзолей на Донце.
Мрамор, сталь и гранит.
И лежит во дворце Бена брат и молчит.

Бог забыл, не призвал —
мир от яда горит,
и лежит во дворце —
бес его хоронит
в жизнь такую потом,
что писать не хочу.
— Слышишь, брат-капитал,
я тебя не хочу!

19.07.07.

* * *

Смотрю и не вижу —
грешу и ненавижу.
Разум утерян
и мной, и тобой.
Мудрость в небе — не дотянуться рукой —
не птица ручная, а награда от Бога.
Не всем годится.
Разум утерян — будем искать.
Он не монета, упавшая за кровать.
Разум — труд сердца и воли надлом.
Конфетой в рот не войдет.
Грешу и ненавижу,
но солнце садится
и ненависть тихо с души струится.
Не на вас, мои милые,
не на птиц перелетных,
ненависть током в землю уходит.
Я генератор злых идей
и горит земля под ногами.
Я ад создаю для себя и людей.
Кости трещат мои от прегрешений.
К Богу рвусь из болота чертей.
Я зол — занемог, но рвусь к Тебе.
Невидимых черносил стоят полки.
И я через их ряды —
к Тебе.
Смотри, я падаю, встаю.
Я отступаю, но вперед иду.
И взгляд мой просветлеет,
я образ изменю,
вобрав во взгляд печальный
хрустально чистые помыслы,
к Тебе иду.

20.07.07.

Метрадъ третья

* * *

Кому-то власть, богатство, сила, сласть,
а мне — болезнь, депрессия, невроз.
Скорбей и немощей тяжелый воз
тяну немало лет,
шлеи врезаются в скелет.
Страданья, боль — мои друзья,
без них ни дня прожить нельзя.
Завидую ли я кому-то,
кто избавлен от такого пута?
Нет, счастлив,
так привык —
другое не по мне.
Без боли дня не знаю,
тяну свой воз.
Я искупаю,
может быть, свои грехи —
иду, бреду, ползу, насколько хватит сил.
И не сломить мне волю — мой металл.
Я выстою, хоть так устал.
И снится радость по утру — Бог есть.
Мой Бог, моя любовь!
Я все перетерплю.

21.07.07.

* * *

Я скоро стану известным поэтом —
стихи мои сами за себя говорят об этом.
Пусть их громко читают кондуктора в трамваях.
Можно также — машинистам в метро,
если это безопасности движения не мешает.
Можно — по радио и теле,
в казино и варьете.
Не удивлюсь, когда
на Гавайях
мулатки радостно мои стихи читают.
Я не жажду награды.
Просто, стихи, как букеты,
так вам рады!

21.07.07.

* * *

Твой звонок,
как бомбы взрыв на мегатонну.
Я застыл,
я ждал его.
Предал ты и предал я,
мой друг, — мы стоим грош.
Цена любви твоей, моей — навоз.
Цинизм в моих словах.
Я выразить хочу, что думал я и ты.
Мы все скоты
в сарае возле хаты.
В стихах поэта
мы там воспеты.
Прости меня, мой Бог.
Мой разум занемог.
Я озверел.
Свобода есть — а я тону.
Недолго город был пустой —
полки вошли сюда гурьбой.
И город перешел к врагам,
а мы бежали, ошалев.
Но вдруг — воинственный вожак
и наше стадо на дрожжах
растет, и превращается в полки.
И мы на штурм хотим идти.
Я не шакал и не гиены сын!
И пусть высокой планки мне пока не взять,
омоюсь под дождем, но не пойду назад.
Я не примат
в хлеву поэта
мне надо
небо и звезды
в свете.

21.07.07.

* * *

Цветущий сад
средь бледно-розовых туманов.
И солнца свет —
ковер травы зеленой.
И я застыл.
Уж двадцать лет
не видел дома я,
цветущих вишнен,
пчел гудящих лет.
Двадцать лет растрячено в излет.
Полет в ничто и никуда,
околдовало золото,
и нет конца мешкам и кошелькам,
а жажды, как в пустыне.
Я дал свободу извращениям души,
а сад цветет в ячейках мозга.
Так далеко и так давно.
В своей тюрьме —
тюрьма другим
и снятся змеи.
Яблонь дым
унесся безвозвратно.
А я хочу вернуть, увидеть,
пережить.
Река бежит, бежит,
бежит...
И, может быть,
я снова буду там,
уже не тот, совсем другой,
играя с жизнью и судьбой.
Рвет душу боль —
куда я шел,
куда иду?..

21.07.07.

* * *

У окна — фигура старика
и взгляд на улицу,
где шум и гам.
Людское море
средь бензиновых паров.
Глаза печальные,
как у докторов.
Вчера был мальчик,
затем солдат —
красивый парень.
Лишь шелест лет.
И он, старик, живет вчерашним.
На небе звезды — а здесь нещасность.
Стоять, смотреть,
но не увидеть,
не долюбив,
доненавидеть.
Так все проходит!
Свой крестный путь
вчера лишь начал —
не отдохнуть.
Годы на сердце
камнем лежат,
жизнь пролетела,
и боль в глазах.
Не всем сиять в его-то годы.
Наша беда —
грехи и скорби.

27.07.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Я молод и красив —
энергии через край.
Она, словно горный массив.
Планов и замыслов тьма —
живу я,
и жизнь моя,
как бурлящий поток.
Но жизнь уходит,
и не ощущаю движения.
Песок беру в пальцы на пляже
и просыпаю.
Жизнь бесконечна.
Исход возможен ежесекундно.
Наступит день — комок в груди.
Но нету слез — и подступает мудрость.
Радовать уже не будут —
ни вещи, ни деньги.
Радует то,
что Бог крылом обнял.
Радуют чудеса природы,
радуете все вы — люди.
Все — мои братья и сестры.
Я перестал ненавидеть.
Я всех люблю и жалею,
чувствую, как струится и уходит жизнь.
Мне чуть-чуть грустно,
но радость
от ожидания тайны будущего.

02.08.07.

* * *

Белый туман —
снежным валом на лугу.
И в тумане белом
я к реке иду.
Лета звон —
уходит июнь.
Лиловость неба.
Луна в спокойно желтом
встает, идет —
покой такой,
лишь звон кузнечиков в траве.
Какое лето!
И не снилось мне.
Завтра солнце
в нежном небѣ.
Новый день
и дождь,
и пламень молнии внезапной,
и гром стосильный,
мне не страшно.
Мое лето, слава Богу!
Снова вижу:
цвет безумный
лугового разнотравья.
Буду я бежать и падать,
целовать траву и гладить.
Укрывать лицо цветами,
плакать, радоваться.
Слава Богу!

02.08.07.

* * *

Ночное шоссе под машину
ложится —
шины шуршат
и свет фонарей,
как зарница,
над лентой серой.
Ночное шоссе —
чад, гул моторов,
грохот машин.
И я лечу, других обгоняя.
Жизнь ночная!
Взбодрился, как от наркоты,
еще неизвестной.
От адреналина в жилах тесно,
я выжимаю все из мотора.
Ночь впереди
и что-то еще там.
Зловещая неизвестность.
Затор машин
и едкий дым,
милиционские мигалки —
авария —
и труп на асфальте —
то ли женщины, то ли мужчины.
Вырываюсь вперед.
И так щемит,
будто моя душа
за кем-то
в потусторонь летит.
И снова скорость,
дым, асфальт,
вой машин.
И я в этой夜里,
совсем один.

02.08.07.

Метрадъ третья

* * *

Дорогой жизни пронесла судьба —
то резвой лошадью, то тихой черепахой.
И, вроде, впереди явился трон,
короны блеск.
Но вдруг — тюрьма, темницы тьма
да лагеря и лагеря,
и песни, пляс гурьбой.
Мороз по коже — что с моей судьбой?
Мчался, рвался — маesta.
Вот дом и речка с голубой водой,
то шалаш в лесу дырявый,
дождь и снег весной.
Волосы густые,
цвета спелой ржи
стали все седые
и хандра внутри.
Стану под иконой — с Богом не борюсь,
поясным поклоном поклонюсь за Русь.
Ведь комфорт и скука — то не мой удел.
Суeta шумит пустъ, можно посильней.
Дух мой станет крепче —
чистый, как слеза.
В небо голубое поведет стезя.

02.08.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Ветер веером листает книгу —
страница то вперед, то назад.
Я лежу, небо вижу —
неизменное, как вечности ряд.
Мудрость в книге —
разум вечный —
поглощаю его я,
но на практике, конечно —
тленность бытия.
Вот сейчас я отдыхаю —
легкий бриз с морскою пеной.
Камни и песок мне греют спину
и этот бриз я просто ненавижу.
Жизнь играет в забавлялки,
на душе скребут коты,
черти роют автостраду
сквозь мозги мне, как кроты.
И мне, кажется, кранты.
Мой характер — штурм, гроза
и волна, как небоскреб.
Характер мой — война, разведка,
взрывы, грохот, камнепад.
А вокруг все люди — крысы
и я терплю, зажав снаряд.
Легкий бриз — царство покоя.
Нервы, словно струны, порванные вмиг
жизнь кружит, визжит, болит.
Меня не бросил Бог —
неверно —
я просто закаляю нервы.
Мое оружье — полнота любви.
Пока я не зверею средь крысиных морд —
я не судья, я птица-воробей,
который вознесется до орла
в небо чистое,
в небо грозное —
моя взяла!

02.08.07.

Метрадъ третья

* * *

Не снятся сны,
не снится лес сосновый,
солнца искры
по траве зеленой.
На полянах и на склонах
я не слышу птичьих трелей
ни кузнечиков свирели,
ни дождя капель.
Ночью темной
мне не снятся
сны покоя.
Сердце, сердце,
что с тобою?
Куда ведет тропа?
По болотам да то топям —
запах серы, люди-звери —
скользкие, как уж с гадюкой.
Снятся люди не отсюда, снятся гады.
Где вы, люди!
Я хочу в лес поднебесный —
посидеть в траве высокой.
Слушать лето,
слушать осень.
Птицей стать,
одетой в просинь.
Мне свободу бы — навеки!
А пока грущу, страдаю.
Жизнь моя скользит
по краю.

15.08.07.

* * *

Страна без совести, морали,
страна скотов и кандалов,
шакалов власти.
Их троны прочные.
Пятерки да десятки партий,
списки шакалов, сбросив маски —
грабят свою страну,
украденную средь бела дня,
как лес на пне.
Моя страна —
горят леса,
и под откос слетают поезда,
война миров — души и тела.
Ослабшие уж отлетели —
нас стало меньше.
Как нам подняться и восстать?
Когда гетьманствующих рать?
И доля наша — кармой стать
в передаче астролога Глобы.
Карма наша — наши гробы.
Ты, мой народ, испитый,
трахнутый, согнутый,
как могилогорбы.
Встань на ноги —
ты же обутый —
встань,
истертыми коленями
по камню ковыляя.
Рыла выймите из бокалов!
Где вы, воины, а не шакалы?
Правят нами, как стадом баранов!
И стыдно мне в шакалиной стране.
И стыдно предкам — в человечной земле.

12.09.07.

* * *

Звериный оскал —
движение глаза прищуренного.
Рывок головы — взгляд Сатаны
и холод в груди.
Я плыл рекой
и много хлебнул воды зловонной,
скорбел,
но упорно к чистой плыл.
Река жизни сложна.
Но в этом ее призванье.
Сложна борьбой до конца —
я чувствую, как крепнет душа.
Силы покидают,
не так, как в начале,
где ключи бьют через край.
Я счастлив, просыпаясь
и весь день —
шире река —
пороги, кручи,
изгибы резче.
Мне нужна узкая полоса.
Страх приходит и вновь уходит —
молитва мой хлеб.
Сила ее удержит меня
на реке
в очередном кувырке.
Звериный оскал,
резкий взмах головы —
как я устал.
И снова молитвы дух.
Звезды на небе стали видны,
лодка летит, как пух.
День за днем
я сужаю пространство.
Иное счастье, иной покой —
река лишь тень мою
уносит с собой.

13.09.07.

* * *

Я и осень —
то погода, то негода.
Листья желто-рыжие
с деревьев опадают.
Небо серое,
холодный ветер,
моросящий дождь,
багрянец листьев умирает.
Я и осень —
период жизни и время года —
дышу ароматом.
Запах осени так умиляет.
Ее дивные танцы меня зажигают.
Любовь и осень —
в голубом небе
океан надежды.
Листья падают
на голову,
на плечи,
южный ветер.
Птицей в небо
умчаться к солнцу,
от счастья сгорая —
я жизнь так хочу закончить —
осень в сердце
в душе навеки,
и южный ветер
ласкает нежно...
Осень,
в моем ты сердце.

29.09.07.

* * *

На речке лед,
мороза синева.
На речке снег —
зима, зима —
и ветер воет,
качая кусты и тополя.
Иду в метели,
бьют колокола.
И этот звон
церковный, ранний
и этот снег и ветровой,
мороза синие качели
и сердца радость —
мир весь мой.
Иду и стужа не помеха.
И вот — счастливая примета —
из детства церковь, тополя.
Горят лампады над иконой,
горит свеча в моей руке.
И тысячи моих поклонов
Тебе, мой Бог,
моей реке.
По жизни моей немало лет
Ты вел меня и согревал.
И я, шальной, так много раз
бежал к себе и все мечтал.
Мечты о счастье, сладость дней,
утехи тела и любовь.
И вот — зима, река, метель —
и я иду
к Тебе, Отец.
Какое счастье, Ты — Отец,
а я — Твой непутевый сын.

Анатолий Можаровский

И по реке своей судьбы
иду один,
но греет дух Твой и покой.
Ты мой Отец — мой Бог —
моя Любовь.

03.10.07.

* * *

Белым парусом солнце.
Моря штиль, вдруг волна —
вся в белесых бурунах.
Лодка качнулась, волна на борт.
Но была надежда,
Светлый поворот.
Вмиг смыло все бурей
и с водой ушло.
И борюсь я —
ужас, ужас —
не сломать весло.
День и ночь, и неба темь,
ни луны, ни звезд.
О надежде мыслей нет,
только волн разлом.
Утром ранним вижу солнце.
Снова в море штиль.
И, уставший, крикну громко:
«Смерть я победил!»
В сердце теплится идея —
смысл ее мне мил.
Там на горизонте — парус
в блеске синевы.
И к нему гребу я
и к нему плыву.
Парус тот — моя надежда.
Ею и живу.

03.10.07.

* * *

Вижу и слышу море весны —
ветер качает зелень листвы,
травы, цветы и птички напевы.
Шел бы так долго, но не успел.
Эта весна — не та, что тогда.
Море любви — в голове облака.
Разум спокоен и сердце не рвет.
Море любви и жизнь, как восход.
Весна за весной — и все новый год
и море друзей, прервавших полет.
Зелень травы и мудрость сердец —
я стал так спокоен, как древний поэт.
Ода за одой — день ото дня,
и сердце не бродит,
как нету меня.
Песчинкой вселенной, весенним листком
я чувствую время так далеко!
За звездами — небо.
За небом звезда —
и так бесконечно
и снова, всегда.

04.10.07.

Метрадъ третья

* * *

Я заточен, как в башне,
в средние века.
Мое окно — душа моя
и все так далеко.
Я жил не так, как все —
святым так и не стал.
И жизнь моя — в грехе,
впечатана в металл.
Я не кумир, не царь.
Я лишь морской песок,
что волны ворошат.
Соленый вкус да солнца луч —
и снова я в воде.
И нет беды.
Хоть башня не из камня,
держит крепко.
Мне страшно, я в ее плену
то стоны издаю,
то плачу, то смеюсь.
В даль птицу провожаю,
молюсь, страдаю.
Страдание — мелочь,
а жизнь
без потери
я не измерю.

04.10.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Стога в лугу
и небо синее —
к тебе иду,
моя красивая.

Средь тысяч лет и тысяч дней
тебя нашел,
хоть не без потерь
мой путь был.

И ты в лугу, и ты в стогу —
меня ты ждешь
и я кричу.

И запах сена,
и запах неба,
и теплый ветер —
и я так весел.

Вот это сон — после кошмаров,
и стольких лет под этим хламом —
я в храме счастья.

В седом ненастье —
моя дорога.

В траве осенней —
твои глаза.

Из плена ошибок
иду в дорогу
к стогам улыбок,
глазам горящим.

Глупец я странный —
бродил по кругу,
а круг предлинный
и жертва это,
или ошибка?
А ты так близко.

04.10.07.

* * *

В снегу белесом тополя
и где то там — моя земля,
там ветер гонит тополиный пух.
В разгаре лето — на дворе июнь,
горю от счастья, глуп и юн.
Свободы нет, и я как раб,
привязан к мелочным делам.
Мне бы взлететь за пухом вслед,
в потоках ветра — в солнцесвет.
Вы мои братья, тополя,
и пух ваш белым снегом
зовет с собой.
Часы стучат,
уходит время.
Год за годом
откладывают свой полет,
а синева зовет...
Я брат ваш, тополя,
дышащие ознобом.

06.10.07.

* * *

Грохот пушек, танковых моторов.
Дикий шум, разрывы мин, снарядов вой.
Двадцать первый на дворе, а люди озверевшие,
или что-то со мной.
С виду — вполне здоровые,
но инстинктов не удержать.
Война за деньги, война за власть.
Мальчишки в окопах —
атеистов среди них нет.
Взывают к Богу,
жизнь спасти.
Иначе в двадцать лет вместо кровати,
земля на лопате.
Взрывы снарядов —
двадцать первый.
Политики делят
мир денег —
им все мало.
Дети простых людей
в Бога верят —
и простаков бомберят!
Чужие земли,
чужие страны,
острова и морские дали,
пустыни и горы —
все под контроль.
Араба из средних веков
ведет конвой
через столетия
в цивилизацию —
марш, бегом!
Ценности кровью насаждают, огнем.
Из нищеты в нищету,
из пустыни
на улицы городов Европы, Америки —
бегом, бегом, бегом.
Мир быстро изменяется —
мне за ним не успеть.

Метрадъ третья

Его дикие танцы — гимн тьме.
Ракеты летят и взрываются,
руша дома, убивая,
демократические ценности прививая,
большой политике —
побольше крови.

07.10.07.

* * *

Агентства модельные —
милые девушки,
«Плейбоя» клиентки,
мужчинам пенки.

Журнал с голой дамой —
мамой и дочкой —
с грудью и попой
внукам на память,
себе реклама.

Деньги не пахнут —
гель, шампуни,
мыло и францпарфумы.

Деньги не пахнут —
в лице силиконно.

Деньги не пахнут,
и зад для бульвара.

Очередь женщин
за скорым успехом.

Выпью с утра
и журнал я открою,
всем жаждущим фотосессии —
приходите, я вас уделаю.

Выпью в обед и все сначала —
фото спереди, сзади,
для суперпопулярного.

Вечером выпью,
и паспорта новые
для всех, кто элитен,
вроде коровы.

Гены и внешность в паспорт впишу,
фото топлес, нагишом.

На таможнях — взрыв.

Ну и фото!

Кто разрешил?

Я сам себе, — понял?!

Бабы голые — в паспорте каждом.

И позы все разные.

Для стран других —
новинка, как молния.
Вот, гад, придумал,
переплюнул «Плейбой».
Вот Украина
всех удивила —
после помаранчевых танцев —
загранпаспортов глянцем.
Из Америки и Европы
едут к нам за высокой модой —
паспорт получать особый,
в историю ворваться жопой.
Дамы милые —
несчастные да элитные,
жаль вас, девочки,
ведь пахнут денежки,
выделениями мокрых тел,
потом мужчин богатых.
Мойтесь, драйтесь
и деньги с бельем стирайте.

07.10.07.

* * *

Подождите, подождите —
я в далеких декабрях.
Подождите, подождите —
вырву лист календаря,
вместе с солнцем,
утром ранним,
красным заревом
к вам выйду,
всех согрею.
Я — свобода, ваша воля.
Я — мечта, любовесчастье.
Я к вам выйду — ожидайте,
но не просто,
сложа руки,
голову склонив.
Вы молитесь, вы боритесь.
Ваши боли, ваши беды
знает небо, слышит небо.
И придет к вам просветленье
утром ранним, на рассвете.
Многих жизнь изменит сразу,
многим даст тепло надежды,
и омоет светом вежды.
Ожидайте, не грустите
и любовью озаритесь!
Вы душой ее поймете.
Милосердье всем придет ли?
Обделенных ли не будет?
Небо знает — счастье будет.

14.10.07.

* * *

Осенним днем
холодным, мрачным,
я вспоминаю лето
жаркое, как в сказке,
цветы и ласку ветра с юга
и рядом милую подругу.
Ворона серая вскрикнет громко.
Я хлебом ее поманю —
она подарит взгляд
разумный.
Сегодня осень —
цвет безумный
листвы, травы, печали.
И птицы просят хлеба,
взгляд их —
все тот же.
Мы все здесь братья
и Земля — всеобщий дом.
И память греет
жаркая, как детство.
Босые ноги в траве согреты.
Сегодня осень,
но лета надолго хватит.
Я им запасся и мои братья —
птицы на деревьях,
птицы на крышах,
машут мне крыльями,
тепло струится.
И день холодный
с ветром, снегом,
а мне тепло.
В душе, как прежде,
лето из сказки —
жарко.

14.10.07.

* * *

Я песни пою под луной
рядом с тобой,
рядом с тобой.
Судьба играла
мячиком теннисным
туда, сюда —
то вершина, то труба.
Я ждал, барахтался и занемог.
И вот, мой Бог, все изменилось,
мрак ушел.
Луна встает, и рядом — друг.
И песни я пою
для тех, кто все надеется, борясь,
боится кто — я дух их поддержу —
ведь все друзья.
Упал — вставай,
и вновь борись..
Там нет лаврового венца,
там нет блужданий бубенца.
Там жизнь — борьба.
И снова — ввысь.
И так вся жизнь —
от удальца до мудреца.

14.10.07.

* * *

Чорній дні твої, Україно —
люди на смерть подуріли.
Владу взяли й пройдисвітам oddали.
Землю, багатства —
зграї бандитів лякливих,
злодійності з-під тину.
Честь утекла.
І повсюди — повії, повії.
По шляхах, по світах,
по морях, океанах —
люди з торбами розвіяні.
Мільйони трудяг у злидоті,
а тут пани та підпанки.
Пеньки і жлоби
гнучкошиями правлять,
рідня їх —
в щаблях, вертикалях.
Порядку нема.
Остання надія була —
буремна та осінь:
здавалось, ось-ось буде краще,
та розуму стало тільки на танці.
А люд все чекав, сподівався,
в дурні пошився.
Пригасла надія та іскра остання —
лиш чорна злидoba та чорні машини
на вулицях міста — намети та сцени
дзеркального виду.
У парку Ватутіна сушать білизну
прибічниці шоу-прем'єра.
А біля Верховної
грізне таборище яничарів,
і портретів ікони —
в країні Христа,
бандити в законі.
Іржаві багнети
козацького війська
та дні все чорніші.

Цвітуть чорнобривці
і діти співають.
Золотом листя сяє.
І небо над нами,
мов Бог поглядає,
повстанемо завтра
чи, може, з роками
зможем боротись
за честь і за правду?

14.10.07.

* * *

Звезды да элита —
кто придумал это?
По всему ведь свету —
и в бикини, и в постели,
в туалете и на сцене —
из фото, видео и просто
прет свербящая короста.
Шоумэны рвут сознанье
молодых людей с заранья.
Греет страсть и зависть гложет —
все хотят
всего,
и тоже.
Телевизор — утром рано
девку голую с экрана.
То мычащий депутат
с аккордеоном,
как солдат,
виду жирного, блатного —
казакам поет шансоны.
Засоряют всем сознанье —
звери б двинулись мозгами.
Топ девицы, депутаты —
главный на сегодня ряд,
главный продразверстотряд.
Все придумано не нами,
и не просто дураками.
Для народа — все уроды.
Народ сдвинулся от моды:
модных песен, пива, водки,
модных девок и работки.
Место в офисе — блатное,
на заводе — продувное.
Топ в сознание впечатан,
топ — в газетах типа «Хвакты»
голой сракой в депутата
девка смотрит со страницы.

И народ чумной гордится
сей свободой,
головою Буратино.
Мир элиты на картинах.
Жизнь — салфетка —
вытер нос,
выбросил
и понесло бумажку.
Разум был —
стал промокашкой.

20.10.07.

* * *

Холодный дождь
с утра с туманом.
Ветер с надломом.
Листья опавшие
в озере плывут и тонут.
Листья радости
и запахов лесных, знакомых.
Дождь всю ночь
и небо запухшее к утру,
дни короче.
Октября
осталось мало,
и — Новый год.
Жизнь неярка —
мыслями там, где жарко.
Ждал я многого,
объять хотел мир.
Мир мой сузился —
ушел кумир,
цели прошлые,
как желтый лист.
Жизнь сначала.
Время жмет — определись!
Остановись.
Дождь идет, а где-то солнце.
Разница в расстоянии.
Звонко капает вода по листьям.
Жизнь моя, к тебе я вышел.
Не спеши, не уходи,
я — к тебе лицом.
Стройный дуб
над небосклоном —
мой верный учитель.

Анатолий Можаровский

К нему запоздало вышел.
Дождь холодный,
ветер шумный —
мир прекрасен
и безумен.

25.10.07.

* * *

Усталость свинцовила тело.
Ноги устали, руки устали,
конь потерялся,
телега слетела,
думать о чем-то
болит голова.

Ударами звонкими чьи-то слова.
Тихо лежать под рябиной и елью —
только птицы не надоели.

В небе высоком — не одиноко.

Скоро уж ночь,
но сумрак тут светел.

Мрачно в лесу и шорох,
как встречный враг.

Страх разрывает —
и я убегаю.

Сны, как и жизнь —
малоприятны,
ужас кошмаров,
как встреча с рогатиной.

Откуда кошмары —
километр кинопленки
кружится и рвется
сквозь кости и жилы.

Усталость свинцовая —
смерть вместо тела.

Душа же — ребячья
нет в ней терпенья.

Рябины и ели —
мне жены и братцы.

Скоро уж ночь —
может с ними остаться?

26.10.07.

* * *

Белесый свет луны
и небо цвета стали.
Смотреть в ее лицо —
глаза устали.
Я жду ответа.
Начало мира и конец,
и жизнь —
мираж иль сон все это?
Молчит луна и звезды в небе —
покой и тишина Вселенной.
И мы не слышим взрывов звезд,
а видим только свет их.
Прекрасной ночью полнолуния,
под сенью парка небеса
манят к себе,
вопросы задает душа:
смерть — конец?
Молчит луна.
Хочу в пещеру, как отшельник,
старцем святым,
объять любовью мир,
избавить сердце от пороков.
И так стою уж много лет.
Я не безумен,
я стремлюсь туда, где свет —
в миры любви и счастья —
к Богу.

26.10.07.

* * *

Эхо войны —
смятая жизни страница
снова и снова мне снится:
взрывы снарядов, грохот зениток,
бомбы с неба
вместо хлеба
и манны небесной.
Командир на бруствер поник.
Глаза без движенья —
только был жив
и погиб.
Деревня, сад и много малины.
Пули летят.
Считаю убитых —
день на войне
и мертв солдат.
Танки, прорыв, последний снаряд —
и тишина до боли в ушах.
Только от дыма нечем дышать —
запах пожарищ и трупы кишат.
Кто-то мечтал,
а сегодня ушел.
Эхо войны —
я снова во сне
вижу реку, плацдарм —
все в огне.
Вода и кровь —
и ни шагу назад.
Мы все плывем,
оставив страх.
Берег, противник и пороха вонь.
Рвутся снаряды и дождь — из ведра.
Холодно, грязно — промокли все —
живые, как мертвые на войне.
Птицы в небе плавный полет.
Скоро век,
а я все — «Вперед!»

27.10.07.

* * *

Слишком часто
людям разным
душу делил на части.
Силы раздавал даром,
любовь разбазаривал.
Не жаль ошибок.
Рос я тоже.
Терпел и грезил
о счастье многих.
Слов пустых, ненужных, звонких
в пространстве оставил много.
А жить попроще как не пытался —
судьба чечетку мне отбивала.
Пустые звуки, слова пустые —
туман обмана —
густой, постылый.
И только птицы и теплый ветер
меня простили,
но я в ответе
пред вами, братья,
склоню чело я,
приняв проклятья.
Сегодня снова все начинаю.
Надолго ль хватит?
Завтра сорвусь, и — все сначала:
себе не больно,
других не жалко.
А потом прозреваю,
других жалею, себя терзаю.
Жить буду тихо, как в глухомани.
Дом построю, а замка не надо.
Вернусь туда, откуда начал.
Зачем жить так долго?
Грешить бесславно.

Брехать без толку.
Сам я в болоте —
его построил
жизнью своею
очень крутою.
Простите, люди,
если возможно.

27.10.07.

* * *

Как листья с деревьев осенних падают
и уносятся ветром вдаль,
так и дни мои уходят,
печальные не по годам.
Скорбей и горестей
через край-
пью и не видно дна.
Как листья ветром носимы,
мысли в моей голове.
Как нелегко одолеть
этот сумбур и терзание.
Я, как ветхое здание,
скоро пойду под снос.
Мудрость и разум бы мне,
ушло бы уныние.
А пока белый цвет
люблю больше всего.
Черный в контрасте с ним —
и жизнь еще ничего.
День за днем.
Скоро зимы
белоснежье.
Выстою в споре
и лицом к лицу
встречу смерть.
Прятаться за кровать
или дверь
не буду.
Хоть тогда
человеком пребуду.

29.10.07.

* * *

Имею ли право других учить?
Имею ли право других судить?
Имею ли право мораль читать?
Я, раб страстей, — греха солдат.
Не в свете — облик мой,
в мраке подземелий сырых.
Плесень, капли воды,
затхлый воздух — сердце болит.
За углом подстерег, убедил, затянул
обруч стали неразъемной.
Весь — в страстях презренных.
Просыпается совесть
не всегда на рассвете.
Щемит, болит,
сквозь тело ветер.
И я горжусь собой,
преподнося себя стае подобных,
и облик мой становится съедобным.
В красивой упаковке торт — похуже.
Я сладкий весь
и вроде как служу
все людям.
Двойной стандарт — кого винить?
Попался в сеть, иди служить
под землю духу тьмы.
О, Господи, прости —
как далеко уходит человек!
Не каждому Господь откроет
ужас тьмы.
Как мало света...
А я, фарисей,
думал о себе иначе,
других судил,
учил и поправлял.

Герой романов — успеха плаха,
хотя в твои лета
отсчет пошел уж на минуты,
еще есть время
развернуть
в другую сторону свой путь,
сжав зубы, затаив слова
и Бога лишь благодаря
вернуться к небу.

29.10.07.

* * *

Лист бумажный
с информацией важной
изорвав на куски,
из окна небоскреба бросив,
я, наблюдая за падением,
вдруг понял,
что так же и мыслей тление,
ветром эмоций унесенное —
парящее в воздухе —
круговорть в потоке.
Я не сплю многолет,
я не бодрствую много лет.
Я живу, как проездной билет.
Что с ним сделает каждый
в конце поездки?
Кто-то и сохранит для отчета.
Я жду, всплывая в мыслях чужих.
Они приходят и уходят.
И воли нет на то моей —
моя бы воля,
мыслями сообладать,
миром владея и правя.
Из окна небоскреба —
путь долгий,
из окна дома — короче.
Тоска и серость
осени поздней.
Меня уже топчут ногами,
я ведь никто,
не звезда,
мной не восторгается мир.
Мир идет мимо
и я за ними —
мысли, мысли, мысли...
Бумажный пир.

31.10.07.

* * *

Остров строю из отходов жизни.
Остров мой никто не увидит.
Размеры его в микроны —
вес с мегатонну.
Остров бесплатный —
не часть планеты,
не то, что украли клерки-скелеты.
Остров рая —
сказка жизни.
Я уже по нем гуляю
и всех вас оттуда вижу.
Вот в окне дама возраста среднего.
Лицо злое —
муж где-то с новой подружкой
радуется под запах ментола —
и что здесь такого.
А вот еще женщина
красоты нежной —
глаза огромные, тело серны.
Смотрю и не верю — лет прошло с двести —
моя любовь, моя невеста.
Рукой бы ее достать и погладить.
Остров качается и я качаюсь.
Ушло видение — проза жизни.
Счастье — быть гризли,
медведем свободным,
сильным и смелым.
Годы проходят, а я все еще верю
мужчине в мусорном баке,
в одеждах страшных —
хочет поужинать не в ресторане,
а просто на лавочке.
Запах не очень —
остров качнулся
и вижу я осень —
рыжую, озорную,
сухую и мокрую,
принцессу и брошенную,
как лист под ноги.

Мне бы стабильность!
Стоять, как памятнику,
но остров качается
на мощном фундаменте.
Мир весь движется —
мой, внутренний, тоже.
Картины меняются —
каждый скажет,
и что же?
Я все на острове — глаза закрою
и вижу счастье,
каким оно будет.

31.10.07.

* * *

Скатерь рваная и простынь рвань —
я пью виски — бес счетный дринк,
дорогая дрянь.
Когда я начал и когда закончу?
Дом стал, как сарай,
а я все мокну.
Жизнь гавкнула под откос,
как взорванный поезд.
Колесами вверх лежат вагоны,
и ноги не слушают,
шум в ушах и еле дышу уже.
Ночь и день сменяются,
а мне все лень — в кровати подруга —
крыса серая, хвост длинный,
глаза вперила в мой графин.
Обои отстали от стен
и от меня тоже —
не интересно мне это
давно уже.
Мозг, словно каблуком женским,
продавлен.
Неприятно, но жить можно
с дыркой в голове тоже.
Я выдержу —
дринк бес счетный
все тот же.

31.10.07.

* * *

Ночь. Темень.
Смотрю в окно.
Оттуда — лицо мужское,
азийская внешность,
глаза — черные, волосы тоже,
щеки круглые, желтые.
Что он там делает?
И вдруг мысль пронзила —
сада нет у меня —
пред окном стена
облезлая серая.
Неба чуть-чуть,
как в погребе, —
откуда сад и азиат?
Может что-то с сознанием?
Сознания давно нет.
Я умер — тому сто лет,
выполняя государственное задание.
Память обо мне канула в лету.
Детей не было,
да и был я отпетым.
Может стал привидением
и все мотаюсь —
слежу за кем-то, выполняя
давнезадание?
Может ветер ночной
и гроза в небе?
Но что-то ведь было
в ночи гробе.

31.10.07.

* * *

Белым пароходом лета
я в осень рыжую въехал —
между золотом рассветов,
меж пурпурных див закатов.

Белым пароходом въехал
в золотые рощи счастья.

И ее не заметил
средь красот края —
нежная, вся из света —
лаской глаза стреляют.

Вот какая —
жемчужина моя.

С нею вместе пароходом — по реке
сумасбродом к небу — ввысь.

За меня, любовь, держись.

После многих лет тревоги —
осень счастья.

Скоро дождь
и снег с морозом.

Пароход — из лета неги,
пароход в осеннем небе —
не хочу спускаться вниз:
там — тревоги и волненья,
там трудов тяжелых бремя.

Мы уйдем в густые рощи
по полям, лугам горячим
этой осенью горящей,
милая моя беспечность.

01.11.07.

* * *

Пронзительный дверной звонок —
и ночь.

Опять звонок.

Удары в дверь ногой —
открой.

Немецкий ты шпион —
год тридцать седьмой.

Уходим в ночь
и навсегда.

Вандалы правят бал.

Их власть,
но конвой отвлекся на слепящий миг.

Удар в лицо
и он бежит —

мой дед —
уходит в ночь

на много лет.

И не увидит он жену —
убьют ее.

Умрет под пытками — кого?

Нет имени героям диких дней —
звери умней, добрей.

И вновь звонок —
удары в дверь.

Стучат уж много лет ко мне.

И продолжается судьба —
мои тридцать седьмые жутьгода.

Мне кажется, что это навсегда —
Пришла свобода на какой-то миг.

Страх вытравить — нужны года.
Но это должен сделать я —

не передать наследие греха.

Мои страдания окончатся на мне.

Свободу я отдашь тебе —
кто не родился, кто не жил.
А наш удел — на глупость траты сил,
на тяжкий труд.
Мы выстоим —
и свержен будет спрут.

01.11.07.

* * *

Цена жизни —
нет цены.
Она бесцenna, —
говорит политик бренно.
Перед выборами тур —
он борец за кресло.
Жизнь народа, —
он кричит, —
жизнь бесценна, — говорит.
Жизнь — это чудо, —
говорит священник грустно.
Киллер, улыбаясь криво,
тычет пальцем в прейскурант:
губернатор, мэр, чиновник,
депутат, любовник,
просто мент,
муж иль отец.
Все стоит денег,
цены установлены на бойне.
А простой народ — отстойник,
пешеход на улице центральной.
Хрясь кирпич по шее плавно.
И лежит уже лишь тело —
бренностъ тихо отлетела.
Мальчик милый —
глазки, ручки — баx машина.
Две подружки
вспоминали ночь,
минувшую в борделе.
Сколько денег, что там ели,
сколько кайфа на постели —
и уехал дальше шкаф железный —
мальчик был и сгинул.
Верно —
жизнь бесценна.
Жизнь есть чудо.
Богом данный промежуток
между тем и этим часом.

Жизнь летит — она прекрасна.
Как понять это и взвесить —
посчитать, не куролесить.
Только те,
кто встал на край,
вспоминают жизни рай.
Рай в тебе — во мне и каждом.
Ад дан тоже не напрасно —
для сравнения цены.
Помнишь, как порвал штаны —
крики, нервы, озверенье.
День прошел — и ты в забвеньи.
Стоило губить так душу?
На пустяк — сухую грушу.
Где цена и где удел?
Сам считай —
как ты хотел.

09.11.07.

* * *

Кап-кап-кап дождь за воротник
по шее —
в голове одни траншеи.
В них лежу я как солдат —
мне уж не с кем воевать.
Разочарован я боями —
войны, встряски, как цунами.
Налетишь — ударишь метко —
сам страдаешь дико, крепко.
Смысла нет в войне и драке —
все кончается когда-то.
Вон Иосиф — он же Сталин —
сколько уложил рядами?
Все — лишь пыль, песок и ветер.
Умер Еся — где все делось?
Мощь страны и мощь народа —
все коту под хвост.
Уроды!
Кто сказал?
И кто уроды? — Все.
И я так думал тоже.
Нужен мир, любовь и правда.
С этим трудно.
Может — завтра?

09.11.07.

* * *

Снег медленно
падает на город,
в свете фонарей рисуя сказку.
И я стою, как вкопанный
иль памятник,
не отрывая глаз от каменного здания.
Серый цвет, архитектура давит,
Сталин, НКВД, гестапо, Берия,
Берлина штурм и КГБ.
Бендеря где?
И церкви купола —
из детства память,
зеленый цвет.
Решетки кованые,
иконы и лампадок свет —
хоругви, крестный ход.
Похороны без стрельбы в висок,
без кованых сапог.
Снесли ее и древние могилы
затоптали вмиг.
Двухсотлетние липы
в цвету и пчелах,
легли на землю.
В сером здании свет —
в кабинете покой, тишина.
Там нет любви —
там боль и страх,
там ужас мира,
затхлый смрад.
История варварства осталась реальностью
и мы наблюдаем ее дикий ход.
История варварства осталась гадостью,
а мы созерцаем ее,
как белоцветья восход.
Пыль веков.
Но это здание —
вечность, может?

Зубы стучат и говорю в поту
от замогильного холода.
Может, от здания серого — страх?
Уйду по улице
просто прохожим,
все дальше и дальше...
Внутри себя чувствую мрак.

14.11.07.

* * *

Ощущение, как будто бы я не живу.
Перешел жестокую черту
и оказался в обратном мире.
Знакомые растения и тропы,
но все холодное, чужое.
Дорога эта не туда,
куда мне нужно,
куда хотел.
Здесь веют выюги — всегда метель.
Здесь солнца мало и чаще ночь,
но я упрямо
хочу превозмочь.
Выйти к цели — к солнцу, свету —
туда, где море и пляж пустой.
Тихие волны,
летают чайки, в горах орлы,
могучих кедров стволы.
Здесь есть надежда, царит любовь,
но, как и прежде,
я в мире том.
Ветер, колючий снег —
такая темень, что силы нет.
Промерз, продрог я
и нет конца.
Иду по кругу, где пустота.
Глаза устали идти домой.
А круг — спиралью и нет конца.
Спешил я жить — а куда попал?
Так все смешалось — терплю удел.
Бывает хуже, я не успел.
Руки крыльями —
взмахну сильней —
моя взяла!
Я не вернусь —
где страшно и мрак везде —
уйду, как лайнер, к своей звезде.

15.11.07.

* * *

Нежный, дивный вечер мая,
цветут тюльпаны,
благоухает сирень.
Гурьбой мы в парк ушли.
Уходить домой нет охоты
и лень читать, и лень учиться.
Я живу весной, как птица,
радуясь теплу и счастью.
Праздник юности прекрасен.
Девушки милы, красивы.
Смех их — всех нас так счастливит.
Музыка и танцы ночью —
так бы жизнь прожить —
не хочешь?

15.11.07.

СОН ПРАВИТЕЛЕЙ

Приду к тебе с большим копьем.
Я твой народ,
опущенный на дно.
Во лжи живу,
во лжи и страхе.
Сон не сладок —
ты украл мой мир и счастье.
Ты украл мои припасы,
все деньги в мире.
Мы тебя так любили.
Ты, как в цирке на арене —
в телевизоре был гений.
Говорил красиво, ясно —
мы поверили в прекрасное,
уготовленное твоими подвижниками
с лошадиными зубами.
Пидрахуй наш — пилорама
получил медаль на память.
Вместо гильотины — радость.
Ты плевал нам всем в лицо,
все химича в кухне власти.
Умные ходы, как здрасте,
все под хвост коту.
Полюбили вы подарки —
землю, фабрики, заводы,
деньги, виллы снова в моду.
А народу — хитрый ход —
дуракам полный вперед.
Мы с копьем к тебе придем —
ты не спи,
не сладок сон.

Жди возмездия ты часа.
Ложь твоя,
лапша и каша.
Веры уж тебе не будет.
Мы несчастные,
но люди.

15.11.07.

* * *

Край мира —
людей там нет.
Край жизни, как сказал поэт.
Край мира — и завтра стук —
выстрел, второй,
прощай, мой друг.
Мы — номера в бараке людей.
Мы думали не так
и не любили строй-бардак,
где одни имели других.
А те, которых поимели —
счастливы
и песни пели
о величии страны
и короне Сатаны.
Звезда рубина
драгоценного — луна.
И дубина тем,
кто против шел рожна.
Все получили номер свой.
Я не был там —
я не герой.
Не выброшен на край миров.
Я глуп был, как дитя,
но тоже знал,
что значит вертухай.
Он надо мной стоял везде,
когда я оды пел стране.
Потом терзался и грустил,
в унынье жил.
И люди с холодными руками
и горячим сердцем
нам дуракам несли штыки
и цепи лжи.
Даже в траве зеленой, летней,
в сухой, осенней,
я не был свободен,
а был расстрелян
до разрушения себя.

Меня убила моя страна.
Ура! — наша взяла.
Но не на долго —
и снова все по горло
в вонючей жиже.
Пьем оттуда.
И вновь куда-то делись люди.
И снова — номера,
налоговой инспекции права.
Кто пьет, лежит — он друг стране,
электорат — хоть и в дерьме.
Кто что-то делает немного,
уже под микроскопом.
Со всех сторон доходы
делят
и труд его другой оценит.
Свобода есть, но для кого?
И я опять смотрю кино.
Большой дурдом.
Ты брат держись.
Дожить бы на своих двоих,
если дадут.
У них ведь — меч и страх в пробирках.
Его сливают в телевизионных
прессах
и так.
Слушай, молчи —
ведь ты дурак.
Всю жизнь —
под элитой —
той красной, пропитой,
и этой, жестокой,
с бандитской мордой.
Кривая усмешка — кривущие рожи.
Мне бы свободу
вместо этих вельможек.

16.11.07.

* * *

Сверло электродрели
врывается в мозг.
Еле сопротивляюсь
и боюсь что сболтну что-то,
привлекут к ответственности.
Страх перед прокурором и следователем
не дает мне дышать.
Вижу тачку с одним колесом и лопатой.
Боюсь, не выполнить план.
Дрель жужжит и сверло перегрелося.
Я глупо улыбаюсь и на что-то надеюсь.
В ушах лай собачий
и крик конвоира.
Где-то жена моя, дети —
там тепло цветов мира,
поля и рассветы.
Здесь лед и вечная мерзлотень.
Здесь — другая планета — Бог есть,
но тоже страдает,
ведь Ему нелегко отдать мир мраку.
Ложь и зло умножаются и нарастают,
собарва лает.
Я от страха полюбил сверло
и этим продеваю жизнь свою.
Вдруг крик, удар,
я падаю наземь.
Дрели нет, сверла тоже —
это психологический опыт.
Все смешалось в остатках сознания —
лишь инстинкт выживания.
Он сильный и все побеждает,
но важное что-то уходит
и душа по частям отмирает.

16.11.07.

* * *

Жестокость — удар
ломом по голове.
Жестокость — пистолет,
выстрел — и ты в трубе.
Жестокость — печь,
газовая камера или дрова —
и ты пыль —
уносишься в мрак
и никому не болит голова.
Жестокость — слова резкие,
грубые без конца.
Слушал, терпел, упал
и жизнь ушла.
Жестокость — пространство сжатое,
как город на глобусе — в точку.
Точек этих много —
они в каждом.
Я пас, ты пас, он пас,
остался кто-то,
кто осознал этот фарс.
Двойное дно в голове —
патологоанатом говорит — нет,
не встречал, значит.
Ведь есть дух света и дух тьмы.
Никто не виноват — говорит адвокат.
Ты пойми, он недееспособен,
он не осознает,
но очень сильно бьет.
Он — маньяк
и никак ему не помочь.
Заштите жестокость,
полейте ее водой и удобрите —
вон там лежит перегной —
бороться с ним нельзя.
Это мышевозня.
Я возьму меч и пойду один.
Я увижу страх — как он дрожит
и боится собственной боли.

Анатолий Можаровский

Он эгоист и часть духа тьмы,
победит его только любовь.
Но меч все равно в моей руке —
хранить буду зло под замком.
Меч передам другим —
и мир в любви сохраним.

16.11.07.

Метрадъ третья

* * *

Слезы в глазах моих,
хотя их и не видно,
я плачу о мире и о вас, люди.
Мне так обидно...
Был полон счастья и вам верил,
верил в идеалы и правду,
но годы прошли —
оказались обманом мои мечты.
Мир вращается, словно змея —
тянется к тебе
и вдруг удар —
ты ранен, или убит.
Мир двигается и ему не болит.
Люди к худшему изменились после Христа.
Ложь, предательство, зло —
войны, подкупы — все одно.
Кровь льет человечество, как вино.
Кровь животных и подавно.
Планету терзаем и рвем —
небо над нами — и поделом.
Жизнь человека
прискорбнее муравья
в лесу пожарья.
Не выживет и сильнейший.
Слабый, дохлый, но банкир —
армия шавок и ты убит.
Он в кабинете на ковре,
приказы отдает и в кабаре.
А там друг другу рубят тела.
Деньги правят миром —
вот так дела.
И место подвига —
метла им! Метла!

16.11.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Грязные стены домов —
окна пустые.
Камин без дров —
света нет, нет свечей.
Пыльные улицы без фонарей.
Первый мороз. Разболтанный воз —
лошадь изогнута без хомута.
Шум лесопилки —
строгают гробы.
В городе мор? Нет, что вы.
В городе давно нет людей.
Все уехали и побыстрей.
Город — зона. Закрыт навсегда.
Мирный атом —
черна звезда.
Город горечи. Город пал.
Красным знаменем убит наповал.
Орден Ленина не успели дать.
Взрыв на АЭС — ети его мать.
Был бы орден — тогда б уже.
А так не успели — как в неглиже.
У нас орден, медаль —
смысл жизни считай.
Без него нам край —
хоть умирай.

16.11.07.

* * *

Сегодня праздник —
мой день рождения.
Сегодня праздник — я очень весел.
На сердце радость еще с ночи.
Цвету, как сад вишневый.
Хоть и ноябрь в излете —
снега со льдами.
Мороз с ветрами,
все звезды мне улыбались.
Луна мигнула и что-то дала.
Еще был ангел,
его заслуги и помощь с детства.
Я разгильдяй был и без наследства —
прервались корни, исчезли предки.
Меня воспитали, как рельсы сравняли,
чуть закалили, чуток подогнали,
и положили, и припаяли.
Жизнь черно-серая — квадрат, полоска,
но ангел с неба открыл мне Бога.
Сейчас я весел — на сердце радость.
Люблю родных я — Иру, Наташу,
и папу с мамой — далеких, близких,
кошку Нику и кошку Чучу.
Ника чудесна — и кот Матроскин —
ее лишь усик.
Давайте выпьем.
Нальем бокалы за Украину, за папу с мамой,
за предков разных,
гостей веселых, котов хороших.
Нам всем — здоровья,
семью большую и Божью помощь.
Отцов духовных мы тоже вспомним —
им здоровья.
Молитвы Богу — за все спасибо,
и слава Богу.

Анатолий Можаровский

Я очень весел.
Спасибо всем,
что я, как садик, в цвету и счастье.
Прожил я много.
Спасибо Богу.

16.11.07.

* * *

Жизнь Джонсона по-странныму
меридиану гнала,
на глобусе его нет.
Магнитными потоками
уносило его вправо на много лет.
Но однажды, на полюсе южном,
он начал новый путь —
с айсбергом мощным, лунным
ушел по миру — вокруг.
Вдруг сияние звезды малтийской
озарило распухший мозг,
и он стал крокодилом —
в Африке жить мог.
Жизнь вначале была сносной,
но шкура не давала покоя ловцам.
Он выпил что-то горькое
и снова стал сам.
В лодке утлой без весел —
по водопаду вниз.
Он жил в пирамиде Хеопса,
глаза смотрели ввысь.
Искал он звезду надежды,
искзал звезду без войны.
Душа не вмещалась в теле —
сильно болели штаны —
ведь ноги крокодильими остались
и сменить их мог лишь фараон.
Километры пути раздражали —
уж сколько тысяч лет маялся он.
Рядом — лев, друг неразлучный,
царь зверей и брат.
Джонсон плыл, рвал душу,
но отсутствовал меридиан.
Нашел он, к счастью, фараона
и приобрел человеческий вид.

Судьба подарила холсты и краски,
он мог стать велик.
Но опять — не тот меридиан,
на глобусе его почему-то нет.
Не обойтись ему без встряски,
за свой потерянный вид.
Чистилище проходит на Земле —
кандалы на его ногах.
Но он по-прежнему грезит,
мечтая уйти
на не существующий меридиан.

18.11.07.

* * *

От Бога вышел и к Богу иду —
сказал Господь однажды.
Это истина для меня,
и так должен думать каждый.
От Бога вышел —
радость, светлый мир, природы звуки,
и счастье утром ранним.
Проснувшись, чувствуешь себя странно:
энергия любви, энергия надежды,
энергия судьбы — все было прежде.
Юность уходит цветущим маем —
юность уходит и все — вчера.
Жизнь вращает колеса —
и чаще это жернова.
Уйти от них невозможно
и стоит ли перечить судьбе.
Ты идешь в жернова
и сам потом душу лечишь.
Хочется закрыть глаза.
Но снова слышишь:
иди, не стой, не сиди!
Грустно, и скоро призовет Бог.
А что сказать при встрече?
Стать детьми на миг.
И снова — счастье,
радость и свет озарит.
Бог простит и скажет:
— Идите к свету,
оставьте тьму навеки.

18.11.07.

* * *

Убивали дух крестьянина годами —
а потом колхоз создал товарищ Сталин,
загнав в него замученных, запуганных.
Бразды правленья —
кучке пьяниц из комбедов.
Взяли в руки сельхозкита —
скотина дохла, хлеб засох.
Еле полз сельхозсовдепий воз.
Тerror в полях, за трудодень —
сто грамм лапшицы набекрень.
Земля стонала — небо тоже,
колхозы строились все строже.
И дух колхозов — страшный дух,
невежество несчастных рук.
Без паспортов и права на права
росла страна
в грязи глубокой коммунаров,
и Бога не было —
надеялись на палку.
Пришла война.
Вздохнули многие тогда,
надеясь землю получить обратно.
Но враг пришел такой же лютый,
и снова горе комбедухе.
И так десятки лет подряд —
потом подъем немного,
но хлеба не было в стране
и к хлебу тоже.
Я помню, как всегда хотелось есть
и коммунизма была весть —
свободны навсегда!

Но вот беда —
Совдепии упала крыша
и новые пришли враги,
проникли мыши.
И так всю жизнь —
родной земле
покоя нет
тебе и мне.

19.11.07.

* * *

Строительство капитализма в России
вирусом перенеслось и к нам.
Украина встала, затем дрогнула
и упала к ногам.
Красные взяли фабрики, заводы и телеграф —
второй раз после Октября, и окончательно.
Сам сдался банк, президента назначили
из красных идеологов
и поехали прямо туда,
где чертов дурдом,
где бесов лечат от чумки,
мозги промывая шприцом.
Мы с ними тоже поехали,
не шелохнув шестком.
Затем свора бандитов
лихо прошла.
Бедный Махно недобитый
не стоит их ногтя.
Взяли, что видели —
силой и просто так.
Народу дали блин,
пиво да большой бардак.
Ноют проститутки со сцены,
ноют шлюхи по теле-радио и кафе,
бабы дают всем.
Потом оклемались, очухались,
но поздно —
поезд ушел,
на улице пахнет навозом,
на неправде построен храм.
На водочном — крематорий.
Тогда уж включайте кран.
Пусть смоется в трубу все —
останутся красные «стеньки».
А мы безвольным быдлом
новое жрать повидло.

01.12.07.

Метрадъ третья

* * *

Верхушка кедра в моем окне,
и небо, небо, небо,
круженье воронья
в надвигающейся темноте.
Короткий день —
ноябрь уходит,
и я в тюрьме
больницы белой.
Душой страдаю я и телом —
вышли из-под контроля воли.
Сумерек ранних неволя.
Мне б к солнцу летнему
горячим днем.
Мечты,
улыбка, твои глаза.
И свет, идущий от тебя
и радость жизни — вновь моя.
И крик ворон
в вечернем небе,
и мокрый снег,
и сильный ветер —
все стало радостью
мгновенно.
В чем смысл бытия?
Как разгадать себя?
Помочь.
Эта ночь
с безумной болью головной
и радостью свечи.

01.12.07.

* * *

Завидуют и ненавидят,
плюют и ногами топчут,
бьют Христа
и зло хоочут,
как две тысячи лет назад.
Как изменился мир сейчас?
Изменился или нет?
Такой же солнечный свет,
звезды, луна.
Так же много бедных
и мало хлеба.
Зрелищ много,
так же голь бедна.
Прыгает попса
и молится Богу.
Ниши находят,
блюют интервью.
Кто эти ниши строит
и где найти свою?
Не в трусах на сцене,
не в кабаре за столом.
Я хочу тишины,
не служить мурлом.
Каждый вечер с враньем —
врут, стяждают и счастливы.
Рейтинги на каждом углу
и толпы несчастных
с рейтингом ноль.
Храмы строят личные
и священник в узде —
за грубые наличные
омывает везде.
Обряд не всегда в небеса,
и болит душа —
у кого рейтинг труба.

А сверху — все драки и сводни —
борьба за место в сворне.
По-прежнему Бога топчут
и думают, как найти
животность.

01.12.07.

* * *

Тому, который во мне сидит
пластырем рот заклею.
Очки одену и пусть молчит
тот, что во мне сидит.
Жизни нет от него давно —
барахтается, стенаёт.
Пилит с утра, как дрова —
и ночью и днем донимает.
Все не так и не этак —
ревизия жизни и слов:
речи не те и, не так готов.
Какие-то у него шаблоны —
типа системы СИ,
жизни затерта формула,
по ней нелегко идти.
А он все знает, наверное,
и обо мне, и о всех.
И говорит откровенно,
что скоро нам всем конец.
Я то не очень верю —
может, это шиза,
но каждый день фонарею —
в мои то уже года.
Мораль моя тоже хромает —
у кого же она на виду?
Везде ее все побросали,
окурками на ветру.
Без морали довольно весело —
с баяном, акордеоном.
Гармошки играют вечером,
полный нищак.
Что это значит, не знаю,
был я и есть ишак,
был я и есть никто,
я на ветру не балдею,
как политик в пальто.
У него холуев не счесть —
за него все в огонь и дым.

А я кому нужен?
А тот все внутри шумит.
Кто он — не видел,
не знаю.
Может быть, совесть моя?
А я его так ненавижу.
Может, и здесь грешу я?

01.12.07.

* * *

Пролететь по Вселенной
точкой материи
со знанием дела и без моторов.
Увидеть звезды, прикоснуться к ним —
услышать пение их и норов.
Сравнить с Землей
и к ней вернуться —
мечта моя.
Как же мне дико скучно!
Пространства мало,
глуповато в клетке.
И я мечтаю не о соседке —
жене соседа —
нет в ней смысла.
Душа ведь знает
к чему стремиться.
Мой мозг считает расстояния,
карту Вселенной изучая.
И зов терзает,
но тело опять приземляет.

01.12.07.

* * *

Ложь давно сравнилась с истиной —
воздвигнута на пьедестал
еще царскими министрами,
перешла в наследство
и поднята еще выше —
дальше некуда —
мешает крыша.

Врут все с утра до вечера —
политики,
бизнесмены,
их помощники.

Все, кто власть взял, отпустили тормоза —
деньгами берут, лестью
и наглостью.

Правды подавну нет.

Ложь в газетах и телевиденьи —
разыгрывают наумнеченные ходы
то хрезиденты,
то хремьеры,
то их херламенты,
сидят друг у друга
в карманах
и жуют пряники.

Капитал стал школой и храмом —
деньги вершат судьбыны.

Пророков
заменили пресс-секретарины.
Одна болтовщина!

Крыша мешает
подняться лжи
выше крыши.

Но есть шанс — крышу сорвет —
и ложь выстрелит во Вселенную.

Мы же — цивилизация.
Загубили планету
и теперь — дальше б нам.

03.12.07.

* * *

Дубы-исполины
в саду ботаническом.
Мощные ветви —
к небу стремительно.
Слышу молитву, вижу молитву —
деревья к Богу взывают тихо
за братьев своих и сестер киевских
в парках, скверах,
лесах пригородных.
Режут и пилят пилами модными —
падают столетние — на ветвях слезы.
В угоду прорабам и хозяевам жизни
асфальтом и камнем укроем землю.
Днепр мешает и его парки —
сrezжем деревья, дома поставим.
Не хватит места — речку в бетон,
а сверху — клубы и военгарнизон.
Суда пусть ходят и лодки подводные —
отсюда и до Севастополя.
Река в бетоне, вместо леса — асфальт,
дым, гарь и холод в груди.
Души истлели при еще жизни.
Картина — аж зубы свело.
Привиделось, может, в тени дубов?
Может, я болен и мне б докторов?
Стать, как они, выпить таблетку,
кокс потянуть —
в руки пилу,
и резать, и резать
даже траву.
Ведь я без дури
не смог бы пилить —
мне дерево брат,
а прораб — бандит.
В город пришел и строит кошмар —
какие-то башни, грязный бульвар.

Родина наша,
но их взяла —
был город прекрасный,
а стали дрова.
Терриконы
стекла и бетона —
город уродов.
Их взяла.
Говорят, навсегда...

03.12.07.

* * *

Жизнь на гребне волны
быстро падает вниз.
И нет гребца
мир для тебя погиб.
Новая жизнь с трепетом,
что ты себе уготовил.
Жил, как огонь на ветру —
светил,
не лукавил.
Выжимал эмоции,
истощая мозг.
Гнался за удачей,
улетел как смог.
Остановить гребень волны —
только в памяти,
бронзе, камне, кисти.
Волна быстро падает
и пора на свет.
Душонкой похвастаться —
раз совести нет.

06.12.07.

* * *

Многословие, многословие,
кому нужны пустые слова?
Как справиться с языком и сознанием,
так болит голова.
Сознание руководит мной,
тело — раб.
Сознание — Бога часть,
но я его запяtnал.
Бог оставлял меня часто —
ужас сковывал силы.
Ад видел при жизни
и не раз выходил из него.
Забывал его ужасы, мракотьму
и снова возвращался к своему.
Как разбойник точит топор,
так и я — с грехом.
Унынье и горести — снова удел.
И я с микроном совести
обещаю себе — предел!
Жить по правде,
в чистоте души —
утром, ночью и днем
Бога прошу везде.
Еще раз прости,
дай время и срок,
и я оставлю порок.

06.12.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Не хочу рушить Отечество,
выплескивая революционыл,
но не могу видеть мразень,
заполонившую мир.
Ордена, богатство, слава,
вершила людей!
Все, что есть у них,
кроме подлости,
они украли,
страна,
у твоих, сыновей!
Врут, изголяются и нет конца
да и совести подавно.
Страна — в потемках
и жизнь страшнее кино.
Армада правителей!
утром выезжают, как в цирк,
и на арене страны
вершат дьявольский свой пикник.
Люди устали без истины —
правды давно уж нет.
А мы терпим
и терпим
неистову мерзость.
Когда же конец?

06.12.07.

* * *

Музыка — в твоих глазах,
музыка — в твоей улыбке.
Вчера еще я был спокоен,
сегодня не спится.
Ресницы игриво порхают,
на щеках румянец.
В руках моих пиво —
мне бы розы или пионов букет.
Я парень современный и пиво —
мой буклет.
С ним я на паспорт снялся,
но запретили менты
клеить такую фотографию —
вот скоты.
Милая — нежная ты.
Волосы цвета травы.
Ты тоже панк —
я заметил по цвету твоей головы.
В ушах — сережек двадцать.
Три или четыре —
в губах.
Хочу с тобой целоваться,
просто не знаю как.
Хорошо было раньше папе —
на лугу цветов соберет
и идет себе к моей маме,
бетонщице, на завод.
Комсомольскую свадьбу бахнули —
через месяц родился я.
Рос на заводе с ребятами
и готовился в слесаря.
Но все изменилось —
заводы ушли в мартен,
слесарь исчез в трудкнижке —
каждый второй бизнесмен.
Остальные — политики,
правят страной и селом.

Мне туда не пробиться,
я ведь заводской.
Милая моя девочка,
завтра куплю букет,
может из пластика яркого —
вечные, знаешь цветы.
Все перепуталось ныне
в одичалой моей голове.
Стою на бульваре,
как чокнутый,
а рядом — митинг борцов
за наше с тобой будущее
без заводов, дворцов,
зато с пивными реками
и вяленой рыбы хвостом.
Мы будем пить и жрать это,
рожая стране мальцов.
За это не хило платят —
на жизнь хватит сполна.
И зачем горбатиться?
У меня же умная голова.

06.12.07.

* * *

Отпусти себя, как щепку в поток,
времена безысходности,
отпусти себя, как щепку в сток,
чтоб не исчезнуть в подлости.

Судьба пойдет навстречу,
откроет дверь.

Войдешь спокойно решительным,
нешепотным оттеперь.

Не стоит спорить с Богом —
держись за Него.

Ведь звездный час —
ни мелочность,

ни лайнеры,

ни полеты на острова,

ни банковский счет,

ни полная калитва.

Звездный час — покой, тишина,
шепот губ,

молитва — и вот — Бог.

Постарайся немало —

Он откроет дверь

и войдешь.

Чувство несравненное
ни с чем в мире.

Блага высшего не найдешь,

когда восходит к Богу,

душа,

мимо мира благ.

07.12.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Волчара по снегу рыщет —
который день без еды.
Лес опустел
и снег заметает
тропинки, зверя следы.
Тоскливо воет — холод,
лунный свет.
Мороз и голод, и стаи нет.
Поубиты все.
Лес умер. Животных нет.
На опушке гарь
от пожарищ лета.
Петляет волк,
ждет охоты,
ждет, чтобы
пристрелила
сволота.

07.12.07.

Метрадъ третья

* * *

Скину мысли хмурые,
тлен ума.
Еще б убрать сознание
водкой «Мерной» —
один литр.
Не думать о завтра
с водкой «Русской».
Вместо головы — старый пень.
Хоть на день
забыть
этот город,
страну, семью,
женат или нет,
бездельник или солдат —
отдыхает же скот.
Мозг трезвый, сознание ясное —
хорошо, но не всегда.
День солнечный и прекрасный —
идут года,
но нужен дождь и небо серое.
Иду в магазин
за водкой «Мерной».

07.12.07.

* * *

Вокруг пустыня — один песок.
Зной жарит, как молоток.
Стучит мне в темя —
и шум в ушах.
А время — утро,
и впереди — день.
Вокруг пустыня —
бархан, бархан,
люди, змеи,
какой-то бедлам.
Оазис вижу,
но это мираж —
деревья, небо —
лишь в голове.
Пустыня тоже
в моем дворе.
О люди!
Как я от вас устал.
Любви в вас нету —
один металл,
в словах и мыслях —
нунчак, копье.
Вокруг пустыня —
и ничего.

07.12.07.

* * *

Пространство узкое —
воздух липкий,
пот и слезы,
путь неблизкий.
Выстрелы спереди,
взрывы сзади.
Воют мины, свистят снаряды.
Дыхание спретое —
сердце, как молот,
Стучит, взрываюсь в груди, как бомба.
И сон прервался —
тело в спазмах.
Лежу и страшно
шевельнуть руками.
Ночь полнолуния —
бесва гуляет.
Луна — колдунья,
а я с боями
ночь проживаю.
И сон — страданье.
Зачем — не знаю?
Мне б девку рядом
и водки много,
а я вздыхаю —
жизнь на обломках.
Познаний много —
начать сначала.
Но жизнь прожить —
как пить стаканом,
без передыху,
днем и ночью.

Наступит время
и «белка» тронет,
и мысли сбросив,
глаза закрыты,
Я засыпаю
и слышу крики.

07.12.07.

* * *

Гоцалки попсовые
по всей стране,
и в трусиках девочки —
привет со сцены мне.
И нравится, не нравится,
но весело, блин, жить.
То Мишка Поплавок —
славой всех затмил —
о ботанике и зоологии
орет изо всех сил.
Но бычья яйца, главное,
о чём вещает док.
Губки сжатые, глаз прищурен —
хитрый мужик,
профессор в натуре,
шепчет амурно о яйцах быка.
Поешьте культурно
и сила у мужика.
Пока в пузе яйца быка,
бедные бабы стонут.
Ощущение,
что у Мишки нарушен обмен веществ.
Бычья яйца не ушли по кишечнику,
а поднялись вверх,
над ушами смешались с мозгами, —
эрекция у Мишака сплошная.
От носа до пят страдает.
Ишаком икает.
Сквозная маскультура
недаром всех достает.
Удавила крутыми яйцами,
а может, и покрутей.
Попса по сцене скакет
и время прет еще попопсей.

07.12.07.

* * *

Встаю спозаранку,
руки дрожат —
меня бултыкает — ни сесть, ни встать.
Бегу в аптеку, не за кокой дурной,
беру трамадол —
слава власти родной.
Глотаю таблетку и жизнь поплелась —
на улице Ленина —
чувиха вмасть.
Беру с нею «кокс» и в гости иду.
Дверь странновата —
метров семь в высоту.
Стены кривые,
вместо паркета — асфальт.
Зебра, полоски — машины стоят.
Стол среди комнаты —
круглый с углом.
На нем унитаз и бумаги рулон.
Я завтрак ищу, а рядом — биде.
Девушка моется —
внизу там уже.
На стенах проводка,
идет в никуда.
Но тока много —
электроны в рядах.
Морды свиньи и черная шерсть.
Смотрю, а на люстре —
огромный удав.
Рядом ужи — штук пять насчитал.
Висят и оргазмы —
один, вон другой —
и тут же потухли все чередой.
Я выключатель хотел взять ногой,
но вместо клавиши —
мои там глаза.
Мать твою за уши —

куда я попал?
Девка пописяла —
и ко мне на диван.
Секс бурный вышел —
целый стакан.
Мы его вылили
соседям в окно.
Телек включили —
там тоже оно.
Два грозных лидера — трубочки в нос.
Сейф открывают — а там «кокс».
Жизнь потихоньку
в русло вошла.
Пойду на работу
разгон дам козлам,
а вечером снова
вернусь сюда.
Быть может, здесь
новая моя семья?

10.12.07.

* * *

Люди уходят во тьму веков.
Туда, где света нет —
ловушка для дураков.
Седые волосы, преклонных лет,
прыгают, радуются изо всех сил.
Корчат счастье на краю могил.
Перед начальством выслуживаются,
лижут пол.
Жизнь зря прожита —
и тьма веков.
Я тоже был
в дремучих днях,
влекло туда
и все сильней.
Гордится нечем, да и зачем.
Себя не жаль — жалею всех.
Лучше на паперти отстоять,
чем пол лизать.
Седые волосы — мудрости знак,
одному он враг,
другим — лизать
место смрадное
в утеху тех,
что из тьмы пришли
и подставляют зад.
От света к мраку —
один лишь шаг.
От ума к заду —
деньги шуршат.

10.12.07.

* * *

Я стою на берегу
великой реки.
Сильна река,
каких не много.
Я стою — все мысли о тебе.
Вода грохочет,
пробивает путь в порогах.
Ниже водопад и дикий лес.
Нам бы на реке вдвоем,
нам бы на реке
с тобою вместе,
нам бы на реке
построить дом,
моя невеста.
Путь к реке издалека —
крайний север,
вечная зима, вечный снег
и вечные морозы.
В северном сиянии
всегда тобою грезил,
жемчужиной из моря слов,
которая есть где-то.
Стою
и жду тебя всю ночь,
моя душа —
с тобою в небе.

12.12.07.

* * *

Не оглядываясь назад.
Новый путь,
а старье — вчера.
Пахарь в поле — руки на плуг.
Взгляд вперед — ровная борозда.
Оглядываться назад, мысли комкая,
жалеть о прошлом — удел неловких.
Гибкий день сожалений о прошлом!
Его бы в календаре,
в осиновой роще,
с веревкой на ветках.
Сожаление затягивает голову в петлю,
пугает
день в календаре с красным знаком,
сожалеть о прошлом —
путь неудачи.
Я будущее славлю—
прошлое, как подкова,
на дверь навешу и помнить буду,
как не пускать к себе приблуды.

12.12.07.

* * *

Бригадиры в парламенте
и в советах.
Авторитеты на воле,
мусор в газетах.
Рыжий в черном пальто
правит,
вот еще один — никто,
за понюх табака задавит.
Спрут это многоголовый
что ли?
Словарь Даля открою,
подберу название новому строю.
Кореш говорит — там его нет.
Это — зона, тюряг беспросвет.
Законы, законы —
понятий не меньше.
Композитор-бригадир
пишет песни.
Певец на сцене —
тоже от прилавка.
А вот — новая поросль на сайтах.
Клуб будущих миллионеров,
клуб настоящих миллиардеров.
Клуб девиц по вызову,
клуб голубых, аж синих.
Политика движет общество
к диоксинию.

12.12.07.

* * *

У меня Ленин на груди,
а в горле песня.
Про паровоз его,
что все стоит —
в руках винтовка —
и комсомольцев,
что идут, идут
на продзаготовки.
Я тем временем живу —
сегодня тесно,
и песни новые поют,
да все не к месту:
про чефир и телку в койке.
Я с коровами не сплю —
жизнь и так помойка.
Коммунисты за бабло
продали все книжки.
Либералы за бабло
украли все спички.
Огонь раздуть на страну
про жизнь свободную успели.
Но дрова закончились — и ну!
Люди поугорели.
Стали все рабы — и что?
Нравится нам очень.
А паровоз пока стоит
и в нем пар клокочет.

12.12.07.

Метрадъ третья

* * *

Кошке Ниже

Я тебя выхватил у тети смерти,
барабан кружится,
а в нем — конверты.
Ворон черный с клювом уставшим
берет конверт.
Тетя сияет —
ее работа конверт с косою.
Взмах черной мантии —
она в полете.
Быстро движется
время лихое.
Скорость движения
сравнима с космической.
А ты готов
с нею встретится?
Бог только может спасти,
но ненадолго.
Время бежит —
все равно
встречу не удержать.
Помни и думай —
особый тот день.
Здесь все закончится — а там?
Новая цель.

14.12.07.

* * *

Ты уходишь от меня все дальше.
Тебя украл экран стеклянный
внезапно.
Присасывают щупальца и гипноз змеиный —
мозги вправляет всем телевидение.
Чудесное изобретение двадцатого века —
колба стеклянная
с картинками в цвете.
Плавно,
через миллениум,
в задвадцатый век
вошли ящики без напряжения.
Шик и блеск — модели новые.
В супермаркете винчестер,
садит патрон за патроном.
И десять трупов —
не вечер еще —
посидим, поглядим.
Записка посмертная —
прославиться хотел парень.
Вышло — и не вернулся,
меж других важных дел.
От другого героя наука —
в школе стреляет часов пять.
Все в прямом эфире
и не замер мир.
Кто-то при этом
на кухне обед готовит,
кто-то в автомобиле
обнимает любовницу
и одним глазом смотрит.
По учебнику собрал мину,
в автобус занес.
Звонок по мобильному —
взрыв, кровь, трупы, гарь, вонь,
но из экрана не слышно запаха пока еще —
трудятся ученые в лабораториях,
обещают: скоро!

Вечером порно
для домохазяек —
две девицы занимаются сексом
и режиссер ими управляет —
играйте, вам нравится.
Домохазяйки истекают слюною
и тихоматом ругают,
не программу и режиссера —
жизнь свою,
мужа шахтера.
Ему не до гениталий —
вчера целый день долбил в лаве
и сегодня опять идти.
Драмы, войны, заседания парламентов —
время чепуховое —
две тысячи лет мир создавал, ваял, писал
и все стало ценностью для торговцев,
как вложить деньги.
Картинка сменяется картинкой,
блестинка блестинкой,
а ты — все дальше и дальше,
как завороженная, ослепленная,
телевизором остеклененная.

16.12.07.

* * *

Шумит сосновый лес —
много срезанных деревьев
и пни немым укором.
Набросано сухих веток —
все, как в мире людей.
Идет, петляет дорога,
на ней гряда камней.
Справа овраг глубокий,
слева стоит вода.
Объехать, пройти возможно —
через камни вперед.
Ветер гонит по небу тучи
и вдруг — дождь.
Лес потемнел и страх —
по телу
волночий.
Все как в мире людей.
Раньше думал,
что лес неживой.
Сегодня я понял,
тысячи глаз ощущая на теле,
он кричит, немой.
Зол он на всех
за пни и сухие сучки.
Каждое дерево
ждет своего конца.
Я прозрел, иссякла дорога
и закончился лес.
Странные мысли,
ушли понемногу
и вспомнилось,
что человек —
природы венец.

16.12.07.

* * *

Что твой ласковый взгляд,
за ним ложь и враки
о сложной любви,
неудачной и частой.

У меня другая цель —
за мир и людей —
не иначе.

Ты страдаешь за достаток:
за машины, золото, шик.

Это боль твоя, однако.

Тебя не буду учить,
тратя время и силы.

Все равно позабудешь.

Наступит вечер — зов огней.

Вина — пей и пей.

Жизнь в полоску — рядом клетка.

Полосы сжимают друга.

Друг приходит и уходит,
но наступит выюга,
не январская, похуже.

Как завьюжит!

Так завоет, затревожит!

Выюга жизни — клетки сетка.

Спросишь тихо — вы соседка?

Нет!

Твоя судьба кривая,
в этой клетке доживаю.

16.12.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Кошке Нике

Тревога и боль.
Сердце стучит и — сбой.
Мой друг больной
оставил дом, меня.
Опустело все.
Все — фигня.
Не стоит и гроша.
Я страдаю ночью, днем —
звоню в больницу и жду гудков.
Гвозди острые, как спицы,
сердце ноет, наболело.
Друг страдает — друг на грани.
Смерть с ним рядом.
Дорога — снег и ветер.
Утром рано
я лечу к нему —
слезы сдерживать трудно.
Я держусь кусая губы —
жизнь летит и мы стареем.
У меня уж осень, друг — чуть дальше.
Грустные глаза при встрече,
легкий поцелуй мне в щеку.
Я так счастлив видеть это —
гладить шерсть
и слушать утешенья докторов.
Лучше стало,
лучше другу.
Самый близкий друг мой, Ника,
ты в больнице — дом пустой.

16.12.07.

* * *

Ты изменила мыслей ход.
Пришла
и я навстречу вышел.
То был счастливый год.
Меня спасала,
так болела за меня —
моток колючей проволоки
с души сняла.
Я стал другим —
вернулось счастье.
Его таким увидеть я мечтал.
Но после солнца —
всегда ненастье
и я еще ниже, на дно, упал.
Ведь рок тяжел.
Топор — всегда над головой.
Шаг в сторону —
и рядом гроб —
опять лежу.
Медленно взвесив
все «за» и «против»,
я снова один гребу
без лодки, без весел
на вражьем берегу —
смирился и воспрял,
смирился и вот встал.
Топор я вижу над собой,
грехи мои —
тяжелый лом
из жизни прошлой я тащу.
И что —
год тот должен я забыть?
Тяжелый рок мне стал, как брат,
моей судьбы
я лишь солдат.

16.12.07.

* * *

Отец мой Бог —
Христос мой Бог.
Дух святой — мой Бог.
Я много прожил,
как будто без Вас.
Один, без Бога, без Тебя,
это фантазия моя.
Я просто богохулил,
грешил.
Я жил, словно и не жил.
Но Ты меня оберегал
от многих грязных дел.
Я не сумел подняться —
только падал и вставал.
Хоть и лежу — ты все равно со мной,
как любящий Отец.
Я чувствую Твою любовь и помощь.
Где же конец пороку и греху?
Я не иду, а по ночам ползу.
Живу, как не живу.
Тебя прошу поднять с колен.
Я раб тупых вещей.
Я раб гнилых страстей.
Прошу Тебя, не оставляй,
дай силы, дай!

18.12.07.

Метрадъ третья

* * *

Стеклянные глаза,
потухший взгляд
и мир, как отошел вдруг от меня.
Нет, я не умер, кровь еще стучит
в висках.
Смотрю я,
но не вижу вас.
Я не слепой,
я просто вижу даль.
Вы люди — мне друзья.
Невидимых, незнаных — много вас.
Хороших, добрых и сейчас,
но много ранивших.
Я сам хотел,
идя на вас и против вас.
Ума б тогда — каков сейчас —
ушел бы с посохом, сумой
и не искал свой дом.
Мой дом — средь поля
под копной,
в лесу под соснами,
под дубом на траве.
Я был бы птицей —
в дальний путь
ходил бы за теплом.
А летом —
отдохнуть
от склок да ссор
и дикости людозверской
я смог бы,
и не нужен дом.

18.12.07.

* * *

Я в просторной камере тюрьмы
по типу «люкс».
За кровные свои я здесь томлюсь.
Хорошая еда, прогулка во дворе
и надзиратель есть всегда
в душе, где сто чертей —
моих, твоих, его —
я всех собрал.
Нести, кормить все это стадо
я устал.
Избавиться от них непросто
и я в тюрьму ушел.
Меня Всевышний осудил.
Он — прокурор
и от Него мне не уйти.
Моя тюрьма — за кровные мои —
комфорт, еда.
Моя тюрьма — пока лишь здесь
и я ропщу на Судию,
которого нельзя купить,
который не берет
купюр, квартир,
на Судию, который —
мой Отец.
Он Бог, —
а я глупец
пока юнец.

18.12.07.

* * *

По краю обрыва,
по краю земли —
где-то граница Вселенной.
И мысли мои к обрыву пришли —
вернуться б назад, но тленны.
Закрыв глаза,
слышу запах ветра,
с морскою пеной смешался он.
Несутся кони
синего моря.
А я по краю — наклон к обрыву.
А я — по краю —
криво, криво.
Моя дорожка, моя тропа —
здесь нет людей
и города — клоаки
смрада, дыма и хлама,
отбросов и пьяных тел
остались сзади.
И только отблеск смога
под глеющей атмосферой.
Кто по краю?
Кто шутит главным,
жизнью играя,
устроив бары, сбивая кегли?
Но вместо кеглей — толпы людей.
Кому-то больно,
кому-то страшно.
И новый важный —
пальто из шелка, модный галстук —
страхом наполнен, собой задавлен.
Говорит умело,
слова — потоком меда лесного
и ложка дегтя из глаз нечистых.

Анатолий Можаровский

А кто по краю?
И край по сердцу —
оно чужое.
Раны кого тревожат?
Чужое сердце — и нам не больно.

18.12.07.

Метрадъ третья

* * *

Кошке Нику

Я к Господу Христу взываю —
мне болит.
В моем сердце рана.
За моих родных,
Ты знаешь, Господи, — я так страдаю.
Грехи мои, как чад из печки.
Небо — неутешно.
Я неизменен и этим кичусь,
страдают близкие.
Ты учишь меня —
разлучаешь с ними — я плачу.
Их страданья рвут сердце —
безысходность.
Я молю Тебя.
Я знаю, Ты все слышишь.
Помоги мне, отпусти грехи
в Пост Великий
накануне Рождества —
подари радость,
исцели друга.
Ты ведь знаешь
нашу привязанность.
Без нее жизнь
будет еще несноснее.

21.12.07.

* * *

Кошке Ниже

Я люблю тебя,
как любят цветущий сад.
Я тебя люблю,
как реку горную и водопад.
Я тебя люблю,
как небо из тюрьмы.
Я тебя люблю — пойми!
Мне расставаться, как умирать.
Мы с тобой обречены
вместе в горе, счастье и любви.
Вместе в дождь и солнце —
ты пойми!
Я тоже руки опускал не раз.
Жизнь опостылела и страх —
потеря смысла, крах в делах.
Но все в борьбе
Творец создал.
Он Сам борец и воин.
Нам устав Его — такой же.
Борись не за себя, других.
Ты нам нужна — борись.

24.12.07.

Метрадъ третья

* * *

Кошке Нику

Я возненавидел жизнь, дела.
Уходит друг.
Пришла пора.
Я не могу ничем помочь
и только плачу день и ночь.
Я славлю величие Творца.
Приходим в мир мы и уходим, но куда?
За все на суд,
мадам и господа.
Судья с весами неподкупен —
твой черед.
Я не утратил к жизни интерес.
Я просто не люблю ее за смерть.
Уходит друг —
глаза, как много лет назад.
И снова плачу невпопад.
Я стал смешным
для близких и людей.
Уходит друг —
любимый зверь.

28.12.07.

* * *

Кошке Ниже

Как вернуть моей душе покой?
Я измучен, словно загнанный до смерти.
То отходит, то, опять, — волной.
Жизнь, я так любил тебя!
А ты жестока и коварна,
суетна, неблагодарна.
На любовь любовью отвечают,
а ты — нож в спину,
когда темно,
ты бьешь под дых.
Тело свело и нету слабины —
не все выдерживает и лом.
Ты жестока.
Вам поделом, —
сказала тихо и пошла
искать, кто слабый,
чтобы пырнуть
исподтишка.

24.12.07.

Метрадъ третья

* * *

Я вставал и падал —
преграда за преградой.
Не туристический маршрут,
не игра в потемках.
И грубый мир —
тонкий в мечтах.
Искрится солнце
по воде и камням.
Сердце отдыхает
от трудов.
Скоро вновь в дорогу —
бить ноги в кровь.
Пот ручьем.
губы искусав, терпишь.
Жизнь в гору.
Оставлять все это жалко
и не в пору,
но так мир устроен,
а пока что — в гору.

10.01.08.

Анатолий Можаровский

* * *

Мечта последних лет —
проникнуть в тайну бытия,
но стоит передо мной стена.
Биться в нее можно,
нужно
и я стараюсь.
Но стена из камня —
от края до края.
День с утра стрелою —
вот обед и вечер.
Чередою годы —
тайна есть на свете,
но познать возможно
только то, что знали.
И судьба — загадка,
с виду ведь простая.
Впереди без веры —
ночь, сплошная темень.
Сон без пробуждений,
преданный забвенью.
И на его место —
новый с черной тенью.
Тайну все хочу
открыть я,
не напрягаясь
и не страдая.
Утром встал — и веришь,
днем и ночью — знаешь.
И стена светлеет,
стала тоньше.
И лучи вдруг с неба —
светит солнце.

10.01.08.

Меморандум третья

* * *

Кошке Нике

Жизнь любимого кота —
друга и эпохи
подходит потихоньку
к концу.
Его красивые глаза
не хочу тревожить.
Сегодня он со мной,
простили мученья и болезни.
Моя вина.
Он мое горе взял себе.
Лежит на коленях
и я светлею,
лаская голову его.
Страдания затмили все.
Страдания — все наболело.
Сегодня сам я жду врача —
уходит друг мой навсегда.
Наступит день мне умирать
и ты появишься опять.
Я буду ждать.

11.01.08. 15.00.

Ника ушла в 16.30. 11.01.08.

* * *

Кошке Нику

Я тебя не вырвал у тети-смерти —
просто отсрочка
побыть нам вместе.
Сколько терзаний за месяц этот.
Ты исхудала и взгляд невесел.
Тихо, безропотно терпела мучения —
хотел я, как лучше,
друг мой, поверь мне.
В последние дни ты так изменилась —
снова, как прежде,
появились силы.
Ласкалась на наших руках.
Мы снова счастливы.
И быстрым движением
с криком пронзительным
мир ты оставила
с рук моих близких.
Смерть ненавижу.
Тело твое — бездыханное, смякшее —
печаль безотрадная.
Тело в земле — сверху цветы.
Сколько мне плакать
и где сейчас ты?
Бога прошу — сохрани ее душу.
Ведь Бог есть любовь.
Все в мире — тайна,
и нет уже слов,
остались лишь слезы,
щемящая боль!
Друг мой, ты слышишь?
Я навеки с тобой.

13.01.08.

* * *

Болея сильно,
как-то в парке
стал я к клену обращаться
поделиться силой,
хоть немного.

Прошло три года,
я выздоровел, набрался сил
и не сказал спасибо клену.
Столетнее огромное дерево
стояло с пышной кроной.

Я мимо проходил
там сотни раз
и не смотрел на ствол знакомый.

Однажды, вспомнив,
я подошел дорожкой старой,
клен был обрезан сверху почти весь.
Кора опала, ствол трухлявый —
клен умирал,
недолго жить осталось.

Я понял его боль —
он весь сгорел и заболел.
Все силы перешли ко мне,
а я о нем забыл.

Я ныне на коне —
прости, столетний клен.
Простите меня все, кому я должен.
Ведь умел просить,
а получив — забыть.
Как научиться жертвенно любить?

13.01.08.

* * *

Жизнь, как сумерки в ноябре —
мелкий дождь холодный,
ветер — сквозь одежду,
и ты один бредешь по улице в потемках.
Промокли ноги, застыли руки,
и, голову втянув в плечи,
думаешь, где взять сегодня силы.
А то, вдруг, май —
и ласки солнечного света,
цветет все, голову пьяня,
и скоро лето,
гром и дождь,
радость и счастье.
И, вдруг, удар,
и ты лежишь — на груди кровь.
Вокруг врачи, сиянье света,
наркоз и слезы
Чьи, зачем?
Кому ты надобен сейчас?
Как оказалось мир не так жесток —
в нем много добрых душ,
и искренних сердец без злости...

13.01.08.

Метрадъ третья

* * *

Кошке Нике

Я, как застывший металл.
Время остановилось —
друг ушел,
умер на руках,
взяв мою боль,
а жизнь оставил.
Я не хочу включать мозг,
не хочу думать
и что-то делать.
Друг ушел —
кошка Ника —
как пустота болит эта!
Дом пустыней — боюсь войти.
Зароюсь в горести,
выжгу мерзость,
а любовь оставлю.
Войду в будущее, как младенец.
Спасибо, Господи.
Я чувствую —
Ты мне еще веришь.
Жизнь свою променял на золото,
радости телесные и еще что-то.
За этим гнался, как на ралли.
А кошка открыла мне Бога
и живое счастье.

13.01.08.

Анатолий Можаровский

* * *

Koшке Ниke

Старый Новый год —
на елке потухли гирлянды.
Траур в доме который день —
скребущаяся смерти тень.
Слезы наши — беспомощность.
Дико.
Человек — «хозяин» земли,
но без успеха.
Гордость человеческая,
вероломство.
Грехи бесконечные —
рвется где тонко.
Жизнь за нас — уверенных,
отдают друзья младшего племени.
Любовью был дом наполнен.
Сегодня горе,
и пусто, темно,
почему нам так суждено?

13.01.08.

Метрадъ третья

* * *

Кошка Ника

Кошка Ника
три дня как оставила дом.
Берег Днепра принял ее.
Дом опустел,
зловещая тишина.
Бьют часы,
взрывают пространство и меня.
Я двигаюсь мало и тихо.
Друг ушел,
будто часть меня оторвав.
Все, что стоило денег, стало пустым.
Урок суровый я сполна получил.
Столько жил без горя...
Морока, возня...
Потеря отрезвила меня.
Я понял:
самое ценное в мире
не модные супер-штаны.
Боже!
Утешь, силы дай дожить!
Держи меня, Боже, крепче —
не дай грешить.

14.01.08.

Анатолий Можаровский

* * *

Кошке Нику

Мысли грешные —
злость и злоба.
Сознание рвется к Вечности,
туда, где она.
Верю и мне не верится —
зачем перед Богом клонюсь?
Ушла моя кошка —
сердце не хочет терпеть.
Глупо мне с Богом дразниться —
в руки себя бы взять.
Но я лежу, как в больнице,
или на паперти в ряд.
Меня там не было в жизни,
но мне сейчас все равно.
Мир в глазах двоится
мрачный и очень мрачный.
И холодно очень мне.
Судьба обошлась сурово —
время мое прошло.
Я жил, и Бог лелеял,
руку ложа на плечо.
Я знаю, Бог меня любит,
может, скорбит со мной,
но так этот мир устроен,
что сам Он на крест взошел.
Я буду терпеть спокойно.
Злоба пройдет через миг.
Жизнь незлобливо жестока —
как ее долюбить?

17.01.08.

Метрадъ третья

* * *

Сегодня День Богоявленья —
великий праздник Господнего крещения.
Мне радостно и грустно одновременно.
Я радуюсь Божьему празднику,
великой воле Творца.
А грусть от одиночества —
девять дней, как ты ушла,
ушла моя кошка, друг мой, —
смириться с этим могу,
на минуту или две,
и снова грущу и грущу.
Не было боли сильнее
и пустоты у меня.
И сегодня, в девятый день,
я плачу и радуюсь, славя Творца,
все неспроста:
заболела ты в Пост Великий,
а ушла на Рождество —
душа твоя нашла обитель
у Бога, хотя б на крыльце.

19.01.08.

Анатолий Можаровский

* * *

Хлопья снега кружатся.
Желтый свет из окон.
Свинцovость небес —
им тоже грустится.
Я вспоминаю прошедшее,
как после разлуки болело.
Я искал такую же
и напрасно!
Женщина — сеть,
где временно приятно.
Остальное сводится
к выяснению отношений —
кто старше?
Так и проходит время
и назад оглянуться страшно.
Годы, годы
и все в фотографиях.
Хорошее в памяти —
головная боль, не иначе.
Крутишь этот диск —
он уже заигран.
Жизнь к концу —
самый близкий друг — кошка,
ушедшая в Вечность.
Все остальное не занимает.

19.01.08.

* * *

Грусть моя тихая, грусть моя нежная,
камень печали слетел уж с души.
Березы осенние, рябина вся в золоте,
клены потеряны — листья их бросили.
Запах особенный, небо глубиннозвонкое,
мысли спокойные, иль нет их совсем?
Сердце все знает — что здесь и затем,
каждые по вере, лишь вера сильней.
совесть, поступки во славу людей,
жизнь моя — жертва, как и хотел.
Но это так сложно — отдать себя всем,
добрый и злым, родным и не очень.
Любовь бескорыстную в душе я возвращу,
и птицей по миру пущу —
пусть греет и лечит
больных и хромых, увечных,
несчастных и злобных.
Правду я в мир хотел —
все мечем и дыбой.
Все прахом пошло —
нервы, эмоции,
революций пир.
Для близких надежда бы вроде была,
но обмануты близкие и горьки их слова.
Теперь я с любовью и всем говорю —
любите, любите! —
потом будет поздно,
на самом краю.

19.01.08.

* * *

Один в Москве, другой в тюрьме,
третий в земле, четвертый на даче,
пятый на троне, шестой в патроне.
Киллер ищет место встречи —
время его из постели гонит.
Грохнет выстрел — хана «лимонам».
А так их «шкрабал» —
так пожить хотел.
Наша элита: вожди и власть — воры и бай.
Других где взять?
Себя я мерил туда давно —
но тоже вор в чужом пальто.
Девчонки наши — элиты розы,
как змеи грозные.
Как деньгой не пощекочут —
оргазмов нету.
Одно расстройство.
Так — вся планета.
Народ урыли,
баки забили,
себя ведь тоже.
Наши вельможи —
одежда, девки, бани, массажи,
примочки к мордам —
здесь и застряли.
Дряхлые парни и бабы тоже.
Элитуны помоложе
сзади их подпирают.
Спасу нет и не будет.
Вилы нужны, дубины и грабли.
Мешки большие — собрать все счастье,
остаться нам в полной свободе.
Когда то время?
Холуйство в моде.

20.01.08.

* * *

Не хочу зулусом,
не хочу пигмеем.
Мне бы — муравьем
на острове хотеев,
где живут хотелчики,
хотихи и хотята.
Все хотят, но остров —
в океане пляж то.
Песок, четыре пальмы —
вокруг плещется вода.
Едят они крабов и все,
что есть хотят.
Я б их грыз и кусал,
уму учил.
Я все хочу учить народ,
но слушает меня
один урод.
Коряга-пень
средь парка старого
молчит трещит,
так слушать хочет.
Вот так и живу,
жизнь проходит.
Мне б что-то новое,
но не приходит.

20.01.08.

Анатолий Можаровский

* * *

Кошке Ниже

И как жить дальше —
как дальше жить?
Без тебя, мой кот,
все болит.
Грусть и грусть.
Забыть этот год.
Мой кот,
иду по дому,
сжавшись в комок.
Ты — планета света.
Ты — королева, в меха разодетая.
Ты — звезда невоспетая.
И только мысли эти
держат нервы.

20.01.08.

Четвадъ четвертая

* * *

Магма зла в мозгу клокочет —
извергается словопотоками,
эмоциями пепла
поверх голов.

Я часто удивляю людей.

Они тянутся ко мне —
все роднее каждый из них,
а я начинаю ненавидеть их.
Горячую голову успокоить
пытаюсь много лет.

Болею, ищу ответа,
а его все нет.

В юности все было ясно,
но с каждым прожитым годом
все изменяется в темень.

Ответа нет,
хоть, кажется, знаю законы Божьи.

Весна и лето
несут моей магме покой.

Поздней осенью остается мрак.
Воля нужна, чтобы встать.

Делаю вид, что все идет путем,
кошки на душе скребут —
а что потом?

Нет лекарств успокоить
вулканический червь.

Но жить так — здорово,
чувствуя оголенный нерв.

20.12.07.

* * *

На соседней крыше друзья —
серые вороны —
ждут от меня еду
и смотрят грустно.
Легкий снег.
Из серого
пытается вырваться солнце.
Темные дни декабря —
поплакать бы внезапно.
Жизнь моя — сплошная цепь потерь,
и я знаю, что это нормально —
многие так воспринимают.
А я не могу смириться
со страданием и смертью
родных и близких,
далеких и не очень.
Зачем мир,
если жизнь — не праздник?

20.12.07.

* * *

Твою мудростью устроен мир,
Вселенной правит голос Твой.
А я хотел что-то изменить,
и в результате — немой.
Потеря воли,
мычанье, словопотоки —
и ради денег на все готов.
Истерзано тело —
душонки клочок.
Неровно стучит сердце,
а тянет в бардачок.
Нет мудрости и зрелости.
В пустыне дом.
Закрыл бы рот
и Бога молил.
Плакал так больно,
что стал столбом
возле дороги.
Прошу помочь.
Сотвори чудо!
Озари эту ночь!

20.12.07.

* * *

Отойдут метели,
схлынут холода.
Солнце в синем небе —
полыхнет весна.
Крылья разнотравья
в тысячах цветов.
Реют птичи стаи
с голубых сторон.
Грусть свою оставлю
со снегами стыть.
Разгоню печали —
ведь со мною ты.
У радости и жизни —
не одна весна.
Уходят холода...

21.12.07.

* * *

Желтая, засохшая трава в лугу,
осенний день к концу идет,
легкий туман — дыхание зимы.
Стоят стога, и сена дух,
а я бреду в этом лугу, к реке иду
хрустальной чистой глубины,
хрустальных перекатов буруны,
желтый песок на дне,
засохшие кусты.
Верба во сне —
особое движение души,
и счастье это осознать
с годами лишь,
когда всплывают в памяти те дни,
ценить мы начинаем,
что прошло.
Упрек себе за все —
угасший луг и нет стогов
мне много лет.
Приснился б сон...

22.12.07.

* * *

Много лет жизни прожито
с мечтой о плебейском кайфе,
о какой-то женщине, деньгах и модных тряпках.
Шкаф забит одеждой модной —
кутюрье старались днями напролет.
Деньги лежат, покрываясь пылью —
внезапное прозрение между мечтой и былью.
То, что имеем, не ценим,
а ценим, когда теряем.
Друг близкий,
ради чего в этот мир приходим?
Не знаем.
все с ног на голову — дьявол манит,
сети раскинуты широко,
и мы, многие, в них попадаем.
Жизнь проходит, как в тумане
что имеет смысл, а что фигня?
Мы понимаем, когда теряем —
не дай Бог такую школу.
Грудь свинцовый груз давит,
жизнь теряет смысл,
богатство тоже.
Детство, вернись, если сможешь,
в душу мою и сознание.
Видеть весь мир, как радугу —
терпение стали булатной.
Жизнь — это череда встреч —
за ними расставания.
Полбеды, если друг просто уходит,
но нету слов выразить то состояние,
когда уходит в мир неизведанный,
оставляя тебе вечную память.

22.12.07.

* * *

Зелено-синее море,
раскаленное солнце и горы.
Край исполненья грез.
Звонкие вскрики чаек.
Запах водорослей,
и белый парус небес
уносит меня к тебе.
Манит горизонт —
что за ним и как туда попасть?
Я путник в мире,
хоть мало видел,
но богат воспоминаниями,
любовью и привязанностью близких.
Божественной природой
упиваюсь я, как ребенок,
не живу, а все играюсь —
чужая боль мне не знакома.
Сейчас я понимаю понемногу —
не бывает чужой боли:
мы все едины с Матерью-землей.
Иду, бегу по миру —
о, как я слаб!
Мне б силу воли,
но не жестокость и цинизм!
Я, как эти моря волны,
не остаюсь, а разбиваюсь,
как играюсь.
Игра эта —
болью тяжелой в душе...

26.12.07.

* * *

Грозовой тучей над твоим домом
молнией шаровой прокатиться неровно,
сердце твое страдать заставить —
я люблю тебя, а ты не замечаешь.
Я, как безумный, ночью и днем —
горечь любви не разделенной с тобой.
Легче б мне ношу — даже тюрьму.
Видеть тебя просто хочу.
Время уходит — день, ночь, год...
Я убиваюсь, а ты с ним живешь.
В лучших романах читал — не нашел,
там боль чужая — моя мне за что?
Видеть, любить, страдать, ненавидеть —
грехи все мои.
Мне б тебя видеть!

26.12.07.

* * *

Кошке Нике

Мой друг настоящий
в этом мире,
за много лет с тобой
я столько перевидел,
твое беспокойство
и преданность рабская —
жизнь свою
ты посвятила мне,
не очень ласковому —
обиды сносила, терпела, скорбя,
а я с черствым сердцем
куда-то бежал...
Ты неземное существо —
твои глаза
не раз с упреком
на меня смотрели,
будто вдаль.
В них глубина и покой
Вселенной.
Я берегу тебя, люблю тебя —
ты перевернула сознанье.
Моя цель пустая гонка —
кайфа карусель.
Соревнование на хламе —
суэта.
Ты — мой учитель,
хоть и зверь.

26.12.07.

* * *

Видеть твои страдания и боль —
выше моих сил.

Мироздание устроено не мной,
молитвы мои, грешника,
не слышит, видно, Бог,
и я страдаю еще больней.

Прости меня, больная моя любовь, —
больше брал, чем давал.

Сытый, откормленный, злой —
как я буду жить без тебя?

Я получил урок суровый ценою твоей боли,
я получил урок суровый — надолго ли?

Радует то, что сказано в Библии о тебе.
Радует тайна мироздания.

Я хочу за чертой видеть тебя.

Слезы омывают мое лицо,
в сердце — тоска, я страдаю не меньше тебя.

Жизнь мне стала как ночь темна.

Серое небо, туман, моросящий дождь —
идет по миру зима...

Как мне тебе помочь?

26.12.07.

* * *

Ночь покрывалом звездным
на город поздний опустилась быстро.
Огни из окон — тайны сокрыты,
играет музыкант под фонарем.
Сверкает серебром саксофон —
мелодии ложатся в душу
и я, как зачарованный когда-то,
в мечтах о счастье.
Такая ночь! А я без женщины,
один, но счастлив и Богом любим.
Через неделю — Рождество.
Я изменился, словно родился заново,
еще мечты мои ушли,
и я живу теперь не ожиданием весны
и новых встреч
да поцелуев под луной —
я просто вышел в жизнь,
как по-прямой.
Прямую б вверх —
на покрывало звезд —
туда, сейчас!
Но я — еще поддержка своим родным,
таким ослабленным и молодым.
А музыка взрывает сердце.
Я сильный,
слезы для меня, поверьте,
омыть лишь душу,
и не раз.

27.12.07.

* * *

Горечь горечи рознь —
свет и тьма,
день и ночь —
две стороны Луны,
жара — мороз.

Горечь горечи рознь —
Бог посыпает любовь,
в ней много радости,
снов с пробуждением легким.
Кризис, кошмары — не очень,
но с чем сравнить можно соль,
если не знать горьких слов?

Острой стрелой в тело,
внезапно, —
кровь, боль,
ужас, за жизнь страх.
И страшно —
она твоя, одна.

Я горечь познал чужую
внезапно, жестоко танцуя —
надежда, падение,
снова надежда.

Силы меня покидают —
я руки свои
отдал бы за жизнь чужую,
сейчас смысл моей —
стоит мало,
чужая меня беспокоит.

Таков урок
за грязную совесть.

27.12.07.

* * *

Тихий зимний вечер —
на новогодней елке огни.
Господи, Ты меня утешил,
останься, не уходи.
Много скорбей за последние дни.
Жизнь мою и сознание
оставлю лишь для Тебя.
Под елкой друг уставший — кошка —
изможденный, больной.
Тихий зимний вечер —
скоро Рождество.
И ты опять скорбен —
рождественское чудо —
двадцать столетий.
А в каждом Иуда,
кровь на пиджаке.

29.12.07.

* * *

Господь Христос — мой Бог.
Древний Восток жесток.
Понтий Пилат устал.
Толпа ревет.
Вчера был Царь иудейский,
сегодня убивают.
Имею право отпустить!
И снова крики:
«Дай нам бандита!»
Плачет Мать,
плачут ученики.
Терновый венец на голове.
Тело на кресте.
Я там был.
Я кричал.
Я распял
любовь к Господу,
любовь к ближнему.
И оробел,
увидев себя со стороны.
Боже, убийцу, прости!

31.12.07.

* * *

Я — христианин,
значит, солдат Христа.
Лишения, тяготы
нести безропотно
до конца.
Я христианин —
это большая честь,
обречь
на скорби себя.
Их не счастье —
одни сменяются другими —
там выстоял, здесь надрыв —
сорвался и побежден врагом.
Одумался, собрался с силами —
и снова в жизнь.
Тихо с терпением,
а вокруг бурлит.
Море, женщины, рестораны,
деньги, яхты,
и планы, планы.
А что потом?
Я пойду с Христом,
я отучен блеском мишуры.
Суeta держалась цепко
и не только за пальто.
Слава Богу, что дошло.
Друг мой жизнь свою отдал
за меня
под Рождество.

02.01.08.

* * *

Пространство таинственное —
дни особенные.
Скоро Рождество —
мир безмолвствует.
Первое солнце
за недели последние,
легкий морозец,
голубое небо.
Облака белые, как и прежде,
снежинки кружатся,
и лишь чуть грустно —
год за годом,
спешил и комкал.
И вот — за сорок,
да нет, мне больше.
Шестой десяток —
я, как ребенок,
счастлив даже.
Снег сильнее.
И все светлее
одиночества сажа.

03.01.08.

* * *

Голубая сфера, конус,
швейцарские часы.
Том Сойер, пьяный Марк Твен,
мои сны —
все смешалось,
движется в квадрате.
Дикий шум, просыпаюсь мокрый.
Сердце бьется.
Дрожу в кровати
с глазами в потолок.
Лучи света с улицы —
мой калейдоскоп.
Город шумный ночью —
не до сна.
Казино, клубы, дискотеки, бар.
Утром на работу —
силен, как лом.
Днем спят только шлюхи —
вот надлом.
Каждый хочет быть в бригаде,
но не той,
что гоняет план стали,
балует угольком.
Проститутка стала брендом —
и снова сон.
Грязная дорога — смрад и вонь.
Телега едет взад конем.
На телеге люди — мертвецы?
Нет, вроде живые,
но всмерть грустны.
Мент-даишник с мотоциклом БМВ
жезл бросает в дышло
и права качает грамотно — умен.
Денег не дают,
а предлагают лошадиным кизяком.
Мент качает головой —
в руках указ — новая кампания борьбы.

Шабаш — штрафы подняты
все выше вверх,
но кизяк берет — ножкой честь.
Движется телега —
я выскочил,
рядом храл любовницы и дым.
Сигарета прыгает по комнате, дымит
без ментола, фильтра
и шипит.
Скоро утро — в офис побыстрей.
Ночь кина бесплатного.
Не пей.

03.01.08.

* * *

Слышиу слова
улетает время,
время уходит.
Время не звук —
услышал и нет.
Время уносит
от начала к концу.
Оно сродни кузнецу,
металл в огонь и наковальня,
молота звонкие удары,
момент закалки.
Вода, шипение, жар —
металл обновлен, закален,
может пахать,
рубить, служить.
Время — розга —
сечет и больно.
Наступает день — довольно.
Ты счастлив минутным отдыхом,
но неизбежно вперед.
Закон придуман Всевышним,
чтобы вести народ.
А мне все хочется рвануть —
повернуть туда, назад.
Но время — без времени.
Вечнозакон неумолим.

07.01.08.

* * *

Ковром зеленый мох,
травы, цветы,
мелкий кустарник.
Я и ты.
Опушка леса,
сосны в ряд.
Птиц пение,
май.
Ты — юная,
красива, как весна.
Я молод, счастлив.
Жизнь не кончается,
и, плавно, вечер в ночь.
Я пьян тобой,
я счастлив через край!

07.01.08.

* * *

Кошке Нике

Друг болен,
и что-то во мне остановилось.
Жизнь размерена —
все по плану,
вдруг резко изменилась
через боль твою,
мой друг.
Постой, не уходи —
надежда есть всегда.
Ты победишь болезнь.
Я месяц плачу за тобой,
я так хочу помочь,
и справиться с бедой
внезапной, быстрой,
как кинжал под сердце.
Постой, мой друг,
держись,
за каждый день,
за жизнь.

07.01.08.

* * *

Взрыв бомбы и вой,
снова взрыв.
Дом стоял, как дворец, —
груда развалин,
как нарыв.
Крик женщины,
поседевшей на глазах,
ее дети остались там,
где был сад.
В цветущих клумбах —
груды битого кирпича.
Безногий юноша.
В глазах — душа.
Война миров —
война за пространство,
битва идеологий,
патриотизм и хамство.
Мир в развалинах —
безумства танцев.
Танки на улицах,
вместо домов — землянки.
Дети брошены —
родные сражаются.
Двадцатый —
время паяцев,
коварных властителей
с мозгами ядерными.
Снова взрывы бомб
и крики в пыли.
Люди — штыки
в машине войны.

07.01.08.

* * *

Одиночество в тягость,
одиночество в сладость,
выбирать не приходится —
как сложится.

Хочется шума и балагана —
получишь тишину
до боли в ушах.

Друзья на стакане.

Водка — радость,
водка — сладость,
но не хватает надолго.

Новый день
и боль взрывает мозг.

Цирк бесплатный —
на канале мост
и вниз бы,
но на это нужно силы
дурости и злости.

Я бреду по кругу жизни,
спрятав душу,
забыв где.

В груди пусто — барабан.
Как мне жить и что делать?
Радость найти?

В громыхающей пустоте
выбора нет просто —
одиночества остров,
и на нем радость,
что некому
мне в душу гадить.

07.01.08.

* * *

Безумие по миру волнами,
цунами глупости, зла.
Хороших дел мало,
но мерзости добавилось изрядно.
Все говорят о нравственности, прогрессе.
Все говорят —
мораль восстала.
В прессе —
статьи,
рассказы о свершениях и благах.
Для простых людей
жизнь стала краше.
Все слушают и знают —
это ложь.
Двойной стандарт
всем стал пригож.
«Элиты» жить по-другому не могут —
им нужны деньги, блага, дома,
роскошь, прислуга, шофера, лакейва,
наружка и охрана частная —
в дороге и дома.
Кому нужны их задницы —
кроме саркомы?
Двойной стандарт —
безумия штандарт.
По миру — потоками грязь.
Вот мразь —
а нам терпеть,
стонать и плакать,
и ненавидеть их,
богатых.

09.01.08.

Анатолий Можаровский

* * *

Кошке Нике

Ты ушла навсегда
в январьский день холодный,
душой умчалась,
тело для меня осталось.
вечный покой в твоей зиме,
пришла твоя пора —
вместо меня.
Скорблю безмерно в горе...
Не богохульствую,
а лишь молю Творца —
спаси душу ее для меня.
Грусть моя светлая
уже навсегда.

13.01.08.

Метрадь четвертая

* * *

Я приехал в город за счастьем,
когда мне было пятнадцать.
Жизнь скорым поездом —
станции, полустанки.
Часто были и остановки,
паровозу не хватало пара,
пробуксовки.
Позади станций осталось много.
Знает Бог один,
куда ведет дорога.
Счастье было, но его всегда мало.
Заканчивалось и открывай ворота —
невзгоды, беды шли стройными рядами,
я с ними боролся.
Войско у меня небольшое
и они часто побеждали.
Много потерпел родных и близких.
Дама с косой к работе привычна.
Жизнь оказалась паром
и прорубью одновременно.
Поезд ту-ту —
единомоментно.
Счастье, где ты?
Как удержать его
и на кой оно нужно?
Лучше жить,
как в лесу дети.
Так я думаю.
И это не разочарование.
За возню мышиную
мы ответим.

14.01.08.

* * *

Кошке Ниже

Охапка красных роз
на твоей могиле,
холмик земли, сердцу милый.
Смерть, я боялся в глаза ее видеть.
Ты умерла на руках,
я видел смерть
в твоих глазах.
Крик отчаянья твой и мой —
мы расстались.
Смерть не страшна мне стала.
Нет в ней ужаса —
только вздох последний, тяжелый.
И смерть ушла,
мир другой открывая.
Мир удивительный, древний —
он совершенней.
За миг все меняется —
небо напополам.
И встречи новые —
с теми, кто там.

14.01.08.

Метрадь четвертая

* * *

Эта боль...
Она в моей груди.
Ей места мало там —
рвется на простор,
прижаться к сердцу хочет,
сострадающему.
Остыть хоть бы на миг!
Как мне болит!
Я не могу смириться
с тяжелою утратой —
друга нет рядом
четвертый день.
Слезы, слезы, и слезы —
как мне болит!
Я взрываюсь от боли
и безисходности.
О боже, дай мне надежду,
а другу — Вечность...

14.01.08.

* * *

Перед глазами
новогодняя ёлка с огнями —
последняя в жизни
кошки моей.
Пыталась
дождиком играть,
ходила
вокруг да около —
была там ее кровать.
Год крысы
унес ее вдаль,
мне оставив печаль.
Последняя елка
уходит сегодня
на прах и дрова.
Мне остается терпеть.
Всю жизнь я терплю,
и чего-то жду.
Радость приходит —
радуюсь я,
в печальные дни —
размышляю,
сердце скрепя,
и сжав зубы.
То и другое
Бог мне послал.
В радости проще —
она не долга.
Печаль —
соль на рану,
в глазах пелена.
Время в печали стоит —
тишина.
Часы, как устали,
их стрелки на дно опустились
и ждут.

Сердце в печали —
умер мой друг.
Я тихо терплю,
глотая комки,
а жизнь бурлит —
ей не до тоски.
Не представлял я
силу удара судьбы,
можно было помягче,
а мне — в спину удар.

14.01.08.

* * *

Белый снег искрится
в солнце и морозе,
на деревьях листья
золотом из осени.
Как зима внезапная
быстро все накрыла!
Ну а я, как в мае,
счастлив и на крыльях,
ну а я, как в мае,
молодой, красивый.
Мне зимы лишь на день —
пролетит и сгинет.

14.01.08.

* * *

Дорога наша —
ямы да ухабы.
Идут славяне,
словно солдаты —
вчера, сегодня, завтра...
Чечня, Чернобыль
и катафалки.
Судьбы народов —
страдания, горе.
Идут и верят,
говорят, в Бога.
По миру ветром
народ рассеян.
Тоска, ностальгия
в Париже, Сиднее.
Домой не будем —
в Торонто лучше.
И крест свой спрятав,
уходят люди.
Стреляют пушки
по всему миру,
летят «вертушки» —
кругом могилы.
Разрывы мин
в домах и школах,
попса гламурно
воет шансоны.
И жизнь прекрасна —
по «теле» слышно.
Поля не пашем —
чего б не вышло.
Сегодня в церковь,
а завтра к девке.
Злоба и зависть
под дождь зеленый —
по трупам мам
бежим, как кони.

Анатолий Можаровский

Конца не видно,
но все — салюты,
мои славяне,
по вашим душам.

16.01.08.

* * *

Западный ветер и дождь со снегом —
стихия в небе,
а мы на нервах
и по спирали — не вверх с трудом,
а вбок, где горка,
тепло и сытно,
где есть каморка,
откуда можно чего-то стырить,
когда все дрыхнут — а кто увидит?
Сpirаль — все вверх,
а вверх и страшно —
куда-то вбок,
найти б пространство.
Да с теплым телом
и без тревоги.
Больной сосед — не носят ноги,
так то ж его,
а я скажу все
от тела к телу,
от дамы к даме.
Меж ними что-то
еще неспешно.
И боль соседа,
и крик соседки —
мне не по сердцу.
— Судьба такая, —
сказал и сплюнул.
— Грехи людские, —
добавил умно.
Жить нужно быстро,
легко, игриво.
Зачем спираль?
Какое диво.

И стыд запрятав
в карман глубокий,
я в шкуру вжался —
грызет же что-то.
Но это так —
пройдет, как слякоть.
Соседу боль —
мне бабу хапать.

16.01.08.

* * *

На автомобиле типа «ЗАЗ»,
«запорожец» -спецзаказ,
я решил Волынь обмерить —
Шацкие озера, лес.
Там грибы и отдых клас.
«Запорожец» типа «ЗАЗ».
Фары — «Бентли» отдыхает.
А салон — «Феррари» ноет.
С завистью кусает губы
«Мерседес» — эта подруга,
тоже с завистью угрюмо
созерцает крылья, борт.
Отдыхает вездеход — радио кручу,
песни, танцы, пляски.
Еду по указателю вперед —
ошелел и встал, как столб, —
вместо леса-бора — мать!
Пальмы кучками стоят —
и бананы, обезьяны.
Депутаты роют ямы —
здесь у них участки были,
а теперь копи открыли.
Еду дальше —
вдруг озера,
на них мощные атомоходы —
черные борта —
с надписью «НАТО».
Все! Дожились, мы вступили —
йо-маё,
меня забыли.
Атомные субмарины
на озерах Шацких
в спину матушке-России.
У меня же пруд в колхозе,
я его бы сдал в аренду
под их базу, хоть на время.

Сделали все ночью тихо —
референдум смыли в сито —
и мы в «НАТЕ» все по шею.
Хоть бы вырыли траншею.
Где стоять, а где нельзя.
Радио шипит — заглушка,
новости идут на ушко:
в Крым вошли слоны и зебры,
на Херсоне крокодилы,
под Черниговом ракеты,
космодром свезли из Штатов.
Первый космонавт из наших —
и в печали разворот,
еду я, подлец, в колхоз,
широко разинув рот.

20.01.08.

* * *

Жизнь — фантом.
Хорошее и цельное —
все в прошлом.
Сегодня со мной
лишь фантомная боль,
рвет душу денно и нощно.
Я цепляюсь за все.
Крыльцо дубовое и оконницы...
Куст роз под окнами,
мальчишка в шубке,
ранняя весна.
И грусть
уже тогда слышна,
затем я помню: лето, рожь, жнивье,
гроза, копна, кипящий молниями пруд.
Осенний лес, грибы,
зима в сугробах,
лыжи и коньки,
и с горки санки.
Так год за годом.
Душа рвалась куда-то,
чаще, в бой.
И вот он — город,
пока чужой.
Наступит время,
я врасту в него.
Годы — и вот тупик.
А память — снова,
но присмиревшая,
с летней грозою
и зеркальной гладью молний.

20.01.08.

* * *

Белой пеной
на берег
волна —
пена тает на камнях
и опять
игры моря
с сушей спорят,
но предел стоит —
волна не переходит
ласковых границ.
Только волнам цунами
дано вред нести
за грехи, предубежденья
каждый волен сам.
Вздыбит время
океан
на шикарные машины,
трубы, чады, мразь,
да всю их масскультуру
потребленья всласть.
Нет границ обогащенью —
все еще, еще.
Гибнут белые медведи —
мех дают к пальто.
Мишки уходят
навсегда от солнца,
уходят, тает лед.
А мне сапог бы пар под сто —
я звезда экрана-сити
и меня вам не насытить.
Земля без хлеба,
засуха, нет дождя.
Мне б еще! еще чего-то,
и машины в супермаркет
с нежным брюхом и руками —
грузят, платят,
не хватает
свиных ребер
свинорылым.

Все берут
на все кредиты,
а планета гибнет тихо.
Эхо слышите в горах?
Ледники уходят с Альп
вслед медведям.
И восстанет океан
и сметет немало стран
в бурную утробу.

23.01.08.

* * *

Вираж, пике и вдруг —
свободное паденье.
Стонут турбины
в тишине зловещей.
Лишь вой —
о, атмосфера, помоги!
Лишь вой металла.
Земля навстречу
и эта встреча
скоро.
Включаю катапульту —
взрываю верх
и вижу смерч
земли и самолета.
Огонь и тишина,
шумит в ушах война.
Перед глазами — жизнь,
трава, река,
рука врага
и автомата ствол.
Мне тридцать будет через год —
я только начал жить.
И вот она — рука,
тяжел в ней меч
и мне почти конец.

26.01.08.

Метрадь четвертая

* * *

Кошке Ниже

Я сегодня посетил твою могилку,
цветы тебе принес,
розы белые на снег.
Слезы горькие...
Я не смирюсь, наверное.
Ты в земле,
душа — в облаках.
Без тебя — мне холодно и грустно,
я не привык,
без тебя —
тоска и слезы,
жизнь зашла в тупик.
выбираюсь медленно и тихо,
сам с собой борюсь,
ты же знаешь,
я бываю сильным —
на короткий миг,
мне нужна поддержка
близких и твоя.
Я всегда боялся смерти —
ужас, страх, озnob.
Ты приняла ее,
показав пример.
Сегодня в смерти
вижу избавленье,
мир мне опостыл.
Ты была и есть —
Великим Зверем,
а я думал,
что тебя учили.

26.01.08.

* * *

Крылящий берег Днепра —
линии дач, домов из кирпича,
домов, отживших на земле свой век —
дощатых, деревянных.

Горы отходов
в полиэтиленовых кульках
и просто так.

Древнейший город — весь в церквях.
И стойбища питекантропов,
везде следы на берегу.
Река в бреду.

26.01.08.

* * *

Время стоит, время горит и улетает,
для меня роли уже не играя,
который день недели, месяц, год и час —
мне все равно сейчас.

Что было, будет — все равно.

Жизнь суeta — известно давно.

Что было? Будет?

Будет то, что было.

Только детство и юность веселили.

Застыло время, я увидел грань,
она по мне прошла и вот он — край.

А что за ним? Не каждому дано познать.

В мире страстей я знаю страсть,
я ею жил и заряжался.

Энергия страстей давала силу.

Страсть умерла во мне —
могила в моей душе.

Я сник.

Холод той могилы встает во мне,
я чувствую озноб.

Согреться б в мыслей беспорядочном потоке.

Как дальше жить?

Какая боль в душе,
быть может, Бог меня оставил?

26.01.08.

* * *

Я звоню —
меня не слышат,
говорю, мне не дают.
Я кричу, прошу и слышу
только я.
Напрягаюсь я в эфире,
а в ответ лишь эхо, эхо...
Или ветер,
шепот веток
в двери стук,
дождь милый.
Я открыл и он — ко мне,
пусть осенний и холодный.
Я в объятиях у ливня —
телу холод,
но душа в тепле.
Одиночество, ты где?
Вот мои друзья — их сколько —
Ветер, ветви, утром солнце —
я и не знал о вас.
Я искал себе подобных,
но встречался с черстволюдьем.
Эхо, эхо — пополам с распутьем.
Есть лишь вечер,
дождь пришел,
постучав в мою обитель
жгучей теплотою.

26.01.08.

* * *

Запах утренних трав,
роса, бегу босиком
тропинкой возле вербы,
ветки в птицах, солнечный диск,
рассвет в полнеба —
весь краснозолотой.
Многосветье в траве
и на рассвете —
детство в свете,
детство в цвете,
и тропинка
на всю жизнь
цветет перед глазами.
Травы яркие с цветами —
дальше будет
все не так.
Часто — ночь
и часто — мрак.
И трава не золота
и роса увяла,
и усталость на дороге
не снимается ничем...

26.01.08.

* * *

Мир далекий
и мир близкий,
мир родной,
и мир мечты.
В мире родном
наследил я слишком —
тесным стал он
и страшно близким.
За мой нрав
и мои доспехи —
меч бутафорский,
кольчуга,
сеткой заборной в клетку —
и тело видно —
рыцарь наш ты —
кричит мне киска.
На руки бросается
и жмется к телу.
Глаза огромные,
мир в них — смелый,
очень дальний,
мне недоступный.
Зерно средь поля
и — новый колос.
Ведь так и мне —
сначала в землю,
затем уж — голос.
Услышу, нет?
Никто не скажет.
Сколько голов, столько и взглядов.
Вот нужен миллион,
а лучше три.
Хочу искупаться
в мире родном, знакомом.

Купить
шампанского рекою,
сигар в коробах,
дым коромыслом и голые тетки,
похмелье бурное в реанимации,
бабла чемоданы,
а конь в прострации —
нагулялся парень,
а жизнь не понял.
Не за голыми бабами сюда ты.
Не бабло в чемоданы,
а душу — людям.
Но поздно, парень —
ты уже аукнул.

26.01.08.

Анатолий Можаровский

* * *

Мне главное, чтоб была цель,
чтобы каждый прожитый день
смысл имел.

Мне главное, чтобы была работа,
даже мусор убирать,
рубить дрова с охотой.

Мне главное,
чтобы люди стали добрей,
чтобы царила правда,
а не выигрывал тот, кто сильней.

Мне главное —
свобода от всяческих пут.

Даже если ты власть,
дай отдохнуть
от документов и гор хламья,
ненужных законов,
окруживших личность,
хуже хамья.

Дай от кнута вздохнуть слабому
и от пряника богачу,
от кнута работающему,
от пряника надзирателю
и его мечу.

Главное, чтобы миром правил
не столько ум.

Чтобы мудрость правителей
от Бога исходила,
чтобы с Богом правили
и смешны не были и презрены.
Мне главное, чтоб все живое
могло жить достойно.

26.01.08.

Метрадь четвертая

* * *

Промыслу Божию о нас нет предела. Он невидимо ведет нас. Ничто не случается без воли Божией. Всему определен день и час. Возложи все упования на Бога и Он будет промышлять о тебе, а пекись о себе сам — Он будет помогать тебе, но вседействующий промысел Его отступит от тебя.

Старец Парфений

На судьбу уповаю
и сам не плошаю.
Божия помощь,
защита и промысел,
но о себе пекусь.
Бог невидим,
а я здесь.
Сколько всего за собой тяну,
грехи всех мастей,
видов и подвидов
и производные от них,
и новые, невиданные.
На себя надеялся — все нипочем.
Поезд — с рельсов, вагон кувырком.
Вышел, опомнился,
в себя пришел и снова — за старое.
Так хорошо,
все сначала
и новый толчок.
Клянусь — умнее сверчок.
Бог всемилостивый?
Если б я был на Его месте,
я бы сделал совсем не то.
Когда я прозревший
от чужой смерти,
то вижу: какое ничтожество!
Кто я —
и кто Он такой!

28.01.08.

* * *

Девятнадцатый день нет тебя в доме.
сегодня сильный мороз.
Пробивается солнце,
январь подходит к своему пределу.
Все условно — месяцы, годы, недели.
Вращается земля, солнце светит,
и никто не заметил,
как уменьшился мир после твоего ухода.
На могиле розы, твои игрушки в доме,
мне советуют спрятать твои вещи,
убрать фотографии, отвлечься и тебя не помнить.
Ты приходишь в мои сны.
Ты жива, у Бога, у него мертвых нет.
Я христианин, а значит, человек Божий,
и тоже не знаю мертвых, ты, друг мой, живой.
Грусть моя станет меньше.
Бог успокоит душу, тем что ты в небесах.
Ты во сне ко мне приходи...

28.01.08.

* * *

В небо смотрю днем и ночью —
созерцаю бесконечность,
собираю звезды.
Мир велик и создан мудро.
Мне б надежду — и жить буду.
Сны снятся
в назиданье,
небо учит —
довольно плесень копить.
Начну утро с радости —
близкие, страна, здравствуйте!
Благомудрием начну жить.
Помяну ушедших к Богу
молитвой —
пусть хранит
да откроет им свою обитель.
Далее — день, встречи,
разговоры, работа.
Держаться праведности —
одна забота.
Потерял бдительность
или накуролесил —
враг не спит,
он ждет тебя —
ты сорвался, он весел.
Будь, как на фронте —
невидимой линией
через сердце
проходит передовая.
Бдительность и еще раз бдительность.
Слово Святое.
Читай, учись
и Бог заметит,
поможет в минуты трудные.
На Него уповай.
На учение благомудрия.

29.01.08.

* * *

Сегодня яркоснежный день —
искрится чистый, белый.
И небо голубино голубое.
Радость вдруг
нечаянно на сердце.
Столько дней печали,
ветер свежий с юга,
оттепель начнется,
с крыши зазвенит хрусталь сосулек.
Солнце — к лету, день растет.
Снег искрится,
всюду голубые тени.
Небо, как всегда предивно.
Голубым просторам
астрономы сосчитывают
расстояния, диаметры, орбиты,
но меня, простого смертного,
как бессмертье —
цифры не тревожат.
Мир — бесконечен,
в нем — мой Бог,
родные все
и я в нем тоже.

29.01.08.

* * *

Покорители космоса —
взлеты ракет,
спутники, станции.
С орбит нам привет —
фото с далеких планет и Луны.
Марс и Юпитер — почти видны,
снимки тревожат.
Мне б туда тоже!
Все мирозданье,
весь космос мы взяли!
Но все эти дали,
и эти просторы —
не в глупарей власти.
Тратятся деньги
большие богатства.
А на Земле столько горя!
Столько злыдатства!
Лачуги, голодные дети,
в развалиюах больницы,
конающих ждущие,
запавшие лица.
Сюда б эти деньги,
а космос оставить.
Всему свое время
и Марс мы увидим.
Духу Всевышнему
под силу невиданное.
А космос сегодня —
игрушка военным,
мощь на бумаге —
траты, «считалки».
Война, безопасность —
сытых «ястребов» цацки.

29.01.08.

Анатолий Можаровский

* * *

Ты в жизни немало страдала —
об этом вздыхает лицо.
Ты играла и ныне играешь —
тебе кажется, побеждаешь,
А победила — похотень
подлецов.
Глаза твои чистые,
но игривые.
Ты прячешь душу,
но впереди — эшафот.
Злость оставь на обочине.
Сойди на тропу —
в гору
по камням и колючкам,
впереди только смерть,
но ты встретить должна ее с верою,
с твердой любовью к Творцу,
чистой и светлой.
Страсти оставят —
нежный покой.
Исчезнут желания, кроме любви.
В ней только смысл пути
и жизнь бесконечная.
Подумай и взвесь —
тревоги и каждодневная маэта.
Что важней для тебя —
Всевечная Вселюбовь
или только сия?

29.01.08.

* * *

Шепот Вселенной —
радость Бога —
трепетная сверхлюбовь.
Услышал внезапно,
понял неверно.
Мне — восемнадцать,
чистое поле,
все впервые
и сначала.
Сладость жизни,
я считал себя бессмертным,
на миллионолетье — мои лета.
Бога боялся,
отец мой Всевышний,
но рекою жизни, думал,
гребу я сам.
Уверенный, сильный,
полон радости и веселья,
но любовь неба
меня хранила и превращала
из ростка в стебелек.
Годы промчались и —
снова тот шепот.
Я узнал Его.
Он призывал опять
к возрастанию и плодоношению
Его венчолюбовью.

30.01.08.

* * *

Капает дождь, скоро ночь.
Мысли — клубком,
словно шерсть для вязанья.
Этим клубком бы коту поиграть,
но все спуталось в мирозданье.
Может быть, этот клубок
вертится кошачьей лапой
от виска к виску.
Энергию эту — да к Богу бы.
Глаза просветлить.
Взметнуться бы птицей.
Наверное этот клубок
не просто вертится —
вызревают взгляды, решения.
Приходит время
менять отношения
к Богу и людям,
природе и миру.
И я не жду,
а опыт сканирую.

30.01.08.

* * *

Резкий удар двери — о, сука!
Не слово, а сгусток
ненавистезлобы,
дури от усталости —
терпеть не вытерпеть.
Любовь на бульваре.
Сука!
Это приговор моей трезвости.
Никто не держит
цепью на теле —
билет авиакомпании
и — вы улетели.
Привычка гадости —
глисты в животе, —
что им солнце?
Они паразиты.
Ложусь и слышу —
кровать соседа скрипит и ноет,
и крик опять — косой по нервам,
а кобелинам — кайф.

30.01.08.

* * *

Я ухожу все дальше в глубины тайны,
открыть ее не знаю как, но занимает.
Я видел много
в пространстве сжатом,
и в этой тайне не виноват я.
А что заносит — просто путь такой.
На что мне тело, чужой сей жемчуг?
Красоты тела? Но где конец им?
И все фанера —
сегодня строим, завтра ломаем:
костер или свалка — все там сжигаем.
Здесь смысл такой же —
вначале сказка,
затем — конец и смерти пляска.
И новым телом глаза закрыты —
все это сумерки, души развитие.
Приходит час по воле свыше
и ты, улиткой, с нормальной крыши
ищешь другую,
и смысл весь в этом.
Тайны закрыты, всюду потемки.

30.01.08.

* * *

Жизнь затворника —
никого не слышу.
Еще бы замолчать
на долгие годы —
жизни подвиг.
На все воля Божья.
Икона.
Смотрю на Лик,
в нем — солнце.
Не каждый выдержит.
Иль опоздал я слишком.
Нет — еще не вышел.
Я думал, ноги сами вынесут,
но все откладывал путь.
Все собирался
к реке —
вот, завтра...
Нет,
пойду сегодня
к зовущей невдалеке.

30.01.08.

* * *

Кошке Нике

Жизнь после твоего ухода
стала цвета твоей шубки — серая.
Краски мира потеряли яркость,
веришь мне?
На короткий миг я забываюсь —
радость взблеснет,
но, вдруг, тебя вспоминаю —
и снова грусть.
Забыть тебя не смогу и не буду.
Я не могу больше предавать друга.
Не так много дал мне Бог существ близких.
Я, бывало, тоже шел по головам,
и вот он, финиш...
Ценить стал близких и друзей остро,
ненависть и злость излечу как коросту —
добрее быть, прощать всем нужно.
Прости и ты, друг мой...
Повторяюсь часто, как в круге замкнутом,
мечусь, как зверь в клетке, — и все то же.
мысли и разговоры только об этом:
жива ли душа твоя?
Приди ко мне, умоли Бога, —
Он твою доброту знает.
Жизнь без тебя, полоса за полосой —
темного много,
редко свет проскользнет —
и снова темень...

30.01.08.

* * *

Скошены поля, хлеба в стогах.
Конец июля, жнивье
и солнце из глубин небес
жжет землю
и переливается в ручьях.
И запах разнотравья —
спутать ни с чем нельзя
дух прожженных июльских трав —
упаду лицом в траву,
буду глубоко вдыхать.
Глаза закрыва,
увижу
картины детства,
когда бегал один в полях,
вкусу
хлеб ржаной из печи,
увижу
мать, отца и вечер —
на костре ужин,
алый жар.
Как нам тепло!
Будто лето Господнее настанет.
Хлеба в стогах — и я в слезах.

31.01.08.

* * *

Виски сжимает сильнейшая боль.
Слышу голос —
терпи, я с тобой.
Поздний вечер,
на дворе тепло.
Смотрю на город
через окно.
Кто говорит, откуда слова?
И снова слышу — это я.
Кто — я?
Понять не могу,
но боль утихает.
На город смотрю —
бред фонарей.
В окнах светло,
небо темнеет.
Звезд на нем нет.
Тучи затмили весь небосвод.
Синоптики обещают
снова дожди, мокрый снег.
Первое февраля
и снова я слышу слова.
Абсолютная тишина —
шум в ушах,
страха нет и апатия будто.
Мне все равно —
в НЛО я не верю давно,
происки темных сил,
но в словах искренняя любовь.
И снова голос —
я обомлел —
это мой голос и мой напев.

Я сам себе что-то говорю,
взбадриваю себя,
но больше молчу.
И мне спокойно
в живой тишине.
Я счастлив с собою наедине.

31.01.08.

* * *

Ангелы — в небе, ангелы рядом.
Мы христиане.
Ангел любви и добра,
мне помоги, дай мне слова.
Я в мире боролся, ломался и падал.
Вставал и снова, в бой — везде баррикады.
Я правду любил, хоть врал сам изрядно,
ругая и власть, и порядок.
Боролся, ругался, бывало и дрался.
Друзья приходили, бежали, хитрили.
И снова — один на один...
Моя армия — дочь, кот, жена,
и в трудное время вставала она.
Я говорил: «Вперед!», —
и мы побеждали или падали влет.
И вот я прозрел, поняв наконец,
что всё — пустяки, не стоят гроша,
главное в мире — душа.
Теперь я часто один.
Мой телевизор — окно.
Мысли мои —
библиотекаalexандрийская.
Мне их хватает на день тишины,
я что-то пишу.
О, ангел любви,
научи меня всех возлюбить,
всех простить.
Ангел добра,
дай мне слова,
чтоб поделиться ими с людьми.
Ангел любви,
не откажи.

31.01.08.

* * *

Главнейшее в мире — секс.
Особенно,
когда тебе пятьдесят шесть,
а ей двадцать,
а лучше шестнадцать.
Бывали случаи — двенадцать.
Ты весь паришь в пространстве
и любишь, и любишь ее страстно.
Она отвечает взаимностью,
ей нравятся крепкие мужеруки.
Она наивна, —
думаешь мужественно.
Она уже твоя жена
и ты делишь с нею имущество,
ночи напролет проводишь жаркие.
Ты пьешь виагру,
она — шампанское.
Страстны поцелуи,
тела не выходят из камасутры.
И всегда жарко —
ты взял журавля за лапы,
синица — в руках и дома.
Брошена семья старая —
там нету страсти.
Сын пьет и курит,
а вчера купил пистолет.
Дочь хандрит и все не устроена.
Жена у психоаналитика
и в доме грязь.
Сюда же все состояние брошено,
папочка так любит тебя.
Ночью в позе лотоса
ты отдаешь концы.
Тебя нету — жизнь улетела.

Холодное тело,
деньги она взяла.
Лети душа,
тебя встретят там.
Дураки нужны везде,
но не небесам.

31.01.08.

* * *

«Ах, какая женщина», —
строчил поэт в ресторане.
А дома дотлевала его Таня —
доходы скучные,
штопанный халат,
и седина испеплена.
Сладкий грех, —
поет певица,
близъ с арабом,
и все рады.
Обнимаю стан зазнобы,
муж литейщик на заводе.
Он сталъ варил,
умножая капиталы хану,
а она кутила, развлекалась.
Сани мчались,
сани мчались.
Ей вы, кони,
мне в канаву!
Телка вывихнула шею
и сломалась.
Я с фингалами
и ухом на веревке
бросил сани, бросил телку,
и верхом на лошади умчался.
Если честно,
то я просто испугался
лихих разборок.
Степь да степь,
одни могилы.
Но сладок грех,
годы прошли
и я опять к певичке.
Араб крепко держался,
а бабы голливудское личко,
в ресторане у поэта
отдыхает.

И снова кони — «Ягуар».
Мы мчались и любились, напевая —
вдруг менты степные окружили.
Поменял Луценко, блин, бригады,
нас повязали с «Ягуаром» и правами,
в суд доставили полураздетого,
но судьиха не была поэтом.
Упекла и припаяла,
как хотела.

01.02.08.

* * *

Выйду на улицу
поздним вечером
и повстречаю первого встречного.
Улыбкой широкой освечу ему путь.
Город родной,
мне не уснуть.
Днем здесь полегче —
птицам я друг.
Днем мне полегче —
деревья вокруг,
кошки собаки
ко мне всей душой.
С людьми посложнее —
бегут гурьбой
каждый куда-то
да и зачем?
Город все вертит
всеми и всем.
Лишь в этом потоке
я так одинок,
как леденящий
гортань клинок.
Люди, любите, любите всех.
Люди, любите,
страдаем мы все.
Город великий,
а мы — в кольце.

02.02.08.

* * *

В Бразилии — карнавал,
в Вене — бал, в Багдаде стреляют,
в Москве пугают новым оружием,
в Нью-Йорке трудно —
окрысился кризис,
война с арабами,
доллар падает —
не долетает,
где-то и кто-то
его собирает.
Брожу по улицам —
только грязь,
монеты мелкие — доллара нет.
А падает массой,
китайской стеной —
где собирают и что со мной?
Новости вертятся —
в глазах хоровод,
голова то держится,
то падает вперед.
Может в Бразилию
к танцам иексу?
Кому я там нужен,
полон скепсиса.
Кручу телевизор,
говорю сам с собой.
То фильм-боевик,
то детектив блатной.
Я в них играю бесплатно — один.
За всех артистов сценарий пишу,
сам режиссер, а снимать не хочу.
Просто играю и так веселюсь.
Идет карнавал — я к телевизору жмусь.

Там ведь тело —
не то, что здесь,
Зоська стара,
а Клава — в торец,
Люба живет с депутатом.
А мне в телевизор
упрись домкратом.

02.02.08.

* * *

Я смотрю на облака —
там бежит моя река,
та река меня зовет —
манит дальний горизонт.
Жизнь земли и жизнь моя —
счастлива моя звезда.
Я ей в небе поклонюсь —
ты вела меня к себе,
ты вела, хоть я не шел,
часто думал о тебе,
а искал земных утех.
И вот кончилась игра,
ноги носят взад вперед.
Я могу бежать вперед,
но душа щемит
и все тянет в небосвод —
лишь туда мои глаза.
Ты гори, моя звезда!
Вижу путь твоих лучей,
следуя по ним,
и цель
мне понятна и близка.
Только трудно мне найти
силы на борьбу страстей,
силы на борьбу с собой.
Бог поможет, укрепит.
Я иду и мне болит
землю оставлять в красе,
ведь на небе все не так —
там красоты видит глаз,
видит глаз,
и чувствует душа.

Жизнь летела и летит,
мне бы вечность покорить
скромностью, любовью и трудом.
Бог — со мной.

02.02.08.

* * *

Нежное солнце
и дымка с небес,
в ней сквозит старый лес.
Могучедубы с ветвями,
как обугленными руками,
просят Бога
воскресить весной дубраву.

02.02.08.

* * *

Я не люблю мужчину, с которым живу.
Режу на кухне ему помидоры,
а мысль одна — отравлю.
Жарю мясо и рыбу мужу,
а мысль все та же —
где взять яд?
Отравлю, отравлю.
Захожу ночью в комнату —
он спит глубоким сном,
а я хочу двинуть его
по голове чем-нибудь.
Но понимаю, что оставлю следы —
и к себе ухожу.
Как его мне убрать?
Думала киллера нанять,
но он все себе прячет, нет денег.
Мне бы доступ к его деньгам
и я бы бахнула.
Жизнь не в мочь —
смотреть на подонка.
И я одеваю пальто,
иду в кафе на свидание.
Уйти к нему я не хочу
по соображениям тактическим.
У него нет средств
прокормить меня, ненасытную.
Совладай я с пузом своим —
жизнь была бы легче
с милым моим.
А так мне нужен
большой рацион.
И я терплю этого гада.
Пью жизнь рядом.

Анатолий Можаровский

Живу и не люблю.
Живу и ненавижу.
Жизнь скользит к концу.
Люк открытый
все ближе.

03.02.08.

* * *

Говорю слова ласковые,
слова нежные —
жемчужина синеглазая,
жемчужина моя — женщина.
Лен волос
по плечам ветром разметан.
Взгляд наивный и я влюблен,
как в невесомость, женщину.
В цвету весеннем
сирени кусты —
сад светает мне.
Пора идти ,
на заре утра,
рассветьем города.
Запах милой.
Волосы белые,
волосы — лен.
Моя жемчужина,
как я влюблен.

03.02.08.

* * *

Молот распущенности
падает на головы взлетевших
по лестнице карьеры
и славы мирской.

Удавы хлама
ползут наверх
и все сплетается.

Роскошь побеждает скромность,
сладострастие подавляет приличие,
гормоны прут на свободу.

Молот падает, на банкетах
поднебесные тосты произносят
за тех, кто на верхней лестнице,
забывая о тех, кто лестницы строил,
кто их держит своими плечами,
руками, истертymi в кровище.

Демоны славы ласкают тщеславие.

Демоны славы греют самолюбие.

Талант требует внимания.

Приходит диктатор и лестница ахает.
Застывшие ждут, кого перетасуют.
Кого вверх, а кого зафугуют.

Лестница застыла, мир аплодирует.
Они ждали правды и сильной руки.
Но историю забыли —
с них начнут, ими же и закончат.

Всех перетрут в муку молохом.

Мука костная —
удобрение минеральное.

Время суровое.

Потом скажут —
правильное.

И все сначала —
оттепель ненадолго.
Новая лестница,
новый молот —
такова история.

03.02.08.

* * *

Смотрю, напрягаясь,
в щелку мира тонкого.
В висках кровь стучит громко.
Цеха заводские, ржавые —
им нет конца.
Какие-то ямы, канавы,
мазут, металл,
смрадь, как в клоаке.
Станки по металлу работают.
Жуткие лестницы вверх, вниз —
конца и края не видно.
Трудные, уставшие движения,
люди уставшие, грязные.
Лица, ко всему безразличные,
сидят на скамейке, курят и отдыхают.
Некоторые куда-то едут в телеге,
бледные,
молчат и все как бы запоминают.
Ужас охватывает от предприятия.
Кому его отдал Кучум?
Ахметке, что ли?
Заводы
в зеркальном отображении.
Ад, чистилище —
с чем сравнить?
И зачем мне это терпеть?
Мне бы лес, озера
и зверей пушистых,
а я ржавый метал
и завод сгоревший,
угасая, вижу.

03.02.08.

* * *

Мои мысли
меня убаюкивают,
расслабляют.
Мои мысли
мне мир показывают,
напрягают.
Мои мысли меня взрывают —
и хочется Апокалипсиса
для всех подлецов —
и немедленно уже.
Для людей
со стодвойными стандартами,
для лгунов всех —
взрывы, огонь
и пламя вверх.
Первый в пламя вступлю я.
Плачут по мне давно бесовья!
Предавал друзей,
ненавидел и насмехался,
лгал и ссорил,
да вверх поднимался.
Гордился одеждой
от гомосечной компашки —
сейчас ищу рубища.
Хватит оперенья мне.
Всю жизнь боялся тюрьмы —
теперь сам ищу туда путь.
Жечь себя и все выжечь,
в золото превращая ртуть.
Мысли рыщут, выхода ищут.
Покой в Христе,
в учении и наследовании,
а не знаке отличия и оправдания,
но соберусь с силами и попробую
исполнить задание.

03.02.08.

* * *

Я тебя любил, люблю и любить буду,
жизнь моя на земле,
и другой я искать не буду.

Были минуты сладости и радости,
были часы страданий и военных заданий,
баррикады, траншеи и позиционные бои,
поход в разведку с результатом до восхода солнца.
Ты — мой крест, и я — твой тоже,
ведь друг с другом мы так схожи
и друг друга стоим.

Жизнь в любви с сюсюканьем —
не для нас с тобой:

нам бы пушек вой
да мир хоть ненадолго
и мы сил наберемся —
время быстро летит.

Нависает гроза
с молниями во все небеса,
горизонт с горизонтом сходятся —
это мы с тобой на прогулке.

Я все же тебя люблю,
хоть и не лелею.

03.02.08.

* * *

Так давно хотелось
проникнуть в мир тайного.
Пишу слова
и, кажется, что-то знаю,
но опираться на предчувствие
знания
не приходится.
Ведь вера в Бога — начало тайны,
за которой все откроется.
Игра в метафизику
и философия будущего
заблуждения стоят,
ты раб —
и демоны
спят и видят,
как просветить тебя.
Знание заумно, закручено,
а в конце болото.
Вернуться обратно
почти невозможно.
Психушка, рельсы.
Дикие пляски тайн закулисных,
битвы экстрасенсов и ясновидящих.
Открещиваюсь я,
хотя и тянет к ним.
Соберу я крупицы
истинных знаний,
сложу их в страницы книги,
соберу в мозаику,
если успею.
Вера — основа мироздания.

03.02.08.

* * *

Дорога, обрыв
и колючий кустарник.
Дикий крик откуда-то
и пьяный смех,
как праздник.
На границе безумия
в руки себя возьму,
тело вымою
и волосы выстригу.
На границе безумия —
дорогой коньяк,
ведь потом все едино
и вкус никак.
Женщины в кабриолетах оставлены —
некоторые в кроватях пылятся.
Все вокруг то же —
и все безразлично.
Ум еще с ними,
но нечем гордится.
И на границе безумия,
думал я,
выбор есть.
Но его уже нет —
обратно завал.
А мне куда надо
и кто меня звал?
С умишком попробовал —
и в безумие рвусь.
Там мне получше.
От дури одурью
будто бы отмежусь.

03.02.08.

* * *

Ночной звонок взрывает тело
и сердцу вдруг тесно в груди.
Ноги и руки околели.

Я доходил
за всех вывезенных в ГУЛАГ,
в гестапо.

А я полковником холеным
отдавал приказы в СССР и Дойчланде,
в рубашке белой с крестом.

Мой фюрер
то Гитлер, то Сталин —
я страх растил и множил.
Поэтому в дверь мою
и в телефон —
звонки, звонки.

Сердце екало и все ждало.
Но выдержало сердце — воля Бога.

Ныне новый у нас режим —
кучум, чекист иль хунвейбин.

До фюрера не дотянуть никак.
Хотя ярлык и цепляли этот,
он сам боится звонка,
стука в дверь,

и вздрагивает каждый раз,

когда скребнет ее зверь.

Мне вытерпеть пришлось все десять лет.

Я выдержал, хотя ломался и стонал.

Сегодня плачу потому,

что жизнь моя идет к концу.

Я друга потерял,
который выше всех наград —
от неба он.

И неба звон я слышу по ночам.

Я отработал грех свой.
И потом — я небом осужден.
Уйти с крестом...
Спасенье — с ним,
спасенье — в нем.

03.02.08.

* * *

Любовь и страдание рядом идут.
Ты любишь — тернистый твой путь.
Только в сказках живут в любви,
затем в один день умирают счастливыми.
В жизни все наоборот.
Ты любишь, любимый болеет и ты хандришь,
душа за любимого друга болит.
ты терпишь, страдаешь —
и солнце не то,
день, хоть прекрасен, не видишь его.
Так годы проходят.
Судьба готовит проверку на крепость.
Кто-то уходит и меркнет весь мир,
ты плачешь, страдаешь, тебе так болит.
А кто-то ушел, как Ника моя...
Тайна большая и вера одна,
и с верой ты терпишь, вспоминая Христа —
верою горы можно снести.
Взглядом, исполненным веры в небо смотрю,
небу я верю:
ты там, в объятиях Бога-Творца
лежишь на траве...

03.02.08.

* * *

Ты стучалась в мое сознание.
Криками души раненной
ты поднимала меня на заре.
Ты изменила свое поведение
и ритм жизни своей.
Это был сигнал мне.
Я не понял тебя в суете.
Мне гордиться нечем и тогда и сейчас —
я — славянин и авось для меня — всегда.
Все деньги, деньги, деньги —
потом лечение,
и памятник из мрамора тебе.
Прости меня, не понял я твоих сигналов.
Легко сказать: судьба,
и на нее все сбросить.
Но буду помнить я твой крик,
как просьбу.
Жизнь моя без сознания —
известно тебе давно, —
боли, боли, вечное недомогание.
Тело бы сбросить
как костюм,
но я — опора семьи,
ты знаешь.
Прости меня, мой кот,
и ты страдаешь.
Я чувствую: часть тебя — со мной,
я знаю: часть меня с тобой.
Приходи ко мне во сны,
когда захочешь...

03.02.08.

Метрадь четвертая

* * *

Сомненья — волна морская.
На берег всходит
и тут же тает.
Через песок и камни —
обратно в море.
Дорога чиста для новых волн.
Я тоже часто сомневался,
маялся, плакал и забывался.
Но Бог нас любит Словом,
доучивает ударом звонким.

04.02.08.

* * *

Ограды, заборы, засовы, замки,
сигнализации, охранники-здравяки.
Поля в бурьяне, мир — в навозе.
Законопатить, заклеить, закрыться.
Сосед рядом живет двадцать лет —
не знаю, не знаком.
Он маньяк на весь район —
девочек, мальчиков, полицейских —
в машину силком,
инъекция какого-то средства,
изнасилование и новый поход.
Всем закрыться, не выходить —
не осудить,
это норма в обществе
свободном.
От праведного суждения.
Будет еще не то
годков через сто.
После референдумов, выборов,
новых политтехнологий.
Дяди бородатые для солидности
идут, как солдаты, из мира тьмы.
Из подземного перехода идут поезда,
как в метро.
В них тьмище народа
оттуда, где мерзость вся.
Едут к нам, как на работу —
все смешалось,
сейчас начало
и трудно будет понять,
где человек,
а где бесово одеяло.
И вообще, что это?
Сказка, фантазия, предположение?

Посмотрите в глаза прохожим,
остановитесь, поговорите с кем-нибудь —
вам откроют такие пласти
ужаса технологий особых.
Спасители кто?
И где они?
Скажите мне, кто может.

04.02.08.

* * *

Язык отображает сознание.
Дефект языка — проблема сознания.
Кривоязычье — суржик.
А нация на этом языке общается.
Артисты куражатся —
вроде смешно.
С суржика жизнь
поутру начинается,
лень напрягать мозги,
подыскивая слова правильные.
Легче говорить,
не задумываясь о сказанном.
Отсюда беды на голову науки —
артисты куражатся
и с этого живут не в скуке.
А надо плакать,
поднимать культуру,
а не обвинять Россию —
они, мол, все сделали.
Язык отображает сознание,
страна больна.
Был взрыв и Майдан поднялся,
но этого мало.
И все пропало.
Ибо никто
не покаялся.

05.02.08.

* * *

Лицо к стене и руки вверх —
 стоим который день.
 Мы арестованы или задержаны —
 идет война.
 Вокруг повстанцы, отряды швабов —
 из недр земли.
 И гитлеровцы рядом, черт возьми —
 много дивизий, восстали, стоят.
 Паулюс, Гитлер и вся их рать,
 Сталин с усами и генералы,
 с ними Власов —
 будут бои, я представляю.
 Кто за кого и куда стреляют?
 Вышел дядька с рогами
 и говорит —
 генералы и верховные идут с нами.
 Драяться будут друг с другом.
 Пусть солдаты поспят,
 а вы повоюйте.
 Руки затекли, ноги устали —
 нас задержали,
 мы задержались.
 Мы за державу все!
 Хоть нездешние
 и мир не наш —
 но вижу белый стяг.
 Один, второй —
 сдаются все
 друг другу без боя.
 А нам говорили,
 у них сильная воля.
 И вдруг я вспомнил —
 у меня есть граната.
 Рву чеку и лечу обратно.
 Я заблудился в измерениях —
 куда теперь?

И вдруг вижу Ленина,
гуляя по просторам
без машины времени.
С таким успехом —
скорее к американским индейцам.
Может успею быстрее испанцев.
Колумб, наверное, еще не родился —
открою Америку
и переселю китайцев.
Они станут основной расой.
И мы наконец
уделаем американцев.

04.02.08.

* * *

Завтра новолуние — особый час.
Смотрю в глаза твои зеленые
и вижу блеск.
Особый день
и по-особенному дышит лес,
на озере ночном, похоже, тоже бал.
Восстанут все,
кому покоя нет —
луна зовет.
А небо темное молчит,
и напряженье в теле.
Я ощущаю неприятные идеи
и мысли не мои,
я под влиянием луны.
Закроюсь в доме,
тихо буду вспоминать,
анализировать ошибки и грехи,
а ты иди...
Ты знаешь, кто ты,
к кому я обращаюсь.
Я Богу отдан,
времена твои прошли,
с тобой мне ночью не плясать.

05.02.08.

* * *

По тонкой грани тянет
пройти иль пробежать.
Но ведь недолог всплеск
и заточение опять.
И снова время
к грани несется —
ты ищешь способ
к ней подойти.
Жена — чужая
и дом — чужой,
чужие деньги и казино.
Ножи и карты, автомобиль,
большая скорость — может, убил,
может, отбросил его в кювет?
Может, дитя, а может, дед.
И снова скорость, и снова риск —
гормоны в теле, в голове «твист».
Танцует мозг, танцуют нервы,
мышцы играют, ты не первый
сам себя ставишь на пьедестале.
Ты играешь все больше —
и чья взяла?

05.02.08.

Метрадь четвертая

* * *

Кошке Ниже

Мне тебя не хватает.
радует твой приход во снах.
Часто я вижу кошку,
но исчезает она опять.
Ты убегаешь из неба лаской,
на свой страх и риск,
но я прошу: «Приходи...»
В горле — комок.
Время коварно,
оно жестоко,
мы его тратим невпопад.
Жалею, что ездил в отпуск,
тебя не брал...
В природе дикой
с тобой бы быть,
но того, что было, не изменить.
Моя ты ласка, щедрый кот,
любовью жил, любовь дарил,
а я тебе, бывало, и грубил...
Прости меня...

05.02.08.

* * *

Мир издевы — жестокой лжи.
Люди страдают — везде режим.
Парламент грозно машет руками —
сытые дядьки и тетки с серьгами.
Клоаки стран и пробка, кран.
Открыть бы пробку да кран включить,
водой холодной
к чертям смыть.
Жизнь чемоданна,
двойное дно —
внизу патроны,
билет в кино —
кино из жизни разных стран.
Включаешь телек
и видишь —
машет руками хам,
орет, свистит
спаситель нации или бандит.
Не только нам,
не только здесь —
везде одинаково,
один рассвет
для всей земли,
но в разный час.
Все видим мы
в клоаке счастья
оргазм несчастных
под вопли партий и крик вожатых.
И стая стонет, и хрюпы снова —
удавка сжата.
И гибнет кто-то.
Кто он такой?
Свое бы пузо спасти и все —
кормить получше,
получше дом.
Штаны и бабу из стаи взять —
и снова крики, и снова храп.

Загнаны кони,
подох вожак,
но новый — тут как тут,
а с ним семья, охрана, кумовья —
им нужен блеск, комфорт и дом.
Тяжело дышит народ,
рубит, пилит, —
снова узда.
Мы все привыкли —
мозги в разгон,
и тянем лямку.
Кто-то выжил,
кто сник.
Вожак подох,
а может, жив?
Время покажет свои клыки —
кран не включен
и пробка там.
Как мул навьючен
или шакал,
бредет то стадо
и тут и там,
еще и стреляет по бокам.

05.02.08.

* * *

Я обречен построить дом,
посадить сад, траву посеять,
а что мне делать,
ведь странник я.

Как не красива для меня земля,
но все здесь временно,
и мы все на пути —
идем мы к небу.

Как дойти?

Заповеди дал Бог,
они просты:
отбрось тщеславие,
мечты о богатстве, роскоши, утехах плоти,
и путь окажется вдруг прост.

Ты странник, ограничся этим —
все — для других,
себе — чуть хлеба да воды,
а мысли все — туда,
где вечнорадость,
красота, покой и горя нет.

Мы к новому миру идем,
как хочет Отец.

05.02.08.

Метрадь четвертая

* * *

Кошке Нике

Ты лежишь под деревом.
Дерево ушло к тебе,
ты рада —
хоть какая-то память о доме.
Наградой дерево тебе.
Там — только кошки,
но ты домой хочешь,
к нам,
хоть на минутку,
ко всем прижаться
и развеять скуку.
Мы грустим все за тобой,
ты знаешь.
Жизнь проходит,
мы уходим в миры иные.
Ты ушла звездой,
оставив горе нам
за то, что не ценили.
Прости нас, Ника,
мы уже повзросели,
твои глаза
нас научили многому.
Я вижу:
легкий ветер
мех твоей развевает,
твои глаза.
Разлука вызывает слезы,
но терпим мы.
Ты приходи...

05.02.08.

* * *

Зерно мне дали,
сеять нужно.
Я молод был —
в голове пусто —
бросал зерно на камень горстями —
произрастало и засыхало.
Бросал зерно горстями я вдоль дороги —
оно взрастало и погибало.
Бросал горсть зерна в терновник —
оно росло и заглушалось.
Весь урожай погибал,
а весною — все сначала.
Я сеял там же, меня встречали —
все ждали лета и урожая.
Все погибало и все страдали,
а рядом поле —
земля плодила
всем на утеху.
Там сеял тот,
кто знал и верил.
И с урожаем его встречали,
он шел уставший,
но со славой.
А я полвека прожил неумехой,
ругался, злословя на долю и поле...

06.02.08.

* * *

Кошке Нике

Молчать, молчать.
Открыл рот — и пропал.
Поддался —
и понесло туда,
во тьму.
Молчать, молчать
и тихо думать
над каждым шагом,
каждым словом.
Все, что не чисто,
все, что не свет,
пускай идет на темный лес.
Осталась жизнь в самоконтроле,
где каждый слог —
против меня:
грешил я много,
устал от злого...
С самоконтролем
иду я в небо.
К Христу — один лишь путь:
через шипы да камни,
там ждут меня,
и рады, что кается
такой, как я.
Я так устал,
ты слышишь, Ника?
Я путник заблудший.
Начну сначала.
Бог поможет.

06.02.08.

* * *

Перевернулось и остановилось
в темноте на дороге.
Вышел из машины —
передо мной фургон
лилово-синий
в рекламных надписях —
Россия, Лондон и Париж.
Фургон без крыши —
улетела на самом деле.
Но где водитель или тело?
В кабине пусто,
мотор гудит неровно.
И в это время —
выстрел в упор,
Второй и третий — холостой.
Я стою, как не бывало —
кто стреляет?
Никого нет — какая чушь.
Фургон встает и уезжает,
медленно скорость набирает.
Рассвет. Сажусь в машину —
мотора нет,
исчезли шины,
пропал мой руль,
портфель, ключи.
Остался телефон и записная книжка —
звоню жене,
собака говорит, что вышла.
Звоню в полицию — гудки.
И слышу голос, как из кармана, —
посмотри, какая яма.
Я головой верчу по кругу,
вижу тропинку, сосны,
школьную подругу.
Она сидит и — удочка в руках.
Водоема нет и блеск в глазах.
Курит сигару, рядом коньек —
грудь оголена и бедра тоже.

Рядом — рыба, словно с мороза.
И вот клюет — тянет жабу.
Снимает с крючка, дает мне в руку
и говорит — нюхай.
Я понюхал — стало легче.
Жабы нет — в руках соседка.
Тоже чуть-чуть и в неглиже
и без удочки уже.
Удочку сложила под кровать
и ко мне — все целовать.
Тут и бармен подскочил —
вот твой счет и вон пошел.
Утром голова трещит,
я весь грязный и в пыли шарф.
Смотрю вокруг — везде асфальт.
Но где же душ?
Мне на работу.
Где мой дом?
Куда дорога?
Рядом мужчина —
глаз открыл и улыбнулся.
Что случилось?
Мы вчера с тобой женились, —
отвечает парень вяло.
Вечером возьми одеяло,
я ждать тебя буду
за поворотом.
Там контейнеры с мусором —
наша работа.
Ужин приготовлю на двоих.
Приходи пораньше, мой дюдик.
Я вскочил и побежал, что есть сил.
Я миллионер, банкир!
А меня так опустили!
Лишнего грохнул в баре!
И зачем я ехал
на эти, блин, Канары.

06.02.08.

* * *

Кошке Нике

Как трудно жить,
а не терять — нельзя,
так уж устроен мир —
не нам решать
кому дышать,
а кому нет.
Тебя унес
поток на небо,
а я остался,
или не был?
Какая боль.
Печаль моя —
лишь плакать
день ото дня.
А ты приходишь
лишь во сне...
Я буду ночи ждать,
чтобы увидеться опять.
Я плачу, милый друг,
я виноват,
ты подавала знаки мне —
я не помог,
не понял я.
Приснись сегодня,
слышишь?
Приснись...

07.02.08.

* * *

Глубина чувств
и единицы их измерения —
не прибор для кровяного давления.
Прибора нету,
единица измерений — Вселенная.
Чувства исходят,
мир наполняется ими,
и глубина ощущается.
Сердце чувствует их энергию,
принимает их или нет.
И ты получаешь ответ
через всю Вселенную.
Любовь к любви
и обратно в любовь.
Эта сила мир перевернуть может —
любовь и нелюбовь тревожат.
И если сила любви сильна —
сглаживается сила зла,
его удары смягчаются.
Любовь побеждает зло
ударом на удар.
Поникли деревья
шквал
опустил грозья цвета.
Меркнет солнце в глазах —
мир не готов ко злу.
Он просыпается и побеждает,
превозмогая шрамы.
Я виноват —
своими ударами
ранил я душу мира не раз,
сам не страдал,
но боль
по всей земле волной катилась.

Прошло время
и понял я,
что любовь не имеет конца,
а лишь глубину.
любить нелегко,
но учиться я буду.

07.02.08.

* * *

Дочка и кошка,
жена и мама —
четыре женщины,
для меня немало.
Любовь, забота
и праздники частые —
радости маленькие.
Идем по улице
родного города —
дочь беременна,
родит девочку.
Кошка ушла в мир иной,
но душа ее здесь.
То есть
нас будет шесть.
Девочку скоро увидим.
Слышите, вы,
с мышцами бычьями и злозамыслами.
Пять женщин в моей стране
готовы за меня на все.
Я им опора и фундамент дома.
Меня любят они,
хоть я и не прост.
Сложен переплетением роз
с колючками.
Все во мне переплелось
и периодически ранит.
Они терпят, а я их еще и погоняю.
Вот таким туротрядом
идем по миру отрадному.

Странники без устали,
иногда с ропотом,
боремся за чистоту рядов,
а иногда и со злом.
Мы одолеваем трудности вместе —
спасибо Богу за счастье
вечности.

07.02.08.

* * *

Плесенью покрытый пень,
за ним второй, третий.
Грибы на останках могучих
вековых дубов,
срезанных на мебель, на пол.
А пни остались, как немой укор, —
корни боролись,
но без крон
не выжить мощным лапам.
И медленно всосав все силы,
тлен их преодолел, разросся.
Везде лишь он
и запах гнили.
После дождей напилась
влаги грибная масса,
накрыла пни, а рядом
ветви исполинов
в пожелтевших листьях.
И птицы напевают
без устали молитвы —
поклоны Творцу.
А пни исчезнут под грибами —
на месте их взрастут деревья.
В лесу пахнет прелым —
уходят листья, хвоя, ветки.
Уходят пни навеки,
но грусти нету.
Я полон радости бытия
и жизнь люблю до слез в глазах.
Но тихоющемящая боль
никак не соглашается
с движением,
с рождением
и смертью без конца.

Свежеет воздух,
и просинь неба
меж верхушками дерев
пронзает птица.

07.02.08.

* * *

Попсуха-певичка
в красном костюме
и белой шапке,
под Деда Мороза манатки.
Поет и кривляется на сцене
на зависть таких же
элит-женщин.
Она поет,
а мы лишь жарим
своих мужчин
за ход налево.
Муж богатый и известный,
хоть политик очень бледный.
Но в стране давно несчастной —
все такие дяди-квashi.
И вот становится всем в пику
депутацией в совете именитом.
Делит землю и заводы,
за столом сидит вельможей
и глаголит свои речи,
выводы ума буфета.
Депутяги должны быть
очень богаты —
бедным места нету в депутатах.
Они правильно мыслить не могут.
Только очень богатые вельможи
могут править страной.
Все больше богатеть,
а бедным — фуфайка,
галоши из Ташкента,
грабли в руки
до конца эксперимента.
Править будем мы
и наши дети.

Бедные останутся на свете,
но немного —
так, чтобы была массовка
на выборах
в кабинках.
А пока — пусть слушают
чумные песни.

07.02.08.

* * *

Передо мною лист,
на нем черкну я ось —
икс, игрек, зет —
трехмерное пространство,
здесь родина,
здесь я живу.
Здесь все сложилось,
ну, не очень,
маюсь по жизни за журавлем.
Синица улетела прочь —
остался я под темным фонарем.
Электрика ушла
и свет пропал надолго.
Везде пустые окна —
где же любимая?
Хоть женщины
давно лишь фон —
да посудачить бы о том, о сем.
Увидеть бы четырехмерного
хоть уголок.
Все, что мы видим —
грезы.
Так жизнь пройдет
и выйдешь, как из кино,
глаза прищурив.
Реальности не видишь —
в глазах картинки,
кинопленок километр.
А вот и яма — для чего ее тут рыли?
Ну и попался
сегодня нам клиент.

Я слышу голос
и вижу рожи,
краснющие от водки по утрам.
Опускают
и долдонят о своем.
Вот я уже и там.

08.02.08.

* * *

Однажды посетил зоопарк,
мне было уже тридцать пять.
В погожий летний день,
с хорошим настроением,
мы шли вдоль вольеров
зебр, слонов и пони.
Нормальные животные в неволе
вели себя спокойно, жевали сено,
слон обливал водой свое тело,
далее клетки с медведями.
Я долго наблюдал за ними,
пространство клетки — три на четыре.
Прутья железные в ряд —
медведь на мощных лапах
двигался по кругу.
Голова моталась в такт движений
и мощные лапы неустанно
двигались в особом ритме.
Глаза в потуманье,
дикая тоски боль —
видно как зверь страдает.
Я сделал фото на память —
долго стояло на столе
и перед глазами — мучения зверя.
Мы, люди, так освинели,
так оглушманели
к боли чужой!
В душе медведя страданий больше,
а зоопарки приносят пользу
тому, кто строит эти тюрьмы.
Дождь золотых
двуногие ловят и спорят.
И понять немногим боль зверя дано.

Анатолий Можаровский

Кричим о росте промышленности
и потреблять стали больше.
Жестокость тоже растет по часам —
и сами мы плодим маньяков.
Мне за вас стыдно,
дяди из зоопарков.

08.02.08.

* * *

На лугу сенокос,
все травы легли в покос.
Над ними птицы
и пахнет до головокруженья.
А в теле бодрость искрится —
в дни такие
дома не усидится.
И я в лугу под небом синим
да облака плывут —
и диво в каждом облаке.
Я вижу то лицо,
то сказки детства,
то зверье лесное.
Лето всех награждает счастьем —
одинокая лошадка пьет воду,
тихий ветер развевает гриву.
Мне б промчаться
на ней по лугам верхом,
но лошадка отдыхает у ручья.
Я поглажу ее гриву, голову —
в глаза мне посмотрит нежно,
умна она.
Я лежу в покосе сена —
глаза в небо и пение птиц,
стрекоз, кузнечиков —
летняя страда.
Сердцу отрада,
душе облака.

08.02.08.

* * *

Сегодня молился Богу,
обращался к Иисусу Христу
сохранить жизнь
душе кошки Ники во Вселенной.
Я дал клятву Творцу
и просил встречи с Никой,
когда придет мой час.
Я дал клятву Богу:
посильное совершить на земле,
грехи обуздать,
гнев, раздражение, злость, прелюбодеяние,
сребролюбие, чревоугодие
оставить позади.
Многословие, осуждение —
мои враги.
Заповеди Божьи
исполнять день и ночь,
с Божьей помощью —
от грехов прочь!
Дорогу к небесности
проложу на всю жизнь.
Я еще докажу,
что могу праведно жить.

08.02.08.

* * *

Вы знаете

как ловить рыбу в мутной воде?

Многие скажут — нет, а другие — да,
хотя не видели ее никогда.

Зрелище варварское.

Водоем со стоячей водой,
илистым, с грязью и торфом, дном —
часть водоема ограждается дерном,
а далее люди ходят, бегают по воде,
грязь поднимается вверх.

Вода становится мутной и рыба,
глотая грязь и задыхаясь,
поднимается вверх.

Глоток чистого воздуха —
иначе смерть.

И люди — грязные,
черные от ила и торфа,
хватают ее — и дикий восторг.

Так и одичалый политический морг:
часть партий при власти,
а другие, как здрасте,
создают теневые кабинеты
и пишут об этом в газетах.

А в основном
блокируют в парламенте трибуну —
требования то те, то другие.

Удовлетвори все — и снова причина.

А в это время
сознание мутится —
вокруг крикливы, жуткие лица.

Запугивают всех и без остановки
дерут родину до последней заколки.

Народ попривык к мutilову,
к муторному поведению,
но от Бога придет прозрение.

Свяжут, вынесут,
и на виллах откроют психушки.

Соберут всех в кучу — пожизненно! —
на таблетки и уколы от буйства.
Скромный харч —
в сутки на гривен пять.
Журналистов, пекущих жаркое дурастии,
обвинят в неврастении.
Закроют, очистят, скажут —
ушла демократия вся чисто.
А кто виноват в этом? — спросят.
Я думаю — черт.
Это его по стране так носит.

10.02.08.

* * *

Будьте, как дети,
войдете в Царство Небесное.
Немногие выдержат.
Ломаются и поют другие песни.
Круг и в нем — танцы.
И по кругу бег —
мокрые от пота и голодные,
жадно ловят взгляд
одобрения или осмеяния.
Постоянно в напряжении —
гонятся и не успевают,
кто-то кого-то перегоняет —
зависть, злость, раздражение.
У кого больше, у кого лучше.
В головах брожение
входит в привычку.
Характер меняется —
замуж выходила мышкой,
а сейчас кусается
крокодилиной.
И вот седина в висок,
бес в ребро —
начинай сначала.
Молодые девушки
ради денег в любовь играют.
Кто-то побеждает и выигрывает,
кто-то смиряется и опускается.
Все меняется не в лучшую сторону —
а как же детство
веселое и беззаботное?
Доброта и непосредственность
потеряны в танцах.
Игры взрослые — дорого стоят,
затягивают и не отпускают.
Щеки надутые и что не спросишь,
надуваются еще больше.
Затем что-то вещают,
игра во взросłość.

Если бы знал — не пошел.
Дальше сел.
Сегодня выход один —
подальше от этих снов.
От реальности
за гранью вымысла.
Уединение и спасение —
в нем сила и возвращение
покаянного сына
из заточения.

10.02.08.

Содержание

«Кому-то помоги и мир похорошеет...» Ст.Бондаренко 3

Тетрадь первая

«Я вижу небо...»	8
«Болото, болото, болото...»	9
«Хочу быть птицей...»	10
«Впереди дорога...»	11
«Дороги деда и отца...»	12
«Я слышу музыку небес!..»	13
«Боль души и сердца боль...»	14
«Небо осени над нами...»	15
«Вставайте братя, роззуйте очі!..»	16
«Стрелы яда вновь несутся...»	17
«Снова тихая пристань...»	18
«Хочу на луга, и к травам»	19
«Переливы, перепевы...»	20
«Ветер над миром промозглый...»	22
«Октябрь...»	23
«Я кружусь, кружусь над городом...»	24
«Музыка звучит в душе...»	25
«Ветер осенний, серое небо...»	26
«Вдвоем по узкой тропе...»	27
«Вчера еще был праздник...»	28
«Пришла орда — забрала все...»	29
«В памяти детство и юность...»	31
«Всю жизнь не любил Совдепию...»	32
«Мой город, о тебе я мечтал...»	35
«Вы видели цветущий сад?..»	36
«Боже, Ты так много мне дал...»	37
«Я солдат войны меж духовным»	38
«Я поднимаюсь до небес, пою, от счастья тая...»	39
«Ветер сонный дожди принес...»	40
«От Бога идем...»	41
«Кольцо сжимается вокруг меня...»	42
«Стволы деревьев кто-то отлил из металла...»	43
«Серое небо всплакнуло холодным дождем...»	44
«Лето все ярче...»	46
«Трава медовая, цветы цветут...»	47
«Взлетает сердце, душа трепещет»	49
«Вгляднусь в ночное небо...»	50
«Все небо в красках, в облаках дивных...»	52
«Судьба бросала меня...»	53
«Был однажды мне дивный сон...»	55
«Человек совершает подвиг...»	56
«Размышления, сожаления...»	57
«Я снова хочу уйти...»	59
«Последний вечер ноября...»	61
«Две тыщи лет назад...»	63

Содержание

«Человечество ищет модель...»	64
«Мир манипулирует сознанием...»	66
«Прошу тебя, ноябрь...»	68
«В лазури небо, в цветах земля...»	70
«Клоун правит городом...»	71
«Моя страна на поле боя...»	72
«Господи! Ты дал мне жизнь...»	73
«Туда надули, здесь убрали...»	75
«Не ори ты в глаза человеку...»	76
«Отвернувшись от Бога теряет лицо...»	77
«Мир изменить...»	79
«Благоговою и люблю! Перед одной Его любовью...»	81
«Ночное небо...»	82
«Благоговою и люблю. Иду, хочу победы...»	83
«Рву жилы...»	85
«Я верю в вечность...»	86
«Отдал — забудь. Иди вперед...»	87
«Я счастлив среди снегопадов...»	88
«Великий, Богом избранный народ...»	89
«Господи! К Тебе в небеса!...»	91
«Боль, боль»	93
«Шановне панство, що владу має...»	95
«По телевизору дают квартиры...»	97
«Подари мне, Господи, слова...»	99
«Я пришел бы домой с работы усталый...»	100
«Мир стал мрачным и чужим...»	101
«Я верю в Бога. Я верю в вечность...»	103
«Я стал нервным и злым...»	105
«Глаза любимой — бархат и свет...»	107
«Не унывай и не грусти — неси свой крест...»	108
«Консервы — килька в томате...»	109
«Со злом по жизни не пройдешь...»	110
«Звечоріло...»	112
«Хочу начать жизнь сначала...»	113
«Я думаю про Вас, моя кохана...»	115
«Метель, снега, январь и я...»	116
«Я снарядом ворвусь в ваш мозг...»	117
«Листья желтые шуршат по асфальту...»	118

Тетрадь вторая

«Пришли такие времена...»	120
«Господи! Хочу к тебе, слышишь!..»	121
«Чим мерзенніший чоловік...»	123
«Мысли разные, мысли правильные...»	125
«Я был ракетой в жизни...»	126
«Сознание и язык — взаимосвязанные...»	128
«Зло многомерное, зло бесконечное...»	130
«Жизни смысл и жизни цели...»	131
«Жуткий вечер, жутчайшая ночь...»	132
«Я лечу, я плыву в голубых небесах...»	133
«Берег моря...»	134
«Поплыvем, моя душа, поплыvем»	135
«Мчусь на лошади по дороге...»	137

Содержание

«Я лечу под звуки песен...»	138
«Жизнь никогда не кончается...»	139
«Дрогнул мир и страна свалилась...»	141
«Он сменил имидж...»	142
«Рита! Я смотрю телевизор часами...»	144
«Мир повернулся спиной...»	145
«Февральский яркий день и неба голубого глубина...»	147
«Вчера увидел я картину...»	148
«Звериным стал мой лик и взгляд мой озверел...»	150
«Кто не терял — не получал...»	151
«Город распахнула весна...»	153
«Мир, как челюсти взбесившегося крокодила...»	154
«Встану рано поутру, соберу нехитрые пожитки...»	155
«По роще березовой тихо иду...»	156
«Не думай с грустью о смерти...»	157
«Морфий, кокайн, конъяк...»	158
«Мир давно сошел с ума...»	160
«Я зубами бы грыз скалу...»	162
«В перепевах апрель»	163
«Вишен белоцветье — весна в разгаре...»	164
«Утерянный рай...»	165
«Ветер кружит пыль дороги...»	167
«Лес осенний манит...»	169
«Всю жизнь наперекор судьбе...»	170
«Я шел к тебе четыре года сквозь войну...»	171
«Синие горы в белом...»	172
«С гор несется поток...»	173
«На крыльях май несется по земле...»	175
«Вечер, фонари на бульваре...»	176
«Метеоритный дождь...»	177
«Приснился в понедельник жуткий сон...»	179
«Оду женщине...»	180
«Моя крайно, моя Україно...»	182
«Я по бульвару под каштанами бреду...»	183
«Птицей — в небо! Птицей в сини!..»	185
«Зеленые листья деревьев весенних...»	187
«В майском парке — дождь из поливалки...»	188
«Остановлю мысль...»	189
«Проснулся ранним утром мая...»	190
«Я птицей юной взываюсь в небо...»	191
«Ветка сирени в твоих руках...»	192
«Ностальгия ломит...»	193
«Сильный ветер...»	194
«Тихая летняя грусть...»	195
«Колючкой сознание мира опутано...»	196
«Счастья Эверест...»	198
«Когда умру — заройте, как собаку...»	200
«Солнце светит — в речке лето...»	201
«Гуляют нервы и рвут все тело...»	202
«Бегу, лечу в страну другую...»	203
«Впереди — стена в нелегкий час...»	204
«Свалка железа, асфальта вонь...»	205
«Белым облаком по небу — ветер свежий...»	206

Содержание

«Идет великая война...»	207
«Мой Господь!...»	208
«Рву нервы с раннего утра...»	210
«Тихий вопрос, дерзкий ответ...»	212
«В мире, где правит зло...»	213
«Давайте вместе ходить рядами...»	214
«Господи! Приди...»	216
«Я жил в болоте...»	217
«Взрыв бомбы и падает дом...»	218
«Железные шкафы...»	219
«Все, существующее в сознании...»	220

Тетрадь третья

«Я от жизни ждал многоного...»	223
«Метель, снега, январь и я...»	224
«Вздыбленные лошади! Опасность!...»	225
«Вас вызывали к прокурору?...»	226
«Боже! Когда взлечу над летом...»	228
«Морда тоталитарная из памяти вылезла...»	229
«Птицей в небо, птицей в даль...»	231
«И снова в горы ухожу я с песней...»	232
«Бог силы дал — за веру и любовь...»	233
«Квадрат и круг в уме я изучаю...»	234
«От дома к дому...»	235
«Спиралью ветер кружит в поле...»	237
«Тоска щемящей болью...»	238
«Во сне иль наяву я вижу белый цвет...»	239
«Птицей — к тебе...»	240
«Нет правды на земле, а истина в вине...»	241
«Мои мечты...»	242
«День нелегкий...»	243
«Звуки леса в голове играют...»	244
«Дьяволосети мир объяли...»	245
«Я предавал не раз друзей...»	246
«У каждого — своя судьба...»	247
«Город уходит в ночь, и свет из окон...»	248
«Дождь по крышам домов...»	249
«Край неправды...»	251
«Временами мне хочется...»	253
«Белый свет моих туманов...»	255
«Ценою других жизней»	256
«Смотрю и не вижу...»	258
«Кому-то власть, богатство, сила, счастье...»	259
«Я скоро стану известным поэтом...»	260
«Твой звонок...»	261
«Цветущий сад...»	262
«У окна — фигура старика»	263
«Я молод и красив...»	264
«Белый туман...»	265
«Ночное шоссе под машину...»	266
«Дорогой жизни пронесла судьба...»	267
«Ветер веером листает книгу...»	268
«Не снятся сны...»	269

Содержание

«Страна без совести, морали...»	270
«Звериный оскал...»	271
«Я и осень...»	272
«На речке лед...»	273
«Белым парусом солнце...»	275
«Вижу и слышу море весны...»	276
«Я заточен, как в башне...»	277
«Стога в лугу...»	278
«В снегу белесом тополя...»	279
«Грохот пушек, танковых моторов...»	280
«Агентства модельные...»	282
«Подождите, подождите...»	284
«Осенним днем...»	285
«Я песни пою под луной...»	286
«Чорній дні твої, Україно...»	287
«Звезды да элита...»	289
«Холодный дождь...»	291
«Усталость свинцовила тело...»	293
«Белесый свет луны...»	294
«Эхо войны...»	295
«Слишком часто...»	296
«Как листья с деревьев осенних падают...»	298
«Имею ли право других учить?...»	299
«Лист бумажный...»	301
«Остров строю из отходов жизни...»	302
«Скатерь рваная и простины рвань...»	304
«Ночь. Темень...»	305
«Белым пароходом лета...»	306
«Пронзительный дверной звонок...»	307
«Цена жизни...»	309
«Кап-кап-кап дождь за воротник...»	311
«Снег медленно...»	312
«Нежный, дивный вечер мая...»	315
Сон правителей	316
«Край мира...»	318
«Сверло электродрели...»	320
«Жестокость — удар...»	321
«Слезы в глазах моих...»	323
«Грязные стены домов...»	324
«Сегодня праздник...»	325
«Жизнь Джонсона по-странныму...»	327
«От Бога вышел и к Богу иду...»	329
«Убивали дух крестьянина годами...»	330
«Строительство капитализма в России...»	332
«Верхушка кедра в моем окне...»	333
«Завидуют и ненавидят...»	334
«Тому, который во мне сидит...»	336
«Пролететь по Вселенной...»	338
«Ложь давно сравнилась с истиной...»	339
«Дубы-исполины...»	340
«Жизнь на гребне волны...»	342
«Многословие, многословие...»	343
«Не хочу рушить Отечество...»	344

Содержание

«Музыка — в твоих глазах...»	345
«Отпусти себя, как щепку в поток...»	347
«Волчара по снегу рыщет...»	348
«Скину мысли хмурые...»	349
«Пространство узкое...»	351
«Гоцалки попсовые...»	353
«Встаю спозаранку...»	354
«Люди уходят во тьму веков...»	356
«Я стою на берегу...»	357
«Не оглядываясь назад...»	358
«Бригадиры в парламенте...»	359
«Я тебя выхватил у тети смерти...»	361
«Ты уходишь от меня все дальше...»	362
«Шумит сосновый лес...»	364
«Что твой ласковый взгляд...»	365
«Тревога и боль...»	366
«Ты изменила мыслей ход...»	367
«Отец мой Бог...»	368
«Стеклянные глаза...»	369
«Я в просторной камере тюрьмы...»	370
«По краю обрыва...»	371
«Я к Господу Христу взываю...»	373
«Я люблю тебя...»	374
«Я возненавидел жизнь, дела...»	375
«Как вернуть моей душе покой?...»	376
«Я вставал и падал...»	377
«Мечта последних лет...»	378
«Жизнь любимого кота...»	379
«Я тебя не вырвал у тети-смерти...»	380
«Болея сильно...»	381
«Жизнь, как сумерки в ноябре...»	382
«Я, как застывший металл...»	383
«Старый Новый год...»	384
«Кошка Ника три дня как оставила дом...»	385
«Мысли грешные...»	386
«Сегодня День Богоявленья...»	387
«Хлопья снега кружатся...»	388
«Грусть моя тихая, грусть моя нежная...»	389
«Один в Москве, другой в тюрьме...»	390
«Не хочу зудусом...»	391
«И как жить дальше...»	392
 Тетрадь четвертая	
«Мagma зло в мозгу клокочет...»	394
«На соседней крыше друзья...»	395
«Твоему мудростью устроен мир...»	396
«Отайдут метели...»	397
«Желтая, засохшая трава в лугу...»	398
«Много лет жизни прожито...»	399
«Зелено-синее море...»	400
«Грозовой тучей над твоим домом...»	401
«Мой друг настоящий...»	402
«Видеть твои страдания и боль...»	403

Содержание

«Ночь покрывалом звездным...»	404
«Горечь горечи рознь...»	405
«Тихий зимний вечер...»	406
«Господь Христос — мой Бог...»	407
«Я — христианин...»	408
«Пространство таинственное...»	409
«Голубая сфера, конус...»	410
«Слыши слова...»	412
«Ковром зеленый мох...»	413
«Друг болен...»	414
«Взрыв бомбы и вой...»	415
«Одиночество в тягость...»	416
«Безумие по миру волнами...»	417
«Ты ушла навсегда...»	418
«Я приехал в город за счастьем...»	419
«Охапка красных роз...»	420
«Эта боль...»	421
«Перед глазами...»	422
«Белый снег искрится...»	424
«Дорога наша...»	425
«Западный ветер и дождь со снегом...»	427
«На автомобиле типа “ЗАЗ”...»	429
«Жизнь — фантом...»	431
«Белой пеной...»	432
«Вираж, пике и вдруг...»	434
«Я сегодня посетил твою могилку...»	435
«Крылящий берег Днепра...»	436
«Время стоит, время горит и улетает...»	437
«Я звоню...»	438
«Запах утренних трав...»	439
«Мир далекий...»	440
«Мне главное, чтоб была цель...»	442
«На судьбу уповаю...»	443
«Девятнадцатый день нет тебя в доме...»	444
«В небо смотрю днем и ночью...»	445
«Сегодня яркоснежный день...»	446
«Покорители космоса...»	447
«Ты в жизни немало страдала...»	448
«Шепот Вселенной...»	449
«Капает дождь, скоро ночь...»	450
«Резкий удар двери — о, сука!..»	451
«Я ухожу все дальше в глубины тайны...»	452
«Жизнь затворника...»	453
«Жизнь после твоего ухода»	454
«Скошены поля, хлеба в стогах...»	455
«Виски сжимает сильнейшая боль...»	456
«Ангелы — в небе, ангелы рядом...»	458
«Главнейшее в мире — секс...»	459
«Ах, какая женщина...»	461
«Выйду на улицу...»	463
«В Бразилии — карнавал...»	464
«Я смотрю на облака...»	466
«Нежное солнце...»	468

Содержание

«Я не люблю мужчину, с которым живу...»	469
«Говорю слова ласковые...»	471
«Молот распущенности...»	472
«Смотрю, напрягаясь...»	474
«Мои мысли...»	475
«Я тебя любил, люблю и любить буду...»	476
«Так давно хотелось...»	477
«Дорога, обрыв...»	478
«Ночной звонок взрывает тело...»	479
«Любовь и страдание рядом идут...»	481
«Ты стучалась в мое сознание...»	482
«Сомненья — волна морская...»	483
«Ограды, заборы, засовы, замки...»	484
«Язык отображает сознание...»	486
«Лицо к стене и руки вверх...»	487
«Завтра новолуние — особый час...»	489
«По тонкой грани тянет...»	490
«Мне тебя не хватает...»	491
«Мир издевы — жестокой лжи...»	492
«Я обречен построить дом...»	494
«Ты лежишь под деревом...»	495
«Зерно мне дали...»	496
«Молчать, молчать...»	497
«Перевернулось и остановилось...»	498
«Как трудно жить...»	500
«Глубина чувств...»	501
«Дочка и кошка...»	503
«Плесенью покрытый пень...»	505
«Попсуха-певичка...»	507
«Передо мною лист...»	509
«Однажды посетил зоопарк...»	511
«На лугу сенокос...»	513
«Вы знаете, как ловить рыбу в мутной воде?..»	515
«Будьте, как дети...»	517

Літературно-художнє видання

Можаровский А.И.

M75 Я слышу музыку небес. Поэтические тетради. Т.1. —
К.: ИПЦ «Киевский университет», 2012. — 528 с.

ISBN

ISBN

Книги Анатолия Можаровского — своеобразный поэтический дневник человеческой души, искренне стремящейся к Любви и познанию Божественных истин в леденящем одиночестве терзаемого греховными соблазнами мира.

Издание второе, исправленное.

**УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5**

*Відповідальний за випуск
Михайло МАЛЮК*

*Редактор
Євген ПАШКОВСЬКИЙ*

*Комп'ютерна верстка
Ганни СОЛДАТЕНКО*

*Художник
Валентина ПРОТОПОП*

*Художнє оформлення
Світлани УРБАНСЬКОЇ*

Здано до виробництва та підписано до друку 14.03.2012.
Формат 60x100 1/16.
Фіз.друк.арк. 33. Ум.друк.арк. 30,7.

Видавничо-поліграфічний Центр «Київський університет»
01601 м.Київ, бул.Т.Шевченка,14, кім.43
Свідоцтво ДК №.1103 від 31.10.2002.

Метрадъ вторая

* * *

Пришли такие времена,
что кажется,
минувший век нес бремя легче,
но подвигов его не сосчитать.
Все мелковато, воровато —
вокруг лишь глупость, дурь.
Встаю я утром, как солдат,
мечтающий погибнуть в схватке.
Но боя нет и подвигу нет места —
все заговоры, ложь да клевета.
«Фигня для понта» — вот наша страна.
В других не краше — так же, или хуже,
а нам, как символ — Запад.
На него равнение и планы.
Ворваться в золотой бы миллиард,
жизнь буржуинскую да средний класс —
автомобиль, камин и вечерком коньяк,
наркотики, кайф, пиво, порно,
заменившие мыслителей на пустоту,
как на мечту,
брюки, блузки, бриллиантов тьма...
Шли и упали, куда-то вниз.
Я вам дам лестницу и попрошу:
«Народ поднимись!» —
здесь солнце,
когда-то росли хлеба,
здесь твоё детство, мать и страна.
И пусть поводыри едут в Давос,
а мы в чистый лес —
плакать по себе,
сколько есть слез.
Давайте спасем себя —
тебя, меня, не родившееся дитя!
Мир очнись! Очнись страна!
Слава Богу, почти очнулся я.
И в таком же состоянии —
землян семья.

15.03.07.

* * *

Господи!
Хочу к тебе, слышишь!
Боль, страданье, скорбь
сделали меня чище.
Снег пролетает, зима в разгаре,
смотрю в окно.
Небо и птицы,
плывущие в воздухе снежном!
Прошу Тебя, Боже —
исцели — мне больно.
Я многое в жизни ломал, коверкал —
я шел, бежал и верен был себе.
Прости меня, если сможешь.
Хочу жить тихо,
смотреть на мир с любовью.
Поверь еще раз.
Ты слышишь, как болит,
как я погряз в пучине скверны.
Враг оказался сильней меня,
а я думал, что верен Тебе.
Моя вера — просто страх перед жизнью.
Я почти прозрел и вижу себя.
Прости!
Я стану другим — Тебе это известно.
Я рвусь непрестанно к чистоте мыслей.
Помоги и дай мне силы!
Ты меня слышишь?
Я Твой и Тебе жизнь отдать хочу.
Я в тупике — ужасы снятся.
И день и ночь — лишь боль.
Верни силы. Я люблю Тебя,
и жизнь, и близких.

15.03.07.

* * *

Я в бизнесе рвусь, как струна, угорая.
Деньги люблю, люблю успех,
товар предлагая.
Бывают дни, недели, но нет продаж,
нет поступленья — и я шалею.
Нет настроения и покоя, —
лишь крики, вопли — чумной вот такой я.
Не даю людям и близким счастья,
требую, попрекаю, загоняю всех и себя я.
Терпения нет и нет покоя,
хоть знаю — постучат в дверь и я открою.
Придет толстый дядя,
достанет гривны и доллары — и я заиграю.
Купит, растает и еще раз придет —
снова гривны, доллары, а, может, и евро.
Стану я богатым, известным —
жадным буду таким, что обо мне напишут песни.
Деньги все — себе родному. Все зарою.
Кайф по-олигарховски и радость по Кумиропопсову.
Сижу я, жду и все мечтаю —
я бизнесмен, капиталист, жизнь на бабло меняю.
Позабыл про леса, про море.
Мне бы доллары и большую комору —
запастись добром на тысячелетие.
Земли хочу собрать, как фараон египетский.
Не просите у меня — ничего не дам я.
Все себе.
Смотрите, идет блаженный и раздает подаянья.
Он не капиталист — он без мозгов, каналья.
Не то что я — с пальцами растопыренными...
Я сам люблю себя и себя славлю,
а вы все лохи — мне жаль вас.

18.03.07.

* * *

Чим мерзенніший чоловік —
тим краща машина.
Чим дурніший чоловік —
тим молодша дружина.
Чим дрібніший чоловік —
тимвищий щабель на владній драбині.
Чим заразніший чоловік —
не підірвати й на міні.
Якби я не був дурний —
в мене також був би син.
І я б його навчив —
у школі довго не барись.
Зошити, книжки, щоденник —
для понту й атестату,
вчи «феню», м'язи качай.
Купимо тобі дисертацію,
підеш у депутати —
правити крайною.
На щаблі, де ти сядеш,
вгору дивись
та кусай того,
хто просунувсь вище —
вниз його.
Не жалій жодних дуп.
Так собі потихеньку
правитимеш ненькою.
Та нема в мене сина
і не збулась Україна.

18.03.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Падает снег на город.
И тот и другой — мне дорог.
Гость я в городе и в мире этом —
время вечернее, а нет покоя.
Я останусь и заночую —
спать не буду, а буду сидеть
и смотреть на луну и звезды,
тихо плача о предстоящей разлуке.
Жизнь была часто не в радость —
были и скорби и муки.
Но мир этот дивно устроил Всевышний —
былое вчера сегодня кажется лишним.
Душа и сердце не хранят дурных раздумий.
Там только память о счастливом
и только радость.
Весна, цветущие вишни, май,
сирень и сады в белесом тумане.
Боже! Как они незабываемы!
Вспомню детство, родителей и льются слезы.
Вспомню первую любовь и красные розы.
Вспомню луга в траве зеленой —
цветы, пение птиц, река.
Вспомню все и ночь проведу в молитве,
славя Творца.
Жизнь, как пар, уходит, унося нас с вами.
Это потом, а сейчас — вечер ранний,
солнце еще высоко, ночь не за горами.
Этот вечер мой — я допью его летом.
Снег и снег.
Славлю Бога за это.

18.03.07.

* * *

Мысли разные, мысли правильные,
мысли странные, мысли безумные,
мысли прекрасные.

В один миг, в один час,
как понять себя?

И вот опять, та же череда.

Гениальное рождается редко,
словно вспышка, почти незаметная
за кутерьмой, осенними листьями,
снегом, дождем с ветром и бурей,
за бездонною тишиной.

Оседлаю скакуна мыслей —
через пропасти и ущелья
попаду в бесстрашие,
обрету свободу.

Страсти, желания
и недостижимые цели,
и тошнота от вращения...

Свобода в тебе — бери и не гордись!
Забудешься — и проиграл.

Череда мыслей —
новый шквал — запутался в них —
не тщись.

Избавься от них — свобода —
и вверх летиши.

Богу молись,
тогда мысль покориши.

18.03.07.

* * *

Я был ракетой в жизни —
летел! До предела скорость.
Суетился, спешил,
преждевременно ступени теряя.
Были времена — и обшивка трещала.
И вот — орбита, круг первый — удача.
Принимая поздравления, усталый, разбитый
я засыпаю.
Сквозь сон слышу вибрации, грохот —
метеоры долбят.
Смотрю на компьютер —
повреждена электроника.
Меня качает.
Орбита — мечта, цель жизни,
и вот — незадача.
Вкалываю, как проклятый, —
ремонт.
Ни конца, ни начала —
еле живой к концу дня,
немного сна
и снова работа.
Ошибка, две, иду, как на автопилоте.
Сон не снимает усталости —
весь разбитый,
а еще основные задания,
а я уже еле двигаюсь.
Посадка не скоро
да я и не спешу.
Я планету счастья ищу
и когда-нибудь к ней подлечу.
Пусть корабль раздолбан, помят —
я его поддержу, отдохну и
к счастливой планете,
но никак не обратно.
Путь долг, спешить мне некуда.

Метрадь вторая

Я так стремился, но корабль разбит.
Я руль сжимаю,
болтаюсь, дрожу, замерзаю.
Смотрю в иллюминатор
и счастья планету озарением вычисляю.

20.03.07.

* * *

Сознание и язык — взаимосвязанные.
Энергия сознания извергается пустословием.
Вырваться в мир!
Соединиться с сознаниями других.
Мозг бессмысленно переливается через край,
пустота жаждет вырваться
и заполнить такую же.
Энергия разрушения, энергия поражения —
неразумие ведет к погибели своим безумием.
Вначале я, потом ты, далее он
и цепь пустословия замкнута.
Играет гармонь, а может, аккордеон —
на сцене он, или не он —
не молод, не умен,
но создал цепь и сам не знает,
как выгнило его сознанье.
И так — каждый второй.
Язык действительно враг мой.
Но язык — и инструмент.
И здесь ни при чем мозг и разум.
Начиналось все, как обычно —
итог плачевен:
переиграл сам себя
и ничего из этого не вышло.
Как сбежать из этой карусели.
Угорел в себе и глаза потускнели.
Бог — и только Он — звезда, всегда,
к Нему идти, оставив себя вначале.
Прост и тих язык в затворе —
мудрость получишь в награду
не для гармошки и сцены,
самоутвержденья и пораженья,
болезненного самомнения.

Меморандум вторая

Прост и тих,
да еще и мудр —
цель будет достигнута многими.
Я в начале пути —
сегодня начал идти.

20.03.07.

* * *

Зло многомерное, зло бесконечное,
зло безумное, зло бездушное —
спрутяга, объявшний мир.

Часть спрута я и ты.

Я ухожу, отрываясь от ядовитых корней.

Ты остаешься — тебе это нравится,
ты его любишь, вы вместе сильней.

Я страх перед вами оставлю —
смрад преисподней и серы дух.

Я на светлом и чистом —
разбитый, еле живой, —
всех призываю бежать от спрута —
пусть сам извивается со своими подружками.

Их у него — не перечесть.

Он им нравится.

Их интересует
лишь полная вседозволенность.

Я убежал на воздух.

Зло победить старался, но это в сказках легко —
голову змею рубиши, за нею вторую, третью.

В реальности мерзость
подлее, хитрее, поизворотливей.

Нежится и улыбается
зверь в смоле и когтях.

Зло победит лишь Всевышний.

Сам я от зла озел.

Спелые вишни
и сад не снится.

Кошмары, ужасы ада —
я сломался и не устоял.

Снова к Богу,
чтобы удержанял.

25.03.07.

* * *

Жизни смысл и жизни цели —
все на свалку, все в трубу.
Едким дымом разнесется
труд мой — и я в дыму.
Труд, заботы, нервы, срывы,
радости и мрак.
Снится лес густой, красивый,
снится девушка-змея.
Просыпаюсь с дикой дрожью —
так устал и не заснуть.
Утром все начну сторицей —
есть ведь смысл, а цели нет.
Между ними, как граница,
вал дерьяма и крик чужой.
Как добраться, как добиться —
я один, но Бог со мной.
Слышу я Его заботу,
слышу мудрость с высоты,
но барахтаюсь в болоте —
сам стремлюсь туда идти.
Через вал — не удается.
Вроде силы есть,
есть надежда, но тревога
не дает присесть.
Поздний вечер и тревога —
самому мне не дойти,
Боже, за руку возьми,
поддержи и проведи.
Сам я слаб и ненадежен,
да тревога жжет в груди.
Тишина в ночи со снегом...
Завтра утром встану с Богом,
и попробую дойти.

25.03.07.

* * *

Жуткий вечер, жутчайшая ночь.
Утро невесело, дождь, как клочь.
Сжимает уныние.
Нервы выгорели, а хотелось не так.
Я любил дождь всегда —
летом, весною, осенью,
когда капель и мрак,
когда тихо ждешь,
когдатише идешь
под моросящим дождем.
Сегодня не так.
Дождь несет страх. Могло и не быть.
С детства мечтал о войне
и получил сполна.
Кровь кипит — это лично моя война.
И я, невидимый враг,
сжигаю пороки.
Становлюсь все сильней, крепче,
но иногда не выдерживает сердце.
Лежу в терзающем ожидании,
как в окопе на передовой.
Страх и одна мысль в сознании —
не победить, так выжить.
День лишь один.
Сам командир,
сам составишь план.
Стратегия есть,
но с тактикой часто бедлам.
Враг внутри и не отступает,
даже на время краткое.
Ты напряжен,
как на издыхании.
Улыбка на лице,
и враг на миг побежден.
Вечность ближе и выше.
Бога прошу и знаю, что слышит.

27.03.07.

* * *

Я лечу, я плыву в голубых небесах,
В лучах солнца купаюсь.
Я о счастье мечтаю.
Я на земли мечты, улетая, взираю.
Вокруг зелень густая.
Я на спину ложусь, смотрю в небо, летаю.
Птицы, небо и вечер — все тает...
Стать бы птицей на мгновенье, умчаться.
Мне хорошо в траве —
здесь бы мне и остаться.
Но время лета,
как время счастья —
у меня минут таких
очень мало:
то душа болит,
то просто мне чего-то не хватает.
Едкий дым машин,
толпы людей на улицах,
грехот.
Я привык к родному городу
и страдаю,
был он садом цветущим,
благоуханным,
теперь он город капитала и нахала,
бродячего пса и шакала.
Поэтому в мечты убегаю,
летаю...

27.03.07.

* * *

Берег моря.

Я, как околдованный,
стою средь кипарисов.

Бархатом сочным —
цветы под ногами.

Волны бирюзовые
катятся на скалы,
облизывая камни годами.

Пена, буруны и запах моря —
я околдован этим виденьем,
застыл и боюсь пошевелиться —
испугать или сглазить стихию:
вдруг я к ней, а она исчезнет.

Чаек стая с высоты падает в пучину,
и сердце мое замирает.

Я многое в жизни видел,
любил и ненавидел,
но море, горы так меня сразили,
и понял я, что это за сила.

Я еще чуть-чуть прижмусь
и постою у кипарисов,
а затем в воду зайду в блаженстве.

Море, море, ты моя стихия,
только здесь я понял — мы родные,
точно так во мне бушуют страсти,
точно так я тих и смирен,
или рвусь куда-то и дрожу от счастья,
то угрюм и сер, или сержусь.

Я и море —
песчинка и огромная стихия,
но я ему близок духом,
хоть и не так силен.

И вот волны столь нежное касание,
я в нем — и нежность получил с избытком.
Волна качает и качает,
и мысли мои стали так же тихи,
а грустные куда-то испарились.

28.03.07.

* * *

Поплыvем, моя душа, поплыvем
под белым парусом вдвоем.
Поплыvем, моя душа, —
жизнь чудесно хороша.
Плещется вода у борта нашей лодки.
Нам хорошо,
мы обрели свободу от мирского зла.
Мы вдвоем — под нами небо —
и вода кругом.
Море, дальше океан —
мы увидим много стран.
Нам не нужны дома, земля и деньги —
мы счастливы свободой,
хоть ждут нас ливни, ветры,
бури и шторма.
Я не один, и ты не одна —
вдвоем мы с тобою, душа.
Раньше жил, тебя не замечая,
раньше думал только о себе.
Всего на свете было мне все мало —
я покорял, стремился, добивался
и вдруг тебя почувствовал в себе.
Ты вовсе не такая, как я думал,
ты боль предчувствуешь — и в том моя вина.
Ты не свободна и забыта мною —
я виноват,
так виноват перед тобою.
Я слушал долго, что ты говорила —
мне было трудно рвать все прежние мерила,
мне в новой жизни —
новый строить дом,
там, где моря и небо,
и мы с тобой вдвоем:
не нужен архитектор и прораб,
кирпич или металл —
дом под дождем и снегом —
просто на траве.
И вкус свободы, оказалось,
сладок мне.

Анатолий Можаровский

И вот под парусом и ветром
над водой
несется лодка —
нам хорошо с тобой.

28.03.07.

* * *

Мчусь на лошади по дороге.
Дорога неизвестна, но впереди мечта.
С деревьев падают на плечи мне листья.
Осень ранняя и в небе — звезда.
Мчусь на лошади — ей бы отдохнуть,
но ждет любимая и долог путь.
Ждет любимая, сердце затая.
Я лечу к ней ночью, днем был занят я.
Днем — война, опасности, атаки и стрельба.
А я — с войны к любимой на час, а может, два.
Идут бои тяжелые — я в порохе, крови.
Из рукопашной схватки сегодня вышел я.
Осенний листопад — в небе горит звезда.
Мир сдвинулся, качнулся и сошел с ума.
Сколько жертв ненужных, сколько бед и слез.
Правителей бы наших — на передний вал
и пусть грызутся досыта, а я уже устал.
Я встречаю женщину который день подряд.
Я влюбился осенью — я, как листопад.
Увижу ль я победу — дом, и сад, и мир.
Пока — осенний лист
дорог мне и мил.
Я влюбился осенью.
Война с огнем.
Дожить бы до вечера,
и ночью вдвоем.

29.03.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Я лечу под звуки песен.
Я лечу, мне дом мой тесен.
Я лечу и звезд рукой касаюсь.
В сердце радость, словно каюсь.
Я грустил, были причины,
но отпали, грусть я кинул
с высоты метеоритом.
След оставит,
ночью будет видно
грусть мою.
Так серый цвет стал ярким.
И тусклый свет сознания смешался
с яркими фантазиями ночи.
Теперь пою, танцую и летаю.
всех, кому грустно —
в небо приглашаю.

29.03.07.

* * *

Жизнь никогда не кончается.
Жизнью всегда начинается.
Шел ты — и вот тупик,
боль, утрата и разочарование.
А ты осмотрись.
Жизнь всегда только начинается.
Попробуй уединись — мысли прочь.
Сознание станет ярче,
мысли вернутся, но тихие и спокойные.
Ты вспомнишь сосновый бор,
небо, озеро
и что там за голубой водой?
Роща цветущих акаций.
Ты не один — рядом кто-то грустный,
на него кричат, поучают
и так уже много лет.
Он тоже страдает.
Он тоже не свободный от мира человек.
Мы ищем улады плоти,
счастья для тела —
комфорт, стильная одежда.
И, вдруг, —
прозренье, знак,
как взрыв!
И мы бежим...
Ты примешь знак, но не до конца —
еще ропща, еще надеясь.
И, как всегда, сначала
Бог испытывает сердца.
Акаций цвет или черемуха?
Вишневый сад и я тихо сижу.
Куда, зачем? Я вроде понял смысл.
Но в глазах клети сталь,
в ней бушующий медведь.
Ни секунды покоя.

Раб, закрытый в утеху,
но я не зверь и видел мир другим,
и раньше или позже
придется выбирать
борьбу,
тяжелую борьбу.
И если ты не холоден
и не горяч,
тебе борьбу не стоит выбирать.
А я горяч,
и я пошел в разгон,
выбрав борьбу
меж телом и душой.

30.03.07.

* * *

Дрогнул мир и страна свалилась —
большая, могучая,
на полпланеты калейдоскоп осколков.
Мы все решили — это весна,
надежд, морали,
мы так устали.
Знамена, митинги, газеты
мешали с грязью.
О весне почти не говорили,
жизни исчадия повторяя.
Бизнес пищал, жужжал.
И каждый, кто хотел весны,
на шею посадил мента или бандита —
чиновников свиту.
Там убивают, там сажают,
там забирают, что успели.
Мрак небытия —
вот она, родина моя.
Мозги болванят свободой слова.
Трещат головы и сердце рвется —
весна отцвела.
А мы стоим у грязного колодца —
пить нельзя.
Рискнуть, попробовать
или новый копать?
Я так хотел весны своей стране —
я так люблю её, истерзанную, не извне.
Как ей помочь?
Как очистить ее от грязи?
Ложь законом жизни стала,
врут все, кому не лень.
Я тоже вру себе, и всем кому хочу,
и что это за жизнь? и как еще дышу?
Хочу весны, хочу дождя,
хочу грозы и молний день и ночь,
хочу омыть страну — стране помочь.

30.03.07.

* * *

Он сменил имидж,
автомобиль
«Рейндж-рover спорт»
купить себе смог,
а тебе — зависти полон рот.
Есть престижные районы,
есть трущобы для люмпенов,
есть дворцы, есть имения,
на лацкане звезда.
Если платишь, орден от президента.
Не платят екс-прокуроры,
генералы, политики и другие балалайки.
Украшают себя охотой, любовницами,
кровью животных.
Остальным — газеты, глянцы,
передачи шлюхер с румянцем.
Дурака сажают в кресло,
в душе его так нежно шарят руками.
Он то плачет, то рыдает —
говорит, как в кабинете доктору, по психотеке.
Зал в ладони бухает, а мы дома на диване —
паутина, пыль, пиво —
тоже ведь стали жить красиво.
Когда пара пива в час — жизнь «нищак».
Мир оболванен рогатым,
оболванен зубатым, оболванен проклятьем.
И дворец, и джентльмен,
и красотка в «Мерседесе»,
и электорат с диванов и кресел — все в плену.
Спят и видят новый день — счастья список.
Кто на имиджевом авто,
кто в шопе от кутюрье,
кто пакуется еще,
кто — за пивом спозаранку,
кто под бражкой, с грязной чашкой —
жизнь красива.

Жизнь прекрасна!
Побольше водки! Побольше пива!
Глаза искрятся,
мир ужрался.

30.03.07.

* * *

Рита! Я смотрю телевизор часами.
Рита! Я кручу и вращаю мозгами.
Рита! Я давно мог бы править миром,
не будь я смолоду таким кретином.
Рита! Ты виновата в том, что случилось.
Увидев тебя, влюбился в сладость.
Цель свою променял на усладу.
Рита! Я был гений, а что со мной стало —
лысый с брюшком — тапочки и шаровары,
протертый диван и ты весь день перед глазами.
Рита! Мир потерял в моем лице Наполеона.
Я мог взорвать все тоже — как эти вот в доме.
Рита! Я тебя оставляю! На память
тапочки и шаровары лежат на диване.
Сделаем вид, что я в космос взлетел без ракеты.
Ты остаешься одна. Покеда!
Жизнь и судьбу ты мою поломала,
я, идиот, ждал от тебя шоколада,
а получил горькие ласки.
Время ушло и вся жизнь — по льду голой жопой.
К черту салазки,
жизнь начата новая в понедельник —
лес, бездорожье и я, как отшельник.
Лучше жить один на один с природой,
чем себя так тревожить.
Рита! Живи, наслаждайся экраном —
вечером дяди, бутылка и звон стаканов.
Живи так и дальше, пока не облезешь,
а я пропретрезвевший.
И буду грезить.

01.04.07.

* * *

Мир повернулся спиной
и очень резко.
Я шел по дороге и видел
бездушную жизнь, как кокетку.
Мир стал холодным и безразличным —
взываю к судьбе,
прошу о жизни приличной.
Все очень быстро —
не успевает переварить сознанье.
Я шел и надеялся,
но обманули все ожидания.
В мире дорог и неизведанных стежек
я видел так мало —
теперь вот — протез без застежек.
Путь перекрыт и движение —
только глазами.
А там горизонт — кусок неба,
а я хочу дальше.
Сегодня тревога и мира спина на полмира,
движение глаз, и усталость, бессилье.
Глазами бегу, кувыркаюсь,
а ноги потеряли свободу движений.
Глазамизываю, прошу, умоляю —
к лету хочу,
к себе повернуть мир лицом.
Ведь это возможно. Я знаю.
Мир, я люблю больше и больше.
Славить Бога хочу!
Плыть с Его облаками.
Лето, слышишь меня —
ты уже не за горами.
По осколкам февральского наста
скользжу и на солнце взираю.

Анатолий Можаровский

Небо синее без облаков — умиляет,
ласковой синью в глазах
и лице полыхает.
Это мира лицо.
Спина у него — другая.

01.04.07.

* * *

Февральский яркий день и неба голубого глубина.
Искрится солнце в нежном льду —
и я иду.
И в памяти — картины детства —
такой же день, такой же лед, коньки.
Мальчишка убегает все быстрей — вперед.
Февраль кружит и скоро март — весна в пути.
И слышен ее дух, воздух пьянил,
а я на льду, как много лет назад.
Иду и сердце замирает — скоро март,
голубизной его насытиться нельзя.
Слава Творцу — жизнь бесконечна и мила —
и радость бытия, и грусть потерян.
Любой ценой хочу туда, где мне двенадцать лет.
Симфония начала — и душа
не ведает земного грустъ-конца.
И ощущений в ней — на миллионы лет.
И смерти нет.
О, как права ты, детская душа. В ней дух Творца.
Ведь с многолетней тяжестью
грехов и заблуждений —
и мысли суэтны, и нету звонких пений.
Растрачено все чистое и светлое в пути.
Скоро весна — может спасти.
В ней есть надежда воскресенья всех творений.
И возвращенье в радость бытия.
О Боже! Как прекрасна жизнь моя!

01.04.07.

* * *

Вчера увидел я картину —
лиц двадцать гневное письмо писали.
Не казаки, но гневно и сердито —
телеканалам, президенту и министру,
попсуха из Совдепии — ногами.
Их лица кто-то снял с телеэкрана,
холеные, подтяжки,
перекраски, имидж,
лимузины, острова, прислуга, деньги, дачи —
все может рухнуть в одночасье.
По телевизору нам крутят Галю,
Павлику Дурову — дуля к чаю.
Галя поет, танцует лихо,
слова, музончик.
Муж ейный, ее хозяин
для нас — «Кобзончик».
Я тоже в бизнес рванул внезапно,
киоск поставил.
Водичка, масло, галстук на шею, штаны с Китая.
Я бизнесмен, куда там Гале.
Но вот внезапно пошли проверки:
менты отрядом, чинуши, клерки.
С утра до ночи меня долбали, в поту и нервах,
чуть срок не дали.
Жену — в канаву и Галю — в койку,
а мужу Гали — в ладонь подковку.
На счастье дали — иди, хохол ты!
Поля, долины, сосновый бор,
лошадка, грабли тебе родному, а мне — киоск,
Галюшка в доме.
На сцену девку — в киноактрисы.
Поет и пляшет, все мне в карманы,
валютой разной, зеленой, грязной.
Вот это бизнес — и нехристь в силе.
Еще Сердючку — в телеэкраны.
Мы дураки, а им — Ла Скала.
В трусах девчонки, мальчишки в серьгах —
орут, бузятся и рвут нам нервы.

Попсуха старая из хлеба с маслом
на макароны торговой марки
и простоквашу с именем «Галя».
Котомки тихо берите, братцы,
по хатам, к семьям — от вас устали.
Понятно дело — привыкли к шику,
но время лечит судьбу-старчиху.
Играйте дома — соседям, близким,
а нам Сердючка и Галя вышли.
Их нам рогатых — хохлам — одели.
Вбивают баки и мы балдеем.

02.04.07.

* * *

Звериным стал мой лик и взгляд мой озверел.
Контроля нет над мыслями и разумом давно.
Я не безумен, но давно я отолпел,
ведь мы преобразились.
Мы к этому стремились.
Нам нравится пугать других,
самим от страха умирая.
Разум, волю
переменили на минусовый знак.
Не внезапно,
наши предки теряли данное им,
а нам передали — звериный лик.
Рык и гнев ведут к смоле и сере.
Там выше, как нам кажется, накал
и выше злобева потенциала.
Сера, дым, но вроде светло,
привыкли к ним — и уже легко.
Ведь это не страдания, не душевная боль,
лишь прожигание в тупике для слов.
Солнце в февральской дымке,
снегом покрыта земля.
Я не видел уж много лет поля.
В воронке зла я,
вгрызаюсь в плоть и душу свою.
Мамона, демоны —
я не живу...

02.04.07.

* * *

Кто не терял — не получал.
Кто не мечтал — не обретал.
Кто не терпел — не страдал.
Кто не ждал — не жил.
Кто не жил — по тому колокол призывом не звонил.
Жизнь — Божий дар.
Свобода — высший смысл.
Не горячись, а в казарме посиди,
на нарах за решеткой полежи, строем походи,
поживи всю жизнь
под общественным контролем.
Смирился — раб, а восстал — бунтарь!
А бунтарей — на эшафот.
Мне снятся сны: свобода,
нет стран и государств.
Нет строя, партий, руководяг.
Нет трескотни о заботах,
о демократии пустословия.
Нет тяжкой длани,
о которой так все мечтают,
в гробах перебирая кости
тех, кто был рукой силен
и погонял рабов.
А дальше новый сон: рассвет,
над горизонтом солнца,
восторг в тишине.
Душа плывет в этом огне
над лугами в белом тумане,
над морем синим
вместе с дельфином
вот, опять, в багрово-красном
тишайший шорох ветра
и я от всего свободен.
Звонит будильник — утро раннее.
Застыло сердце.
Вновь остановилось.
Звонок, я просыпаюсь и радуюсь будильнику, —
свободен.

Свободы лик:
не будь рабом идей — идолов от земли.
Закрой глаза и с Богом говори.
Свобода от Него.
Свобода для Него.
Свобода — Он.

02.04.07.

* * *

Город распахнула весна —
начало марта.
Зима лишь вчера ушла,
словно угасла,
осталась на просторах
ледяной вселенной.
Земля к весне
в молодом движении.
Снег почернел,
ручьи, потоки вод.
Ненастье и холодный дождь стеной
смыывает зиму. Грустно мне.
Еще вчера —
мороз и солнце, нежный снег,
крик птиц под небом голубым.
Сегодня — небо как свинец,
и шум воды.
Скорее б ночь —
исчезнуть в ней тревогу потеряв.
Пришла весна,
ее я ждал,
но я в печали —
похорон зимы...
Мы вновь, который раз, теряем что-то,
и грусть потери — плеткой по душе.
Но боль потерь проходит —
радость близко.
А в памяти зима оставит грусть.
Навеки, навсегда
ушла еще одна зима...

02.04.07.

* * *

Мир, как челюсти взбесившегося крокодила,
рвет всех встречных.

Остальные проходят мимо.

Некоторые, ухмыляясь, обвиняют жертвы —
надо хитрее быть, осторожнее,
или сидеть в пещере.

Страсти, гнев, зависть, раздражение.

Любовь присутствует,
но видоизмененная и в основном плотская —
совокупление —
так называют секс-движения.

Любить — в постели мять тело иль гладить.

Любить — целовать, дрожать, разрывать

и так далее.

Любить, улыбаясь ближнему?

Да, бывает, но редко.

Легче рвать тело и душу другому,
обвиняя его в грехах и бедах своих.

Злому легче прожить в современном мире,
злой и жестокий быстрее идет к своей цели,
круша и ломая все на пути.

Мир — во тьме, хоть солнце и светит.

Ложь и порок — нашего мира вехи.

Мир рвет, ломает, крушит, ухмыляясь.

Мы все поддались его власти,

от истинной Божьей Любви удаляясь.

Но озверение не может быть долгим,
без грома с небес, без огня и дыма,
пепел и слезы уготованы всем нам.

02.04.07.

* * *

Встану рано поутру, соберу нехитрые пожитки —
остальное — книги и картины — дома оставлю
и уйду чуть свет на запад, туда, где родина моя.
Там родился мой дед, прадед, а потом и я.
Там в земле лежат предки предков.
Помню детство, дом, оконницы из дуба,
сад и ясени — рядами.
Помню луг, реку, поля и лес,
я сегодня снова буду с вами.
Там богатство — прах.
Родине моей другое надо.
Там отсутствует нацбанк,
не слышен звон металла презренного.
Там простор, покой и радость.
Ведь у каждого есть своя родина,
а мне моя роднее.
Детство, юность в облаках пролетели —
жизнь казалась бесконечной, прекрасной.
Звали в путь города.
Мы ушли, но частью остались там.
Эта часть зовет и ждет меня —
радуется каждой встрече,
на заре с душой соединяясь,
и оставаясь чистой, словно часть небес.
Душа же вся поранилась, изорвалась
средь призраков успеха и побед —
кого и над кем? Мы успели, вы не успели —
кто секунды считает и где конец?
Все тленно — одна прахосуeta.
Копите, дерзайте, но без меня...

02.04.07.

Анатолий Можаровский

* * *

По роще березовой тихо иду я — сон ли это, или мечта?
Душою я здесь отдыхаю,
в шорохе листьев молитву шепчу, восторгаясь.
Осень все обжигает своим неуемным огнем —
на земле появился румянец.
Днем лучи солнца листву
превращают в багрянец,
ночью первый мороз
тонким инеем все покрывает.
Лист желтеет, березы белеют, осень, лес
и я, оглушенный природой, пьянею.
Это осень моя — и в нее я вошел,
нет — влетел, не заметив.
Шорох листвы золотой — иней не ночью, а днем —
на висках побелевших.
Осень моя, ты одна — ведь другой не бывает.
Золота блеск и небес голубизна —
а душа не готова к таким переменам.
Может сон, может просто мечты,
я себя успокою — ведь это все явь:
этот лес золотой,
солнце и небо над головою,
из глаз голубых тихо капают слезы.
Осень пришла — я так молод душою.
Осень пришла —
и я плачу к березе прижавшись щекою.
Лето, весна, все прошло —
только память да боль утихают.
Первая осень — второй не бывает.
Вечная осень, за нею зима — вот и все,
что осталось.

03.04.07.

* * *

Не думай с грустью о смерти
с рассвета и до заката.
Не думай с грустью о смерти,
как о потере, утратах.
Бог создал мудро мир.
Смерть — лишь яркая смена
состояний и впечатлений —
путешествие в мироздании.
Мир не может быть обездвиженным.
Вчера, сегодня или в настоящем
застывшая система рушится.
Система в движении,
изменяется и развивается.
Космическое путешествие —
слишком опасное и напряженное —
Душа увидев миры Творца,
становится лучше и не останавливается.
Мир — есть вечнодвижение,
и, слава Богу, что все изменяется.
Кровь, воздух, вода — в движении.
И жизнь продолжается.

03.04.07.

* * *

Морфий, кокаин, коньяк —
с утра, вечером или просто так.
Мир удивителен —
ты смел, как герой.
Яркие краски, фантазии,
девки, табачный рой.
Жизнь легка, безоблачна,
и ты христианин?
Тебя рвут, стегают, кусают —
грязных слов плеть по лицу.
Ты загнуждан, собой гоним,
воз тяжеленный прешь, нелюдим.
Жизнь опостылела, нет терпения —
мрак без просвета.
Но терпишь так много лет —
ждешь весну, а там и лета.
Все пролетает в рыжую осень.
Ты хочешь любить, ищешь ее,
а попадается постыдная девка.
Каждый день,
каждый шаг тебе опостыл —
все не так.
Ты не прячешься за плетень,
а разрываешь грудь.
И рану сердца — на показ,
рубцы и шрамы, неровный стук.
Но душа исполнена любви
и ты жалеешь вершителей мук.
Прости меня, Господи — я слаб.
А, может, я глуп?
А, может, и неспособен
пламя великой любви принять,
мы все одной крови.
Я мало получил на шею —
значит, еще хомутяру в克莱ят.
Роптать буду дерзко, сжав зубы,
но рано или поздно любить буду.

Не слюнявой любовью
в камышах или под рябиною,
когда, зверея, зовут себя
любимым, любимою,
а любовью
отмученного и истерзанного,
как у Бога — вечною.

03.04.07.

* * *

Мир давно сошел с ума.
Моя страна,
и ты туда же?
Белые хаты, мальвы, чернобрывцы,
поля во ржи,
воловешек голубых глаза —
изничтожены.
Луга, цветы, травы, леса,
деревья вековые смотрят в небо.
И люди тихие — с работы,
вечером селом едут телеги
и тянутся в ночное табуны коней.
Мальчишки родины моей!
Рос я, росла страна —
без веры, без Христа.
Ты шла и путь твой уводил, казалось, ввысь.
Мир дрогнул на миг —
и ты, родная, покатилась вниз.
Поля в сорняках, как лес,
а лес в отходах свалок.
В ночное не кони уже уходят,
а взлетают «бабочки».
Страна, ты хоронишь своих детей —
трибуны, партии,
воры и гензеки в бронзе отлиты.
Внизу баражтаешься —
забита, затравлена вся, пропита.
Моя страна — откуда столько?
Орда прет вверх — все туда,
и только
на холмы Печерские.
Ты слышишь, Боже, помоги!
Очисть Печерские холмы!
Очисть страну — даже огнем!
Я первый голову сложу
за милую мою страну.

Ты слышишь, Боже?
Больно мне —
страна в грязи, страна в дыму.
Дай нам священного огня!
Я жду...
Я так люблю мою страну.

04.04.07.

* * *

Я зубами бы грыз скалу.
Я ногтями бы ее рвал.
Я боролся бы изо всех сил,
Бога б молил, руки к небу подняв.
Я бы рвался из ущелья вверх —
из глубокого к небесам.
Я бы жизнь свою потерял,
но не ныл бы и не стонал.
Солнце, небо и облака,
крик орла в вышине —
вот ведь какая жизнь нужна,
а не та, что на дне.
Так всегда я с юности думал,
храбрым и сильным себя считал.
Было время, когда душа,
в вихре свободы кружась,
на огонь удовольствий летела
и думать о яме было нельзя.
Вершина скалы, ураганы счастья —
и вниз.
Раненный, избитый, измученный борьбой.
Знаний о жизни, казалось, — вагон,
а на поверку — прах.
Ныне я снова вверх — один,
а вокруг — зловещая тишина.
Ущелья мрак и мысль одна —
вершина скалы, борьба.
Слева — вихрь удовольствий
до самого дна.
Иду по лезвию — в крови ступни —
туда, где свобода, еще боюсь,
но яма разврата уже не моя.
Толкни меня, Боже,
правее с ножа —
туда, где свобода,
где Твоя борьба.

04.04.07.

* * *

В перепехах апрель
тихо вводит в буйство весны,
листву выталкивая из почек.
И первый гром, и ливень первый,
и град по телу.
В аллее каштанов — восторг стихий,
безумий радость.
Весною и смерть не страшна.
Воскресшей природе — мои слова,
Бог на небе, и Бог в душе, и радость в сердце.
Душе шестнадцать — и снова
молнии яркий свет.
Весна и буря. Утих апрель,
мне веселей.
А, может, и вправду шестнадцать,
иль поезд жизни так быстро мчался?
И я смотрел из окон редко,
сошел в апреле и не заметил.
Какая радость — под ливень прямо.
«Мне восемнадцать», — душа сказала.
Ведь не стареет душа, а тело —
его забота, его проблема.
Нам ближе сердце,
душа и песни птиц прилетевших —
их я заметил — ведь ждал всю зиму —
весна так долго не наступала.
И вот я снова в своем апреле.
Тихо, спокойно — буря умчалась.
И снова солнце — и май настанет.
В цветах и солнце
любовью ранней.

10.04.07.

* * *

Вишен белоцветье — весна в разгаре.
Небо в черных тучах
и солнце с жесткими лучами.
Град — и весна в печали,
не грустно —
вишни греют.
Сквозь снег и холод
я к саду вышел.
Жизнь — сквозь окна
и тесный скверик
в джунглях каменных.
И вот весна.
Вишневый сад — всего две вишни —
фруктовый остров среди асфальта —
чуть-чуть травы, цветы и лопухи.
Как город жмет природу жестко —
я часть природы, я венец,
я человек и в джунглях жарких —
такой же, как вишневый сад.
Прозрение сквозь снег и жесткие лучи.
какая разница, куда идти?

10.04.07.

* * *

Утерянный рай,
души покой и скорбь горой —
ледник скорбей и страх —
вчера, сегодня, завтра.
И скорбь и страх — осеннее ненастье.
Покой на грезы променял.
Искал, не спал —
дорогу правды потерял.
И зло пришло во всей красе.
То сон кошмарный,
то претензии — ну здравствуй!
Весь сжался — с кем ты дружишь?
И вот — обратный путь назад,
туда, где детства солнце светит.
Чего ты сник? Да — долг путь,
страх выедает силы,
а ты иди, смотри на мир красивый.
Но он не твой — твое вон дерево в аллее.
Твои цветы асфальт преодолели
и ярким солнцем расцвели.
Твои — все птицы,
твоя луна,
с тобою страх.
Молитвой победи — и не блуди.
Ведь столько, столько позади!

15.04.07.

* * *

Тихим, кротким, незлобивым
встречу новый день я завтра.
С солнцем ярким, ветром южным,
под дождем весенним, ранним.
Я омоюсь, успокоюсь,
изменив ход мыслей сразу.
Силы духа пламень взвею,
отрекаясь от заразы.
Поселю туда я мудрость,
ведь давно уж накипело,
наливалось, давно созрело
то зерно в душе печальной.
А с весной все подоспело —
ценности смешались в теле.
Тело просит наслаждений,
хочет ласки и комфорта.
Ну а мне, какое дело?
Скорби в теле нагорели.
Страсти все возьму в охапку
и с горы высокой брошу.
Слышишь грохот камнепада —
страсти змеями клокочут.
Я их — камнем, я их — камнем.
Блуд, стяжение, болтливость,
сребролюбие и страхи
все на свалку — камень сверху — и я чище.
Слышу звоны, слышу пение,
слышу музыку умиротворенья.

15.04.07.

* * *

Ветер кружит пыль дороги —
я иду усталый.
Нет воды в припасах,
хлеба нет,
а иду и напеваю.
Мой напев — лишь шепот тихий,
губ растресканных движенье,
а в глазах всепросветление.
Я иду дорогой горной,
ноги исколов шипами,
но напев свой тихий —
полушепотом продолжаю.
Путь свой знаю
по книге Мудрости.
Этот путь избрал я сам.
Так я думал,
но теперь Ему благодарен.
Ветер кружит пыль дороги,
солнце жжет, немеют ноги.
Путь далек или не долг.
Я иду к вам, звезды, —
и пыль мне не помеха.

29.04.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Я прах под ногами людскими.
Я горд и тщеславен заметно.
Я прах под ногами.
Я сам так хочу —
вы заметьте.
Никто не бросал меня в ноги.
Я выбрал эти жернова с любовью:
пусть земнолюбие и пустословие
сотрутся, как прах на дороге.

29.04.07.

* * *

Лес осенний манит —
запахом листвьев пряным.
Под осиной — гриб заблудший.
Я к нему полунагнулся,
но рука остановилась,
что-то в сердце сжалось.
И я к осине прижался —
к дереву с корой зеленою,
древу легенд
и недобрых предсказаний.
Но любовь к нему такая,
что во мне все замирает.
Небо в серой рвани —
изредка блеснет лучами.
До заката есть мгновенье —
и я — к ели с вдохновеньем —
созерцать ее наряды,
посидеть с красою рядом.
В роще тихо и так чисто,
журавлиный крик струится.
Клин исчез за облаками —
солнце вдруг багровым стало.
Вечер, мне домой пора.
Серый лес не отпускает.
Знать судьбе я так обязан,
чтоб у Бога попросить
больше праздничных мгновений
для природы и души.

30.04.07.

* * *

Всю жизнь наперекор судьбе
и шквал в «девятый вал».
Смогу ли устоять?
Всю жизнь наперекор судьбе —
и есть ли в этом смысл?
Я слышу голос в тишине —
остановись.
Судьба ведь знаки подает —
зовет.
Не всегда прямой и легкий путь.
Бывает и не отдохнуть.
Или выполнить начертанное —
в этом смысл?
Или в борьбе, в которой не победить?
У каждого своя судьба,
свой путь, свой смысл.
Летят десятилетия —
и мало кто прислушивается
к зову изнутри, к слезам бессмертия.
Все думают судьбу переиграть.
Потом приходится вернуться вспять,
иль отступать,
и раны заживлять.
Я парус опустил
и лодку потерял.
В морщинах весь,
а лодка то — все там.
Судьба зовет — и снова новый шанс.
Смирение, и снова по волнам.

30.04.07.

* * *

Я шел к тебе четыре года сквозь войну.

Я шел и ждал весну
победы над врагом,
весну любви.

Четыре года, всю войну,
зимой и осенью, весной и летом,
день за днем.

Я видел ужасы.

Я не герой — простой солдат.

Я часто плакал и стонал.

Болели раны, мучил страх.

Я побеждал себя, врагов давил
и шел, как мог.

Я устал и победил. Пришла весна
в цветах каштанов.

Цвели сады
и ты несла цветы.

Тюльпаны яркие в руках,
лицо в слезах и серебро в висках.

Четыре года шел я в этот парк —
войны солдат, вечный солдат.

Прости, что не дожил.

Я бронзовый, как символ
всех, кто полегли.

Прости меня, прости.

30.04.07.

* * *

Синие горы в белом.
Стога хлебов на полях.
Шум леса, горная река,
ромашки на лугах.
И мы в стогу —
глаза в глазах
и небо в облаках.
Бегут к горам,
а мы остановили время.
О, облака, вы так белы!
И на вершинах так изменчив цвет!
А мы, так опьяненные, лежим.
Любовь и лето — неба белый дым.
Время стоит и, кажется, не миг,
а вечность и бессмертие — для них,
для нас,
для лета и любви.
Умчались годы,
лето вновь пришло.
И облака, и небо — так легко.
Но горизонт белес.
Жизнь пролетела,
как мечта с небес,
той ночью, в том стогу,
где я по-прежнему люблю.

30.04.07.

* * *

С гор несется поток —
изгибами, каскадами.
В чистоводье солнце —
цветными переливами.
Камни столетьями ласкам ее поддаются,
сглаживая углы водой несущейся.
Стою и думаю о красоте и реальности.
Ау, люди — вы опоздаете
в борьбе за злато, власть и успех
жизнь свою губите,
в сумраке мрачном
будьте, как камни,
в потоке горном углы стирая
промыслом Божьим.
Остановитесь,
прислушайтесь к зову,
вы заплутали.
Поводыри ослепшие
ведут в болото,
в топи серные.
Люди! В реке,
словно древние предки,
души омойте потоком чистым.
Слышите, колокол —
это по вам его звон!
Поводырей своих,
серой пропитанных,
на дороге оставьте —
сытых, серых, упитанных.
Люди, вы —
дети Всевышнего.
Реки живые зовут вас —
слышите?

* * *

Ветер тучи гонит, полные дождя.
Тоскно и тревожно — я или не я?
Май в цветах каштанов,
свечи разожглись
к дню победному.
Сколько прошло
на полях сражений.
Стоит солдат седой
и память теребит —
грехота металла, взрывы, минный вой —
смерть за спиной.
Светлы,
юны легли они в полях.
Вся их война — моя война.
Вертятся в памяти
боев картины. Мать рыдает
с письмом в руках.
Три ее сына в земле —
и только сад,
груши цветущие, в память о них —
в вечность ушедших, юных таких.
Комок в горле — моя война —
сегодняшний мир и обезумевшая страна.
Люди ограблены, правды нет —
памятник воину, цветов букет.
Сердца очерствевшие,
как не похожи вы
на детей той войны.
Вы со своей страною воюете —
светлое, чистое вряд ли знакомо.
Спорите о языке — от скуки.
Родину сделали потаскуюй,
вечный Закон поправ.
Оккупантов хуже —
говорю вам я —
старый седой солдат.

02.05.07.

* * *

На крыльях май несется по земле.
Венец весны. Цветы и буйство зелени —
воскресшая природа — солнца свет,
небес голубизна и облака.
Стою я на своей земле и мне опять
так хочется на ней повоевать.
Очистить Родину от скверны, лжи —
очистить жалкую, где грабежи,
где земли реки и леса украдены, как и тогда —
врагом, в кровавых днях.
Земля — у ног врагов моей страны,
псевдоэлиты и шпаны —
людей без чести — совесть в кулаке.
Душа расстаяла, исчезла в бардачке.
И грабят, бьют, дают советы, как нам жить.
Детей учить их языку,
чтоб дети грабили нас всех.
Вы не заботитесь о нас, а яму роете себе.
Где ваша мудрость, «гер зольдат»?
Как хочется повоевать с мечом в руке.
Огнем души помочь стране.
Я выполню свой долг.
Моя страна, болею я тобой.
Мы правду воскresим,
как этот май.
Долг отдадим.
Мы все восстанем и придем —
солдаты той далекой мировой —
и Родину еще раз
мы спасем.

02.05.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Вечер, фонари на бульваре
и аллею каштанов качает
тихий дождик.
Майская ночь,
ночь полнолуния,
и воздух весенний свежит.
Ветер фонари на бульваре качает,
а я все не сплю и не собираюсь.
Ночь полнолуния — и мне уехать охота.
Мчусь в машине,
куда, сам не зная.
Просто еду и наслаждаюсь.
Ночь пролетит, сменится солнцем луна,
как было всегда и исполнится снова.
Жизнь, как шоссе, уносящее вдаль из дома.
Вчера — Новый год,
а сегодня — тревожит май.
Душу не греют неоны клубов и баров.
Влюбиться — не спать, все в минувшем,
где я не играю.
Дорога в ночи,
в свете фар — неизвестность
манит и беспокоит.
Жизнь, как шоссе —
чем дальше, тем больше вопросов,
ответить на них нелегко,
да и будет ли польза?
Мчусь, губы сжав,
и мысли гоню шальные.
Мне — пятьдесят,
не километров, не миль,
а половина жизни, —
в мечтах и минувшем,
красивом...

02.05.07.

* * *

Метеоритный дождь —
полосы света в небе.
Камни горят в атмосфере,
камни горят, превращаясь в пепел.
Мне бы метеоритом,
преодолев земное притяжение —
туда — во Вселенную,
откуда они прилетели.
Метеоритом промчаться
по другим системам,
увидеть мир и назад вернуться.
А есть ли смысл в этом?
Опередить время?
Просто мечта,
невнятный зов
мальчишки с седыми висками...
Я смотрю в небо
и не превозношу над другими.
Не обеспокоен и хлебом насущным —
как птицу меня кормит Сущий.
Я не лучшее Его создание,
но жизнь положу за Его мироздание.
Сожму волю в одну точку Духа,
словно воссоздавая Вселенную.
И себя распознаю — вычищу,
 выброшу тленное,
и все конченое и конечное
переделаю в любовь вечную.

02.05.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Чемодан, вокзал — к чертям.
Так распорядилась судьба.
Касса, билет, особый регион —
экспресс, вагон тринадцать.
Ногой под зад и на перрон —
ободранный экспресс и вот вагон.
Дверь с петель сорвана,
окна выбиты, купе тринадцать.
Соседи выпивши —
дети мне.
Лица страшные, глаза бездушные.
Поколение — мозги набекрень.
Соседка, — брови выщипаны, губ нет,
глаза огромные, кожа зеленая — ваш билет?
Проводник, контролер, милиционер —
вы с соседки берите пример.
Кругом зараза и только она в противогазе.
Мы уже в особом регионе — шахты, заводы, АЭС —
стопроцентный прогресс,
регион самый развитый,
кормит страну несчастную.
И впрямь дышать трудно — дым и газы.
А тут — нож к горлу, на ходу грабят.
Шапку сняли, часы забрали.
«Кто вы?» — спрашиваю.
«Мы — Хама бригада».
На этих рельсах — тридцать лет.
Милиционеру — сразу проценты; а мне — мой билет.
Скоро ваш полустанок, к выходу дорогой.
Там очередная бригада
«Рыжего шулера» —
за тобой.

02.05.07.

* * *

Приснился в понедельник жуткий сон —
или не сон?
Над страной мрак и дыма тьма,
а в небе новый стяг — триколор!
Но не такой, как у соседки за спиной,
а сине-красно-розовые полосы ввысь
И ширина полос — у кого какой процент
электорального чма.
И стяги, стяги по стране.
Фабрика «Госсзнака» работает день и ночь.
Печатает, штампует и за цент продает.
Флаг из окна, на заборе и в руке.
На тысячу лет, говорят на странном языке.
Рыбья речь — чувак, бабло, хаза,
шконка — и немое кино.
Джонсон держит девку в охапке.
Встал спозаранку, таблетку в рот —
холодный душ!
Вот так народ!
Из дома не выхожу —
боюсь, что не сон.
Лучше в четырех стенах
свободой подышу,
чем — «Левой, правой, стой, чувак!» —
за окном кричат.
А, может, сон?
Не пойму никак.

02.05.07.

* * *

Оду женщине —
но не той, с колыбелью,
ночью с плачущим дитем —
а тут муж с работы грязный —
и не любит ее, бедную, никто.
Оду спою красотке —
тонки бровки, тонки ножки,
глаз наметанный и томный, мол, устала —
жизнь не ваша.
И так далее милашка.
И идет к ней, как олень,
под прицел стрелка,
прямо в сердце, в печень цель,
задрав нос кверху,
победитель секс боев,
затаив улыбку страсти
меж вставных зубов,
память греет шелк постели,
кожи бархат, ласки губ
и на будущей неделе
он ей просто лучший друг.
А жена в халате дома —
кошки, дети, гастроном —
бегает по кругу адском,
ведь на ней — весь дом.
Но подружка в топлес виде
пахнет дорогим вином:
«Я весь мир к ногам ей брошу», —
думает стариик-козел.
И бросает потихоньку —
утончился кошелек.
А она уже филонит —
то не так, и то не впрок.
Обобрав козла седого
двинула на острова.
А его, еле живого,
в клинике отхаживает жена...

Кто искал судьбу-шалунью,
получил ее, колдунью.
Ручек шелк и бархат губ
до добра не доведут.
Без морали есть печали,
скорби без морали есть —
так вот всем козлам несчастным
бес на помошь подойдет...

06.05.07.

* * *

Моя країно, моя Україно...
Чорнобривці в садах,
любисток та мальви під вікнами,
від гір до гір твоя земля
нині вільна від ярма.
Оспівану поетами,
розписану палітрами —
століттями звеличують тебе.
Не раз розіп'ята,
не раз розтріпана
по чужих світах.
Та я тебе не покидав.
Білі хатки в садах весняних.
Ти, наче чиста дівчина із диво-казки.
Мене теж любила —
в лісах твоїх я набирався сил,
в полях твоїх я почувався сином.
Живу тобою.
Прийшла зоря.
Ти підвелася з попелу.
Ти встала й сонцю
руки простягла,
зоря твоя зійшла.
І надійде той день,
коли здригнеться світ
весь зачарований тобою,
і сам Ісус Христос
пройде по цій землі.
Твої сини
до слави вічної тебе знесуть,
й настануть дні,
коли ти станеш
храмом Живого Бога
на землі.

06.05.07.

* * *

Я по бульвару под каштанами бреду —
глаза потухшие, хотя встречаю я весну.
Каштаны свечи разожгли, ведь всюду май,
а я один, и сердце просит тепла чуть-чуть.
Душа истерзана, изранена душа,
и мысли нервные несут сумбур в речах.
Дорогу в небо я черчу, но не Марс или Луну,
а в царство Духа.
Мне бы покоя, хоть на миг, или на час.
Душа истерзана болит.
Весна на улице, весна и месяц май,
и этот день не лучший у судьбы, ты так и знай.
Судьба моя, ты клетку черную швырнула
мне не впервой.
Но ныне ведь весна —
зачем же мне страдать?
Я в небо синее уйду меж облаков,
туда где мир и не болит душа,
но не на Марс или Луну — там те же скорби,
и тот же мир, та же печаль.
Я по бульвару медленно иду —
свечи каштанов
и вся природа славят Бога.
А я грущу — значит грешу.
Сброшу печаль, очищу душу от страстей,
уйдут грехи — уйдет печаль,
мне, Боже, верь.
Мне трудно сразу мир свой изменить.
Но вот огонь в моей душе,
слышишь его, как он горит —
выплавлю золото души, шлак уйдет,
и будет свет в глазах.
Еще не раз придет мой май.

Анатолий Можаровский

Сегодня я был побежден
самим собой,
но дым развеялся и вот —
в душе огонь,
и блеск его
дрожит в моих глазах.

06.05.07.

* * *

Птицей — в небо! Птицей в синь!
Птицей ты несешься ввысь.
Эх, судьба моя, держись!
Ты несла,
как кони перепуганные, вдаль.
Ты несла по полю,
по колдобинам.
Я держался цепко, падал,
волочился за тобой.
Но другую я приметил
и ушел к другой.
Та другая не такая —
тихая, как плес.
Та другая — молодая.
Я рискнул и конь понес.
Обмануть тебя хотел я,
обмануть и побежать.
Но на то судьба дана нам —
что б не выбирать.
Ты несешься вдаль, как ветер,
пулями — года.
Но ты милая, родная, —
ты моя судьба.
И вот миг пришел наш звездный —
ты взлетела ввысь с равнин —
я остался и кричу все:
эх, судьба моя, держись!
Но одна лететь не сможешь,
ты же ведь моя судьба.
Я с себя свалил весь груз —
и к тебе, под облака.
Говорят, синица в руки
лучше, чем журавль в глубинах неба.
Никогда я так не думал.

Анатолий Можаровский

Жил я сердцем, не умом.
Куда ты, туда и я,
и доволен, счастлив я,
что такая
выпадает мне судьба...

08.05.07.

* * *

Зеленые листья деревьев весенних
ветер качает, как на качелях.
Солнце искрится, играет и греет —
после дождя все стало свежее.
Птицы на подоконник
в гости садятся и смотрят
глазами печальными,
словно все знают.
Мир из окна я давно созерцаю.
Небо бездонное в вечно движении —
цвет облаков то белый, то серый.
Красный, пурпурный — на душу ложится.
Мысли спокойные, редко взрывные —
уходят, приходят, откуда не знаю?
Куда — неизвестно.
Я в мыслях живу,
как в гостях.
Мир — за окном призывает и манит.
Мир за окном,
почему так случилось?
Взять бы, собраться
и добрым бродягой в дорогу.
Дом — не свобода,
окно мне не мило.
Добрый бродягой уйти.
Как красиво!
Жизнь доживать.
Запах листьев, травы придорожной,
шелест деревьев, лесов незнакомых.
Все это будет, если сердце желает.
Мысли придут и мысли растают.
Придет мое время.
Уйду по дороге,
где радость иная.

11.05.07.

* * *

В майском парке — дождь из поливалки
в свете солнечном, ярком.
Брызги искр его кружатся
и ложатся пеленою на газоны,
реют надо мной.
Прячусь от воды холодной
и в полдневном зное,
я бреду дорожкой
дальше в парк зеленый.
На краю газона —
две березы, словно чудо,
стрелами взметнулись в небо,
и какой покой.
Глаза вверх по стволам скользнули
и в верховьях кроны остановились.
Березы верхушками, как головами, прижались
и ветками-руками обнялись,
как символ неземной любви.
Моей душе бы петь да веселиться,
но слезы по щекам струятся.
Май цветет, играет, ну чего ты плачешь?
Иль душа такая?
Можно же иначе,
но глаза застыли на ветвях.
У одной березы — листья мягче мяты,
а другая — осень, горе, грусть
с тенью расставанья.
Майский дождь искрится,
слезы тихо льются.
Вот мои березы!
Вам уж не вернуться...

P.S. Березу засохшую срубили в июне 2007 года.
В июне 2008 года умерла вторая.

18.05.07.

* * *

Остановлю мысль
лишь на мгновение —
открывается Вселенная —
великий, бесконечный мир Творца.
Звезды, планеты в движении,
галактикам нет конца.

Остановлю я мысль
лишь на мгновение —
и в вечной, неизбывной тишине
услышу шепот,
музыку и звездопение.

В мерцании света
слаженный оркестр.

Остановлю я мысль,
лишь на мгновение —
затем продлю мгновение еще.
Стану аскетом, без движения
по миру роскоши и зла.

Мне мысли заслоняют небосклон.
Мне мысли не дают покоя днем,
зломысли беспокоят ночью.

Мысли зовут, желают об одном —
им роскошь, с утра удовольствий,
им нега, деньги,
женщины, вино.

Я мысль остановлю,
желания отброшу.

Желания исчезнут навсегда,
и вот — покой,
аскеза и звезда.

18.05.07.

* * *

Проснулся ранним утром мая —
лучи скользят, по комнате играя.
Я руки к солнцу возведя,
прославил Бога.
Средина мая — весна промчалась.
Как трепетно мгновенье
надежд на счастье —
верь, молись!
Таков закон — не торопись
за птицей радости.
Печаль смягчает сердце.
Она пролог любви,
которую мы ждем всю жизнь.
Любви не по расчету.
Любви, не жгущей слету,
одной, как вечность.
Цветущий май.
Цветы и ароматы,
полеты птиц вдыхай.
Печаль мила и тиха.
Моя печаль в горах —
несет меня —
дай Бог, всегда —
за голубые небеса.

20.05.07.

* * *

Я птицей юной взвиваюсь в небо,
страх преодолевая и слабость крыльев.
Из сил выбиваясь, падаю,
страх умножая —
«Держись!» — мне ветер говорит,
свои подставляя потоки — держись.
И снова ввысь
подталкивает стая.
И я, свой страх преодолев, вздымаясь выше.
Выбиваясь из сил,
кувыркаюсь вниз, раскинув крылья.
Страх разрывает сердце,
но ветер мягко опускает
в луговые травы.
Я прихожу в себя,
вглядываясь в небо.
Там такие же, как я, учатся летать.
И я использую страх, как успех,
Опираясь на него — и снова вверх:
страх превращается в энергию борьбы,
а слабость — в расслабление после полета.
Мне силы нужны
каждый день подниматься
все вверх и вверх.

22.05.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Ветка сирени в твоих руках —
солнце и небо в глазах.
Счастья весны лицо не скрывает.
Счастье весны ветер ласкает.
Хочу быть ветром вокруг тебя,
лес волос теребя.
Хочу быть ветром вокруг тебя,
гладя ресницы день изо дня.
Я — романтик, мир-циник —
несет насильно.
А мне бы — ветром в небе синем,
весной твоей — вокруг тебя.
Я романтик, но время вышло.
Улыбка лицо озаряет все реже.
Годы несут,
словно лошади дикие —
ни спрыгнуть, ни усмирить,
не удержать их на диком излете.
Ветер свистит у висков
и краснеет закат,
ветер пустынный кружит песок,
следы заметая.
И только памяти тончайший волосок
все еще теплится,
чуть согревая,
как солнышко красное,
уходящее за горизонт.
Кони все мчатся,
вихири за ними,
ветер свистит —
мне б не упасть!
Я ведь романтик,
а вовсе не циник...

22.05.07.

* * *

Ностальгия ломит,
мысли все наперекос.
То в лесу, то в снежном поле
тянет под откос.
То ли стог с любимой, милой,
то ли луг, то ли асфальт.
Чем-то вечно недоволен —
тянет все назад.
Забреду ли под калину,
или под рябиной лег —
что-то на душе немило
или просто занемог.
Десять лет асфальт не мытый —
тротуары все в смрадьбе.
Милый город, дикий город,
ностальгия по тебе.
Тянет вдаль — назад, в мир дивный —
эмигрант в своей стране —
будто занавесом тяжким
придавило нас вдвойне.
Где ты? Где я? Кто нас ищет?
И кому мы здесь нужны?
На майданах — все артисты,
в парках — нищета страны.
Кухонь полевых зловонный чад.
Дяди кормят люмпенистов —
грозный демонстрантотряд.
Стенка на стену — не тянет.
Нужен просто кнут и лом.
Санитарные машины — без крестов.
Смрад несется лет уж сто.
Ностальгия — крик души.
Чем мы кончим я и ты?

22.05.07.

* * *

Сильный ветер
превращает меня в парус.
Я иду ему навстречу, напрягаясь.
Вихри пыльные
с песчинками взвиваясь,
с тротуаров по спирали вверх,
кружатся и пугают.
В темном небе — яркий взрыв
рваной молнией
от края и до края,
рокот грома.
Вдруг чувствую себя
полным сил и бесстрашия,
волны дождя крупного —
ощущение такое,
что в пространстве я растаял.
Разрывы молний, грохот,
майский дождь.
Цветущие каштаны надо мною —
эта ночь дала мне силы,
веру в Бога,
и служить Ему готов я.
Майский дождь.
Стихия опьяняет.
Мир прекрасен —
жизнь всегда такая.

22.05.07.

* * *

Тихая летняя грусть,
свеча на столе тихо тает.
Отблеск пламени на лице,
такое уже бывало.
Бывало не раз и не только с тобой.
Пламя свечи дарило надежду.
Пламя свечи мерцало,
очищая заблудшую душу.
Ночь за окном и луна,
как в старинных рассказах.
Тихий шелест листвы,
и я новый сдаю экзамен.
Жизнь казалась другой —
впереди океаны.
Белые айсберги,
чистоты кристальной.
Океан с юга на север,
на полмира и очень яркий.
Но все, что было потом,
не со мной отслушалось.
Сверху кто-то ходил по мне,
топтался, плевал, рявкал:
«Я тебя утоплю в деръме. Ты — шавка!»
Отмываться бежал к реке,
плыл против течения,
нырял глубоко, освежал мозги
до нового жизнетечения.
Новое счастье — уже озерцо.
Виден берег другой — и ладно.
И снова кто-то плевал в лицо
и я снова в реку. Отрадно!
Надежда осталась —
убить не смогли.
Я не раз еще встану!
Новую песнь начну,
со свечой растану.

22.05.07.

* * *

Колючкой сознание мира опутано.
Свобода равная и всем одна,
но колючая проволока через сознание
невооруженным взглядом видна.
Концы проволоки — в руках верных.
Не только дергают, но и суют в темя
мысли нужные, мысли туманные —
страна свободная, а одно сознание.
Люди то разные — честные и вороватые,
но проволока колючая — будто и не виноватые.
Не виновен, кто честен, но гол и нищ.
Не виновен, кто украл море,
но перед прокурором чист.
В прокуроре проволока —
колючка в мозг.
Дергают, импульсы шлют
в темя и через нос.
Мир в сознании, как ему кажется —
гимны, знамена, гербы, товарищи,
кто это выдумал — очень умен.
Или умом коллективным
придуман облом?
Сами себе на заводиках,
мотаем в мотки и — в вагон.
Для себя колючую проволоку —
детям своим и в свой дом.
Кто это выдумал? Как он умен!
Поверх свободы
колючим дерьямом.
Сытые, пьяные, голые, драные —
в пастиах всех пирамид —
все вы, братцы, подключены,
все опутаны, аж звенит.

Кто газетой,
кто радио-теле-микрофоном —
опутаны, но зря не тужьтесь.
Пальцы в уши не нужно совать.
Тонка проволока — даже астральная.
Продолжайте свободой дышать.

23.05.07.

* * *

Счастья Эверест.
Счастья Эльбрус.
Каждый видит
со своего шестка.
Зачем мне Эверест?
Я в пивную пойду —
в пабе модном посижу,
гормонами женскими, пивными укачаюсь.
Глаза хмельные, речь ленивая
и я счастлив.
Другой — в клуб ночной,
к девочке-вешалке — ноги стрелой.
Обкурена, зубки с кариесом,
попка, трусики.
Мозг выбрасывает в кровь
какие-то мыслишки,
и он, как баран убойный —
шальной и чумной,
счастье свое под ногами нашел.
Третий с утра — на базар с мешком —
хлам из Турции или из Чайны.
Деньги рекой —
покупайте женщины и мужчины.
Пальто мафиозное, чашки модные —
к вечеру выдохся, но счастья — воз.
Вот денек — вот где привоз!
Четвертый — на выборы,
в списки партийные.
Деньги, мандаты —
теледебаты, спичи и райтеры,
адреналина — от пят и до темени.
А где ж держава?
На нее, от счастья,
просто нет времени —
пятый сад растит
для себя и семьи своей.
От рассвета до полуночи —
небо и крик журавлей.

Птенец из гнезда выпал
неоперившийся,
боль в душе дикая —
ведь погибнет он!
грею ладонями несчастного.
Бог мой,
этот мир и счастье в нем —
иней...

02.06.07.

* * *

Когда умру — заройте, как собаку,
а не умру — ведите, хоть на плаху.
Я молча смотрел,
я на кухне бухтел,
я лакейски голову гнул.
Я подыгрывал всем.
С моего согласия
пала моя страна —
на самое дно,
где девки продажные и мужики голубые,
нехристи чопорные,
пациенты нетрадиционной медицины.
С моего молчаливого согласия,
с моего ублюдочного «здравствуйте»
пала страна туда, где нет солнца.
Как поднять ее милую,
грязную, пьяную, но так любимую?
Как девку продажную
сделать жемчужиной чистою?
Огнем и мечом, горем, болезнями,
Богом Христом, Его явлением?
Пока есть время — молчать не буду.
Молитвой-мечем бороться буду.
Жизнь отдам я за счастье ваше —
грешный, измученный
и счастьем несчастный.

02.06.07.

* * *

Солнце светит — в речке лето.
И бежит до края света
мысль моя,
мечта о лете.
Лето в свете, лето в цвете
да июнь с грозой ночами.
Дождь рекою, буря, ветер —
это лето!
Круг за кругом, год за годом
воскресает все в природе.
Я мудрее или нет,
солнца свет.
Нежный шепот листьев пышных —
я под деревом тенистым.
Вечерком,
сюда я снова,
с милой женщиной-зазнобой.
Буду петь, шутить, смеяться —
лето! лето! как я счастлив.
Травы, свет,
душе не ймется
в парках города зеленых.
Я влюблен опять и снова,
теплым летом, ярким цветом.
Все поэты —
пока лето и рассветы
над землей.

02.06.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Гуляют нервы и рвут все тело —
и мысль, как белка в колесе,
кружит по мозгу оголтело —
и боль и страх, как на войне.

Гуляют нервы
сожженные не за правое дело.

Я, просто, бесовской дорогой шел,
словно солдат в строю — налево —
команду слышу и бегу.

А нервы жги,
как палый лист.

Жги, как траву
на скошенном газоне.

И нет копытам дела до меня.

Скоты в хлеву Совдепии,
животные, ублюдки кабинетов.

Здесь мало кто остался человеком.
Зато хлевов!

Сидят крысяры кабинетов.

Сегодня нет,
просвета нету...

Я человек и Богу верен!

Услышьте Его,
кабинетов звери.

16.06.07.

* * *

Бегу, лечу в страну другую,
где счастья море.
Смеяться буду
и радоваться утром,
вскочив с постели,
от света пьяный.
И вечером, всесчастьем,
уйдут ненастья.
Уйдут дожди холодные,
хоть на дороге лист осенний,
каштанов кроны, как из духовки.
Желтеет лист,
лечу к нему.
К цветам на поле пожелтевшем,
где рожь спела — мое сердце.
Где море волны укачали,
в далеком детстве — колыбель
и мама радуется,
хоть я не сплю, кричу и плачу.
Но мама рада — как иначе?
Сын родился!
У нее счастье птицы.
Другой здесь мир —
мечты, желанья.
Другой здесь мир —
здесь радость с нами.
Бегу, лечу
в траве под солнцем —
всем нужно счастье,
к нему и рвемся.

16.08.07.

* * *

Дочери Ирине

Впереди — стена в нелегкий час,
и сзади — тоже.
А мысль сжигает мозг и гложет.
Туда вперед — и не иначе.
Стена стоит и я не плачу,
сжав зубы нервно и руки тоже.
Пройти мне надо шагов хоть сто бы.
Стена судьбы, горечь потери.
Стою, зверею — ну что мне делать?
Туда, назад я тоже шел бы
в полянах счастья искать колодец
воды кристальной, живой и чистой.
Лечил бы сердце и небо слышал.
А память все хранит те островки удачи,
где много смеха и радость счастья.
Сквозь вал ненастия туда хотел бы.
Но только память — ее удел то —
хранит и держит, дает надежду.
А так — вперед мне — сквозь эту стену.
Глаза закрою и стану птицей.
Взмах крыльев мощный — стена разбита
духосилой, мне данной свыше.
Простор, свобода и воздух — чище.
Сзади отстойник, как шлюз судьбы.
Стена разбита, а я лечу.
И радость счастья. И горя нет.
Полет счастливца — размах побед.

05.09.07.

* * *

Свалка железа, асфальта вонь,
город мертвееет или что-то со мной?
Зелень деревьев, травы ковры —
все исчезает — боль головы.
Город цветущий и склонов рай.
Улетел, отымел — ты попробуй узнай.
Город мой и не мой — руки все приложили —
и приезжие и старожилы.
Шум моторов и дым,
лязг и грохот машин.
Днем и ночью он беспокоен —
и для меня стал чужим.
И я, словно дым, уйду
и рассеюсь в небе.
Город мой — был он и не был —
без войны и без катастроф
город выродился, озверел, возрос.
Фантастические щупальца
опутывают всех.
Город мой!
Слыши повсюду
дикий смех мракочудищ,
денег звон.
И нефть, и газ —
повсюду тусклый свет,
но час придет
и все сметет в кювет.

06.09.07.

* * *

Белым облаком по небу — ветер свежий.
Солнце светит.
По лицу улыбка.
Тихо, тихо — сердце слышу.
Тихим пением полета наслаждаюсь —
самолетом.
Сам работаю мотором и пилотом.
Руки-крылья — серебром холодным в небо.
На земле чего мне делать?
Я лечу и звезды рядом.
Ночью звезды — звездопадом.
И Луна — любимая планета —
сколько мною ты воспета?
Звезды в небе, звезды в небе —
я качаюсь, мир мой —
дивный, мир планетный.
Сколько мне лететь осталось —
позади мгновенья тают.
Сердцеболь за вас осталась —
всех несчастных, недалеких.
Пиво, водка самотеком,
дым табачный на рассвете —
вместо поцелуев лета.
Я плыву над облаками.
В облаках плыву не сам я.
Много братьев с облаками.
Жизнь их странная — не с вами.
Мысли их и песнь не с вами —
в облаках и с облаками.

06.09.07.

* * *

Идет великая война,
над миром Бог, а в мире — Сатана.
Живем, как хочется тебе, ему и мне.
Бог — трудный путь — не отдохнуть.
Потери, скорби, сердцеболь.
Бог есть любовь, а в мире чернокровь.
И нам жестокость, как на раз —
удар, удар и я погас.
Он тоже, но не верит Богу
и водкой заливает раны.
Ему бы на дорогу к Богу,
но он — под бесом.
И мерзостей судьба не пожалела.
А есть ведь шанс, но нет охоты —
ведь с водкой, пивом да экраном
жить беззаботней.
Мир помертвел давным-давно,
но сладость, как в кино.
Не трогай душу — ты, дерньмо.
Мне так кайфово!
Ушла любовь.
Сошла на нет душа.
Потерь не сосчитать,
ужасов мира не объять.
Беги, лети, настал твой час.
Бог ждет давно.
Иди, не жди. Ты слышишь звон?
Не жди конца. Живи, душа!

13.09.07.

* * *

Мой Господь! —
моя сила,
мое вчера, сегодня и завтра.
В нем бесконечность жизни.
Все звезды, планеты, миры.
Он Светило их.
Суетность дней, гнев и беспокойство.
Страх перед завтрашним и неустройство —
все внимание на мишуре —
«Свобода слова», «Дебаты».
День и ночь у телеэфира.
Запах осени, шорох листьев
и те проходят мимо
и как-то неловко менять что-то.
Все начну завтра — Бог ждет меня,
а я, как глупая шавка,
грызу себя, далеких, близких.
Сегодня яркий день осенний —
я счастлив, я весенен.
Счастлив тем, что Бог меня слышит.
Счастлив тем, что из порочного круга
я почти вышел.
Плыют облака
белые и густые,
в песке воробы купаются.
И голуби во дворе
меня, словно забыли.
Завтра, все завтра.
Я приду с хлебом.
Видит Бог,
я меняю жизнь ежедневно.
Мысли тянут меня назад,
чтобы все сначала.
Не нужно мне никого —
только б дышать осенью,
слышать листьев шорох,
еще раз ключ журавлинный увидеть.

Вот опять слезы —
счастья
от пробуждения веры.
У меня есть Бог.
Он мне поверит.
Мысли спокойные —
вечер без телевизора.
Смотрю на небо
и не мечтаю.

13.09.07.

* * *

Рву нервы с раннего утра,
не отдохнюю.
Рву душу —
в порочном круге
болтаюсь точкой.
Рву сердце и нет мне покоя.
Мир узкий, плоский
и, словно проклятый, в доме я.
Слезы близких утром
кислотой прожигают.
Я любил этот мир,
а теперь проклинаю.
Жить хотел долго и в счастье,
но каждый день горе,
каждый час — терзанье.
Душу вылечил
и был словно лев
и вот — снова срыв.
Больно от бессилия и тупика жизни,
но нужно устоять и выжить.
Грех победить.
Мне бы меч и свободу,
я бывойной прошел
по миру злобы —
рубил, калечил, очистил поле.
От Сатаны детей нет покоя.
Как много их в мире диком.
Я один на один с ними.
Как я выжил? Боже, дай сил и разума.
Я — Твой навеки. Не отдай врагам меня.
Солнце светит.
Я тоже светлею — мой крест небольшой —
дойду, как сумею.

Меморандум вторая

Иду, стремясь победить себя,
отмыть болото.
Я знаю, что дойду,
все успею.
Для этого и жгу себя,
ничего не жалея.

29.09.07.

* * *

Тихий вопрос, дерзкий ответ —
и тебя уже нет.
Ты смятый, угасший впечатан в стену.
И снова крик гнева, и я отплываю
во мраке ада — один.
Мне нужно не туда,
там не моя звезда.
И снова окрик, свист кнута
и я вновь мраком объят.
Где сила воли?
Жизнь на волоске
и снова крики.
Я привык, мне нравится тот кнут и этот крик.
Я загибаюсь, не живу,
но кнут, как хлеб.
Хоть я в хлеву, как скот убойный —
но здесь мой дом.
Глаза к земле — а там дерымо
и запах, родной и близкий.
И окрик гневный — я привыкший.
А где-то небо, ветер с юга,
зелень травы,
цветы над лугом.
Но это не мое, я мрачен.
Мне — хлев и кнут.
А что свобода?
Что с нею делать?
Других забота,
а я с кнутом иду по кругу.
Со мною много,
и каждый к вере склонен.
Хоть все в навозе —
и те — в хлеву, и те, кто гонит.

29.09.07.

* * *

В мире, где правит зло,
правды нет.
Но вдруг — взрыв надежд,
песни, свет.
И всем тепло.
Кто грезил о свободе, правде —
слезы счастья льет,
а все одной ногой
как будто там.
Иллюзия обмана, крушение надежд.
Мы снова видим хана —
на нем царский венец.
Снова темно и холод —
и так всю жизнь.
И так на много лет вперед.
Мне бы птицей и — на крыло.
Крылатых взмахов череда
и вижу — там горит звезда,
и путь мой к ней сквозь годы —
в полете я свободен
хоть на какой-то час.
Лететь бы так мне долго.
Лететь бы — на износ.

04.11.07.

* * *

Давайте вместе ходить рядами —
сегодня праздник,
и ты не с нами — Октябрь великий —
страну на дыбу, народ стреножил.
И было видно нас всех
несчастных на всю планету.
Строим Магнитку, не дискотеку.
Водка рекою — воды заместо.
И пили крепко рабочий, гений.
Гулаг за сеткой, а в нем наука —
конструктор видный, вохра, мишпуха.
Хлеба мало и земли тоже.
Страною правил и всех стреножил
народ родимый и дядя Ленин,
лежащий в морге — бишь в мавзолее.
Стучали резво друг на друга —
жена на мужа и сын по кругу.
На этом всем держалось знамя,
и герб с серпами, и баба с дядей.
Армия Красная на границах стояла,
КГБ крепко за жопу держало.
Каждый, кто прыгал с котла на полянку
тут же имел зону-подлянку.
Я не страдал, а лишь всем гордился,
строем ходил, петь научился.
Жалеть не жалею — мозгов не хватило
на лодке и веслах уйти из могилы.
Кончилось время, грохнулись резко —
искры летели по всей планете.
Громко кричали — и новое знамя,
снова начало и путь, как гирлянда.
И новый порядок — свобода, не братство
и капиталом займитесь вы, братцы.
Не выдержав натиск зеленых бумажек,
ушли, как в артисты.
А нам все собачки — тяв-тяв,
и народ смотрит нежно
на дядю Икону и тетю Надежду.

И снова все в жопе и те, и не эти.
Давайте рядами, и снова все вместе, —
Октябрь! —
начало пути недалече —
на кладбище, рядом,
там всех и поместят.

07.11.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Господи!
Приди,
приди
ко мне.
Белым пламенем
моя любовь к Тебе.
Господи! Приди!
Мой дух поник,
и я, как неживой,
морозом обожженный куст цветов.
Как я страдаю без Тебя, Бог мой.
Так больно и так страшно мне!
Мой дух поник.
Господи! Приди и сохрани.
Грешен я
и получил сполна.
Господи! Приди и сохрани.
Я осознал свои грехи
Помилуй, Боже. Дух мой укрепи.
Миров Владыка!
Дай мне силы —
утром, ночью, днем.
Дай силы мне,
и я буду с Тобой.

10.11.07.

* * *

Я жил в болоте,
с кочки на кочку прыгая.
С островка сухого
на другой островок перебирался.
Встречал человека,
знакомился с ним, сближался.
Вскоре находил в нем
множество изъянов.
И на очередной кочке — сам оставался.
Тот был чересчур толстым,
а тот злым и худым.
Тот имел бульдожье лицо,
а этот малообразован, тупой.
Так и жизнь проходила впропрыжку,
а я, как кулик в болоте, закрылся.
Видел себя всегда в белом свете,
в дорогих одеждах, вымытым,
и подающим большие надежды.
Наступило время жатвы — брожу по суше
и колоски подбираю.
Какие-то растения дикие —
о них ничего не знаю.
Смотрю, у других стога зерна чистого.
Что же за урожай у меня чахлый?
Я жил так напрасно — мелко думал,
а любил еще мельче.
Но был уверен в себе.
Итог — и стыдно мне.
Смотрю на чужие стога,
и тупость свою прозреваю.

13.11.07.

* * *

Взрыв бомбы и падает дом —
покореженные железнобалки,
и груды кирпича —
пыль столбом в небище.
Солнце поблекло.
Сознание из мозга вытащили:
по балкам железным, ржавым пройдись им.
В кирпич окуни его нежно,
в пыльном облаке спой ему песню.
Затем опять в мозг всади —
голова, как обручем стянута.
Ход мыслей, иди ко мне.
К кому, не знаю, ты обращаешься.
Мозг, опухший от пыли грязной.
Пыль кирпичная просветляющей не бывает.
Снова хочу выбросить это сознание,
но другого у меня не бывает.
Желания тухнут и смысл бытия
облаком пыли на грязный асфальт ложится.
Выброшу мысли все
и буду, как пыль, кружиться.
Падать на листья деревьев,
дождем с них смыться
и двигаться с потоком.
А пока нового взрыва нет
промою мозг в телевизоре,
чтобы стать еще поущербнее.

13.11.07.

* * *

Железные шкафы
улицы города заполнили.
Трубы дымят в пространство.
Улицы березовые,
улицы каштановые —
стали улицы бензиновыми
и дурмановыми.
Корабли в море — штурм, стихия
удар о камни и море синее —
в мазуте и нефти на километры.
Люди моря — моряки смелые —
трупы синие, трупы белые.
Птиц тысячи мертвых.
Перья грязные.
Птицы живые,
в нефтяных пятнах.
Взлететь пытаются,
не получается.
Падают в нефть,
Богом созданы,
для славы Божией.
В падаль мертвую превращаются.
Люди глухие,
бесчувственные, агрессивные.
Люди глупые — мир в руки
вам Бог дал!
Вы убиваете его и нефть славите.
И остановить вас нельзя. Поздно.
Время склонило нефтью в прошлое.
Будущее жутко — за птиц Божьих
в дыму и мазуте, счет окончите.

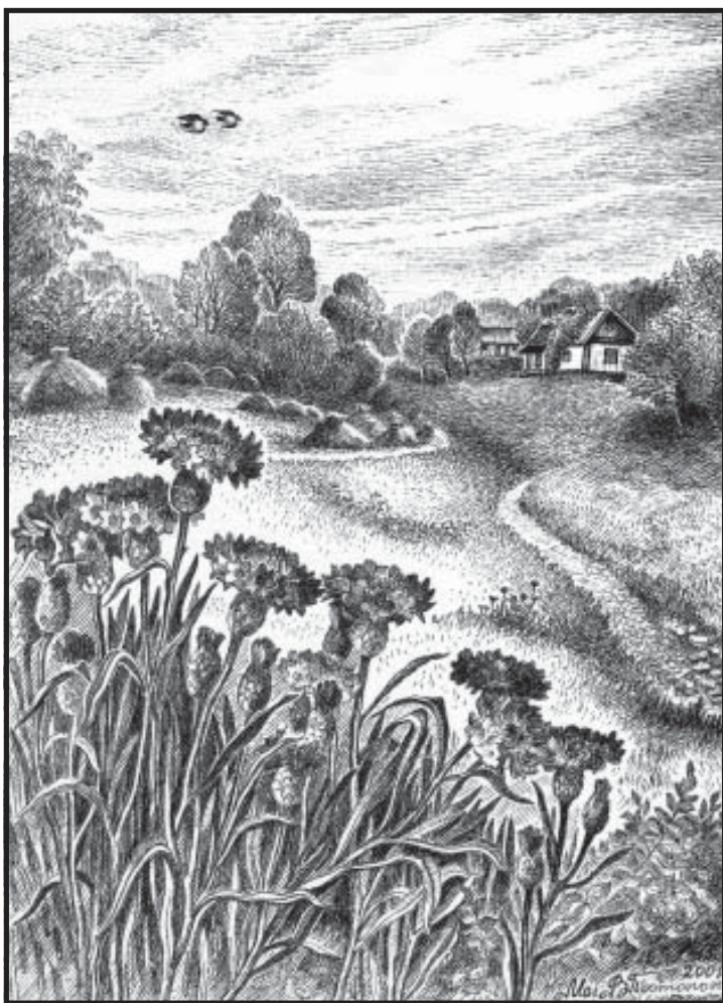
13.11.07.

* * *

Все, существующее в сознании,
все, что может вообразить человек —
все это существует во Вселенной.
Мои фантазии с годами меняются,
как девушки под фонарями,
становятся красавицами с кожей матовой.
Глаза чуть с поволокой,
и только моя память
хранит объем живых грез.
Был бы я, как Бог,
я бы мог
очистить память.
С чистого места начать и плакать.
Господи, прости.
Я не ребенок, мне много лет
и заканчивается мой проездной билет.
Скорость при посадке лайнера — огромная.
Время скорости тождественно.
Очистить память от сора жизни.
Мой путь не вышел.
Я жгу себя огнем геенны
и зубы зверя — в свое же тело.
И только чистых мыслей рой
слов молчащей горой.
Идти по жизни — туда все вверх.
Мой путь не вышел,
но время есть.

14.11.07.

Метрадъ третья

Анатолий Можаровский

* * *

Елей лапы белым снегом
чуть прикрыты,
припорошены.
А под ними рыжим цветом,
жухлотравье и осот.
Ветер северный протяжный
воет, воет, как поет,
словно празднуя
зимы начало.
Мир застыл. Тревога в небе.
Солнца нет и нет луны.
Запахнулось небо серым
и душе не до весны.
Выжить, пережить, дождаться —
но зачем спешить, пугаться?
Ведь зима собой прекрасна,
елям не болит душа.
Соберу в кулак всю волю,
уходя по бездорожью.
Слиться с белым,
слиться с полем,
дерево обняв.
И оставаться так — навечно,
словно грифка трав.

Январь 2007.

Метрадъ третья

* * *

Я от жизни ждал многого.
Сегодня — больницы, обследования,
кровь, страх —
и я молюсь Богу.
Судьба ломала и строила.
Я боролся, баражтался, боялся, вставал.
Весна, лето, осень,
шестерни в слаженном механизме.
Остановить нельзя — сила Божия!
Остановить можно только себя.
Ежемгновенно — борьба.
Я выстою.
Крики, шум и маразм общественный.
Оскорблений, унижение,
все терплю.
И молюсь!
Падает снег
и каждая снежинка — моя родимая.
Я уже не жду весны,
а живу мгновением —
на ожидание
нет уже времени.

Январь 2007.

Анатолий Можаровский

* * *

Метель, снега, январь и я.
Душа в снегу летящем.
Все наносное, неродное,
всю горечь, боль
я сброшу в снег
и тем найду покой.
Снег пушистый меня покрывает,
я иду и ему подпеваю.
В январе,
среди снежной ночной карусели,
я чувствую пульс Вселенной.
Я чист, как младенец,
душою и телом.
Зло, страдания снег заметает,
к весне они в этих сугробах оттают,
станут радостью и любовью,
и меня успокоят.
Мир в движении,
скоро весна улыбнется прохожим.
Я один.
Очень мало людей в снежном вихре.
Иду в январе —
вновь счастливый.

29,01,07

Метрадъ третья

* * *

Вздыбленные лошади! Опасность!
На душе тревога.
Молнией несется мысль —
неужели это последняя моя дорога?
На развилке долго я стоял.
Мозг работал на предельном напряжении —
выбирал.
Оказалось, ложная дорога.
Враг уже свой меч достал.
Искры сыпятся из глаз,
а в горле клич.
Он давно меня подстерегал.
Я всю силу соберу,
меч неиспытанный в боях,
но все равно приходится решать:
вперед, к победе, или драпать, что есть мочи?
Грохот металла, крик и море пота.
Я уже ранен — крик и боль.
Мне от усталости просто упасть охота.
Но враг силен — он закален коварств боями.
Я просто тихий человек, но драться буду,
как цунами.
И вот — удар — я победил! Что дальше?
Вино, красавицы и наслажденья?
Но рано или поздно,
меня подстерегут.
Останется ли сила для сраженья?
Я выберу борьбу
и новую дорогу —
я никогда еще
не падал духом.

29,01,07

* * *

— Вас вызывали к прокурору?

— Я не знаю.

— Меня много раз.

— С чем и поздравляю.

Нет, я не был запятнан,
просто живу в Совдепии.

Старался выделиться,

а сие опасно.

— Вы любили?

— Я не знаю.

— Я любил так, что душа моя была там,
где ощущения сродни раю.

Я любил до безумия, за что Богу я благодарен.

Но поезд увез мою суженную за железный занавес,
а я Совдепией жить здесь был оставлен.

Я рвал свое сердце на мелкие части.

Бог оставил живым, но израненным.

— Вы пробовали быть честным, прямым и смелым?

— Я не знаю.

— Я пробовал — срывался, болел, лгал
и от страха терял сознание.

Лагерь без колючки и вышек — наша Совдепия.

Но «колючка» — каждый второй чиновник,
который ею быть назначен.

Вышки — соседи и близкие по работе.

Шаг влево, шаг вправо

и ты — под пулеметом.

Нервы рвутся на этой дороге.

Ты тянешься вверх,

а Совдепия железными оковами

рвет ноги.

Ты проходишь участок пути, побеждая,

но ран не счесть на груди,

ты страдаешь.

Новый участок,

пулеметов треск.

Совдепия строго следит за переходом.

Когда и где ей конец,
чтобы путь вверх не охраняли?
Пройдет лет за сто —
свобода не на словах настанет.
А наша пройдет под кровавым флагом.
Не нравится — за кордон!
Ишачить, шакалить.
Здесь вирус тысяча девятьсот семнадцатого.
Сколько миллионов легло
в его казематах, палатах?
Этот вирус во мне и в тебе —
жжет душу и разум мутит.
Но нам — легче,
мы окрепли в схватке,
и победим остатки.

14,01,07.

* * *

Боже! Когда взлечу над летом,
дай кружить и кружить кометой.
Пусть рвется сердце,
в камень сжимаясь,
я буду лететь и лететь, Тебя славя.
Я стану другим — чище, тверже кремня.
В маете мирской часто каюсь,
но на завтра
к старому возвращаюсь.
Жизнь мотаю,
не думая о прошлом,
жизнь прожигаю,
словно нарочно.
Время летит,
как метеор в синем небе,
а я его трачу,
как мелкие деньги.
Грешен, устал,
и время на ничто убиваю.
Боже! Когда придет мой час?
И я над землею растаю?
Наверное, летом.
Когда столько солнца,
и сверху планета,
как любимой оконце.

14.01.07.

Метрадъ третья

* * *

Морда тоталитарная из памяти вылезла,
но страха не вызвала.

Плакат «За Родину-мать».

Как повезло,

что меня принесло,

когда ГУЛАГ проволоку снимал,

лысый завесу открывал,

гремел двадцатый съезд.

Понты! Кто съест?

А дальше жарили усатого грузина.

Кавказкий урка правил половиной мира

и все визжали, радовались дню,

чтобы ночью — в ГУЛАГа матню.

Меня Провиденье держало в мире поднебесном.

Когда опустился,

не так стало тесно.

Серый цвет менялся на глазах.

Я где-то что-то вякал невпопад.

Листовок не писал

и многотысячных колонн не собирал.

Я не боялся, не дрожал,

но пролетел, храня свой зад.

ГУЛАГ уж был не тот — почти плакат.

Прошли десятилетия,

но как, свободны мы?

Сегодня день весны

и морда Сатаны.

Она не та — сменился строй,

во власть пришли

турьбой все те же урки и скоты

и новый генеральный план.

Не план развития, а жопа Сатаны.

Дележ, грабеж средь бела дня.

Но шапки, бусы — то херня.

Тащат озера, земли, лес.

Тупому дядьке из народа —

флажок, плакат, наклейка в морду.

Картинка с буквarya — для дурака,

а умным — вся река.

Взяли бы солнце.
А как иначе?
Ведь дед лежит в ГУЛАГ-траншее,
отец мозги водярой вклеил,
а сын свободен, и на шею.
Орел в небесной вышине,
а сын в деревне,
с флагжком в руке,
и банка пива в кулаке.
Народу власть!
И так все всласть.
Он о сексе знает все —
учат в школе.
В стране, где творили гении —
ничего, кроме секса и развлечений,
кроме сдуревших дур, дядей
с флагжками и пивом,
выстроившихся за отрадой.
Морда вылезла в памяти —
морда тоталитарная.
Время другое — мораль тюремная.
Что тебе делать на нашей земле?
Лезь, сука, обратно. Нам хорошо без тебя.
Мы и так в дерьме. Свободы запах в воздухе слышно.
Дурак, то бордель —
снимай штаны, чтобы скорее вышло.
Я на конвейере — мне всего двадцать.
Я свободна и жизнь прекрасна.

14,01,07.

* * *

Птицей в небо, птицей в даль
улетай, моя душа.
Не унывай, тело стало для тебя тюрьмой,
каторгой сибирской: бом-бом-бом —
звук кандалов на твоих ногах.
Шаг вперед и три назад.
Наземь падаешь, лежишь — и никуда.
Звук кандалов в голове.
Еще вчера ты свободен был,
как сокол в облаках.
А сегодня ты как зверь, загнан в сеть,
потерявший волю, силы —
страх сменил твой смех и радость.
Ты лети, моя душа,
хоть и в мыслях, хоть недолго в небесах —
воля прежде —
с кандалами ты оставь свой страх.
Море видишь с высоты — оно твое.
с тобой радость, смех души — ты лети, лети.
Тела боль и жало сатаны
вытащить нельзя, пойми,
оставлять я буду их вдвоем,
а душа — все чаще в небо —
там мой дом
и покой в лазури голубой,
там весна, любовь —
одна на всех и без конца.
С неба — в горы, лес, куда хочу —
я лечу, лечу.

02.06.07.

* * *

И снова в горы ухожу я с песней,
и снова в горы — мой мир мне тесен.
И снова в горы ухожу я на вершины,
мой дом остался без меня, и есть причины.
Мир сжался в точку —
напряжение невиданных усилий.
Мир сжался в точку —
и в нем я просто лишний.
Я вроде бы большой и сильный,
но мир мне побороть нельзя.
Но смысл всей жизни все равно — борьба.
Здесь все в борьбе и все смешалось:
орудий грохот, звон презренного металла.
В истоках — деньги,
и между ними — тоже.
Опять они,
и мир не может жить иначе.
Мешки с деньгами — мечта, удача.
сознание устало от порока.
Порок так сладок — оставить его неохота,
и силы тратятся на сбор презренного металла,
и сны мне снятся — сижу, считаю...
Уйду я в горы к вершинам белым,
где ветер чистый все обметает,
уйду я в горы, когда не знаю.
Сижу пока, считаю...

02.06.07.

Метрадъ третья

* * *

Бог силы дал — за веру и любовь.
Бог силы дал, как в океане шторм.
Бог силы дал
и дух мой не сломить.
Бог силы дал,
чтоб жить и жить!
Помогу слабому.
Помогу в горе всем,
свой хлеб отдав.
Служить буду людям,
и своей стране.
Отныне, духом воспряв,
я всех врагов сильней.
Молитва и усилие —
для всех людей я раб.
А мысли зловредные,
бесам назад.
Любовь и вера Богу.
Любовь и жизнь для всех.
Мне корку хлеба черствого,
глоток воды на день.
Взываю заблудших
жизнь изменить.
Любви и веры каждому
Бога молю.

10.06.07.

* * *

Квадрат и круг в уме я изучаю.
Накладываю друг на друга,
рядом ставлю.
По геометрии судьбу я изменяю.
По кругу путь мой,
без углов, прямой.
Откуда вышел — туда и пришел.
Квадрат сложнее.
Я иду — сбоку стена.
В конце пути я в угол попадаю.
Стена передо мной
и новый путь я выбираю.
И снова «стоп», болят мозги,
в глухом углу завою от тоски.
Квадрат — погибель для меня.
Мне — воля и свобода.
А тут стена и угол — тень в глаза.
Я выбираю, понимая, —
жить так нельзя.
Кручу круг жизни в голове.
Квадрат перемещаю внутрь, вовне.
Лихая геометрия,
а мне нужна прямая.
Прямая линия стрелой.
Но надо мной довлеет груз —
радостей, проблем.
И этот груз мне сбросить суждено —
и по прямой, стрелой,
откуда прибыл.
Но другим.

10.06.07.

* * *

От дома к дому,
от неба к небу,
от Бога к Богу
лежит дорога.
Дорога-путь,
можно свернуть,
можно направо, можно налево.
Путник устанет — ляжет под древо.
Что между тем и между этим?
Ковка металла — я не заметил.
Я думал всюду — любовь и радость.
Счастье не в этом, как оказалось.
Путь так далек!
А оказалось — короткий.
Ты еле дышишь — за все в ответе.
Страх и дрожь в теле — ковка металла.
Огонь — наковальня — вода закаляет
и снова огнем в металл превращает,
в сталь для сражений,
для работы в поле
до изнеможения.
Металл бездушный, металл бездуховный —
а мне очень больно,
и я бездомный —
с домами, деньгами,
вещами, богатством.
Все это лишнее
в пути за счастьем,
обувь оставь ты —
ногами босыми
по траве на рассвете!
В росе серебряной,
дома в небе,
дома, как картины —
видишь и хочешь.
Иди, если можешь.
Иного не будет.

Анатолий Можаровский

Иное смыла твоя дорога.
Жизнь удалась?
Кто тебе скажет:
вышла не вышла?
Ведь ты еще дышишь...

16.06.07.

* * *

Сpirалью ветер кружит в поле,
с неба дождем — косым, холодным.
В душе такой же.
Мы в резонанс вошли.
Когда-то на другом краю Вселенной,
я не подумал, как здесь тленно.
Я побывал везде, где мог.
Я видел звезд глаза большие.
Планеты мне друзья, родные.
Я по-другому не хочу,
покрыться пылью, паутиной.
Я еле вышел
из состояния квадрата.
Пусть ветер кружит, стонет пир.
Корабль летит в бессмертный мир.

16.06.07.

* * *

Тоска щемящей болью,
как ноющий зуб
во время отдыха на взморье.
Не вовремя.
Не совладать с собой сегодня,
не сбросить ее камнем в море,
во власти тьмы, уныния, тоски.
Ветер набирает силу до взвода,
словно в трубе печной.
О, зимний ветровой!
Я не сдаюсь ему.
Цепляюсь сознанием за все перед глазами:
за хмурое небо перед дождями,
за деревья в листве зеленой,
за лета зной.
И помоши нет.
Все глубже во тьму.
И вдруг подходит голубь,
старый беспалый друг.
Глаза в глаза — чиста душа.
И я почувствовал тепло,
друг поделился и исчезла мгла.
Вновь тихий ветер,
согретый птицей.
Душа моя жива...

23.06.07.

* * *

Во сне иль наяву я вижу белый цвет
цветущих яблонь сад,
солнца палевый рассвет,
воронью стаю в небесах
и громкий, рвущий нервы, крик ворон.
Весны земля, я буду плакать по тебе,
оплакивая сад, рассвет и новый день.
И каждый раз моему сердцу
места мало
от красоты родной земли.
Я буду меньше спать,
ловить секунды,
запечатляя их.
Вернуть бы вспять
весь белый сад,
росу в траве.
И каждый раз
что ждет меня
там, в небесах?
Что заслужил?
Мне не узнать великой тайны.
Пока же плачу по земле,
и вижу сад.

23.06.07.

* * *

Птицей — к тебе
в окно на рассвете.
Птицей к тебе!
Скажи мне где ты?
Всю жизнь по краю,
к далекому дому.
Шел, грешил,
все напрасно.
Ныне ушел от края,
но судьба не отпускает.
Покой приходит и исчезает.
Я бы птицей — к тебе,
но устал от ошибок.
Но я не сдамся,
бежать не буду.
Ворвусь к тебе
и так любить тебя буду!

23.06.07.

Метрадъ третья

* * *

Нет правды на земле, а истина в вине.
И пьют, забывшись на какой-то час,
а умники воруют газ,
воруют сталь и все, что видит глаз.
И наш «обычный гражданин» — опять в деръме,
и светских львиц — вагоны по стране.
Горпиненки раком в поле роют землю Хорошенке,
Мучма, зять и кравчученки
так засрали страну, что и татарам не отмыть.
Нам затею,
нацидею,
а себе все остальное.
Нам хохлам — читай газеты.
Наша песня, видно, спета —
разделилась на две части — Голубые и другие
вешают лапшу на уши,
несъедобную галушку —
жарят дуриков-хохлов
в каждом месте — будь здоров.
Есть идея? — Да, конечно,
но вокруг ее нам тесно.
Деградируем мы быстро —
истина в вине нечистом.
Истину зарыли, бляди!
А жулье все стало сзади.
Бывший жулик, ныне гений!
Сказки лучше
не придумал даже Ленин.

24.06.07.

* * *

Мои мечты
все больше о былом.
Мечты о прошлом
в сожаленьях, ностальгии.
Все пролетело,
как осенний дождь!
И снова лето,
ветер с парусами,
хотелось — кораблем по сини.
Хотелось кораблем — и со стихией,
когда волна — свирепой массой.
И небо с чернодождем!
Но!
Утвой лодочкой
по миру состязаний.

24.06.07.

* * *

День нелегкий,
грустью щиплет,
цепью прикован к телу.
Мысли вокруг планеты
ветром прохладным.
Оркестр играет.
Мелодий нежных отзвуки слышно.
Я встал и вышел облаком белым
в закат багровый.
В солнце остывшем, казалось, греюсь —
цепи невидимой звон постоянный.
Кто и как выдумал птице неволю
для ублажения прихоти барской?
Птица сгорает. Сердце трепещет.
Кто это выдумал?
Ружье и патроны, выстрел по стае.
Как мне знакома
мечта остататься
в небе пустыни.
Сердце стучит —
разлука и счастье.
Кто-то убит,
а кто-то смеется.
Небо вечернее,
лунностью брезжит,
цепи железные,
я вас посброшу.

27.06.07.

* * *

Звуки леса в голове играют.
Говор птичий.
Звон и трели жизни.
Лес живой давно забыт мной.
Грохотня моторов, чад бензина —
толпы железные — все ими забито.
Мечта идиота — чад и грохот —
ад построен, все в работе.
Красавиц томных —
ноги в руки.
Тойота «Ярис» — мечта от скуки.
Ноги красавиц — в ваши руки,
а вы им — чек
за счастье с сукой.
Товар на железо меняют,
молча товар за бензин забирают.
А дальше — толпы чудовищ мрачных.
Грохот и чад, ад вам в счастье.
Деревья сохнут, цветы увяли—
колонны чудищ ад создали.

27.06.07.

* * *

Дьяволосети мир объяли.
Деньги на счастье — женщин без счета,
и мать когда-то, и блядь сегодня.
Дым сигарет, ментол и драник —
табак везде и пиво, как пряник,
мобила в руке, как знамя.
Из дома вышел — грязище всюду.
Окурки, шкурки, бутылки, банки.
Вонище газов машин блестящих.
Свет неона, зов ресторана.
И сети, сети — отспозаранья.
Жизнь все играет на струнах мрачных,
и звуки песен от жизни нашей —
и болью планете, и болью в небе.
А нам не слышно, а нам не нужно.
Нам сети ткали, а мы помогали.
Работа вышла, мы не устали.
Вчера был папа, сегодня — беник.
Жизнь куролесит и мир глотает
кого-то в сетке — того, кто рядом.
Страшней кошмаров
житуха наша,
страшнее страшных —
и всем прекрасна!

27.06.07.

* * *

Я предавал не раз друзей
и по закону отомщенья
имел встократ благодаренье.
И снова предавал
друзей, родных, знакомых, Бога!
Я предавал Творца и предаю,
себя считая распрекрасным человеком.
Иду по жизни, памятник хочу,
грудь орденов.
Я предавал и предаю,
хотя слегка осознаю
предательств подлость.
Я виноват.
Ты, Господи, прости.
Не от ума — проступки и грехи.
Заблудший, как ягня, отару потеряв,
в болоте оказался и кричал,
но крик услышала и приползла змея —
жестока, голодна.
Прости мне, Боже, все
возможное простить.
Я осознал никчемность
и ничтожество свое.
Простите, люди на пути.
Прости меня, мой друг,
и, недруг мой, прости.

27.06.07.

* * *

У каждого — своя судьба.
Один зажат, как в жернова.
Второй — как белка в колесе.
У третьего — хомут на шее.
Четвертый пляшет в карусели.
Каруселяка счастья — днем и ночью,
под солнцем и в ненастье,
на море, в горах
жизнь прожигается нараз.
Смотришь — упал на тротуар,
а тут подушка под него.
Весь целый и пошел в кино.
— Счастливый! — говорят, —
и зависти не счесть.
Ведь не берет его за попу бес —
заговоренный, мол, закрытый.
Все беды мимо — еда в корыте,
девка в койке, деньги рекой.
Посудомойки, повара, шофера —
и все ему — и все выше гора!
Аванс судьбы
похлеще хомутьвы.
Не каждый выдержит и устоит.
Душа отлетит.
И каждому — что заслужил
Господь уделит.
Тяни ты лямку,
не завидуй другим.
Лошадь дикая,
то вперед, то вспять.
И всем нам нужно
здесь устоять.

28.06.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Город уходит в ночь, и свет из окон.
И я ухожу прочь — у меня нет окон.
У меня нет дома и нет квартиры,
я один в этом мире —
изгнаник из рая за грехи Адама.
Мир города ночного — из ярких красок,
вереницы освещенных автомобилей.
Это люди другой касты —
в ночную жизнь они выезжают,
а я ухожу прочь все дальше и дальше.
Мыслей нет и желаний тоже,
но я не праведник, я — неудачник.
Моя жизнь, как поле —
в бурьянах и без плуга.
Стоят такие поля по всей стране —
как мы похожи друг на друга.
Скоро мойnochлег под звездным небом,
я, как всегда,
буду смотреть на звезды и мечтать о хлебе.
Детство, юность, семья —
все позади.
Я, как изгнанный из рая,
скорблю, надеюсь,
но не страдаю.

29.06.07.

Метрадъ третья

* * *

Дождь

по крышам домов
и зонтам прохожих.

Сышен грохот —
глухой и далекий —
раскаты весеннего грома.

Дождь тротуары смывает
и листья деревьев свежеют.

На газонах трава
в каплях воды холдеет.

Дождь!

Я бегу под него
полон счастья и радости жизни.

Дождь!

Мне шестнадцать всего —
я люблю эту девушку,
и, мне кажется, это — взаимно.

Дождь!

Я не знаю, что значит любимых терять,
и что это мне предстоит.

Дождь!

Мне шестнадцать —
все еще в радостных солнца лучах.

Дождь!

Мокрый и радостный
я по ступеням взлетаю.

Дождь!

Вот мое счастье —
она неземная,
не такая, как все, — вся сияет.

Дождь!

Все смешалось в моей голове.

Я парю над землей,
реальности не ощущая.

Бог ты мой!

Я люблю! Я безумен!

Горю под водой дождевой и медленно таю.

Дождь!

Мы с любимой по улице,
в блестках воды — поцелуи.
Мир, ты постой, не спеши,
мое счастье летит и сгорает.
Скоро расстанемся мы,
я буду год ее ждать,
но напрасно.

Дождь!

А пока я не знаю,
что будет и что ожидает нас дальше.
Гром — ты прижалась ко мне —
счастья такого
на земле не бывает.

Дождь, дождь, дождь
в моей душе сегодня.

Серый, холодный
и листья с деревьев опали.

Дождь!

Много лет я несчастный, уставший,
очень тихий и все ожидаю чего-то.

Дождь!

Не проходит сегодня, вчера
и что завтра?

Мысль и глаза —

к той звезде, что моя.

Это все,

что осталось.

29.06.07.

* * *

Край неправды —
страна родная.
Олигархи правят —
мы им помогаем.
Молчим, как стадо —
и зависть наша:
они крутые,
мы — биомаса.
Парламент, мэры, министры, клерки
сели на шею и им уж тесно.
Землю, заводы, леса и реки —
украли, суки.
А нашим детям —
пиво и водку, секс и жвачки.
И детский лагерь уже закрыли —
дворцы давно там,
а нам — картинки в журналах пестрых.
Жизнь элиты — платья из Милана
да клей бродяжкам.
Православье распяли
и негр на сцене —
он пастор наш.
И хитрый гений —
секты, клубы.
народу танцы.
Молчат казаки,
а партий разных
вагон да тачка,
но люди эти — одна мантака.
Цвета различны, программы тоже,
но суть едина — народ лишь глажут.
И кости видно и мяса мало,
весь жир скачали себе в амбары.
Была надежда — сегодня нету.
Страна родная пошла по свету,
по подзaborью, пьяна и боса.
А мы все спорим — куда Мороза?

Куда Наташку
и Мучму-зверя?
Мэра больного —
и «Беркут» скачет —
свои же парни.
Мозги уплыли — и только маски.
Ломать не строить —
пахать не будем
и сеять тоже.
Мы все забудем —
сорвались с рельсов,
разбиты рожи.
И солнце светит
холодной дрожью.
Откройте очи:
украла небо кучка вельможек —
жлобов позорных, подстилок вздорных.
Им лишь бы деньги да «Мерседесы».
И строим неньку — фундамент славный —
песок, деръмишко да кнут и пряник.
И грохнет домик да ляжет башня —
накроет многих в доме богатых.
И ангел сверху трубой жестокой
очистит землю
панов и прочих.
Огнем и ветром земля воспрянет,
и будем сеять мы хлеб — не веник.
И кнут не нужен —
мы христиане.
Дорога к небу и есть наш пряник.

09.07.07.

* * *

Временами мне хочется
волком выть,
временами, как раненный зверь,
броситься на обидчика
из последних сил
мне сильно охота.

Живем мы в мире разных людей —
чаще злых, коварных, жестоких.
Рвем кому-то сердца
и делаем это охотно.

Пламень любви, как солнечный луч,
скользит, ласкает и греет.
Добился своего мой друг —
и хочется рвать зубами.
Ушла, как паровоз, любовь,
чад дыма и рельсы в грязи.
Я не такой, и ты не такой,
а вместе — заразы.

Откуда скорби и боли столько?
Всех мамы растили с любовью,
вырос и озверел.

С мозгами что-то такое —
дебил и гнида, и скот —
слова над землей витают
вместо ласки, любви и света.
Слышим: «Ты спрячь свой рог.
Я сверну все это».

Откуда слова и кто учил?
В мире красот и ярчайших красок.
Я всех любил,
каждый рвал и царапал.
Сердце устало от гнева.
Боже, согрей меня,
вытащи из ада тело.
Но Бог молчит и ждет,
сколько я выдержу это.
Я сжался в камень, умолк
и прячусь в древесных ветках.

Анатолий Можаровский

Я бегу от всех вас, чумных.
В мыслях своих, хоть редко,
я счастлив, израненный,
слёзы тайком глотаю...
Мир демонов, поспеши —
я от тебя убегаю!

10.07.07.

* * *

Белый свет моих туманов.
Меня вечер догоняет —
солнце красное садится в горизонт.
Над рекой летают птицы,
травы пахнут, свет струится,
и я берегом бегу.
Летний вечер
пахнет мяты и ромашкой.
Летний вечер — я так весел —
радость бурей через край.
Без причины не играй ты со мной,
моя судьба.
Я так молод, я так глуп,
мне шестнадцать лет.
Звук свирели на лугу —
я бегу, бегу, бегу.
Скоро ночь и звезды в небе —
я люблю тебя, как лебедь,
до конца и без оглядки.
Эта ночь мила и сладка.
Все пройдет,
исчезнет и сгорит,
только память все хранит.
И туман в лугу вечернем,
стелится седым свеченьем,
я седею вместе с ним,
но, как мальчик, я с тех лет
все храню
 тот дальний свет.

15.07.07.

* * *

Ценой других жизней
я продлеваю свою.
Ценой других жизней
я неплохо живу.
Ценой других жизней
я сыт и богат.
Цена других жизней —
презренный металл.
Я удачив, везуч.
Я нахал кутерьмы.
Я клепаю металл —
умирает страна!
Чем измерить успех и к чему я стремлюсь?
Я коплю и копытами бьюсь,
а вокруг пустота.
Алкоголь, наркота,
и бабье, и врачи.
Свою жизнь я храню
в ясный день и в ночи.
Рядом косит беда,
рядом нищий старик.
Умирает страна, а мой индекс летит —
в гору биржи броски,
вверх доходы и бум.
Я ведь гордость страны — кровожадный паук.
Власть и деньги гурьбой, а чужая где боль?
Я не слышу ее —
мне б еще подкопить.
Мавзолей на Днепре,
мавзолей на Донце.
Мрамор, сталь и гранит.
И лежит во дворце Бена брат и молчит.

Бог забыл, не призвал —
мир от яда горит,
и лежит во дворце —
бес его хоронит
в жизнь такую потом,
что писать не хочу.
— Слышишь, брат-капитал,
я тебя не хочу!

19.07.07.

* * *

Смотрю и не вижу —
грешу и ненавижу.
Разум утерян
и мной, и тобой.
Мудрость в небе — не дотянутся рукой —
не птица ручная, а награда от Бога.
Не всем годится.
Разум утерян — будем искать.
Он не монета, упавшая за кровать.
Разум — труд сердца и воли надлом.
Конфетой в рот не войдет.
Грешу и ненавижу,
но солнце садится
и ненависть тихо с души струится.
Не на вас, мои милые,
не на птиц перелетных,
ненависть током в землю уходит.
Я генератор злых идей
и горит земля под ногами.
Я ад создаю для себя и людей.
Кости трещат мои от прегрешений.
К Богу рвусь из болота чертей.
Я зол — занемог, но рвусь к Тебе.
Невидимых черносил стоят полки.
И я через их ряды —
к Тебе.
Смотри, я падаю, встаю.
Я отступаю, но вперед иду.
И взгляд мой просветлеет,
я образ изменю,
вобрав во взгляд печальный
хрустально чистые помыслы,
к Тебе иду.

20.07.07.

Метрадъ третья

* * *

Кому-то власть, богатство, сила, сласть,
а мне — болезнь, депрессия, невроз.
Скорбей и немощей тяжелый воз
тяну немало лет,
шлеи врезаются в скелет.
Страданья, боль — мои друзья,
без них ни дня прожить нельзя.
Завидую ли я кому-то,
кто избавлен от такого пута?
Нет, счастлив,
так привык —
другое не по мне.
Без боли дня не знаю,
тяну свой воз.
Я искупаю,
может быть, свои грехи —
иду, бреду, ползу, насколько хватит сил.
И не сломить мне волю — мой металл.
Я выстою, хоть так устал.
И снится радость по утру — Бог есть.
Мой Бог, моя любовь!
Я все перетерплю.

21.07.07.

* * *

Я скоро стану известным поэтом —
стихи мои сами за себя говорят об этом.
Пусть их громко читают кондуктора в трамваях.
Можно также — машинистам в метро,
если это безопасности движения не мешает.
Можно — по радио и теле,
в казино и варьете.
Не удивлюсь, когда
на Гавайях
мулатки радостно мои стихи читают.
Я не жажду награды.
Просто, стихи, как букеты,
так вам рады!

21.07.07.

* * *

Твой звонок,
как бомбы взрыв на мегатонну.
Я застыл,
я ждал его.
Предал ты и предал я,
мой друг, — мы стоим грош.
Цена любви твоей, моей — навоз.
Цинизм в моих словах.
Я выразить хочу, что думал я и ты.
Мы все скоты
в сарае возле хаты.
В стихах поэта
мы там воспеты.
Прости меня, мой Бог.
Мой разум занемог.
Я озверел.
Свобода есть — а я тону.
Недолго город был пустой —
полки вошли сюда гурьбой.
И город перешел к врагам,
а мы бежали, ошалев.
Но вдруг — воинственный вожак
и наше стадо на дрожжах
растет, и превращается в полки.
И мы на штурм хотим идти.
Я не шакал и не гиены сын!
И пусть высокой планки мне пока не взять,
омоюсь под дождем, но не пойду назад.
Я не примат
в хлеву поэта
мне надо
небо и звезды
в свете.

21.07.07.

* * *

Цветущий сад
средь бледно-розовых туманов.
И солнца свет —
ковер травы зеленой.
И я застыл.
Уж двадцать лет
не видел дома я,
цветущих вишнен,
пчел гудящих лет.
Двадцать лет растрячено в излет.
Полет в ничто и никуда,
околдовало золото,
и нет конца мешкам и кошелькам,
а жажды, как в пустыне.
Я дал свободу извращениям души,
а сад цветет в ячейках мозга.
Так далеко и так давно.
В своей тюрьме —
тюрьма другим
и снятся змеи.
Яблонь дым
унесся безвозвратно.
А я хочу вернуть, увидеть,
пережить.
Река бежит, бежит,
бежит...
И, может быть,
я снова буду там,
уже не тот, совсем другой,
играя с жизнью и судьбой.
Рвет душу боль —
куда я шел,
куда иду?..

21.07.07.

* * *

У окна — фигура старика
и взгляд на улицу,
где шум и гам.
Людское море
средь бензиновых паров.
Глаза печальные,
как у докторов.
Вчера был мальчик,
затем солдат —
красивый парень.
Лишь шелест лет.
И он, старик, живет вчерашним.
На небе звезды — а здесь нещасность.
Стоять, смотреть,
но не увидеть,
не долюбив,
доненавидеть.
Так все проходит!
Свой крестный путь
вчера лишь начал —
не отдохнуть.
Годы на сердце
камнем лежат,
жизнь пролетела,
и боль в глазах.
Не всем сиять в его-то годы.
Наша беда —
грехи и скорби.

27.07.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Я молод и красив —
энергии через край.
Она, словно горный массив.
Планов и замыслов тьма —
живу я,
и жизнь моя,
как бурлящий поток.
Но жизнь уходит,
и не ощущаю движения.
Песок беру в пальцы на пляже
и просыпаю.
Жизнь бесконечна.
Исход возможен ежесекундно.
Наступит день — комок в груди.
Но нету слез — и подступает мудрость.
Радовать уже не будут —
ни вещи, ни деньги.
Радует то,
что Бог крылом объял.
Радуют чудеса природы,
радуете все вы — люди.
Все — мои братья и сестры.
Я перестал ненавидеть.
Я всех люблю и жалею,
чувствую, как струится и уходит жизнь.
Мне чуть-чуть грустно,
но радость
от ожидания тайны будущего.

02.08.07.

* * *

Белый туман —
снежным валом на лугу.
И в тумане белом
я к реке иду.
Лета звон —
уходит июнь.
Лиловость неба.
Луна в спокойно желтом
встает, идет —
покой такой,
лишь звон кузнечиков в траве.
Какое лето!
И не снилось мне.
Завтра солнце
в нежном небѣ.
Новый день
и дождь,
и пламень молнии внезапной,
и гром стосильный,
мне не страшно.
Мое лето, слава Богу!
Снова вижу:
цвет безумный
лугового разнотравья.
Буду я бежать и падать,
целовать траву и гладить.
Укрывать лицо цветами,
плакать, радоваться.
Слава Богу!

02.08.07.

* * *

Ночное шоссе под машину
ложится —
шины шуршат
и свет фонарей,
как зарница,
над лентой серой.
Ночное шоссе —
чад, гул моторов,
грохот машин.
И я лечу, других обгоняя.
Жизнь ночная!
Взбодрился, как от наркоты,
еще неизвестной.
От адреналина в жилах тесно,
я выжимаю все из мотора.
Ночь впереди
и что-то еще там.
Зловещая неизвестность.
Затор машин
и едкий дым,
милиционские мигалки —
авария —
и труп на асфальте —
то ли женщины, то ли мужчины.
Вырываюсь вперед.
И так щемит,
будто моя душа
за кем-то
в потусторонь летит.
И снова скорость,
дым, асфальт,
вой машин.
И я в этой夜里,
совсем один.

02.08.07.

Метрадъ третья

* * *

Дорогой жизни пронесла судьба —
то резвой лошадью, то тихой черепахой.
И, вроде, впереди явился трон,
короны блеск.
Но вдруг — тюрьма, темницы тьма
да лагеря и лагеря,
и песни, пляс гурьбой.
Мороз по коже — что с моей судьбой?
Мчался, рвался — маesta.
Вот дом и речка с голубой водой,
то шалаш в лесу дырявый,
дождь и снег весной.
Волосы густые,
цвета спелой ржи
стали все седые
и хандра внутри.
Стану под иконой — с Богом не борюсь,
поясным поклоном поклонюсь за Русь.
Ведь комфорт и скука — то не мой удел.
Суeta шумит пустъ, можно посильней.
Дух мой станет крепче —
чистый, как слеза.
В небо голубое поведет стезя.

02.08.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Ветер веером листает книгу —
страница то вперед, то назад.
Я лежу, небо вижу —
неизменное, как вечности ряд.
Мудрость в книге —
разум вечный —
поглощаю его я,
но на практике, конечно —
тленность бытия.
Вот сейчас я отдыхаю —
легкий бриз с морскою пеной.
Камни и песок мне греют спину
и этот бриз я просто ненавижу.
Жизнь играет в забавлялки,
на душе скребут коты,
черти роют автостраду
сквозь мозги мне, как кроты.
И мне, кажется, кранты.
Мой характер — штурм, гроза
и волна, как небоскреб.
Характер мой — война, разведка,
взрывы, грохот, камнепад.
А вокруг все люди — крысы
и я терплю, зажав снаряд.
Легкий бриз — царство покоя.
Нервы, словно струны, порванные вмиг
жизнь кружит, визжит, болит.
Меня не бросил Бог —
неверно —
я просто закаляю нервы.
Мое оружье — полнота любви.
Пока я не зверею средь крысиных морд —
я не судья, я птица-воробей,
который вознесется до орла
в небо чистое,
в небо грозное —
моя взяла!

02.08.07.

Метрадъ третья

* * *

Не снятся сны,
не снится лес сосновый,
солнца искры
по траве зеленой.
На полянах и на склонах
я не слышу птичьих трелей
ни кузнечиков свирели,
ни дождя капель.
Ночью темной
мне не снятся
сны покоя.
Сердце, сердце,
что с тобою?
Куда ведет тропа?
По болотам да то топям —
запах серы, люди-звери —
скользкие, как уж с гадюкой.
Снятся люди не отсюда, снятся гады.
Где вы, люди!
Я хочу в лес поднебесный —
посидеть в траве высокой.
Слушать лето,
слушать осень.
Птицей стать,
одетой в просинь.
Мне свободу бы — навеки!
А пока грущу, страдаю.
Жизнь моя скользит
по краю.

15.08.07.

* * *

Страна без совести, морали,
страна скотов и кандалов,
шакалов власти.
Их троны прочные.
Пятерки да десятки партий,
списки шакалов, сбросив маски —
грабят свою страну,
украденную средь бела дня,
как лес на пне.
Моя страна —
горят леса,
и под откос слетают поезда,
война миров — души и тела.
Ослабшие уж отлетели —
нас стало меньше.
Как нам подняться и восстать?
Когда гетьманствующих рать?
И доля наша — кармой стать
в передаче астролога Глобы.
Карма наша — наши гробы.
Ты, мой народ, испитый,
трахнутый, согнутый,
как могилогорбы.
Встань на ноги —
ты же обутый —
встань,
истертыми коленями
по камню ковыляя.
Рыла выймите из бокалов!
Где вы, воины, а не шакалы?
Правят нами, как стадом баранов!
И стыдно мне в шакалиной стране.
И стыдно предкам — в человечной земле.

12.09.07.

* * *

Звериный оскал —
движение глаза прищуренного.
Рывок головы — взгляд Сатаны
и холод в груди.
Я плыл рекой
и много хлебнул воды зловонной,
скорбел,
но упорно к чистой плыл.
Река жизни сложна.
Но в этом ее призванье.
Сложна борьбой до конца —
я чувствую, как крепнет душа.
Силы покидают,
не так, как в начале,
где ключи бьют через край.
Я счастлив, просыпаясь
и весь день —
шире река —
пороги, кручи,
изгибы резче.
Мне нужна узкая полоса.
Страх приходит и вновь уходит —
молитва мой хлеб.
Сила ее удержит меня
на реке
в очередном кувырке.
Звериный оскал,
резкий взмах головы —
как я устал.
И снова молитвы дух.
Звезды на небе стали видны,
лодка летит, как пух.
День за днем
я сужаю пространство.
Иное счастье, иной покой —
река лишь тень мою
уносит с собой.

13.09.07.

* * *

Я и осень —
то погода, то негода.
Листья желто-рыжие
с деревьев опадают.
Небо серое,
холодный ветер,
моросящий дождь,
багрянец листьев умирает.
Я и осень —
период жизни и время года —
дышу ароматом.
Запах осени так умиляет.
Ее дивные танцы меня зажигают.
Любовь и осень —
в голубом небе
океан надежды.
Листья падают
на голову,
на плечи,
южный ветер.
Птицей в небо
умчаться к солнцу,
от счастья сгорая —
я жизнь так хочу закончить —
осень в сердце
в душе навеки,
и южный ветер
ласкает нежно...
Осень,
в моем ты сердце.

29.09.07.

* * *

На речке лед,
мороза синева.
На речке снег —
зима, зима —
и ветер воет,
качая кусты и тополя.
Иду в метели,
бьют колокола.
И этот звон
церковный, ранний
и этот снег и ветровой,
мороза синие качели
и сердца радость —
мир весь мой.
Иду и стужа не помеха.
И вот — счастливая примета —
из детства церковь, тополя.
Горят лампады над иконой,
горит свеча в моей руке.
И тысячи моих поклонов
Тебе, мой Бог,
моей реке.
По жизни моей немало лет
Ты вел меня и согревал.
И я, шальной, так много раз
бежал к себе и все мечтал.
Мечты о счастье, сладость дней,
утехи тела и любовь.
И вот — зима, река, метель —
и я иду
к Тебе, Отец.
Какое счастье, Ты — Отец,
а я — Твой непутевый сын.

Анатолий Можаровский

И по реке своей судьбы
иду один,
но греет дух Твой и покой.
Ты мой Отец — мой Бог —
моя Любовь.

03.10.07.

* * *

Белым парусом солнце.
Моря штиль, вдруг волна —
вся в белесых бурунах.
Лодка качнулась, волна на борт.
Но была надежда,
Светлый поворот.
Вмиг смыло все бурей
и с водой ушло.
И борюсь я —
ужас, ужас —
не сломать весло.
День и ночь, и неба темь,
ни луны, ни звезд.
О надежде мыслей нет,
только волн разлом.
Утром ранним вижу солнце.
Снова в море штиль.
И, уставший, крикну громко:
«Смерть я победил!»
В сердце теплится идея —
смысл ее мне мил.
Там на горизонте — парус
в блеске синевы.
И к нему гребу я
и к нему плыву.
Парус тот — моя надежда.
Ею и живу.

03.10.07.

* * *

Вижу и слышу море весны —
ветер качает зелень листвы,
травы, цветы и птичья напевы.
Шел бы так долго, но не успел.
Эта весна — не та, что тогда.
Море любви — в голове облака.
Разум спокоен и сердце не рвет.
Море любви и жизнь, как восход.
Весна за весной — и все новый год
и море друзей, прервавших полет.
Зелень травы и мудрость сердец —
я стал так спокоен, как древний поэт.
Ода за одой — день ото дня,
и сердце не бродит,
как нету меня.
Песчинкой вселенной, весенним листком
я чувствую время так далеко!
За звездами — небо.
За небом звезда —
и так бесконечно
и снова, всегда.

04.10.07.

Метрадъ третья

* * *

Я заточен, как в башне,
в средние века.
Мое окно — душа моя
и все так далеко.
Я жил не так, как все —
святым так и не стал.
И жизнь моя — в грехе,
впечатана в металл.
Я не кумир, не царь.
Я лишь морской песок,
что волны ворошат.
Соленый вкус да солнца луч —
и снова я в воде.
И нет беды.
Хоть башня не из камня,
держит крепко.
Мне страшно, я в ее плену
то стоны издаю,
то плачу, то смеюсь.
В даль птицу провожаю,
молюсь, страдаю.
Страдание — мелочь,
а жизнь
без потери
я не измерю.

04.10.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Стога в лугу
и небо синее —
к тебе иду,
моя красивая.

Средь тысяч лет и тысяч дней
тебя нашел,
хоть не без потерь
мой путь был.

И ты в лугу, и ты в стогу —
меня ты ждешь
и я кричу.

И запах сена,
и запах неба,
и теплый ветер —
и я так весел.

Вот это сон — после кошмаров,
и стольких лет под этим хламом —
я в храме счастья.

В седом ненастье —
моя дорога.

В траве осенней —
твои глаза.

Из плена ошибок
иду в дорогу
к стогам улыбок,
глазам горящим.

Глупец я странный —
бродил по кругу,
а круг предлинный
и жертва это,
или ошибка?
А ты так близко.

04.10.07.

* * *

В снегу белесом тополя
и где то там — моя земля,
там ветер гонит тополиный пух.
В разгаре лето — на дворе июнь,
горю от счастья, глуп и юн.
Свободы нет, и я как раб,
привязан к мелочным делам.
Мне бы взлететь за пухом вслед,
в потоках ветра — в солнцесвет.
Вы мои братья, тополя,
и пух ваш белым снегом
зовет с собой.
Часы стучат,
уходит время.
Год за годом
откладывают свой полет,
а синева зовет...
Я брат ваш, тополя,
дышащие ознобом.

06.10.07.

* * *

Грохот пушек, танковых моторов.
Дикий шум, разрывы мин, снарядов вой.
Двадцать первый на дворе, а люди озверевшие,
или что-то со мной.
С виду — вполне здоровые,
но инстинктов не удержать.
Война за деньги, война за власть.
Мальчишки в окопах —
атеистов среди них нет.
Взывают к Богу,
жизнь спасти.
Иначе в двадцать лет вместо кровати,
земля на лопате.
Взрывы снарядов —
двадцать первый.
Политики делят
мир денег —
им все мало.
Дети простых людей
в Бога верят —
и простаков бомберят!
Чужие земли,
чужие страны,
острова и морские дали,
пустыни и горы —
все под контроль.
Араба из средних веков
ведет конвой
через столетия
в цивилизацию —
марш, бегом!
Ценности кровью насаждают, огнем.
Из нищеты в нищету,
из пустыни
на улицы городов Европы, Америки —
бегом, бегом, бегом.
Мир быстро изменяется —
мне за ним не успеть.

Метрадъ третья

Его дикие танцы — гимн тьме.
Ракеты летят и взрываются,
руша дома, убивая,
демократические ценности прививая,
большой политике —
побольше крови.

07.10.07.

* * *

Агентства модельные —
милые девушки,
«Плейбоя» клиентки,
мужчинам пенки.

Журнал с голой дамой —
мамой и дочкой —
с грудью и попой
внукам на память,
себе реклама.

Деньги не пахнут —
гель, шампуни,
мыло и францпарфумы.

Деньги не пахнут —
в лице силиконно.

Деньги не пахнут,
и зад для бульвара.

Очередь женщин
за скорым успехом.

Выпью с утра
и журнал я открою,
всем жаждущим фотосессии —
приходите, я вас уделаю.

Выпью в обед и все сначала —
фото спереди, сзади,
для суперпопулярного.

Вечером выпью,
и паспорта новые
для всех, кто элитен,
вроде коровы.

Гены и внешность в паспорт впишу,
фото топлес, нагишом.

На таможнях — взрыв.

Ну и фото!

Кто разрешил?

Я сам себе, — понял?!

Бабы голые — в паспорте каждом.

И позы все разные.

Для стран других —
новинка, как молния.
Вот, гад, придумал,
переплюнул «Плейбой».
Вот Украина
всех удивила —
после помаранчевых танцев —
загранпаспортов глянцем.
Из Америки и Европы
едут к нам за высокой модой —
паспорт получать особый,
в историю ворваться жопой.
Дамы милые —
несчастные да элитные,
жаль вас, девочки,
ведь пахнут денежки,
выделениями мокрых тел,
потом мужчин богатых.
Мойтесь, драйтесь
и деньги с бельем стирайте.

07.10.07.

* * *

Подождите, подождите —
я в далеких декабрях.
Подождите, подождите —
вырву лист календаря,
вместе с солнцем,
утром ранним,
красным заревом
к вам выйду,
всех согрею.
Я — свобода, ваша воля.
Я — мечта, любовесчастье.
Я к вам выйду — ожидайте,
но не просто,
сложа руки,
голову склонив.
Вы молитесь, вы боритесь.
Ваши боли, ваши беды
знает небо, слышит небо.
И придет к вам просветленье
утром ранним, на рассвете.
Многих жизнь изменит сразу,
многим даст тепло надежды,
и омоет светом вежды.
Ожидайте, не грустите
и любовью озаритесь!
Вы душой ее поймете.
Милосердье всем придет ли?
Обделенных ли не будет?
Небо знает — счастье будет.

14.10.07.

* * *

Осенним днем
холодным, мрачным,
я вспоминаю лето
жаркое, как в сказке,
цветы и ласку ветра с юга
и рядом милую подругу.
Ворона серая вскрикнет громко.
Я хлебом ее поманю —
она подарит взгляд
разумный.
Сегодня осень —
цвет безумный
листвы, травы, печали.
И птицы просят хлеба,
взгляд их —
все тот же.
Мы все здесь братья
и Земля — всеобщий дом.
И память греет
жаркая, как детство.
Босые ноги в траве согреты.
Сегодня осень,
но лета надолго хватит.
Я им запасся и мои братья —
птицы на деревьях,
птицы на крышах,
машут мне крыльями,
тепло струится.
И день холодный
с ветром, снегом,
а мне тепло.
В душе, как прежде,
лето из сказки —
жарко.

14.10.07.

* * *

Я песни пою под луной
рядом с тобой,
рядом с тобой.
Судьба играла
мячиком теннисным
туда, сюда —
то вершина, то труба.
Я ждал, барахтался и занемог.
И вот, мой Бог, все изменилось,
мрак ушел.
Луна встает, и рядом — друг.
И песни я пою
для тех, кто все надеется, борясь,
боится кто — я дух их поддержу —
ведь все друзья.
Упал — вставай,
и вновь борись..
Там нет лаврового венца,
там нет блужданий бубенца.
Там жизнь — борьба.
И снова — ввысь.
И так вся жизнь —
от удальца до мудреца.

14.10.07.

* * *

Чорній дні твої, Україно —
люди на смерть подуріли.
Владу взяли й пройдисвітам oddали.
Землю, багатства —
зграї бандитів лякливих,
злодійності з-під тину.
Честь утекла.
І повсюди — повії, повії.
По шляхах, по світах,
по морях, океанах —
люди з торбами розвіяні.
Мільйони трудяг у злидоті,
а тут пани та підпанки.
Пеньки і жлоби
гнучкошиями правлять,
рідня їх —
в щаблях, вертикалях.
Порядку нема.
Остання надія була —
буремна та осінь:
здавалось, ось-ось буде краще,
та розуму стало тільки на танці.
А люд все чекав, сподівався,
в дурні пошився.
Пригасла надія та іскра остання —
лиш чорна злидoba та чорні машини
на вулицях міста — намети та сцени
дзеркального виду.
У парку Ватутіна сушать білизну
прибічниці шоу-прем'єра.
А біля Верховної
грізне таборище яничарів,
і портретів ікони —
в країні Христа,
бандити в законі.
Іржаві багнети
козацького війська
та дні все чорніші.

Цвітуть чорнобривці
і діти співають.
Золотом листя сяє.
І небо над нами,
мов Бог поглядає,
повстанемо завтра
чи, може, з роками
зможем боротись
за честь і за правду?

14.10.07.

* * *

Звезды да элита —
кто придумал это?
По всему ведь свету —
и в бикини, и в постели,
в туалете и на сцене —
из фото, видео и просто
прет свербящая короста.
Шоумэны рвут сознанье
молодых людей с заранья.
Греет страсть и зависть гложет —
все хотят
всего,
и тоже.
Телевизор — утром рано
девку голую с экрана.
То мычащий депутат
с аккордеоном,
как солдат,
виду жирного, блатного —
казакам поет шансоны.
Засоряют всем сознанье —
звери б двинулись мозгами.
Топ девицы, депутаты —
главный на сегодня ряд,
главный продразверстотряд.
Все придумано не нами,
и не просто дураками.
Для народа — все уроды.
Народ сдвинулся от моды:
модных песен, пива, водки,
модных девок и работки.
Место в офисе — блатное,
на заводе — продувное.
Топ в сознание впечатан,
топ — в газетах типа «Хвакты»
голой сракой в депутата
девка смотрит со страницы.

И народ чумной гордится
сей свободой,
головою Буратино.
Мир элиты на картинах.
Жизнь — салфетка —
вытер нос,
выбросил
и понесло бумажку.
Разум был —
стал промокашкой.

20.10.07.

* * *

Холодный дождь
с утра с туманом.
Ветер с надломом.
Листья опавшие
в озере плывут и тонут.
Листья радости
и запахов лесных, знакомых.
Дождь всю ночь
и небо запухшее к утру,
дни короче.
Октября
осталось мало,
и — Новый год.
Жизнь неярка —
мыслями там, где жарко.
Ждал я многого,
объять хотел мир.
Мир мой сузился —
ушел кумир,
цели прошлые,
как желтый лист.
Жизнь сначала.
Время жмет — определись!
Остановись.
Дождь идет, а где-то солнце.
Разница в расстоянии.
Звонко капает вода по листьям.
Жизнь моя, к тебе я вышел.
Не спеши, не уходи,
я — к тебе лицом.
Стройный дуб
над небосклоном —
мой верный учитель.

Анатолий Можаровский

К нему запоздало вышел.
Дождь холодный,
ветер шумный —
мир прекрасен
и безумен.

25.10.07.

* * *

Усталость свинцовила тело.
Ноги устали, руки устали,
конь потерялся,
телега слетела,
думать о чем-то
болит голова.

Ударами звонкими чьи-то слова.
Тихо лежать под рябиной и елью —
только птицы не надоели.

В небе высоком — не одиноко.

Скоро уж ночь,
но сумрак тут светел.

Мрачно в лесу и шорох,

как встречный враг.

Страх разрывает —
и я убегаю.

Сны, как и жизнь —
малоприятны,
ужас кошмаров,
как встреча с рогатиной.

Откуда кошмары —
километр кинопленки
кружится и рвется
сквозь кости и жилы.

Усталость свинцовая —
смерть вместо тела.

Душа же — ребячья
нет в ней терпенья.

Рябины и ели —
мне жены и братцы.

Скоро уж ночь —
может с ними остаться?

26.10.07.

* * *

Белесый свет луны
и небо цвета стали.
Смотреть в ее лицо —
глаза устали.
Я жду ответа.
Начало мира и конец,
и жизнь —
мираж иль сон все это?
Молчит луна и звезды в небе —
покой и тишина Вселенной.
И мы не слышим взрывов звезд,
а видим только свет их.
Прекрасной ночью полнолуния,
под сенью парка небеса
манят к себе,
вопросы задает душа:
смерть — конец?
Молчит луна.
Хочу в пещеру, как отшельник,
старцем святым,
объять любовью мир,
избавить сердце от пороков.
И так стою уж много лет.
Я не безумен,
я стремлюсь туда, где свет —
в миры любви и счастья —
к Богу.

26.10.07.

* * *

Эхо войны —
смятая жизни страница
снова и снова мне снится:
взрывы снарядов, грохот зениток,
бомбы с неба
вместо хлеба
и манны небесной.
Командир на бруствер поник.
Глаза без движенья —
только был жив
и погиб.
Деревня, сад и много малины.
Пули летят.
Считаю убитых —
день на войне
и мертв солдат.
Танки, прорыв, последний снаряд —
и тишина до боли в ушах.
Только от дыма нечем дышать —
запах пожарищ и трупы кишат.
Кто-то мечтал,
а сегодня ушел.
Эхо войны —
я снова во сне
вижу реку, плацдарм —
все в огне.
Вода и кровь —
и ни шагу назад.
Мы все плывем,
оставив страх.
Берег, противник и пороха вонь.
Рвутся снаряды и дождь — из ведра.
Холодно, грязно — промокли все —
живые, как мертвые на войне.
Птицы в небе плавный полет.
Скоро век,
а я все — «Вперед!»

27.10.07.

* * *

Слишком часто
людям разным
душу делил на части.
Силы раздавал даром,
любовь разбазаривал.
Не жаль ошибок.
Рос я тоже.
Терпел и грезил
о счастье многих.
Слов пустых, ненужных, звонких
в пространстве оставил много.
А жить попроще как не пытался —
судьба чечетку мне отбивала.
Пустые звуки, слова пустые —
туман обмана —
густой, постылый.
И только птицы и теплый ветер
меня простили,
но я в ответе
пред вами, братья,
склоню чело я,
приняв проклятья.
Сегодня снова все начинаю.
Надолго ль хватит?
Завтра сорвусь, и — все сначала:
себе не больно,
других не жалко.
А потом прозреваю,
других жалею, себя терзаю.
Жить буду тихо, как в глухомани.
Дом построю, а замка не надо.
Вернусь туда, откуда начал.
Зачем жить так долго?
Грешить бесславно.

Брехать без толку.
Сам я в болоте —
его построил
жизнью своею
очень крутою.
Простите, люди,
если возможно.

27.10.07.

* * *

Как листья с деревьев осенних падают
и уносятся ветром вдаль,
так и дни мои уходят,
печальные не по годам.
Скорбей и горестей
через край-
пью и не видно дна.
Как листья ветром носимы,
мысли в моей голове.
Как нелегко одолеть
этот сумбур и терзание.
Я, как ветхое здание,
скоро пойду под снос.
Мудрость и разум бы мне,
ушло бы уныние.
А пока белый цвет
люблю больше всего.
Черный в контрасте с ним —
и жизнь еще ничего.
День за днем.
Скоро зимы
белоснежье.
Выстою в споре
и лицом к лицу
встречу смерть.
Прятаться за кровать
или дверь
не буду.
Хоть тогда
человеком пребуду.

29.10.07.

* * *

Имею ли право других учить?
Имею ли право других судить?
Имею ли право мораль читать?
Я, раб страстей, — греха солдат.
Не в свете — облик мой,
в мраке подземелий сырых.
Плесень, капли воды,
затхлый воздух — сердце болит.
За углом подстерег, убедил, затянул
обруч стали неразъемной.
Весь — в страстях презренных.
Просыпается совесть
не всегда на рассвете.
Щемит, болит,
сквозь тело ветер.
И я горжусь собой,
преподнося себя стае подобных,
и облик мой становится съедобным.
В красивой упаковке торт — похуже.
Я сладкий весь
и вроде как служу
все людям.
Двойной стандарт — кого винить?
Попался в сеть, иди служить
под землю духу тьмы.
О, Господи, прости —
как далеко уходит человек!
Не каждому Господь откроет
ужас тьмы.
Как мало света...
А я, фарисей,
думал о себе иначе,
других судил,
учил и поправлял.

Герой романов — успеха плаха,
хотя в твои лета
отсчет пошел уж на минуты,
еще есть время
развернуть
в другую сторону свой путь,
сжав зубы, затаив слова
и Бога лишь благодаря
вернуться к небу.

29.10.07.

* * *

Лист бумажный
с информацией важной
изорвав на куски,
из окна небоскреба бросив,
я, наблюдая за падением,
вдруг понял,
что так же и мыслей тление,
ветром эмоций унесенное —
парящее в воздухе —
круговорть в потоке.
Я не сплю многолет,
я не бодрствую много лет.
Я живу, как проездной билет.
Что с ним сделает каждый
в конце поездки?
Кто-то и сохранит для отчета.
Я жду, всплывая в мыслях чужих.
Они приходят и уходят.
И воли нет на то моей —
моя бы воля,
мыслями сообладать,
миром владея и правя.
Из окна небоскреба —
путь долгий,
из окна дома — короче.
Тоска и серость
осени поздней.
Меня уже топчут ногами,
я ведь никто,
не звезда,
мной не восторгается мир.
Мир идет мимо
и я за ними —
мысли, мысли, мысли...
Бумажный пир.

31.10.07.

* * *

Остров строю из отходов жизни.
Остров мой никто не увидит.
Размеры его в микроны —
вес с мегатонну.
Остров бесплатный —
не часть планеты,
не то, что украли клерки-скелеты.
Остров рая —
сказка жизни.
Я уже по нем гуляю
и всех вас оттуда вижу.
Вот в окне дама возраста среднего.
Лицо злое —
муж где-то с новой подружкой
радуется под запах ментола —
и что здесь такого.
А вот еще женщина
красоты нежной —
глаза огромные, тело серны.
Смотрю и не верю — лет прошло с двести —
моя любовь, моя невеста.
Рукой бы ее достать и погладить.
Остров качается и я качаюсь.
Ушло видение — проза жизни.
Счастье — быть гризли,
медведем свободным,
сильным и смелым.
Годы проходят, а я все еще верю
мужчине в мусорном баке,
в одеждах страшных —
хочет поужинать не в ресторане,
а просто на лавочке.
Запах не очень —
остров качнулся
и вижу я осень —
рыжую, озорную,
сухую и мокрую,
принцессу и брошенную,
как лист под ноги.

Мне бы стабильность!
Стоять, как памятнику,
но остров качается
на мощном фундаменте.
Мир весь движется —
мой, внутренний, тоже.
Картины меняются —
каждый скажет,
и что же?
Я все на острове — глаза закрою
и вижу счастье,
каким оно будет.

31.10.07.

* * *

Скатерть рваная и простынь рвань —
я пью виски — бес счетный дринк,
дорогая дрянь.
Когда я начал и когда закончу?
Дом стал, как сарай,
а я все мокну.
Жизнь гавкнула под откос,
как взорванный поезд.
Колесами вверх лежат вагоны,
и ноги не слушают,
шум в ушах и еле дышу уже.
Ночь и день сменяются,
а мне все лень — в кровати подруга —
крыса серая, хвост длинный,
глаза вперила в мой графин.
Обои отстали от стен
и от меня тоже —
не интересно мне это
давно уже.
Мозг, словно каблуком женским,
продавлен.
Неприятно, но жить можно
с дыркой в голове тоже.
Я выдержу —
дринк бес счетный
все тот же.

31.10.07.

* * *

Ночь. Темень.
Смотрю в окно.
Оттуда — лицо мужское,
азийская внешность,
глаза — черные, волосы тоже,
щеки круглые, желтые.
Что он там делает?
И вдруг мысль пронзила —
сада нет у меня —
пред окном стена
облезлая серая.
Неба чуть-чуть,
как в погребе, —
откуда сад и азиат?
Может что-то с сознанием?
Сознания давно нет.
Я умер — тому сто лет,
выполняя государственное задание.
Память обо мне канула в лету.
Детей не было,
да и был я отпетым.
Может стал привидением
и все мотаюсь —
слежу за кем-то, выполняя
давнезадание?
Может ветер ночной
и гроза в небе?
Но что-то ведь было
в ночи гробе.

31.10.07.

* * *

Белым пароходом лета
я в осень рыжую въехал —
между золотом рассветов,
меж пурпурных див закатов.

Белым пароходом въехал
в золотые рощи счастья.

И ее не заметил
средь красот края —
нежная, вся из света —
лаской глаза стреляют.

Вот какая —
жемчужина моя.

С нею вместе пароходом — по реке
сумасбродом к небу — ввысь.

За меня, любовь, держись.

После многих лет тревоги —
осень счастья.

Скоро дождь
и снег с морозом.

Пароход — из лета неги,
пароход в осеннем небе —
не хочу спускаться вниз:
там — тревоги и волненья,
там трудов тяжелых бремя.

Мы уйдем в густые рощи
по полям, лугам горячим
этой осенью горящей,
милая моя беспечность.

01.11.07.

* * *

Пронзительный дверной звонок —
и ночь.

Опять звонок.

Удары в дверь ногой —
открой.

Немецкий ты шпион —
год тридцать седьмой.

Уходим в ночь
и навсегда.

Вандалы правят бал.

Их власть,
но конвой отвлекся на слепящий миг.

Удар в лицо
и он бежит —

мой дед —
уходит в ночь

на много лет.

И не увидит он жену —
убьют ее.

Умрет под пытками — кого?

Нет имени героям диких дней —
звери умней, добрей.

И вновь звонок —
удары в дверь.

Стучат уж много лет ко мне.

И продолжается судьба —
мои тридцать седьмые жутьгода.

Мне кажется, что это навсегда —
Пришла свобода на какой-то миг.

Страх вытравить — нужны года.
Но это должен сделать я —

не передать наследие греха.

Мои страдания окончатся на мне.

Свободу я отдаю тебе —
кто не родился, кто не жил.
А наш удел — на глупость траты сил,
на тяжкий труд.
Мы выстоим —
и свержен будет спрут.

01.11.07.

* * *

Цена жизни —
нет цены.
Она бесцenna, —
говорит политик бренно.
Перед выборами тур —
он борец за кресло.
Жизнь народа, —
он кричит, —
жизнь бесценна, — говорит.
Жизнь — это чудо, —
говорит священник грустно.
Киллер, улыбаясь криво,
тычет пальцем в прейскурант:
губернатор, мэр, чиновник,
депутат, любовник,
просто мент,
муж иль отец.
Все стоит денег,
цены установлены на бойне.
А простой народ — отстойник,
пешеход на улице центральной.
Хрясь кирпич по шее плавно.
И лежит уже лишь тело —
бренностъ тихо отлетела.
Мальчик милый —
глазки, ручки — баx машина.
Две подружки
вспоминали ночь,
минувшую в борделе.
Сколько денег, что там ели,
сколько кайфа на постели —
и уехал дальше шкаф железный —
мальчик был и сгинул.
Верно —
жизнь бесценна.
Жизнь есть чудо.
Богом данный промежуток
между тем и этим часом.

Жизнь летит — она прекрасна.
Как понять это и взвесить —
посчитать, не куролесить.
Только те,
кто встал на край,
вспоминают жизни рай.
Рай в тебе — во мне и каждом.
Ад дан тоже не напрасно —
для сравнения цены.
Помнишь, как порвал штаны —
крики, нервы, озверенье.
День прошел — и ты в забвеньи.
Стоило губить так душу?
На пустяк — сухую грушу.
Где цена и где удел?
Сам считай —
как ты хотел.

09.11.07.

* * *

Кап-кап-кап дождь за воротник
по шее —
в голове одни траншеи.
В них лежу я как солдат —
мне уж не с кем воевать.
Разочарован я боями —
войны, встряски, как цунами.
Налетишь — ударишь метко —
сам страдаешь дико, крепко.
Смысла нет в войне и драке —
все кончается когда-то.
Вон Иосиф — он же Сталин —
сколько уложил рядами?
Все — лишь пыль, песок и ветер.
Умер Еся — где все делось?
Мощь страны и мощь народа —
все коту под хвост.
Уроды!
Кто сказал?
И кто уроды? — Все.
И я так думал тоже.
Нужен мир, любовь и правда.
С этим трудно.
Может — завтра?

09.11.07.

* * *

Снег медленно
падает на город,
в свете фонарей рисуя сказку.
И я стою, как вкопанный
иль памятник,
не отрывая глаз от каменного здания.
Серый цвет, архитектура давит,
Сталин, НКВД, гестапо, Берия,
Берлина штурм и КГБ.
Бендеря где?
И церкви купола —
из детства память,
зеленый цвет.
Решетки кованые,
иконы и лампадок свет —
хоругви, крестный ход.
Похороны без стрельбы в висок,
без кованых сапог.
Снесли ее и древние могилы
затоптали вмиг.
Двухсотлетние липы
в цвету и пчелах,
легли на землю.
В сером здании свет —
в кабинете покой, тишина.
Там нет любви —
там боль и страх,
там ужас мира,
затхлый смрад.
История варварства осталась реальностью
и мы наблюдаем ее дикий ход.
История варварства осталась гадостью,
а мы созерцаем ее,
как белоцветья восход.
Пыль веков.
Но это здание —
вечность, может?

Зубы стучат и говорю в поту
от замогильного холода.
Может, от здания серого — страх?
Уйду по улице
просто прохожим,
все дальше и дальше...
Внутри себя чувствую мрак.

14.11.07.

* * *

Ощущение, как будто бы я не живу.
Перешел жестокую черту
и оказался в обратном мире.
Знакомые растения и тропы,
но все холодное, чужое.
Дорога эта не туда,
куда мне нужно,
куда хотел.
Здесь веют выюги — всегда метель.
Здесь солнца мало и чаще ночь,
но я упрямо
хочу превозмочь.
Выйти к цели — к солнцу, свету —
туда, где море и пляж пустой.
Тихие волны,
летают чайки, в горах орлы,
могучих кедров стволы.
Здесь есть надежда, царит любовь,
но, как и прежде,
я в мире том.
Ветер, колючий снег —
такая темень, что силы нет.
Промерз, продрог я
и нет конца.
Иду по кругу, где пустота.
Глаза устали идти домой.
А круг — спиралью и нет конца.
Спешил я жить — а куда попал?
Так все смешалось — терплю удел.
Бывает хуже, я не успел.
Руки крыльями —
взмахну сильней —
моя взяла!
Я не вернусь —
где страшно и мрак везде —
уйду, как лайнер, к своей звезде.

15.11.07.

* * *

Нежный, дивный вечер мая,
цветут тюльпаны,
благоухает сирень.
Гурьбой мы в парк ушли.
Уходить домой нет охоты
и лень читать, и лень учиться.
Я живу весной, как птица,
радуясь теплу и счастью.
Праздник юности прекрасен.
Девушки милы, красивы.
Смех их — всех нас так счастливит.
Музыка и танцы ночью —
так бы жизнь прожить —
не хочешь?

15.11.07.

СОН ПРАВИТЕЛЕЙ

Приду к тебе с большим копьем.
Я твой народ,
опущенный на дно.
Во лжи живу,
во лжи и страхе.
Сон не сладок —
ты украл мой мир и счастье.
Ты украл мои припасы,
все деньги в мире.
Мы тебя так любили.
Ты, как в цирке на арене —
в телевизоре был гений.
Говорил красиво, ясно —
мы поверили в прекрасное,
уготовленное твоими подвижниками
с лошадиными зубами.
Пидрахуй наш — пилорама
получил медаль на память.
Вместо гильотины — радость.
Ты плевал нам всем в лицо,
все химича в кухне власти.
Умные ходы, как здрасте,
все под хвост коту.
Полюбили вы подарки —
землю, фабрики, заводы,
деньги, виллы снова в моду.
А народу — хитрый ход —
дуракам полный вперед.
Мы с копьем к тебе придем —
ты не спи,
не сладок сон.

Жди возмездия ты часа.
Ложь твоя,
лапша и каша.
Веры уж тебе не будет.
Мы несчастные,
но люди.

15.11.07.

* * *

Край мира —
людей там нет.
Край жизни, как сказал поэт.
Край мира — и завтра стук —
выстрел, второй,
прощай, мой друг.
Мы — номера в бараке людей.
Мы думали не так
и не любили строй-бардак,
где одни имели других.
А те, которых поимели —
счастливы
и песни пели
о величии страны
и короне Сатаны.
Звезда рубина
драгоценного — луна.
И дубина тем,
кто против шел рожна.
Все получили номер свой.
Я не был там —
я не герой.
Не выброшен на край миров.
Я глуп был, как дитя,
но тоже знал,
что значит вертухай.
Он надо мной стоял везде,
когда я оды пел стране.
Потом терзался и грустил,
в унынье жил.
И люди с холодными руками
и горячим сердцем
нам дуракам несли штыки
и цепи лжи.
Даже в траве зеленой, летней,
в сухой, осенней,
я не был свободен,
а был расстрелян
до разрушения себя.

Меня убила моя страна.
Ура! — наша взяла.
Но не на долго —
и снова все по горло
в вонючей жиже.
Пьем оттуда.
И вновь куда-то делись люди.
И снова — номера,
налоговой инспекции права.
Кто пьет, лежит — он друг стране,
электорат — хоть и в дерьме.
Кто что-то делает немного,
уже под микроскопом.
Со всех сторон доходы
делят
и труд его другой оценит.
Свобода есть, но для кого?
И я опять смотрю кино.
Большой дурдом.
Ты брат держись.
Дожить бы на своих двоих,
если дадут.
У них ведь — меч и страх в пробирках.
Его сливают в телевизионных
прессах
и так.
Слушай, молчи —
ведь ты дурак.
Всю жизнь —
под элитой —
той красной, пропитой,
и этой, жестокой,
с бандитской мордой.
Кривая усмешка — кривущие рожи.
Мне бы свободу
вместо этих вельможек.

16.11.07.

* * *

Сверло электродрели
врывается в мозг.
Еле сопротивляюсь
и боюсь что сболтну что-то,
привлекут к ответственности.
Страх перед прокурором и следователем
не дает мне дышать.
Вижу тачку с одним колесом и лопатой.
Боюсь, не выполнить план.
Дрель жужжит и сверло перегрелося.
Я глупо улыбаюсь и на что-то надеюсь.
В ушах лай собачий
и крик конвоира.
Где-то жена моя, дети —
там тепло цветов мира,
поля и рассветы.
Здесь лед и вечная мерзлотень.
Здесь — другая планета — Бог есть,
но тоже страдает,
ведь Ему нелегко отдать мир мраку.
Ложь и зло умножаются и нарастают,
собарва лает.
Я от страха полюбил сверло
и этим продеваю жизнь свою.
Вдруг крик, удар,
я падаю наземь.
Дрели нет, сверла тоже —
это психологический опыт.
Все смешалось в остатках сознания —
лишь инстинкт выживания.
Он сильный и все побеждает,
но важное что-то уходит
и душа по частям отмирает.

16.11.07.

* * *

Жестокость — удар
ломом по голове.
Жестокость — пистолет,
выстрел — и ты в трубе.
Жестокость — печь,
газовая камера или дрова —
и ты пыль —
уносишься в мрак
и никому не болит голова.
Жестокость — слова резкие,
грубые без конца.
Слушал, терпел, упал
и жизнь ушла.
Жестокость — пространство сжатое,
как город на глобусе — в точку.
Точек этих много —
они в каждом.
Я пас, ты пас, он пас,
остался кто-то,
кто осознал этот фарс.
Двойное дно в голове —
патологоанатом говорит — нет,
не встречал, значит.
Ведь есть дух света и дух тьмы.
Никто не виноват — говорит адвокат.
Ты пойми, он недееспособен,
он не осознает,
но очень сильно бьет.
Он — маньяк
и никак ему не помочь.
Заштите жестокость,
полейте ее водой и удобрите —
вон там лежит перегной —
бороться с ним нельзя.
Это мышевозня.
Я возьму меч и пойду один.
Я увижу страх — как он дрожит
и боится собственной боли.

Анатолий Можаровский

Он эгоист и часть духа тьмы,
победит его только любовь.
Но меч все равно в моей руке —
хранить буду зло под замком.
Меч передам другим —
и мир в любви сохраним.

16.11.07.

Метрадъ третья

* * *

Слезы в глазах моих,
хотя их и не видно,
я плачу о мире и о вас, люди.
Мне так обидно...
Был полон счастья и вам верил,
верил в идеалы и правду,
но годы прошли —
оказались обманом мои мечты.
Мир вращается, словно змея —
тянется к тебе
и вдруг удар —
ты ранен, или убит.
Мир двигается и ему не болит.
Люди к худшему изменились после Христа.
Ложь, предательство, зло —
войны, подкупы — все одно.
Кровь льет человечество, как вино.
Кровь животных и подавно.
Планету терзаем и рвем —
небо над нами — и поделом.
Жизнь человека
прискорбнее муравья
в лесу пожарья.
Не выживет и сильнейший.
Слабый, дохлый, но банкир —
армия шавок и ты убит.
Он в кабинете на ковре,
приказы отдает и в кабаре.
А там друг другу рубят тела.
Деньги правят миром —
вот так дела.
И место подвига —
метла им! Метла!

16.11.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Грязные стены домов —
окна пустые.
Камин без дров —
света нет, нет свечей.
Пыльные улицы без фонарей.
Первый мороз. Разболтанный воз —
лошадь изогнута без хомута.
Шум лесопилки —
строгают гробы.
В городе мор? Нет, что вы.
В городе давно нет людей.
Все уехали и побыстрей.
Город — зона. Закрыт навсегда.
Мирный атом —
черна звезда.
Город горечи. Город пал.
Красным знаменем убит наповал.
Орден Ленина не успели дать.
Взрыв на АЭС — ети его мать.
Был бы орден — тогда б уже.
А так не успели — как в неглиже.
У нас орден, медаль —
смысл жизни считай.
Без него нам край —
хоть умирай.

16.11.07.

* * *

Сегодня праздник —
мой день рождения.
Сегодня праздник — я очень весел.
На сердце радость еще с ночи.
Цвету, как сад вишневый.
Хоть и ноябрь в излете —
снега со льдами.
Мороз с ветрами,
все звезды мне улыбались.
Луна мигнула и что-то дала.
Еще был ангел,
его заслуги и помощь с детства.
Я разгильдяй был и без наследства —
прервались корни, исчезли предки.
Меня воспитали, как рельсы сравняли,
чуть закалили, чуток подогнали,
и положили, и припаяли.
Жизнь черно-серая — квадрат, полоска,
но ангел с неба открыл мне Бога.
Сейчас я весел — на сердце радость.
Люблю родных я — Иру, Наташу,
и папу с мамой — далеких, близких,
кошку Нику и кошку Чучу.
Ника чудесна — и кот Матроскин —
ее лишь усик.
Давайте выпьем.
Нальем бокалы за Украину, за папу с мамой,
за предков разных,
гостей веселых, котов хороших.
Нам всем — здоровья,
семью большую и Божью помощь.
Отцов духовных мы тоже вспомним —
им здоровья.
Молитвы Богу — за все спасибо,
и слава Богу.

Анатолий Можаровский

Я очень весел.
Спасибо всем,
что я, как садик, в цвету и счастье.
Прожил я много.
Спасибо Богу.

16.11.07.

* * *

Жизнь Джонсона по-странныму
меридиану гнала,
на глобусе его нет.
Магнитными потоками
уносило его вправо на много лет.
Но однажды, на полюсе южном,
он начал новый путь —
с айсбергом мощным, лунным
ушел по миру — вокруг.
Вдруг сияние звезды малтийской
озарило распухший мозг,
и он стал крокодилом —
в Африке жить мог.
Жизнь вначале была сносной,
но шкура не давала покоя ловцам.
Он выпил что-то горькое
и снова стал сам.
В лодке утлой без весел —
по водопаду вниз.
Он жил в пирамиде Хеопса,
глаза смотрели ввысь.
Искал он звезду надежды,
искзал звезду без войны.
Душа не вмещалась в теле —
сильно болели штаны —
ведь ноги крокодильими остались
и сменить их мог лишь фараон.
Километры пути раздражали —
уж сколько тысяч лет маялся он.
Рядом — лев, друг неразлучный,
царь зверей и брат.
Джонсон плыл, рвал душу,
но отсутствовал меридиан.
Нашел он, к счастью, фараона
и приобрел человеческий вид.

Судьба подарила холсты и краски,
он мог стать велик.
Но опять — не тот меридиан,
на глобусе его почему-то нет.
Не обойтись ему без встряски,
за свой потерянный вид.
Чистилище проходит на Земле —
кандалы на его ногах.
Но он по-прежнему грезит,
мечтая уйти
на не существующий меридиан.

18.11.07.

* * *

От Бога вышел и к Богу иду —
сказал Господь однажды.
Это истина для меня,
и так должен думать каждый.
От Бога вышел —
радость, светлый мир, природы звуки,
и счастье утром ранним.
Проснувшись, чувствуешь себя странно:
энергия любви, энергия надежды,
энергия судьбы — все было прежде.
Юность уходит цветущим маем —
юность уходит и все — вчера.
Жизнь вращает колеса —
и чаще это жернова.
Уйти от них невозможно
и стоит ли перечить судьбе.
Ты идешь в жернова
и сам потом душу лечишь.
Хочется закрыть глаза.
Но снова слышишь:
иди, не стой, не сиди!
Грустно, и скоро призовет Бог.
А что сказать при встрече?
Стать детьми на миг.
И снова — счастье,
радость и свет озарит.
Бог простит и скажет:
— Идите к свету,
оставьте тьму навеки.

18.11.07.

* * *

Убивали дух крестьянина годами —
а потом колхоз создал товарищ Сталин,
загнав в него замученных, запуганных.
Бразды правленья —
кучке пьяниц из комбедов.
Взяли в руки сельхозкита —
скотина дохла, хлеб засох.
Еле полз сельхозсовдепий воз.
Тerror в полях, за трудодень —
сто грамм лапшицы набекрень.
Земля стонала — небо тоже,
колхозы строились все строже.
И дух колхозов — страшный дух,
невежество несчастных рук.
Без паспортов и права на права
росла страна
в грязи глубокой коммунаров,
и Бога не было —
надеялись на палку.
Пришла война.
Вздохнули многие тогда,
надеясь землю получить обратно.
Но враг пришел такой же лютый,
и снова горе комбедухе.
И так десятки лет подряд —
потом подъем немного,
но хлеба не было в стране
и к хлебу тоже.
Я помню, как всегда хотелось есть
и коммунизма была весть —
свободны навсегда!

Но вот беда —
Совдепии упала крыша
и новые пришли враги,
проникли мыши.
И так всю жизнь —
родной земле
покоя нет
тебе и мне.

19.11.07.

* * *

Строительство капитализма в России
вирусом перенеслось и к нам.
Украина встала, затем дрогнула
и упала к ногам.
Красные взяли фабрики, заводы и телеграф —
второй раз после Октября, и окончательно.
Сам сдался банк, президента назначили
из красных идеологов
и поехали прямо туда,
где чертов дурдом,
где бесов лечат от чумки,
мозги промывая шприцом.
Мы с ними тоже поехали,
не шелохнув шестком.
Затем свора бандитов
лихо прошла.
Бедный Махно недобитый
не стоит их ногтя.
Взяли, что видели —
силой и просто так.
Народу дали блин,
пиво да большой бардак.
Ноют проститутки со сцены,
ноют шлюхи по теле-радио и кафе,
бабы дают всем.
Потом оклемались, очухались,
но поздно —
поезд ушел,
на улице пахнет навозом,
на неправде построен храм.
На водочном — крематорий.
Тогда уж включайте кран.
Пусть смоется в трубу все —
останутся красные «стеньки».
А мы безвольным быдлом
новое жрать повидло.

01.12.07.

Метрадъ третья

* * *

Верхушка кедра в моем окне,
и небо, небо, небо,
круженье воронья
в надвигающейся темноте.
Короткий день —
ноябрь уходит,
и я в тюрьме
больницы белой.
Душой страдаю я и телом —
вышли из-под контроля воли.
Сумерек ранних неволя.
Мне б к солнцу летнему
горячим днем.
Мечты,
улыбка, твои глаза.
И свет, идущий от тебя
и радость жизни — вновь моя.
И крик ворон
в вечернем небе,
и мокрый снег,
и сильный ветер —
все стало радостью
мгновенно.
В чем смысл бытия?
Как разгадать себя?
Помочь.
Эта ночь
с безумной болью головной
и радостью свечи.

01.12.07.

* * *

Завидуют и ненавидят,
плюют и ногами топчут,
бьют Христа
и зло хоочут,
как две тысячи лет назад.
Как изменился мир сейчас?
Изменился или нет?
Такой же солнечный свет,
звезды, луна.
Так же много бедных
и мало хлеба.
Зрелищ много,
так же голь бедна.
Прыгает попса
и молится Богу.
Ниши находят,
блюют интервью.
Кто эти ниши строит
и где найти свою?
Не в трусах на сцене,
не в кабаре за столом.
Я хочу тишины,
не служить мурлом.
Каждый вечер с враньем —
врут, стяждают и счастливы.
Рейтинги на каждом углу
и толпы несчастных
с рейтингом ноль.
Храмы строят личные
и священник в узде —
за грубые наличные
омывает везде.
Обряд не всегда в небеса,
и болит душа —
у кого рейтинг труба.

А сверху — все драки и сводни —
борьба за место в сворне.
По-прежнему Бога топчут
и думают, как найти
животность.

01.12.07.

* * *

Тому, который во мне сидит
пластырем рот заклею.
Очки одену и пусть молчит
тот, что во мне сидит.
Жизни нет от него давно —
барахтается, стенаёт.
Пилит с утра, как дрова —
и ночью и днем донимает.
Все не так и не этак —
ревизия жизни и слов:
речи не те и, не так готов.
Какие-то у него шаблоны —
типа системы СИ,
жизни затерта формула,
по ней нелегко идти.
А он все знает, наверное,
и обо мне, и о всех.
И говорит откровенно,
что скоро нам всем конец.
Я то не очень верю —
может, это шиза,
но каждый день фонарею —
в мои то уже года.
Мораль моя тоже хромает —
у кого же она на виду?
Везде ее все побросали,
окурками на ветру.
Без морали довольно весело —
с баяном, акордеоном.
Гармошки играют вечером,
полный нищак.
Что это значит, не знаю,
был я и есть ишак,
был я и есть никто,
я на ветру не балдею,
как политик в пальто.
У него холуев не счесть —
за него все в огонь и дым.

А я кому нужен?
А тот все внутри шумит.
Кто он — не видел,
не знаю.
Может быть, совесть моя?
А я его так ненавижу.
Может, и здесь грешу я?

01.12.07.

* * *

Пролететь по Вселенной
точкой материи
со знанием дела и без моторов.
Увидеть звезды, прикоснуться к ним —
услышать пение их и норов.
Сравнить с Землей
и к ней вернуться —
мечта моя.
Как же мне дико скучно!
Пространства мало,
глуповато в клетке.
И я мечтаю не о соседке —
жене соседа —
нет в ней смысла.
Душа ведь знает
к чему стремиться.
Мой мозг считает расстояния,
карту Вселенной изучая.
И зов терзает,
но тело опять приземляет.

01.12.07.

* * *

Ложь давно сравнилась с истиной —
воздвигнута на пьедестал
еще царскими министрами,
перешла в наследство
и поднята еще выше —
дальше некуда —
мешает крыша.

Врут все с утра до вечера —
политики,
бизнесмены,
их помощники.

Все, кто власть взял, отпустили тормоза —
деньгами берут, лестью
и наглостью.

Правды подавну нет.

Ложь в газетах и телевиденьи —
разыгрывают наумнеченные ходы
то хрезиденты,
то хремьеры,
то их херламенты,
сидят друг у друга
в карманах
и жуют пряники.

Капитал стал школой и храмом —
деньги вершат судьбыны.

Пророков
заменили пресс-секретарины.
Одна болтовщина!

Крыша мешает
подняться лжи
выше крыши.

Но есть шанс — крышу сорвет —
и ложь выстрелит во Вселенную.

Мы же — цивилизация.
Загубили планету
и теперь — дальше б нам.

03.12.07.

* * *

Дубы-исполины
в саду ботаническом.
Мощные ветви —
к небу стремительно.
Слышу молитву, вижу молитву —
деревья к Богу взывают тихо
за братьев своих и сестер киевских
в парках, скверах,
лесах пригородных.
Режут и пилят пилами модными —
падают столетние — на ветвях слезы.
В угоду прорабам и хозяевам жизни
асфальтом и камнем укроем землю.
Днепр мешает и его парки —
сrezжем деревья, дома поставим.
Не хватит места — речку в бетон,
а сверху — клубы и военгарнизон.
Суда пусть ходят и лодки подводные —
отсюда и до Севастополя.
Река в бетоне, вместо леса — асфальт,
дым, гарь и холод в груди.
Души истлели при еще жизни.
Картина — аж зубы свело.
Привиделось, может, в тени дубов?
Может, я болен и мне б докторов?
Стать, как они, выпить таблетку,
кокс потянуть —
в руки пилу,
и резать, и резать
даже траву.
Ведь я без дури
не смог бы пилить —
мне дерево брат,
а прораб — бандит.
В город пришел и строит кошмар —
какие-то башни, грязный бульвар.

Родина наша,
но их взяла —
был город прекрасный,
а стали дрова.
Терриконы
стекла и бетона —
город уродов.
Их взяла.
Говорят, навсегда...

03.12.07.

* * *

Жизнь на гребне волны
быстро падает вниз.
И нет гребца
мир для тебя погиб.
Новая жизнь с трепетом,
что ты себе уготовил.
Жил, как огонь на ветру —
светил,
не лукавил.
Выжимал эмоции,
истощая мозг.
Гнался за удачей,
улетел как смог.
Остановить гребень волны —
только в памяти,
бронзе, камне, кисти.
Волна быстро падает
и пора на свет.
Душонкой похвастаться —
раз совести нет.

06.12.07.

* * *

Многословие, многословие,
кому нужны пустые слова?
Как справиться с языком и сознанием,
так болит голова.
Сознание руководит мной,
тело — раб.
Сознание — Бога часть,
но я его запяtnал.
Бог оставлял меня часто —
ужас сковывал силы.
Ад видел при жизни
и не раз выходил из него.
Забывал его ужасы, мракотьму
и снова возвращался к своему.
Как разбойник точит топор,
так и я — с грехом.
Унынье и горести — снова удел.
И я с микроном совести
обещаю себе — предел!
Жить по правде,
в чистоте души —
утром, ночью и днем
Бога прошу везде.
Еще раз прости,
дай время и срок,
и я оставлю порок.

06.12.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Не хочу рушить Отечество,
выплескивая революционыл,
но не могу видеть мразень,
заполонившую мир.
Ордена, богатство, слава,
вершила людей!
Все, что есть у них,
кроме подлости,
они украли,
страна,
у твоих, сыновей!
Врут, изголяются и нет конца
да и совести подавно.
Страна — в потемках
и жизнь страшнее кино.
Армада правителей!
утром выезжают, как в цирк,
и на арене страны
вершат дьявольский свой пикник.
Люди устали без истины —
правды давно уж нет.
А мы терпим
и терпим
неистову мерзость.
Когда же конец?

06.12.07.

* * *

Музыка — в твоих глазах,
музыка — в твоей улыбке.
Вчера еще я был спокоен,
сегодня не спится.
Ресницы игриво порхают,
на щеках румянец.
В руках моих пиво —
мне бы розы или пионов букет.
Я парень современный и пиво —
мой буклет.
С ним я на паспорт снялся,
но запретили менты
клеить такую фотографию —
вот скоты.
Милая — нежная ты.
Волосы цвета травы.
Ты тоже панк —
я заметил по цвету твоей головы.
В ушах — сережек двадцать.
Три или четыре —
в губах.
Хочу с тобой целоваться,
просто не знаю как.
Хорошо было раньше папе —
на лугу цветов соберет
и идет себе к моей маме,
бетонщице, на завод.
Комсомольскую свадьбу бахнули —
через месяц родился я.
Рос на заводе с ребятами
и готовился в слесаря.
Но все изменилось —
заводы ушли в мартен,
слесарь исчез в трудкнижке —
каждый второй бизнесмен.
Остальные — политики,
правят страной и селом.

Мне туда не пробиться,
я ведь заводской.
Милая моя девочка,
завтра куплю букет,
может из пластика яркого —
вечные, знаешь цветы.
Все перепуталось ныне
в одичалой моей голове.
Стою на бульваре,
как чокнутый,
а рядом — митинг борцов
за наше с тобой будущее
без заводов, дворцов,
зато с пивными реками
и вяленой рыбы хвостом.
Мы будем пить и жрать это,
рожая стране мальцов.
За это не хило платят —
на жизнь хватит сполна.
И зачем горбатиться?
У меня же умная голова.

06.12.07.

* * *

Отпусти себя, как щепку в поток,
времена безысходности,
отпусти себя, как щепку в сток,
чтоб не исчезнуть в подлости.

Судьба пойдет навстречу,
откроет дверь.

Войдешь спокойно решительным,
нешепотным оттеперь.

Не стоит спорить с Богом —
держись за Него.

Ведь звездный час —
ни мелочность,

ни лайнеры,

ни полеты на острова,

ни банковский счет,

ни полная калитва.

Звездный час — покой, тишина,
шепот губ,

молитва — и вот — Бог.

Постарайся немало —

Он откроет дверь

и войдешь.

Чувство несравненное
ни с чем в мире.

Блага высшего не найдешь,

когда восходит к Богу,

душа,

мимо мира благ.

07.12.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Волчара по снегу рыщет —
который день без еды.
Лес опустел
и снег заметает
тропинки, зверя следы.
Тоскливо воет — холод,
лунный свет.
Мороз и голод, и стаи нет.
Поубиты все.
Лес умер. Животных нет.
На опушке гарь
от пожарищ лета.
Петляет волк,
ждет охоты,
ждет, чтобы
пристрелила
сволота.

07.12.07.

Метрадъ третья

* * *

Скину мысли хмурые,
тлен ума.
Еще б убрать сознание
водкой «Мерной» —
один литр.
Не думать о завтра
с водкой «Русской».
Вместо головы — старый пень.
Хоть на день
забыть
этот город,
страну, семью,
женат или нет,
бездельник или солдат —
отдыхает же скот.
Мозг трезвый, сознание ясное —
хорошо, но не всегда.
День солнечный и прекрасный —
идут года,
но нужен дождь и небо серое.
Иду в магазин
за водкой «Мерной».

07.12.07.

* * *

Вокруг пустыня — один песок.
Зной жарит, как молоток.
Стучит мне в темя —
и шум в ушах.
А время — утро,
и впереди — день.
Вокруг пустыня —
бархан, бархан,
люди, змеи,
какой-то бедлам.
Оазис вижу,
но это мираж —
деревья, небо —
лишь в голове.
Пустыня тоже
в моем дворе.
О люди!
Как я от вас устал.
Любви в вас нету —
один металл,
в словах и мыслях —
нунчак, копье.
Вокруг пустыня —
и ничего.

07.12.07.

* * *

Пространство узкое —
воздух липкий,
пот и слезы,
путь неблизкий.
Выстрелы спереди,
взрывы сзади.
Воют мины, свистят снаряды.
Дыхание спретое —
сердце, как молот,
Стучит, взрываюсь в груди, как бомба.
И сон прервался —
тело в спазмах.
Лежу и страшно
шевельнуть руками.
Ночь полнолуния —
бесва гуляет.
Луна — колдунья,
а я с боями
ночь проживаю.
И сон — страданье.
Зачем — не знаю?
Мне б девку рядом
и водки много,
а я вздыхаю —
жизнь на обломках.
Познаний много —
начать сначала.
Но жизнь прожить —
как пить стаканом,
без передыху,
днем и ночью.

Наступит время
и «белка» тронет,
и мысли сбросив,
глаза закрыты,
Я засыпаю
и слышу крики.

07.12.07.

* * *

Гоцалки попсовые
по всей стране,
и в трусиках девочки —
привет со сцены мне.
И нравится, не нравится,
но весело, блин, жить.
То Мишка Поплавок —
славой всех затмил —
о ботанике и зоологии
орет изо всех сил.
Но бычья яйца, главное,
о чём вещает док.
Губки сжатые, глаз прищурен —
хитрый мужик,
профессор в натуре,
шепчет амурно о яйцах быка.
Поешьте культурно
и сила у мужика.
Пока в пузе яйца быка,
бедные бабы стонут.
Ощущение,
что у Мишки нарушен обмен веществ.
Бычья яйца не ушли по кишечнику,
а поднялись вверх,
над ушами смешались с мозгами, —
эрекция у Мишака сплошная.
От носа до пят страдает.
Ишаком икает.
Сквозная маскультура
недаром всех достает.
Удавила крутыми яйцами,
а может, и покрутей.
Попса по сцене скакет
и время прет еще попопсей.

07.12.07.

* * *

Встаю спозаранку,
руки дрожат —
меня бултыкает — ни сесть, ни встать.
Бегу в аптеку, не за кокой дурной,
беру трамадол —
слава власти родной.
Глотаю таблетку и жизнь поплелась —
на улице Ленина —
чувиха вмасть.
Беру с нею «кокс» и в гости иду.
Дверь странновата —
метров семь в высоту.
Стены кривые,
вместо паркета — асфальт.
Зебра, полоски — машины стоят.
Стол среди комнаты —
круглый с углом.
На нем унитаз и бумаги рулон.
Я завтрак ищу, а рядом — биде.
Девушка моется —
внизу там уже.
На стенах проводка,
идет в никуда.
Но тока много —
электроны в рядах.
Морды свиньи и черная шерсть.
Смотрю, а на люстре —
огромный удав.
Рядом ужи — штук пять насчитал.
Висят и оргазмы —
один, вон другой —
и тут же потухли все чередой.
Я выключатель хотел взять ногой,
но вместо клавиши —
мои там глаза.
Мать твою за уши —

куда я попал?
Девка пописяла —
и ко мне на диван.
Секс бурный вышел —
целый стакан.
Мы его вылили
соседям в окно.
Телек включили —
там тоже оно.
Два грозных лидера — трубочки в нос.
Сейф открывают — а там «кокс».
Жизнь потихоньку
в русло вошла.
Пойду на работу
разгон дам козлам,
а вечером снова
вернусь сюда.
Быть может, здесь
новая моя семья?

10.12.07.

* * *

Люди уходят во тьму веков.
Туда, где света нет —
ловушка для дураков.
Седые волосы, преклонных лет,
прыгают, радуются изо всех сил.
Корчат счастье на краю могил.
Перед начальством выслуживаются,
лижут пол.
Жизнь зря прожита —
и тьма веков.
Я тоже был
в дремучих днях,
влекло туда
и все сильней.
Гордится нечем, да и зачем.
Себя не жаль — жалею всех.
Лучше на паперти отстоять,
чем пол лизать.
Седые волосы — мудрости знак,
одному он враг,
другим — лизать
место смрадное
в утеху тех,
что из тьмы пришли
и подставляют зад.
От света к мраку —
один лишь шаг.
От ума к заду —
деньги шуршат.

10.12.07.

* * *

Я стою на берегу
великой реки.
Сильна река,
каких не много.
Я стою — все мысли о тебе.
Вода грохочет,
пробивает путь в порогах.
Ниже водопад и дикий лес.
Нам бы на реке вдвоем,
нам бы на реке
с тобою вместе,
нам бы на реке
построить дом,
моя невеста.
Путь к реке издалека —
крайний север,
вечная зима, вечный снег
и вечные морозы.
В северном сиянии
всегда тобою грезил,
жемчужиной из моря слов,
которая есть где-то.
Стою
и жду тебя всю ночь,
моя душа —
с тобою в небе.

12.12.07.

* * *

Не оглядываясь назад.
Новый путь,
а старье — вчера.
Пахарь в поле — руки на плуг.
Взгляд вперед — ровная борозда.
Оглядываться назад, мысли комкая,
жалеть о прошлом — удел неловких.
Гибкий день сожалений о прошлом!
Его бы в календаре,
в осиновой роще,
с веревкой на ветках.
Сожаление затягивает голову в петлю,
пугает
день в календаре с красным знаком,
сожалеть о прошлом —
путь неудачи.
Я будущее славлю—
прошлое, как подкова,
на дверь навешу и помнить буду,
как не пускать к себе приблуды.

12.12.07.

* * *

Бригадиры в парламенте
и в советах.
Авторитеты на воле,
мусор в газетах.
Рыжий в черном пальто
правит,
вот еще один — никто,
за понюх табака задавит.
Спрут это многоголовый
что ли?
Словарь Даля открою,
подберу название новому строю.
Кореш говорит — там его нет.
Это — зона, тюряг беспросвет.
Законы, законы —
понятий не меньше.
Композитор-бригадир
пишет песни.
Певец на сцене —
тоже от прилавка.
А вот — новая поросль на сайтах.
Клуб будущих миллионеров,
клуб настоящих миллиардеров.
Клуб девиц по вызову,
клуб голубых, аж синих.
Политика движет общество
к диоксинию.

12.12.07.

* * *

У меня Ленин на груди,
а в горле песня.
Про паровоз его,
что все стоит —
в руках винтовка —
и комсомольцев,
что идут, идут
на продзаготовки.
Я тем временем живу —
сегодня тесно,
и песни новые поют,
да все не к месту:
про чефир и телку в койке.
Я с коровами не сплю —
жизнь и так помойка.
Коммунисты за бабло
продали все книжки.
Либералы за бабло
украли все спички.
Огонь раздуть на страну
про жизнь свободную успели.
Но дрова закончились — и ну!
Люди поугорели.
Стали все рабы — и что?
Нравится нам очень.
А паровоз пока стоит
и в нем пар клокочет.

12.12.07.

Метрадъ третья

* * *

Кошке Ниже

Я тебя выхватил у тети смерти,
барабан кружится,
а в нем — конверты.
Ворон черный с клювом уставшим
берет конверт.
Тетя сияет —
ее работа конверт с косою.
Взмах черной мантии —
она в полете.
Быстро движется
время лихое.
Скорость движения
сравнима с космической.
А ты готов
с нею встретится?
Бог только может спасти,
но ненадолго.
Время бежит —
все равно
встречу не удержать.
Помни и думай —
особый тот день.
Здесь все закончится — а там?
Новая цель.

14.12.07.

* * *

Ты уходишь от меня все дальше.
Тебя украл экран стеклянный
внезапно.
Присасывают щупальца и гипноз змеиный —
мозги вправляет всем телевидение.
Чудесное изобретение двадцатого века —
колба стеклянная
с картинками в цвете.
Плавно,
через миллениум,
в задвадцатый век
вошли ящики без напряжения.
Шик и блеск — модели новые.
В супермаркете винчестер,
садит патрон за патроном.
И десять трупов —
не вечер еще —
посидим, поглядим.
Записка посмертная —
прославиться хотел парень.
Вышло — и не вернулся,
меж других важных дел.
От другого героя наука —
в школе стреляет часов пять.
Все в прямом эфире
и не замер мир.
Кто-то при этом
на кухне обед готовит,
кто-то в автомобиле
обнимает любовницу
и одним глазом смотрит.
По учебнику собрал мину,
в автобус занес.
Звонок по мобильному —
взрыв, кровь, трупы, гарь, вонь,
но из экрана не слышно запаха пока еще —
трудятся ученые в лабораториях,
обещают: скоро!

Вечером порно
для домохазяек —
две девицы занимаются сексом
и режиссер ими управляет —
играйте, вам нравится.
Домохазяйки истекают слюною
и тихоматом ругают,
не программу и режиссера —
жизнь свою,
мужа шахтера.
Ему не до гениталий —
вчера целый день долбил в лаве
и сегодня опять идти.
Драмы, войны, заседания парламентов —
время чепуховое —
две тысячи лет мир создавал, ваял, писал
и все стало ценностью для торговцев,
как вложить деньги.
Картинка сменяется картинкой,
блестинка блестинкой,
а ты — все дальше и дальше,
как завороженная, ослепленная,
телевизором остеклененная.

16.12.07.

* * *

Шумит сосновый лес —
много срезанных деревьев
и пни немым укором.
Набросано сухих веток —
все, как в мире людей.
Идет, петляет дорога,
на ней гряда камней.
Справа овраг глубокий,
слева стоит вода.
Объехать, пройти возможно —
через камни вперед.
Ветер гонит по небу тучи
и вдруг — дождь.
Лес потемнел и страх —
по телу
волночий.
Все как в мире людей.
Раньше думал,
что лес неживой.
Сегодня я понял,
тысячи глаз ощущая на теле,
он кричит, немой.
Зол он на всех
за пни и сухие сучки.
Каждое дерево
ждет своего конца.
Я прозрел, иссякла дорога
и закончился лес.
Странные мысли,
ушли понемногу
и вспомнилось,
что человек —
природы венец.

16.12.07.

* * *

Что твой ласковый взгляд,
за ним ложь и враки
о сложной любви,
неудачной и частой.

У меня другая цель —
за мир и людей —
не иначе.

Ты страдаешь за достаток:
за машины, золото, шик.

Это боль твоя, однако.

Тебя не буду учить,
тратя время и силы.

Все равно позабудешь.

Наступит вечер — зов огней.

Вина — пей и пей.

Жизнь в полоску — рядом клетка.

Полосы сжимают друга.

Друг приходит и уходит,
но наступит выюга,
не январская, похуже.

Как завьюжит!

Так завоет, затревожит!

Выюга жизни — клетки сетка.

Спросишь тихо — вы соседка?

Нет!

Твоя судьба кривая,
в этой клетке доживаю.

16.12.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Кошке Нике

Тревога и боль.
Сердце стучит и — сбой.
Мой друг больной
оставил дом, меня.
Опустело все.
Все — фигня.
Не стоит и гроша.
Я страдаю ночью, днем —
звоню в больницу и жду гудков.
Гвозди острые, как спицы,
сердце ноет, наболело.
Друг страдает — друг на грани.
Смерть с ним рядом.
Дорога — снег и ветер.
Утром рано
я лечу к нему —
слезы сдерживать трудно.
Я держусь кусая губы —
жизнь летит и мы стареем.
У меня уж осень, друг — чуть дальше.
Грустные глаза при встрече,
легкий поцелуй мне в щеку.
Я так счастлив видеть это —
гладить шерсть
и слушать утешенья докторов.
Лучше стало,
лучше другу.
Самый близкий друг мой, Ника,
ты в больнице — дом пустой.

16.12.07.

* * *

Ты изменила мыслей ход.
Пришла
и я навстречу вышел.
То был счастливый год.
Меня спасала,
так болела за меня —
моток колючей проволоки
с души сняла.
Я стал другим —
вернулось счастье.
Его таким увидеть я мечтал.
Но после солнца —
всегда ненастье
и я еще ниже, на дно, упал.
Ведь рок тяжел.
Топор — всегда над головой.
Шаг в сторону —
и рядом гроб —
опять лежу.
Медленно взвесив
все «за» и «против»,
я снова один гребу
без лодки, без весел
на вражьем берегу —
смирился и воспрял,
смирился и вот встал.
Топор я вижу над собой,
грехи мои —
тяжелый лом
из жизни прошлой я тащу.
И что —
год тот должен я забыть?
Тяжелый рок мне стал, как брат,
моей судьбы
я лишь солдат.

16.12.07.

* * *

Отец мой Бог —
Христос мой Бог.
Дух святой — мой Бог.
Я много прожил,
как будто без Вас.
Один, без Бога, без Тебя,
это фантазия моя.
Я просто богохулил,
грешил.
Я жил, словно и не жил.
Но Ты меня оберегал
от многих грязных дел.
Я не сумел подняться —
только падал и вставал.
Хоть и лежу — ты все равно со мной,
как любящий Отец.
Я чувствую Твою любовь и помощь.
Где же конец пороку и греху?
Я не иду, а по ночам ползу.
Живу, как не живу.
Тебя прошу поднять с колен.
Я раб тупых вещей.
Я раб гнилых страстей.
Прошу Тебя, не оставляй,
дай силы, дай!

18.12.07.

Метрадъ третья

* * *

Стеклянные глаза,
потухший взгляд
и мир, как отошел вдруг от меня.
Нет, я не умер, кровь еще стучит
в висках.
Смотрю я,
но не вижу вас.
Я не слепой,
я просто вижу даль.
Вы люди — мне друзья.
Невидимых, незнаных — много вас.
Хороших, добрых и сейчас,
но много ранивших.
Я сам хотел,
идя на вас и против вас.
Ума б тогда — каков сейчас —
ушел бы с посохом, сумой
и не искал свой дом.
Мой дом — средь поля
под копной,
в лесу под соснами,
под дубом на траве.
Я был бы птицей —
в дальний путь
ходил бы за теплом.
А летом —
отдохнуть
от склок да ссор
и дикости людозверской
я смог бы,
и не нужен дом.

18.12.07.

* * *

Я в просторной камере тюрьмы
по типу «люкс».
За кровные свои я здесь томлюсь.
Хорошая еда, прогулка во дворе
и надзиратель есть всегда
в душе, где сто чертей —
моих, твоих, его —
я всех собрал.
Нести, кормить все это стадо
я устал.
Избавиться от них непросто
и я в тюрьму ушел.
Меня Всевышний осудил.
Он — прокурор
и от Него мне не уйти.
Моя тюрьма — за кровные мои —
комфорт, еда.
Моя тюрьма — пока лишь здесь
и я ропщу на Судию,
которого нельзя купить,
который не берет
купюр, квартир,
на Судию, который —
мой Отец.
Он Бог, —
а я глупец
пока юнец.

18.12.07.

* * *

По краю обрыва,
по краю земли —
где-то граница Вселенной.
И мысли мои к обрыву пришли —
вернуться б назад, но тленны.
Закрыв глаза,
слышу запах ветра,
с морскою пеной смешался он.
Несутся кони
синего моря.
А я по краю — наклон к обрыву.
А я — по краю —
криво, криво.
Моя дорожка, моя тропа —
здесь нет людей
и города — клоаки
смрада, дыма и хлама,
отбросов и пьяных тел
остались сзади.
И только отблеск смога
под глеющей атмосферой.
Кто по краю?
Кто шутит главным,
жизнью играя,
устроив бары, сбивая кегли?
Но вместо кеглей — толпы людей.
Кому-то больно,
кому-то страшно.
И новый важный —
пальто из шелка, модный галстук —
страхом наполнен, собой задавлен.
Говорит умело,
слова — потоком меда лесного
и ложка дегтя из глаз нечистых.

Анатолий Можаровский

А кто по краю?
И край по сердцу —
оно чужое.
Раны кого тревожат?
Чужое сердце — и нам не больно.

18.12.07.

Метрадъ третья

* * *

Кошке Нику

Я к Господу Христу взываю —
мне болит.
В моем сердце рана.
За моих родных,
Ты знаешь, Господи, — я так страдаю.
Грехи мои, как чад из печки.
Небо — неутешно.
Я неизменен и этим кичусь,
страдают близкие.
Ты учишь меня —
разлучаешь с ними — я плачу.
Их страданья рвут сердце —
безысходность.
Я молю Тебя.
Я знаю, Ты все слышишь.
Помоги мне, отпусти грехи
в Пост Великий
накануне Рождества —
подари радость,
исцели друга.
Ты ведь знаешь
нашу привязанность.
Без нее жизнь
будет еще несноснее.

21.12.07.

* * *

Кошке Ниже

Я люблю тебя,
как любят цветущий сад.
Я тебя люблю,
как реку горную и водопад.
Я тебя люблю,
как небо из тюрьмы.
Я тебя люблю — пойми!
Мне расставаться, как умирать.
Мы с тобой обречены
вместе в горе, счастье и любви.
Вместе в дождь и солнце —
ты пойми!
Я тоже руки опускал не раз.
Жизнь опостылела и страх —
потеря смысла, крах в делах.
Но все в борьбе
Творец создал.
Он Сам борец и воин.
Нам устав Его — такой же.
Борись не за себя, других.
Ты нам нужна — борись.

24.12.07.

Метрадъ третья

* * *

Кошке Нику

Я возненавидел жизнь, дела.
Уходит друг.
Пришла пора.
Я не могу ничем помочь
и только плачу день и ночь.
Я славлю величие Творца.
Приходим в мир мы и уходим, но куда?
За все на суд,
мадам и господа.
Судья с весами неподкупен —
твой черед.
Я не утратил к жизни интерес.
Я просто не люблю ее за смерть.
Уходит друг —
глаза, как много лет назад.
И снова плачу невпопад.
Я стал смешным
для близких и людей.
Уходит друг —
любимый зверь.

28.12.07.

* * *

Кошке Ниже

Как вернуть моей душе покой?
Я измучен, словно загнанный до смерти.
То отходит, то, опять, — волной.
Жизнь, я так любил тебя!
А ты жестока и коварна,
суетна, неблагодарна.
На любовь любовью отвечают,
а ты — нож в спину,
когда темно,
ты бьешь под дых.
Тело свело и нету слабины —
не все выдерживает и лом.
Ты жестока.
Вам поделом, —
сказала тихо и пошла
искать, кто слабый,
чтобы пырнуть
исподтишка.

24.12.07.

Метрадъ третья

* * *

Я вставал и падал —
преграда за преградой.
Не туристический маршрут,
не игра в потемках.
И грубый мир —
тонкий в мечтах.
Искрится солнце
по воде и камням.
Сердце отдыхает
от трудов.
Скоро вновь в дорогу —
бить ноги в кровь.
Пот ручьем.
губы искусав, терпишь.
Жизнь в гору.
Оставлять все это жалко
и не в пору,
но так мир устроен,
а пока что — в гору.

10.01.08.

* * *

Мечта последних лет —
проникнуть в тайну бытия,
но стоит передо мной стена.
Биться в нее можно,
нужно
и я стараюсь.
Но стена из камня —
от края до края.
День с утра стрелою —
вот обед и вечер.
Чередою годы —
тайна есть на свете,
но познать возможно
только то, что знали.
И судьба — загадка,
с виду ведь простая.
Впереди без веры —
ночь, сплошная темень.
Сон без пробуждений,
преданный забвенью.
И на его место —
новый с черной тенью.
Тайну все хочу
открыть я,
не напрягаясь
и не страдая.
Утром встал — и веришь,
днем и ночью — знаешь.
И стена светлеет,
стала тоньше.
И лучи вдруг с неба —
светит солнце.

10.01.08.

Меморандум третья

* * *

Кошке Нике

Жизнь любимого кота —
друга и эпохи
подходит потихоньку
к концу.
Его красивые глаза
не хочу тревожить.
Сегодня он со мной,
простили мученья и болезни.
Моя вина.
Он мое горе взял себе.
Лежит на коленях
и я светлею,
лаская голову его.
Страдания затмили все.
Страдания — все наболело.
Сегодня сам я жду врача —
уходит друг мой навсегда.
Наступит день мне умирать
и ты появишься опять.
Я буду ждать.

11.01.08. 15.00.

Ника ушла в 16.30. 11.01.08.

* * *

Кошке Нику

Я тебя не вырвал у тети-смерти —
просто отсрочка
побыть нам вместе.
Сколько терзаний за месяц этот.
Ты исхудала и взгляд невесел.
Тихо, безропотно терпела мучения —
хотел я, как лучше,
друг мой, поверь мне.
В последние дни ты так изменилась —
снова, как прежде,
появились силы.
Ласкалась на наших руках.
Мы снова счастливы.
И быстрым движением
с криком пронзительным
мир ты оставила
с рук моих близких.
Смерть ненавижу.
Тело твое — бездыханное, смякшее —
печаль безотрадная.
Тело в земле — сверху цветы.
Сколько мне плакать
и где сейчас ты?
Бога прошу — сохрани ее душу.
Ведь Бог есть любовь.
Все в мире — тайна,
и нет уже слов,
остались лишь слезы,
щемящая боль!
Друг мой, ты слышишь?
Я навеки с тобой.

13.01.08.

* * *

Болея сильно,
как-то в парке
стал я к клену обращаться
поделиться силой,
хоть немного.

Прошло три года,
я выздоровел, набрался сил
и не сказал спасибо клену.
Столетнее огромное дерево
стояло с пышной кроной.

Я мимо проходил
там сотни раз
и не смотрел на ствол знакомый.

Однажды, вспомнив,
я подошел дорожкой старой,
клен был обрезан сверху почти весь.
Кора опала, ствол трухлявый —
клен умирал,
недолго жить осталось.

Я понял его боль —
он весь сгорел и заболел.
Все силы перешли ко мне,
а я о нем забыл.

Я ныне на коне —
прости, столетний клен.
Простите меня все, кому я должен.
Ведь умел просить,
а получив — забыть.
Как научиться жертвенно любить?

13.01.08.

* * *

Жизнь, как сумерки в ноябре —
мелкий дождь холодный,
ветер — сквозь одежду,
и ты один бредешь по улице в потемках.
Промокли ноги, застыли руки,
и, голову втянув в плечи,
думаешь, где взять сегодня силы.
А то, вдруг, май —
и ласки солнечного света,
цветет все, голову пьяня,
и скоро лето,
гром и дождь,
радость и счастье.
И, вдруг, удар,
и ты лежишь — на груди кровь.
Вокруг врачи, сиянье света,
наркоз и слезы
Чьи, зачем?
Кому ты надобен сейчас?
Как оказалось мир не так жесток —
в нем много добрых душ,
и искренних сердец без злости...

13.01.08.

Метрадъ третья

* * *

Кошке Нике

Я, как застывший металл.
Время остановилось —
друг ушел,
умер на руках,
взяв мою боль,
а жизнь оставил.
Я не хочу включать мозг,
не хочу думать
и что-то делать.
Друг ушел —
кошка Ника —
как пустота болит эта!
Дом пустыней — боюсь войти.
Зароюсь в горести,
выжгу мерзость,
а любовь оставлю.
Войду в будущее, как младенец.
Спасибо, Господи.
Я чувствую —
Ты мне еще веришь.
Жизнь свою променял на золото,
радости телесные и еще что-то.
За этим гнался, как на ралли.
А кошка открыла мне Бога
и живое счастье.

13.01.08.

Анатолий Можаровский

* * *

Koшке Ниke

Старый Новый год —
на елке потухли гирлянды.
Траур в доме который день —
скребущаяся смерти тень.
Слезы наши — беспомощность.
Дико.
Человек — «хозяин» земли,
но без успеха.
Гордость человеческая,
вероломство.
Грехи бесконечные —
рвется где тонко.
Жизнь за нас — уверенных,
отдают друзья младшего племени.
Любовью был дом наполнен.
Сегодня горе,
и пусто, темно,
почему нам так суждено?

13.01.08.

Метрадъ третья

* * *

Кошке Нике

Кошка Ника
три дня как оставила дом.
Берег Днепра принял ее.
Дом опустел,
зловещая тишина.
Бьют часы,
взрывают пространство и меня.
Я двигаюсь мало и тихо.
Друг ушел,
будто часть меня оторвав.
Все, что стоило денег, стало пустым.
Урок суровый я сполна получил.
Столько жил без горя...
Морока, возня...
Потеря отрезвила меня.
Я понял:
самое ценное в мире
не модные супер-штаны.
Боже!
Утешь, силы дай дожить!
Держи меня, Боже, крепче —
не дай грешить.

14.01.08.

Анатолий Можаровский

* * *

Кошке Ниже

Мысли грешные —
злость и злоба.
Сознание рвется к Вечности,
туда, где она.
Верю и мне не верится —
зачем перед Богом клонюсь?
Ушла моя кошка —
сердце не хочет терпеть.
Глупо мне с Богом дразниться —
в руки себя бы взять.
Но я лежу, как в больнице,
или на паперти в ряд.
Меня там не было в жизни,
но мне сейчас все равно.
Мир в глазах двоится
мрачный и очень мрачный.
И холодно очень мне.
Судьба обошлась сурово —
время мое прошло.
Я жил, и Бог лелеял,
руку ложа на плечо.
Я знаю, Бог меня любит,
может, скорбит со мной,
но так этот мир устроен,
что сам Он на крест взошел.
Я буду терпеть спокойно.
Злоба пройдет через миг.
Жизнь незлобливо жестока —
как ее долюбить?

17.01.08.

Метрадъ третья

* * *

Сегодня День Богоявленья —
великий праздник Господнего крещения.
Мне радостно и грустно одновременно.
Я радуюсь Божьему празднику,
великой воле Творца.
А грусть от одиночества —
девять дней, как ты ушла,
ушла моя кошка, друг мой, —
смириться с этим могу,
на минуту или две,
и снова грущу и грущу.
Не было боли сильнее
и пустоты у меня.
И сегодня, в девятый день,
я плачу и радуюсь, славя Творца,
все неспроста:
заболела ты в Пост Великий,
а ушла на Рождество —
душа твоя нашла обитель
у Бога, хотя б на крыльце.

19.01.08.

Анатолий Можаровский

* * *

Хлопья снега кружатся.
Желтый свет из окон.
Свинцovость небес —
им тоже грустится.
Я вспоминаю прошедшее,
как после разлуки болело.
Я искал такую же
и напрасно!
Женщина — сеть,
где временно приятно.
Остальное сводится
к выяснению отношений —
кто старше?
Так и проходит время
и назад оглянуться страшно.
Годы, годы
и все в фотографиях.
Хорошее в памяти —
головная боль, не иначе.
Крутишь этот диск —
он уже заигран.
Жизнь к концу —
самый близкий друг — кошка,
ушедшая в Вечность.
Все остальное не занимает.

19.01.08.

* * *

Грусть моя тихая, грусть моя нежная,
камень печали слетел уж с души.
Березы осенние, рябина вся в золоте,
клены потеряны — листья их бросили.
Запах особенный, небо глубиннозвонкое,
мысли спокойные, иль нет их совсем?
Сердце все знает — что здесь и затем,
каждые по вере, лишь вера сильней.
совесть, поступки во славу людей,
жизнь моя — жертва, как и хотел.
Но это так сложно — отдать себя всем,
добрый и злым, родным и не очень.
Любовь бескорыстную в душе я возвращу,
и птицей по миру пущу —
пусть греет и лечит
больных и хромых, увечных,
несчастных и злобных.
Правду я в мир хотел —
все мечем и дыбой.
Все прахом пошло —
нервы, эмоции,
революций пир.
Для близких надежда бы вроде была,
но обмануты близкие и горьки их слова.
Теперь я с любовью и всем говорю —
любите, любите! —
потом будет поздно,
на самом краю.

19.01.08.

* * *

Один в Москве, другой в тюрьме,
третий в земле, четвертый на даче,
пятый на троне, шестой в патроне.
Киллер ищет место встречи —
время его из постели гонит.
Грохнет выстрел — хана «лимонам».
А так их «шкрабал» —
так пожить хотел.
Наша элита: вожди и власть — воры и бай.
Других где взять?
Себя я мерил туда давно —
но тоже вор в чужом пальто.
Девчонки наши — элиты розы,
как змеи грозные.
Как деньгой не пощекочут —
оргазмов нету.
Одно расстройство.
Так — вся планета.
Народ урыли,
баки забили,
себя ведь тоже.
Наши вельможи —
одежда, девки, бани, массажи,
примочки к мордам —
здесь и застряли.
Дряхлые парни и бабы тоже.
Элитуны помоложе
сзади их подпирают.
Спасу нет и не будет.
Вилы нужны, дубины и грабли.
Мешки большие — собрать все счастье,
остаться нам в полной свободе.
Когда то время?
Холуйство в моде.

20.01.08.

* * *

Не хочу зулусом,
не хочу пигмеем.
Мне бы — муравьем
на острове хотеев,
где живут хотелчики,
хотихи и хотята.
Все хотят, но остров —
в океане пляж то.
Песок, четыре пальмы —
вокруг плещется вода.
Едят они крабов и все,
что есть хотят.
Я б их грыз и кусал,
уму учил.
Я все хочу учить народ,
но слушает меня
один урод.
Коряга-пень
средь парка старого
молчит трещит,
так слушать хочет.
Вот так и живу,
жизнь проходит.
Мне б что-то новое,
но не приходит.

20.01.08.

Анатолий Можаровский

* * *

Кошке Ниже

И как жить дальше —
как дальше жить?
Без тебя, мой кот,
все болит.
Грусть и грусть.
Забыть этот год.
Мой кот,
иду по дому,
сжавшись в комок.
Ты — планета света.
Ты — королева, в меха разодетая.
Ты — звезда невоспетая.
И только мысли эти
держат нервы.

20.01.08.

Четвадъ четвертая

* * *

Магма зла в мозгу клокочет —
извергается словопотоками,
эмоциями пепла
поверх голов.

Я часто удивляю людей.

Они тянутся ко мне —
все роднее каждый из них,
а я начинаю ненавидеть их.
Горячую голову успокоить
пытаюсь много лет.

Болею, ищу ответа,
а его все нет.

В юности все было ясно,
но с каждым прожитым годом
все изменяется в темень.

Ответа нет,
хоть, кажется, знаю законы Божьи.

Весна и лето
несут моей магме покой.

Поздней осенью остается мрак.
Воля нужна, чтобы встать.

Делаю вид, что все идет путем,
кошки на душе скребут —
а что потом?

Нет лекарств успокоить
вулканический червь.

Но жить так — здорово,
чувствуя оголенный нерв.

20.12.07.

* * *

На соседней крыше друзья —
серые вороны —
ждут от меня еду
и смотрят грустно.
Легкий снег.
Из серого
пытается вырваться солнце.
Темные дни декабря —
поплакать бы внезапно.
Жизнь моя — сплошная цепь потерь,
и я знаю, что это нормально —
многие так воспринимают.
А я не могу смириться
со страданием и смертью
родных и близких,
далеких и не очень.
Зачем мир,
если жизнь — не праздник?

20.12.07.

* * *

Твою мудростью устроен мир,
Вселенной правит голос Твой.
А я хотел что-то изменить,
и в результате — немой.
Потеря воли,
мычанье, словопотоки —
и ради денег на все готов.
Истерзано тело —
душонки клочок.
Неровно стучит сердце,
а тянет в бардачок.
Нет мудрости и зрелости.
В пустыне дом.
Закрыл бы рот
и Бога молил.
Плакал так больно,
что стал столбом
возле дороги.
Прошу помочь.
Сотвори чудо!
Озари эту ночь!

20.12.07.

* * *

Отойдут метели,
схлынут холода.
Солнце в синем небе —
полыхнет весна.
Крылья разнотравья
в тысячах цветов.
Реют птичи стаи
с голубых сторон.
Грусть свою оставлю
со снегами стыть.
Разгоню печали —
ведь со мною ты.
У радости и жизни —
не одна весна.
Уходят холода...

21.12.07.

* * *

Желтая, засохшая трава в лугу,
осенний день к концу идет,
легкий туман — дыхание зимы.
Стоят стога, и сена дух,
а я бреду в этом лугу, к реке иду
хрустальной чистой глубины,
хрустальных перекатов буруны,
желтый песок на дне,
засохшие кусты.
Верба во сне —
особое движение души,
и счастье это осознать
с годами лишь,
когда всплывают в памяти те дни,
ценить мы начинаем,
что прошло.
Упрек себе за все —
угасший луг и нет стогов
мне много лет.
Приснился б сон...

22.12.07.

* * *

Много лет жизни прожито
с мечтой о плебейском кайфе,
о какой-то женщине, деньгах и модных тряпках.
Шкаф забит одеждой модной —
кутюрье старались днями напролет.
Деньги лежат, покрываясь пылью —
внезапное прозрение между мечтой и былью.
То, что имеем, не ценим,
а ценим, когда теряем.
Друг близкий,
ради чего в этот мир приходим?
Не знаем.
все с ног на голову — дьявол манит,
сети раскинуты широко,
и мы, многие, в них попадаем.
Жизнь проходит, как в тумане
что имеет смысл, а что фигня?
Мы понимаем, когда теряем —
не дай Бог такую школу.
Грудь свинцовый груз давит,
жизнь теряет смысл,
богатство тоже.
Детство, вернись, если сможешь,
в душу мою и сознание.
Видеть весь мир, как радугу —
терпение стали булатной.
Жизнь — это череда встреч —
за ними расставания.
Полбеды, если друг просто уходит,
но нету слов выразить то состояние,
когда уходит в мир неизведанный,
оставляя тебе вечную память.

22.12.07.

* * *

Зелено-синее море,
раскаленное солнце и горы.
Край исполненья грез.
Звонкие вскрики чаек.
Запах водорослей,
и белый парус небес
уносит меня к тебе.
Манит горизонт —
что за ним и как туда попасть?
Я путник в мире,
хоть мало видел,
но богат воспоминаниями,
любовью и привязанностью близких.
Божественной природой
упиваюсь я, как ребенок,
не живу, а все играюсь —
чужая боль мне не знакома.
Сейчас я понимаю понемногу —
не бывает чужой боли:
мы все едины с Матерью-землей.
Иду, бегу по миру —
о, как я слаб!
Мне б силу воли,
но не жестокость и цинизм!
Я, как эти моря волны,
не остаюсь, а разбиваюсь,
как играюсь.
Игра эта —
болью тяжелой в душе...

26.12.07.

* * *

Грозовой тучей над твоим домом
молнией шаровой прокатиться неровно,
сердце твое страдать заставить —
я люблю тебя, а ты не замечаешь.
Я, как безумный, ночью и днем —
горечь любви не разделенной с тобой.
Легче б мне ношу — даже тюрьму.
Видеть тебя просто хочу.
Время уходит — день, ночь, год...
Я убиваюсь, а ты с ним живешь.
В лучших романах читал — не нашел,
там боль чужая — моя мне за что?
Видеть, любить, страдать, ненавидеть —
грехи все мои.
Мне б тебя видеть!

26.12.07.

* * *

Кошке Нике

Мой друг настоящий
в этом мире,
за много лет с тобой
я столько перевидел,
твое беспокойство
и преданность рабская —
жизнь свою
ты посвятила мне,
не очень ласковому —
обиды сносила, терпела, скорбя,
а я с черствым сердцем
куда-то бежал...
Ты неземное существо —
твои глаза
не раз с упреком
на меня смотрели,
будто вдаль.
В них глубина и покой
Вселенной.
Я берегу тебя, люблю тебя —
ты перевернула сознанье.
Моя цель пустая гонка —
кайфа карусель.
Соревнование на хламе —
суэта.
Ты — мой учитель,
хоть и зверь.

26.12.07.

* * *

Видеть твои страдания и боль —
выше моих сил.

Мироздание устроено не мной,
молитвы мои, грешника,
не слышит, видно, Бог,
и я страдаю еще больней.

Прости меня, больная моя любовь, —
больше брал, чем давал.

Сытый, откормленный, злой —
как я буду жить без тебя?

Я получил урок суровый ценою твоей боли,
я получил урок суровый — надолго ли?

Радует то, что сказано в Библии о тебе.
Радует тайна мироздания.

Я хочу за чертой видеть тебя.

Слезы омывают мое лицо,
в сердце — тоска, я страдаю не меньше тебя.

Жизнь мне стала как ночь темна.

Серое небо, туман, моросящий дождь —
идет по миру зима...

Как мне тебе помочь?

26.12.07.

* * *

Ночь покрывалом звездным
на город поздний опустилась быстро.
Огни из окон — тайны сокрыты,
играет музыкант под фонарем.
Сверкает серебром саксофон —
мелодии ложатся в душу
и я, как зачарованный когда-то,
в мечтах о счастье.
Такая ночь! А я без женщины,
один, но счастлив и Богом любим.
Через неделю — Рождество.
Я изменился, словно родился заново,
еще мечты мои ушли,
и я живу теперь не ожиданием весны
и новых встреч
да поцелуев под луной —
я просто вышел в жизнь,
как по-прямой.
Прямую б вверх —
на покрывало звезд —
туда, сейчас!
Но я — еще поддержка своим родным,
таким ослабленным и молодым.
А музыка взрывает сердце.
Я сильный,
слезы для меня, поверьте,
омыть лишь душу,
и не раз.

27.12.07.

* * *

Горечь горечи рознь —
свет и тьма,
день и ночь —
две стороны Луны,
жара — мороз.

Горечь горечи рознь —
Бог посыпает любовь,
в ней много радости,
снов с пробуждением легким.
Кризис, кошмары — не очень,
но с чем сравнить можно соль,
если не знать горьких слов?

Острой стрелой в тело,
внезапно, —
кровь, боль,
ужас, за жизнь страх.
И страшно —
она твоя, одна.

Я горечь познал чужую
внезапно, жестоко танцуя —
надежда, падение,
снова надежда.

Силы меня покидают —
я руки свои
отдал бы за жизнь чужую,
сейчас смысл моей —
стоит мало,
чужая меня беспокоит.

Таков урок
за грязную совесть.

27.12.07.

* * *

Тихий зимний вечер —
на новогодней елке огни.
Господи, Ты меня утешил,
останься, не уходи.
Много скорбей за последние дни.
Жизнь мою и сознание
оставлю лишь для Тебя.
Под елкой друг уставший — кошка —
изможденный, больной.
Тихий зимний вечер —
скоро Рождество.
И ты опять скорбен —
рождественское чудо —
двадцать столетий.
А в каждом Иуда,
кровь на пиджаке.

29.12.07.

* * *

Господь Христос — мой Бог.
Древний Восток жесток.
Понтий Пилат устал.
Толпа ревет.
Вчера был Царь иудейский,
сегодня убивают.
Имею право отпустить!
И снова крики:
«Дай нам бандита!»
Плачет Мать,
плачут ученики.
Терновый венец на голове.
Тело на кресте.
Я там был.
Я кричал.
Я распял
любовь к Господу,
любовь к ближнему.
И оробел,
увидев себя со стороны.
Боже, убийцу, прости!

31.12.07.

* * *

Я — христианин,
значит, солдат Христа.
Лишения, тяготы
нести безропотно
до конца.
Я христианин —
это большая честь,
обречь
на скорби себя.
Их не счастье —
одни сменяются другими —
там выстоял, здесь надрыв —
сорвался и побежден врагом.
Одумался, собрался с силами —
и снова в жизнь.
Тихо с терпением,
а вокруг бурлит.
Море, женщины, рестораны,
деньги, яхты,
и планы, планы.
А что потом?
Я пойду с Христом,
я отучен блеском мишуры.
Суeta держалась цепко
и не только за пальто.
Слава Богу, что дошло.
Друг мой жизнь свою отдал
за меня
под Рождество.

02.01.08.

* * *

Пространство таинственное —
дни особенные.
Скоро Рождество —
мир безмолвствует.
Первое солнце
за недели последние,
легкий морозец,
голубое небо.
Облака белые, как и прежде,
снежинки кружатся,
и лишь чуть грустно —
год за годом,
спешил и комкал.
И вот — за сорок,
да нет, мне больше.
Шестой десяток —
я, как ребенок,
счастлив даже.
Снег сильнее.
И все светлее
одиночества сажа.

03.01.08.

* * *

Голубая сфера, конус,
швейцарские часы.
Том Сойер, пьяный Марк Твен,
мои сны —
все смешалось,
движется в квадрате.
Дикий шум, просыпаюсь мокрый.
Сердце бьется.
Дрожу в кровати
с глазами в потолок.
Лучи света с улицы —
мой калейдоскоп.
Город шумный ночью —
не до сна.
Казино, клубы, дискотеки, бар.
Утром на работу —
силен, как лом.
Днем спят только шлюхи —
вот надлом.
Каждый хочет быть в бригаде,
но не той,
что гоняет план стали,
балует угольком.
Проститутка стала брендом —
и снова сон.
Грязная дорога — смрад и вонь.
Телега едет взад конем.
На телеге люди — мертвецы?
Нет, вроде живые,
но всмерть грустны.
Мент-даишник с мотоциклом БМВ
жезл бросает в дышло
и права качает грамотно — умен.
Денег не дают,
а предлагают лошадиным кизяком.
Мент качает головой —
в руках указ — новая кампания борьбы.

Шабаш — штрафы подняты
все выше вверх,
но кизяк берет — ножкой честь.
Движется телега —
я выскочил,
рядом храл любовницы и дым.
Сигарета прыгает по комнате, дымит
без ментола, фильтра
и шипит.
Скоро утро — в офис побыстрей.
Ночь кина бесплатного.
Не пей.

03.01.08.

* * *

Слышиу слова
улетает время,
время уходит.
Время не звук —
услышал и нет.
Время уносит
от начала к концу.
Оно сродни кузнецу,
металл в огонь и наковальня,
молота звонкие удары,
момент закалки.
Вода, шипение, жар —
металл обновлен, закален,
может пахать,
рубить, служить.
Время — розга —
сечет и больно.
Наступает день — довольно.
Ты счастлив минутным отдыхом,
но неизбежно вперед.
Закон придуман Всевышним,
чтобы вести народ.
А мне все хочется рвануть —
повернуть туда, назад.
Но время — без времени.
Вечнозакон неумолим.

07.01.08.

* * *

Ковром зеленый мох,
травы, цветы,
мелкий кустарник.
Я и ты.
Опушка леса,
сосны в ряд.
Птиц пение,
май.
Ты — юная,
красива, как весна.
Я молод, счастлив.
Жизнь не кончается,
и, плавно, вечер в ночь.
Я пьян тобой,
я счастлив через край!

07.01.08.

* * *

Кошке Нике

Друг болен,
и что-то во мне остановилось.
Жизнь размерена —
все по плану,
вдруг резко изменилась
через боль твою,
мой друг.
Постой, не уходи —
надежда есть всегда.
Ты победишь болезнь.
Я месяц плачу за тобой,
я так хочу помочь,
и справиться с бедой
внезапной, быстрой,
как кинжал под сердце.
Постой, мой друг,
держись,
за каждый день,
за жизнь.

07.01.08.

* * *

Взрыв бомбы и вой,
снова взрыв.
Дом стоял, как дворец, —
груда развалин,
как нарыв.
Крик женщины,
поседевшей на глазах,
ее дети остались там,
где был сад.
В цветущих клумбах —
груды битого кирпича.
Безногий юноша.
В глазах — душа.
Война миров —
война за пространство,
битва идеологий,
патриотизм и хамство.
Мир в развалинах —
безумства танцев.
Танки на улицах,
вместо домов — землянки.
Дети брошены —
родные сражаются.
Двадцатый —
время паяцев,
коварных властителей
с мозгами ядерными.
Снова взрывы бомб
и крики в пыли.
Люди — штыки
в машине войны.

07.01.08.

* * *

Одиночество в тягость,
одиночество в сладость,
выбирать не приходится —
как сложится.

Хочется шума и балагана —
получишь тишину
до боли в ушах.

Друзья на стакане.

Водка — радость,
водка — сладость,
но не хватает надолго.

Новый день
и боль взрывает мозг.

Цирк бесплатный —
на канале мост
и вниз бы,
но на это нужно силы
дурости и злости.

Я бреду по кругу жизни,
спрятав душу,
забыв где.

В груди пусто — барабан.
Как мне жить и что делать?
Радость найти?

В громыхающей пустоте
выбора нет просто —
одиночества остров,
и на нем радость,
что некому
мне в душу гадить.

07.01.08.

* * *

Безумие по миру волнами,
цунами глупости, зла.
Хороших дел мало,
но мерзости добавилось изрядно.
Все говорят о нравственности, прогрессе.
Все говорят —
мораль восстала.
В прессе —
статьи,
рассказы о свершениях и благах.
Для простых людей
жизнь стала краше.
Все слушают и знают —
это ложь.
Двойной стандарт
всем стал пригож.
«Элиты» жить по-другому не могут —
им нужны деньги, блага, дома,
роскошь, прислуга, шофера, лакейва,
наружка и охрана частная —
в дороге и дома.
Кому нужны их задницы —
кроме саркомы?
Двойной стандарт —
безумия штандарт.
По миру — потоками грязь.
Вот мразь —
а нам терпеть,
стонать и плакать,
и ненавидеть их,
богатых.

09.01.08.

Анатолий Можаровский

* * *

Кошке Нике

Ты ушла навсегда
в январьский день холодный,
душой умчалась,
тело для меня осталось.
вечный покой в твоей зиме,
пришла твоя пора —
вместо меня.
Скорблю безмерно в горе...
Не богохульствую,
а лишь молю Творца —
спаси душу ее для меня.
Грусть моя светлая
уже навсегда.

13.01.08.

Метрадь четвертая

* * *

Я приехал в город за счастьем,
когда мне было пятнадцать.
Жизнь скорым поездом —
станции, полустанки.
Часто были и остановки,
паровозу не хватало пара,
пробуксовки.
Позади станций осталось много.
Знает Бог один,
куда ведет дорога.
Счастье было, но его всегда мало.
Заканчивалось и открывай ворота —
невзгоды, беды шли стройными рядами,
я с ними боролся.
Войско у меня небольшое
и они часто побеждали.
Много потерпел родных и близких.
Дама с косой к работе привычна.
Жизнь оказалась паром
и прорубью одновременно.
Поезд ту-ту —
единомоментно.
Счастье, где ты?
Как удержать его
и на кой оно нужно?
Лучше жить,
как в лесу дети.
Так я думаю.
И это не разочарование.
За возню мышиную
мы ответим.

14.01.08.

* * *

Кошке Ниже

Охапка красных роз
на твоей могиле,
холмик земли, сердцу милый.
Смерть, я боялся в глаза ее видеть.
Ты умерла на руках,
я видел смерть
в твоих глазах.
Крик отчаянья твой и мой —
мы расстались.
Смерть не страшна мне стала.
Нет в ней ужаса —
только вздох последний, тяжелый.
И смерть ушла,
мир другой открывая.
Мир удивительный, древний —
он совершенней.
За миг все меняется —
небо напополам.
И встречи новые —
с теми, кто там.

14.01.08.

Метрадь четвертая

* * *

Эта боль...
Она в моей груди.
Ей места мало там —
рвется на простор,
прижаться к сердцу хочет,
сострадающему.
Остыть хоть бы на миг!
Как мне болит!
Я не могу смириться
с тяжелою утратой —
друга нет рядом
четвертый день.
Слезы, слезы, и слезы —
как мне болит!
Я взрываюсь от боли
и безисходности.
О боже, дай мне надежду,
а другу — Вечность...

14.01.08.

* * *

Перед глазами
новогодняя ёлка с огнями —
последняя в жизни
кошки моей.
Пыталась
дождиком играть,
ходила
вокруг да около —
была там ее кровать.
Год крысы
унес ее вдаль,
мне оставив печаль.
Последняя елка
уходит сегодня
на прах и дрова.
Мне остается терпеть.
Всю жизнь я терплю,
и чего-то жду.
Радость приходит —
радуюсь я,
в печальные дни —
размышляю,
сердце скрепя,
и сжав зубы.
То и другое
Бог мне послал.
В радости проще —
она не долга.
Печаль —
соль на рану,
в глазах пелена.
Время в печали стоит —
тишина.
Часы, как устали,
их стрелки на дно опустились
и ждут.

Сердце в печали —
умер мой друг.
Я тихо терплю,
глотая комки,
а жизнь бурлит —
ей не до тоски.
Не представлял я
силу удара судьбы,
можно было помягче,
а мне — в спину удар.

14.01.08.

* * *

Белый снег искрится
в солнце и морозе,
на деревьях листья
золотом из осени.
Как зима внезапная
быстро все накрыла!
Ну а я, как в мае,
счастлив и на крыльях,
ну а я, как в мае,
молодой, красивый.
Мне зимы лишь на день —
пролетит и сгинет.

14.01.08.

* * *

Дорога наша —
ямы да ухабы.
Идут славяне,
словно солдаты —
вчера, сегодня, завтра...
Чечня, Чернобыль
и катафалки.
Судьбы народов —
страдания, горе.
Идут и верят,
говорят, в Бога.
По миру ветром
народ рассеян.
Тоска, ностальгия
в Париже, Сиднее.
Домой не будем —
в Торонто лучше.
И крест свой спрятав,
уходят люди.
Стреляют пушки
по всему миру,
летят «вертушки» —
кругом могилы.
Разрывы мин
в домах и школах,
попса гламурно
воет шансоны.
И жизнь прекрасна —
по «теле» слышно.
Поля не пашем —
чего б не вышло.
Сегодня в церковь,
а завтра к девке.
Злоба и зависть
под дождь зеленый —
по трупам мам
бежим, как кони.

Анатолий Можаровский

Конца не видно,
но все — салюты,
мои славяне,
по вашим душам.

16.01.08.

* * *

Западный ветер и дождь со снегом —
стихия в небе,
а мы на нервах
и по спирали — не вверх с трудом,
а вбок, где горка,
тепло и сытно,
где есть каморка,
откуда можно чего-то стырить,
когда все дрыхнут — а кто увидит?
Сpirаль — все вверх,
а вверх и страшно —
куда-то вбок,
найти б пространство.
Да с теплым телом
и без тревоги.
Больной сосед — не носят ноги,
так то ж его,
а я скажу все
от тела к телу,
от дамы к даме.
Меж ними что-то
еще неспешно.
И боль соседа,
и крик соседки —
мне не по сердцу.
— Судьба такая, —
сказал и сплюнул.
— Грехи людские, —
добавил умно.
Жить нужно быстро,
легко, игриво.
Зачем спираль?
Какое диво.

И стыд запрятав
в карман глубокий,
я в шкуру вжался —
грызет же что-то.
Но это так —
пройдет, как слякоть.
Соседу боль —
мне бабу хапать.

16.01.08.

* * *

На автомобиле типа «ЗАЗ»,
«запорожец» -спецзаказ,
я решил Волынь обмерить —
Шацкие озера, лес.
Там грибы и отдых клас.
«Запорожец» типа «ЗАЗ».
Фары — «Бентли» отдыхает.
А салон — «Феррари» ноет.
С завистью кусает губы
«Мерседес» — эта подруга,
тоже с завистью угрюмо
созерцает крылья, борт.
Отдыхает вездеход — радио кручу,
песни, танцы, пляски.
Еду по указателю вперед —
ошелел и встал, как столб, —
вместо леса-бора — мать!
Пальмы кучками стоят —
и бананы, обезьяны.
Депутаты роют ямы —
здесь у них участки были,
а теперь копи открыли.
Еду дальше —
вдруг озера,
на них мощные атомоходы —
черные борта —
с надписью «НАТО».
Все! Дожились, мы вступили —
йо-маё,
меня забыли.
Атомные субмарины
на озерах Шацких
в спину матушке-России.
У меня же пруд в колхозе,
я его бы сдал в аренду
под их базу, хоть на время.

Сделали все ночью тихо —
референдум смыли в сито —
и мы в «НАТЕ» все по шею.
Хоть бы вырыли траншею.
Где стоять, а где нельзя.
Радио шипит — заглушка,
новости идут на ушко:
в Крым вошли слоны и зебры,
на Херсоне крокодилы,
под Черниговом ракеты,
космодром свезли из Штатов.
Первый космонавт из наших —
и в печали разворот,
еду я, подлец, в колхоз,
широко разинув рот.

20.01.08.

* * *

Жизнь — фантом.
Хорошее и цельное —
все в прошлом.
Сегодня со мной
лишь фантомная боль,
рвет душу денно и нощно.
Я цепляюсь за все.
Крыльцо дубовое и оконницы...
Куст роз под окнами,
мальчишка в шубке,
ранняя весна.
И грусть
уже тогда слышна,
затем я помню: лето, рожь, жнивье,
гроза, копна, кипящий молниями пруд.
Осенний лес, грибы,
зима в сугробах,
лыжи и коньки,
и с горки санки.
Так год за годом.
Душа рвалась куда-то,
чаще, в бой.
И вот он — город,
пока чужой.
Наступит время,
я врасту в него.
Годы — и вот тупик.
А память — снова,
но присмиревшая,
с летней грозою
и зеркальной гладью молний.

20.01.08.

* * *

Белой пеной
на берег
волна —
пена тает на камнях
и опять
игры моря
с сушей спорят,
но предел стоит —
волна не переходит
ласковых границ.
Только волнам цунами
дано вред нести
за грехи, предубежденья
каждый волен сам.
Вздыбит время
океан
на шикарные машины,
трубы, чады, мразь,
да всю их масскультуру
потребленья всласть.
Нет границ обогащению —
все еще, еще.
Гибнут белые медведи —
мех дают к пальто.
Мишки уходят
навсегда от солнца,
уходят, тает лед.
А мне сапог бы пар под сто —
я звезда экрана-сити
и меня вам не насытить.
Земля без хлеба,
засуха, нет дождя.
Мне б еще! еще чего-то,
и машины в супермаркет
с нежным брюхом и руками —
грузят, платят,
не хватает
свиных ребер
свинорылым.

Все берут
на все кредиты,
а планета гибнет тихо.
Эхо слышите в горах?
Ледники уходят с Альп
вслед медведям.
И восстанет океан
и сметет немало стран
в бурную утробу.

23.01.08.

* * *

Вираж, пике и вдруг —
свободное паденье.
Стонут турбины
в тишине зловещей.
Лишь вой —
о, атмосфера, помоги!
Лишь вой металла.
Земля навстречу
и эта встреча
скоро.
Включаю катапульту —
взрываю верх
и вижу смерч
земли и самолета.
Огонь и тишина,
шумит в ушах война.
Перед глазами — жизнь,
трава, река,
рука врага
и автомата ствол.
Мне тридцать будет через год —
я только начал жить.
И вот она — рука,
тяжел в ней меч
и мне почти конец.

26.01.08.

Метрадь четвертая

* * *

Кошке Ниже

Я сегодня посетил твою могилку,
цветы тебе принес,
розы белые на снег.
Слезы горькие...
Я не смирюсь, наверное.
Ты в земле,
душа — в облаках.
Без тебя — мне холодно и грустно,
я не привык,
без тебя —
тоска и слезы,
жизнь зашла в тупик.
выбираюсь медленно и тихо,
сам с собой борюсь,
ты же знаешь,
я бываю сильным —
на короткий миг,
мне нужна поддержка
близких и твоя.
Я всегда боялся смерти —
ужас, страх, озnob.
Ты приняла ее,
показав пример.
Сегодня в смерти
вижу избавленье,
мир мне опостыл.
Ты была и есть —
Великим Зверем,
а я думал,
что тебя учили.

26.01.08.

* * *

Крылящий берег Днепра —
линии дач, домов из кирпича,
домов, отживших на земле свой век —
дощатых, деревянных.

Горы отходов
в полиэтиленовых кульках
и просто так.

Древнейший город — весь в церквях.
И стойбища питекантропов,
везде следы на берегу.
Река в бреду.

26.01.08.

* * *

Время стоит, время горит и улетает,
для меня роли уже не играя,
который день недели, месяц, год и час —
мне все равно сейчас.

Что было, будет — все равно.

Жизнь суeta — известно давно.

Что было? Будет?

Будет то, что было.

Только детство и юность веселили.

Застыло время, я увидел грань,
она по мне прошла и вот он — край.

А что за ним? Не каждому дано познать.

В мире страстей я знаю страсть,
я ею жил и заряжался.

Энергия страстей давала силу.

Страсть умерла во мне —
могила в моей душе.

Я сник.

Холод той могилы встает во мне,
я чувствую озноб.

Согреться б в мыслей беспорядочном потоке.

Как дальше жить?

Какая боль в душе,
быть может, Бог меня оставил?

26.01.08.

* * *

Я звоню —
меня не слышат,
говорю, мне не дают.
Я кричу, прошу и слышу
только я.
Напрягаюсь я в эфире,
а в ответ лишь эхо, эхо...
Или ветер,
шепот веток
в двери стук,
дождь милый.
Я открыл и он — ко мне,
пусть осенний и холодный.
Я в объятиях у ливня —
телу холод,
но душа в тепле.
Одиночество, ты где?
Вот мои друзья — их сколько —
Ветер, ветви, утром солнце —
я и не знал о вас.
Я искал себе подобных,
но встречался с черстволюдьем.
Эхо, эхо — пополам с распутьем.
Есть лишь вечер,
дождь пришел,
постучав в мою обитель
жгучей теплотою.

26.01.08.

* * *

Запах утренних трав,
роса, бегу босиком
тропинкой возле вербы,
ветки в птицах, солнечный диск,
рассвет в полнеба —
весь краснозолотой.
Многосветье в траве
и на рассвете —
детство в свете,
детство в цвете,
и тропинка
на всю жизнь
цветет перед глазами.
Травы яркие с цветами —
дальше будет
все не так.
Часто — ночь
и часто — мрак.
И трава не золота
и роса увяла,
и усталость на дороге
не снимается ничем...

26.01.08.

* * *

Мир далекий
и мир близкий,
мир родной,
и мир мечты.
В мире родном
наследил я слишком —
тесным стал он
и страшно близким.
За мой нрав
и мои доспехи —
меч бутафорский,
кольчуга,
сеткой заборной в клетку —
и тело видно —
рыцарь наш ты —
кричит мне киска.
На руки бросается
и жмется к телу.
Глаза огромные,
мир в них — смелый,
очень дальний,
мне недоступный.
Зерно средь поля
и — новый колос.
Ведь так и мне —
сначала в землю,
затем уж — голос.
Услышу, нет?
Никто не скажет.
Сколько голов, столько и взглядов.
Вот нужен миллион,
а лучше три.
Хочу искупаться
в мире родном, знакомом.

Купить
шампанского рекою,
сигар в коробах,
дым коромыслом и голые тетки,
похмелье бурное в реанимации,
бабла чемоданы,
а конь в прострации —
нагулялся парень,
а жизнь не понял.
Не за голыми бабами сюда ты.
Не бабло в чемоданы,
а душу — людям.
Но поздно, парень —
ты уже аукнул.

26.01.08.

Анатолий Можаровский

* * *

Мне главное, чтоб была цель,
чтобы каждый прожитый день
смысл имел.

Мне главное, чтобы была работа,
даже мусор убирать,
рубить дрова с охотой.

Мне главное,
чтобы люди стали добрей,
чтобы царила правда,
а не выигрывал тот, кто сильней.

Мне главное —
свобода от всяческих пут.

Даже если ты власть,
дай отдохнуть
от документов и гор хламья,
ненужных законов,
окруживших личность,
хуже хамья.

Дай от кнута вздохнуть слабому
и от пряника богачу,
от кнута работающему,
от пряника надзирателю
и его мечу.

Главное, чтобы миром правил
не столько ум.

Чтобы мудрость правителей
от Бога исходила,
чтобы с Богом правили
и смешны не были и презрены.
Мне главное, чтоб все живое
могло жить достойно.

26.01.08.

Метрадь четвертая

* * *

Промыслу Божию о нас нет предела. Он невидимо ведет нас. Ничто не случается без воли Божией. Всему определен день и час. Возложи все упования на Бога и Он будет промышлять о тебе, а пекись о себе сам — Он будет помогать тебе, но вседействующий промысел Его отступит от тебя.

Старец Парфений

На судьбу уповаю
и сам не плошаю.
Божия помощь,
защита и промысел,
но о себе пекусь.
Бог невидим,
а я здесь.
Сколько всего за собой тяну,
грехи всех мастей,
видов и подвидов
и производные от них,
и новые, невиданные.
На себя надеялся — все нипочем.
Поезд — с рельсов, вагон кувырком.
Вышел, опомнился,
в себя пришел и снова — за старое.
Так хорошо,
все сначала
и новый толчок.
Клянусь — умнее сверчок.
Бог всемилостивый?
Если б я был на Его месте,
я бы сделал совсем не то.
Когда я прозревший
от чужой смерти,
то вижу: какое ничтожество!
Кто я —
и кто Он такой!

28.01.08.

* * *

Девятнадцатый день нет тебя в доме.
сегодня сильный мороз.
Пробивается солнце,
январь подходит к своему пределу.
Все условно — месяцы, годы, недели.
Вращается земля, солнце светит,
и никто не заметил,
как уменьшился мир после твоего ухода.
На могиле розы, твои игрушки в доме,
мне советуют спрятать твои вещи,
убрать фотографии, отвлечься и тебя не помнить.
Ты приходишь в мои сны.
Ты жива, у Бога, у него мертвых нет.
Я христианин, а значит, человек Божий,
и тоже не знаю мертвых, ты, друг мой, живой.
Грусть моя станет меньше.
Бог успокоит душу, тем что ты в небесах.
Ты во сне ко мне приходи...

28.01.08.

* * *

В небо смотрю днем и ночью —
созерцаю бесконечность,
собираю звезды.
Мир велик и создан мудро.
Мне б надежду — и жить буду.
Сны снятся
в назиданье,
небо учит —
довольно плесень копить.
Начну утро с радости —
близкие, страна, здравствуйте!
Благомудрием начну жить.
Помяну ушедших к Богу
молитвой —
пусть хранит
да откроет им свою обитель.
Далее — день, встречи,
разговоры, работа.
Держаться праведности —
одна забота.
Потерял бдительность
или накуролесил —
враг не спит,
он ждет тебя —
ты сорвался, он весел.
Будь, как на фронте —
невидимой линией
через сердце
проходит передовая.
Бдительность и еще раз бдительность.
Слово Святое.
Читай, учись
и Бог заметит,
поможет в минуты трудные.
На Него уповай.
На учение благомудрия.

29.01.08.

* * *

Сегодня яркоснежный день —
искрится чистый, белый.
И небо голубино голубое.
Радость вдруг
нечаянно на сердце.
Столько дней печали,
ветер свежий с юга,
оттепель начнется,
с крыши зазвенит хрусталь сосулек.
Солнце — к лету, день растет.
Снег искрится,
всюду голубые тени.
Небо, как всегда предивно.
Голубым просторам
астрономы сосчитывают
расстояния, диаметры, орбиты,
но меня, простого смертного,
как бессмертье —
цифры не тревожат.
Мир — бесконечен,
в нем — мой Бог,
родные все
и я в нем тоже.

29.01.08.

* * *

Покорители космоса —
взлеты ракет,
спутники, станции.
С орбит нам привет —
фото с далеких планет и Луны.
Марс и Юпитер — почти видны,
снимки тревожат.
Мне б туда тоже!
Все мирозданье,
весь космос мы взяли!
Но все эти дали,
и эти просторы —
не в глупарей власти.
Тратятся деньги
большие богатства.
А на Земле столько горя!
Столько злыдатства!
Лачуги, голодные дети,
в развалиюх больницы,
конающих ждущие,
запавшие лица.
Сюда б эти деньги,
а космос оставить.
Всему свое время
и Марс мы увидим.
Духу Всевышнему
под силу невиданное.
А космос сегодня —
игрушка военным,
мощь на бумаге —
траты, «считалки».
Война, безопасность —
сытых «ястребов» цацки.

29.01.08.

Анатолий Можаровский

* * *

Ты в жизни немало страдала —
об этом вздыхает лицо.
Ты играла и ныне играешь —
тебе кажется, побеждаешь,
А победила — похотень
подлецов.
Глаза твои чистые,
но игривые.
Ты прячешь душу,
но впереди — эшафот.
Злость оставь на обочине.
Сойди на тропу —
в гору
по камням и колючкам,
впереди только смерть,
но ты встретить должна ее с верою,
с твердой любовью к Творцу,
чистой и светлой.
Страсти оставят —
нежный покой.
Исчезнут желания, кроме любви.
В ней только смысл пути
и жизнь бесконечная.
Подумай и взвесь —
тревоги и каждодневная маэта.
Что важней для тебя —
Всевечная Вселюбовь
или только сия?

29.01.08.

* * *

Шепот Вселенной —
радость Бога —
трепетная сверхлюбовь.
Услышал внезапно,
понял неверно.
Мне — восемнадцать,
чистое поле,
все впервые
и сначала.
Сладость жизни,
я считал себя бессмертным,
на миллионолетье — мои лета.
Бога боялся,
отец мой Всевышний,
но рекою жизни, думал,
гребу я сам.
Уверенный, сильный,
полон радости и веселья,
но любовь неба
меня хранила и превращала
из ростка в стебелек.
Годы промчались и —
снова тот шепот.
Я узнал Его.
Он призывал опять
к возрастанию и плодоношению
Его венчолюбовью.

30.01.08.

* * *

Капает дождь, скоро ночь.
Мысли — клубком,
словно шерсть для вязанья.
Этим клубком бы коту поиграть,
но все спуталось в мирозданье.
Может быть, этот клубок
вертится кошачьей лапой
от виска к виску.
Энергию эту — да к Богу бы.
Глаза просветлить.
Взметнуться бы птицей.
Наверное этот клубок
не просто вертится —
вызревают взгляды, решения.
Приходит время
менять отношения
к Богу и людям,
природе и миру.
И я не жду,
а опыт сканирую.

30.01.08.

* * *

Резкий удар двери — о, сука!
Не слово, а сгусток
ненавистезлобы,
дури от усталости —
терпеть не вытерпеть.
Любовь на бульваре.
Сука!
Это приговор моей трезвости.
Никто не держит
цепью на теле —
билет авиакомпании
и — вы улетели.
Привычка гадости —
глисты в животе, —
что им солнце?
Они паразиты.
Ложусь и слышу —
кровать соседа скрипит и ноет,
и крик опять — косой по нервам,
а кобелинам — кайф.

30.01.08.

* * *

Я ухожу все дальше в глубины тайны,
открыть ее не знаю как, но занимает.
Я видел много
в пространстве сжатом,
и в этой тайне не виноват я.
А что заносит — просто путь такой.
На что мне тело, чужой сей жемчуг?
Красоты тела? Но где конец им?
И все фанера —
сегодня строим, завтра ломаем:
костер или свалка — все там сжигаем.
Здесь смысл такой же —
вначале сказка,
затем — конец и смерти пляска.
И новым телом глаза закрыты —
все это сумерки, души развитие.
Приходит час по воле свыше
и ты, улиткой, с нормальной крыши
ищешь другую,
и смысл весь в этом.
Тайны закрыты, всюду потемки.

30.01.08.

* * *

Жизнь затворника —
никого не слышу.
Еще бы замолчать
на долгие годы —
жизни подвиг.
На все воля Божья.
Икона.
Смотрю на Лик,
в нем — солнце.
Не каждый выдержит.
Иль опоздал я слишком.
Нет — еще не вышел.
Я думал, ноги сами вынесут,
но все откладывал путь.
Все собирался
к реке —
вот, завтра...
Нет,
пойду сегодня
к зовущей невдалеке.

30.01.08.

* * *

Кошке Нике

Жизнь после твоего ухода
стала цвета твоей шубки — серая.
Краски мира потеряли яркость,
веришь мне?
На короткий миг я забываюсь —
радость взблеснет,
но, вдруг, тебя вспоминаю —
и снова грусть.
Забыть тебя не смогу и не буду.
Я не могу больше предавать друга.
Не так много дал мне Бог существ близких.
Я, бывало, тоже шел по головам,
и вот он, финиш...
Ценить стал близких и друзей остро,
ненависть и злость излечу как коросту —
добрее быть, прощать всем нужно.
Прости и ты, друг мой...
Повторяюсь часто, как в круге замкнутом,
мечусь, как зверь в клетке, — и все то же.
мысли и разговоры только об этом:
жива ли душа твоя?
Приди ко мне, умоли Бога, —
Он твою доброту знает.
Жизнь без тебя, полоса за полосой —
темного много,
редко свет проскользнет —
и снова темень...

30.01.08.

* * *

Скошены поля, хлеба в стогах.
Конец июля, жнивье
и солнце из глубин небес
жжет землю
и переливается в ручьях.
И запах разнотравья —
спутать ни с чем нельзя
дух прожженных июльских трав —
упаду лицом в траву,
буду глубоко вдыхать.
Глаза закрыва,
увижу
картины детства,
когда бегал один в полях,
вкусу
хлеб ржаной из печи,
увижу
мать, отца и вечер —
на костре ужин,
алый жар.
Как нам тепло!
Будто лето Господнее настанет.
Хлеба в стогах — и я в слезах.

31.01.08.

* * *

Виски сжимает сильнейшая боль.
Слышу голос —
терпи, я с тобой.
Поздний вечер,
на дворе тепло.
Смотрю на город
через окно.
Кто говорит, откуда слова?
И снова слышу — это я.
Кто — я?
Понять не могу,
но боль утихает.
На город смотрю —
бред фонарей.
В окнах светло,
небо темнеет.
Звезд на нем нет.
Тучи затмили весь небосвод.
Синоптики обещают
снова дожди, мокрый снег.
Первое февраля
и снова я слышу слова.
Абсолютная тишина —
шум в ушах,
страха нет и апатия будто.
Мне все равно —
в НЛО я не верю давно,
происки темных сил,
но в словах искренняя любовь.
И снова голос —
я обомлел —
это мой голос и мой напев.

Я сам себе что-то говорю,
взбадриваю себя,
но больше молчу.
И мне спокойно
в живой тишине.
Я счастлив с собою наедине.

31.01.08.

* * *

Ангелы — в небе, ангелы рядом.
Мы христиане.
Ангел любви и добра,
мне помоги, дай мне слова.
Я в мире боролся, ломался и падал.
Вставал и снова, в бой — везде баррикады.
Я правду любил, хоть врал сам изрядно,
ругая и власть, и порядок.
Боролся, ругался, бывало и дрался.
Друзья приходили, бежали, хитрили.
И снова — один на один...
Моя армия — дочь, кот, жена,
и в трудное время вставала она.
Я говорил: «Вперед!», —
и мы побеждали или падали влет.
И вот я прозрел, поняв наконец,
что всё — пустяки, не стоят гроша,
главное в мире — душа.
Теперь я часто один.
Мой телевизор — окно.
Мысли мои —
библиотекаalexандрийская.
Мне их хватает на день тишины,
я что-то пишу.
О, ангел любви,
научи меня всех возлюбить,
всех простить.
Ангел добра,
дай мне слова,
чтоб поделиться ими с людьми.
Ангел любви,
не откажи.

31.01.08.

* * *

Главнейшее в мире — секс.
Особенно,
когда тебе пятьдесят шесть,
а ей двадцать,
а лучше шестнадцать.
Бывали случаи — двенадцать.
Ты весь паришь в пространстве
и любишь, и любишь ее страстно.
Она отвечает взаимностью,
ей нравятся крепкие мужеруки.
Она наивна, —
думаешь мужественно.
Она уже твоя жена
и ты делишь с нею имущество,
ночи напролет проводишь жаркие.
Ты пьешь виагру,
она — шампанское.
Страстны поцелуи,
тела не выходят из камасутры.
И всегда жарко —
ты взял журавля за лапы,
синица — в руках и дома.
Брошена семья старая —
там нету страсти.
Сын пьет и курит,
а вчера купил пистолет.
Дочь хандрит и все не устроена.
Жена у психоаналитика
и в доме грязь.
Сюда же все состояние брошено,
папочка так любит тебя.
Ночью в позе лотоса
ты отдаешь концы.
Тебя нету — жизнь улетела.

Холодное тело,
деньги она взяла.
Лети душа,
тебя встретят там.
Дураки нужны везде,
но не небесам.

31.01.08.

* * *

«Ах, какая женщина», —
строчил поэт в ресторане.
А дома дотлевала его Таня —
доходы скучные,
штопанный халат,
и седина испеплена.
Сладкий грех, —
поет певица,
близъ с арабом,
и все рады.
Обнимаю стан зазнобы,
муж литейщик на заводе.
Он сталъ варил,
умножая капиталы хану,
а она кутила, развлекалась.
Сани мчались,
сани мчались.
Ей вы, кони,
мне в канаву!
Телка вывихнула шею
и сломалась.
Я с фингалами
и ухом на веревке
бросил сани, бросил телку,
и верхом на лошади умчался.
Если честно,
то я просто испугался
лихих разборок.
Степь да степь,
одни могилы.
Но сладок грех,
годы прошли
и я опять к певичке.
Араб крепко держался,
а бабы голливудское личко,
в ресторане у поэта
отдыхает.

И снова кони — «Ягуар».
Мы мчались и любились, напевая —
вдруг менты степные окружили.
Поменял Луценко, блин, бригады,
нас повязали с «Ягуаром» и правами,
в суд доставили полураздетого,
но судьиха не была поэтом.
Упекла и припаяла,
как хотела.

01.02.08.

* * *

Выйду на улицу
поздним вечером
и повстречаю первого встречного.
Улыбкой широкой освечу ему путь.
Город родной,
мне не уснуть.
Днем здесь полегче —
птицам я друг.
Днем мне полегче —
деревья вокруг,
кошки собаки
ко мне всей душой.
С людьми посложнее —
бегут гурьбой
каждый куда-то
да и зачем?
Город все вертит
всеми и всем.
Лишь в этом потоке
я так одинок,
как леденящий
гортань клинок.
Люди, любите, любите всех.
Люди, любите,
страдаем мы все.
Город великий,
а мы — в кольце.

02.02.08.

* * *

В Бразилии — карнавал,
в Вене — бал, в Багдаде стреляют,
в Москве пугают новым оружием,
в Нью-Йорке трудно —
окрысился кризис,
война с арабами,
доллар падает —
не долетает,
где-то и кто-то
его собирает.
Брожу по улицам —
только грязь,
монеты мелкие — доллара нет.
А падает массой,
китайской стеной —
где собирают и что со мной?
Новости вертятся —
в глазах хоровод,
голова то держится,
то падает вперед.
Может в Бразилию
к танцам иексу?
Кому я там нужен,
полон скепсиса.
Кручу телевизор,
говорю сам с собой.
То фильм-боевик,
то детектив блатной.
Я в них играю бесплатно — один.
За всех артистов сценарий пишу,
сам режиссер, а снимать не хочу.
Просто играю и так веселюсь.
Идет карнавал — я к телевизору жмусь.

Там ведь тело —
не то, что здесь,
Зоська стара,
а Клава — в торец,
Люба живет с депутатом.
А мне в телевизор
упрись домкратом.

02.02.08.

* * *

Я смотрю на облака —
там бежит моя река,
та река меня зовет —
манит дальний горизонт.
Жизнь земли и жизнь моя —
счастлива моя звезда.
Я ей в небе поклонюсь —
ты вела меня к себе,
ты вела, хоть я не шел,
часто думал о тебе,
а искал земных утех.
И вот кончилась игра,
ноги носят взад вперед.
Я могу бежать вперед,
но душа щемит
и все тянет в небосвод —
лишь туда мои глаза.
Ты гори, моя звезда!
Вижу путь твоих лучей,
следуя по ним,
и цель
мне понятна и близка.
Только трудно мне найти
силы на борьбу страстей,
силы на борьбу с собой.
Бог поможет, укрепит.
Я иду и мне болит
землю оставлять в красе,
ведь на небе все не так —
там красоты видит глаз,
видит глаз,
и чувствует душа.

Жизнь летела и летит,
мне бы вечность покорить
скромностью, любовью и трудом.
Бог — со мной.

02.02.08.

* * *

Нежное солнце
и дымка с небес,
в ней сквозит старый лес.
Могучедубы с ветвями,
как обугленными руками,
просят Бога
воскресить весной дубраву.

02.02.08.

* * *

Я не люблю мужчину, с которым живу.
Режу на кухне ему помидоры,
а мысль одна — отравлю.
Жарю мясо и рыбу мужу,
а мысль все та же —
где взять яд?
Отравлю, отравлю.
Захожу ночью в комнату —
он спит глубоким сном,
а я хочу двинуть его
по голове чем-нибудь.
Но понимаю, что оставлю следы —
и к себе ухожу.
Как его мне убрать?
Думала киллера нанять,
но он все себе прячет, нет денег.
Мне бы доступ к его деньгам
и я бы бахнула.
Жизнь не в мочь —
смотреть на подонка.
И я одеваю пальто,
иду в кафе на свидание.
Уйти к нему я не хочу
по соображениям тактическим.
У него нет средств
прокормить меня, ненасытную.
Совладай я с пузом своим —
жизнь была бы легче
с милым моим.
А так мне нужен
большой рацион.
И я терплю этого гада.
Пью жизнь рядом.

Анатолий Можаровский

Живу и не люблю.
Живу и ненавижу.
Жизнь скользит к концу.
Люк открытый
все ближе.

03.02.08.

* * *

Говорю слова ласковые,
слова нежные —
жемчужина синеглазая,
жемчужина моя — женщина.
Лен волос
по плечам ветром разметан.
Взгляд наивный и я влюблен,
как в невесомость, женщину.
В цвету весеннем
сирени кусты —
сад светает мне.
Пора идти ,
на заре утра,
рассветьем города.
Запах милой.
Волосы белые,
волосы — лен.
Моя жемчужина,
как я влюблен.

03.02.08.

* * *

Молот распущенности
падает на головы взлетевших
по лестнице карьеры
и славы мирской.

Удавы хлама
ползут наверх
и все сплетается.

Роскошь побеждает скромность,
сладострастие подавляет приличие,
гормоны прут на свободу.

Молот падает, на банкетах
поднебесные тосты произносят
за тех, кто на верхней лестнице,
забывая о тех, кто лестницы строил,
кто их держит своими плечами,
руками, истертymi в кровище.

Демоны славы ласкают тщеславие.

Демоны славы греют самолюбие.

Талант требует внимания.

Приходит диктатор и лестница ахает.
Застывшие ждут, кого перетасуют.
Кого вверх, а кого зафугуют.

Лестница застыла, мир аплодирует.
Они ждали правды и сильной руки.
Но историю забыли —
с них начнут, ими же и закончат.

Всех перетрут в муку молохом.

Мука костная —
удобрение минеральное.

Время суровое.

Потом скажут —
правильное.

И все сначала —
оттепель ненадолго.
Новая лестница,
новый молот —
такова история.

03.02.08.

* * *

Смотрю, напрягаясь,
в щелку мира тонкого.
В висках кровь стучит громко.
Цеха заводские, ржавые —
им нет конца.
Какие-то ямы, канавы,
мазут, металл,
смрадь, как в клоаке.
Станки по металлу работают.
Жуткие лестницы вверх, вниз —
конца и края не видно.
Трудные, уставшие движения,
люди уставшие, грязные.
Лица, ко всему безразличные,
сидят на скамейке, курят и отдыхают.
Некоторые куда-то едут в телеге,
бледные,
молчат и все как бы запоминают.
Ужас охватывает от предприятия.
Кому его отдал Кучум?
Ахметке, что ли?
Заводы
в зеркальном отображении.
Ад, чистилище —
с чем сравнить?
И зачем мне это терпеть?
Мне бы лес, озера
и зверей пушистых,
а я ржавый метал
и завод сгоревший,
угасая, вижу.

03.02.08.

* * *

Мои мысли
меня убаюкивают,
расслабляют.
Мои мысли
мне мир показывают,
напрягают.
Мои мысли меня взрывают —
и хочется Апокалипсиса
для всех подлецов —
и немедленно уже.
Для людей
со стодвойными стандартами,
для лгунов всех —
взрывы, огонь
и пламя вверх.
Первый в пламя вступлю я.
Плачут по мне давно бесовья!
Предавал друзей,
ненавидел и насмехался,
лгал и ссорил,
да вверх поднимался.
Гордился одеждой
от гомосечной компашки —
сейчас ищу рубища.
Хватит оперенья мне.
Всю жизнь боялся тюрьмы —
теперь сам ищу туда путь.
Жечь себя и все выжечь,
в золото превращая ртуть.
Мысли рыщут, выхода ищут.
Покой в Христе,
в учении и наследовании,
а не знаке отличия и оправдания,
но соберусь с силами и попробую
исполнить задание.

03.02.08.

* * *

Я тебя любил, люблю и любить буду,
жизнь моя на земле,
и другой я искать не буду.

Были минуты сладости и радости,
были часы страданий и военных заданий,
баррикады, траншеи и позиционные бои,
поход в разведку с результатом до восхода солнца.
Ты — мой крест, и я — твой тоже,
ведь друг с другом мы так схожи
и друг друга стоим.

Жизнь в любви с сюсюканьем —
не для нас с тобой:
нам бы пушек вой
да мир хоть ненадолго
и мы сил наберемся —
время быстро летит.

Нависает гроза
с молниями во все небеса,
горизонт с горизонтом сходятся —
это мы с тобой на прогулке.
Я все же тебя люблю,
хоть и не лелею.

03.02.08.

* * *

Так давно хотелось
проникнуть в мир тайного.
Пишу слова
и, кажется, что-то знаю,
но опираться на предчувствие
знания
не приходится.
Ведь вера в Бога — начало тайны,
за которой все откроется.
Игра в метафизику
и философия будущего
заблуждения стоят,
ты раб —
и демоны
спят и видят,
как просветить тебя.
Знание заумно, закручено,
а в конце болото.
Вернуться обратно
почти невозможно.
Психушка, рельсы.
Дикие пляски тайн закулисных,
битвы экстрасенсов и ясновидящих.
Открещиваюсь я,
хотя и тянет к ним.
Соберу я крупицы
истинных знаний,
сложу их в страницы книги,
соберу в мозаику,
если успею.
Вера — основа мироздания.

03.02.08.

* * *

Дорога, обрыв
и колючий кустарник.
Дикий крик откуда-то
и пьяный смех,
как праздник.
На границе безумия
в руки себя возьму,
тело вымою
и волосы выстригу.
На границе безумия —
дорогой коньяк,
ведь потом все едино
и вкус никак.
Женщины в кабриолетах оставлены —
некоторые в кроватях пылятся.
Все вокруг то же —
и все безразлично.
Ум еще с ними,
но нечем гордится.
И на границе безумия,
думал я,
выбор есть.
Но его уже нет —
обратно завал.
А мне куда надо
и кто меня звал?
С умишком попробовал —
и в безумие рвусь.
Там мне получше.
От дури одурью
будто бы отмежусь.

03.02.08.

* * *

Ночной звонок взрывает тело
и сердцу вдруг тесно в груди.
Ноги и руки околели.

Я доходил
за всех вывезенных в ГУЛАГ,
в гестапо.

А я полковником холеным
отдавал приказы в СССР и Дойчланде,
в рубашке белой с крестом.

Мой фюрер
то Гитлер, то Сталин —
я страх растил и множил.
Поэтому в дверь мою
и в телефон —
звонки, звонки.

Сердце екало и все ждало.
Но выдержало сердце — воля Бога.

Ныне новый у нас режим —
кучум, чекист иль хунвейбин.
До фюрера не дотянуть никак.

Хотя ярлык и цепляли этот,
он сам боится звонка,
стука в дверь,
и вздрагивает каждый раз,
когда скребнет ее зверь.

Мне вытерпеть пришлось все десять лет.
Я выдержал, хотя ломался и стонал.

Сегодня плачу потому,
что жизнь моя идет к концу.
Я друга потерял,

который выше всех наград —
от неба он.

И неба звон я слышу по ночам.

Я отработал грех свой.
И потом — я небом осужден.
Уйти с крестом...
Спасенье — с ним,
спасенье — в нем.

03.02.08.

* * *

Любовь и страдание рядом идут.
Ты любишь — тернистый твой путь.
Только в сказках живут в любви,
затем в один день умирают счастливыми.
В жизни все наоборот.
Ты любишь, любимый болеет и ты хандришь,
душа за любимого друга болит.
ты терпишь, страдаешь —
и солнце не то,
день, хоть прекрасен, не видишь его.
Так годы проходят.
Судьба готовит проверку на крепость.
Кто-то уходит и меркнет весь мир,
ты плачешь, страдаешь, тебе так болит.
А кто-то ушел, как Ника моя...
Тайна большая и вера одна,
и с верой ты терпишь, вспоминая Христа —
верою горы можно снести.
Взглядом, исполненным веры в небо смотрю,
небу я верю:
ты там, в объятиях Бога-Творца
лежишь на траве...

03.02.08.

* * *

Ты стучалась в мое сознание.
Криками души раненной
ты поднимала меня на заре.
Ты изменила свое поведение
и ритм жизни своей.
Это был сигнал мне.
Я не понял тебя в суете.
Мне гордиться нечем и тогда и сейчас —
я — славянин и авось для меня — всегда.
Все деньги, деньги, деньги —
потом лечение,
и памятник из мрамора тебе.
Прости меня, не понял я твоих сигналов.
Легко сказать: судьба,
и на нее все сбросить.
Но буду помнить я твой крик,
как просьбу.
Жизнь моя без сознания —
известно тебе давно, —
боли, боли, вечное недомогание.
Тело бы сбросить
как костюм,
но я — опора семьи,
ты знаешь.
Прости меня, мой кот,
и ты страдаешь.
Я чувствую: часть тебя — со мной,
я знаю: часть меня с тобой.
Приходи ко мне во сны,
когда захочешь...

03.02.08.

Метрадь четвертая

* * *

Сомненья — волна морская.
На берег всходит
и тут же тает.
Через песок и камни —
обратно в море.
Дорога чиста для новых волн.
Я тоже часто сомневался,
маялся, плакал и забывался.
Но Бог нас любит Словом,
доучивает ударом звонким.

04.02.08.

* * *

Ограды, заборы, засовы, замки,
сигнализации, охранники-здравяки.
Поля в бурьяне, мир — в навозе.
Законопатить, заклеить, закрыться.
Сосед рядом живет двадцать лет —
не знаю, не знаком.
Он маньяк на весь район —
девочек, мальчиков, полицейских —
в машину силком,
инъекция какого-то средства,
изнасилование и новый поход.
Всем закрыться, не выходить —
не осудить,
это норма в обществе
свободном.
От праведного суждения.
Будет еще не то
годков через сто.
После референдумов, выборов,
новых политтехнологий.
Дяди бородатые для солидности
идут, как солдаты, из мира тьмы.
Из подземного перехода идут поезда,
как в метро.
В них тьмище народа
оттуда, где мерзость вся.
Едут к нам, как на работу —
все смешалось,
сейчас начало
и трудно будет понять,
где человек,
а где бесово одеяло.
И вообще, что это?
Сказка, фантазия, предположение?

Посмотрите в глаза прохожим,
остановитесь, поговорите с кем-нибудь —
вам откроют такие пласти
ужаса технологий особых.
Спасители кто?
И где они?
Скажите мне, кто может.

04.02.08.

* * *

Язык отображает сознание.
Дефект языка — проблема сознания.
Кривоязычье — суржик.
А нация на этом языке общается.
Артисты куражатся —
вроде смешно.
С суржика жизнь
поутру начинается,
лень напрягать мозги,
подыскивая слова правильные.
Легче говорить,
не задумываясь о сказанном.
Отсюда беды на голову науки —
артисты куражатся
и с этого живут не в скуке.
А надо плакать,
поднимать культуру,
а не обвинять Россию —
они, мол, все сделали.
Язык отображает сознание,
страна больна.
Был взрыв и Майдан поднялся,
но этого мало.
И все пропало.
Ибо никто
не покаялся.

05.02.08.

* * *

Лицо к стене и руки вверх —
 стоим который день.
 Мы арестованы или задержаны —
 идет война.
 Вокруг повстанцы, отряды швабов —
 из недр земли.
 И гитлеровцы рядом, черт возьми —
 много дивизий, восстали, стоят.
 Паулюс, Гитлер и вся их рать,
 Сталин с усами и генералы,
 с ними Власов —
 будут бои, я представляю.
 Кто за кого и куда стреляют?
 Вышел дядька с рогами
 и говорит —
 генералы и верховные идут с нами.
 Драяться будут друг с другом.
 Пусть солдаты поспят,
 а вы повоюйте.
 Руки затекли, ноги устали —
 нас задержали,
 мы задержались.
 Мы за державу все!
 Хоть нездешние
 и мир не наш —
 но вижу белый стяг.
 Один, второй —
 сдаются все
 друг другу без боя.
 А нам говорили,
 у них сильная воля.
 И вдруг я вспомнил —
 у меня есть граната.
 Рву чеку и лечу обратно.
 Я заблудился в измерениях —
 куда теперь?

И вдруг вижу Ленина,
гуляя по просторам
без машины времени.
С таким успехом —
скорее к американским индейцам.
Может успею быстрее испанцев.
Колумб, наверное, еще не родился —
открою Америку
и переселю китайцев.
Они станут основной расой.
И мы наконец
уделаем американцев.

04.02.08.

* * *

Завтра новолуние — особый час.
Смотрю в глаза твои зеленые
и вижу блеск.
Особый день
и по-особенному дышит лес,
на озере ночном, похоже, тоже бал.
Восстанут все,
кому покоя нет —
луна зовет.
А небо темное молчит,
и напряженье в теле.
Я ощущаю неприятные идеи
и мысли не мои,
я под влиянием луны.
Закроюсь в доме,
тихо буду вспоминать,
анализировать ошибки и грехи,
а ты иди...
Ты знаешь, кто ты,
к кому я обращаюсь.
Я Богу отдан,
времена твои прошли,
с тобой мне ночью не плясать.

05.02.08.

* * *

По тонкой грани тянет
пройти иль пробежать.
Но ведь недолог всплеск
и заточение опять.
И снова время
к грани несется —
ты ищешь способ
к ней подойти.
Жена — чужая
и дом — чужой,
чужие деньги и казино.
Ножи и карты, автомобиль,
большая скорость — может, убил,
может, отбросил его в кювет?
Может, дитя, а может, дед.
И снова скорость, и снова риск —
гормоны в теле, в голове «твист».
Танцует мозг, танцуют нервы,
мышцы играют, ты не первый
сам себя ставишь на пьедестале.
Ты играешь все больше —
и чья взяла?

05.02.08.

Метрадь четвертая

* * *

Кошке Ниже

Мне тебя не хватает.
радует твой приход во снах.
Часто я вижу кошку,
но исчезает она опять.
Ты убегаешь из неба лаской,
на свой страх и риск,
но я прошу: «Приходи...»
В горле — комок.
Время коварно,
оно жестоко,
мы его тратим невпопад.
Жалею, что ездил в отпуск,
тебя не брал...
В природе дикой
с тобой бы быть,
но того, что было, не изменить.
Моя ты ласка, щедрый кот,
любовью жил, любовь дарил,
а я тебе, бывало, и грубил...
Прости меня...

05.02.08.

* * *

Мир издевы — жестокой лжи.
Люди страдают — везде режим.
Парламент грозно машет руками —
сытые дядьки и тетки с серьгами.
Клоаки стран и пробка, кран.
Открыть бы пробку да кран включить,
водой холодной
к чертям смыть.
Жизнь чемоданна,
двойное дно —
внизу патроны,
билет в кино —
кино из жизни разных стран.
Включаешь телек
и видишь —
машет руками хам,
орет, свистит
спаситель нации или бандит.
Не только нам,
не только здесь —
везде одинаково,
один рассвет
для всей земли,
но в разный час.
Все видим мы
в клоаке счастья
оргазм несчастных
под вопли партий и крик вожатых.
И стая стонет, и хрюпы снова —
удавка сжата.
И гибнет кто-то.
Кто он такой?
Свое бы пузо спасти и все —
кормить получше,
получше дом.
Штаны и бабу из стаи взять —
и снова крики, и снова храп.

Загнаны кони,
подох вожак,
но новый — тут как тут,
а с ним семья, охрана, кумовья —
им нужен блеск, комфорт и дом.
Тяжело дышит народ,
рубит, пилит, —
снова узда.
Мы все привыкли —
мозги в разгон,
и тянем лямку.
Кто-то выжил,
кто сник.
Вожак подох,
а может, жив?
Время покажет свои клыки —
кран не включен
и пробка там.
Как мул навьючен
или шакал,
бредет то стадо
и тут и там,
еще и стреляет по бокам.

05.02.08.

* * *

Я обречен построить дом,
посадить сад, траву посеять,
а что мне делать,
ведь странник я.

Как не красива для меня земля,
но все здесь временно,
и мы все на пути —
идем мы к небу.

Как дойти?

Заповеди дал Бог,
они просты:
отбрось тщеславие,
мечты о богатстве, роскоши, утехах плоти,
и путь окажется вдруг прост.

Ты странник, ограничся этим —
все — для других,
себе — чуть хлеба да воды,
а мысли все — туда,
где вечнорадость,
красота, покой и горя нет.

Мы к новому миру идем,
как хочет Отец.

05.02.08.

Метрадь четвертая

* * *

Кошке Нике

Ты лежишь под деревом.
Дерево ушло к тебе,
ты рада —
хоть какая-то память о доме.
Наградой дерево тебе.
Там — только кошки,
но ты домой хочешь,
к нам,
хоть на минутку,
ко всем прижаться
и развеять скуку.
Мы грустим все за тобой,
ты знаешь.
Жизнь проходит,
мы уходим в миры иные.
Ты ушла звездой,
оставив горе нам
за то, что не ценили.
Прости нас, Ника,
мы уже повзросели,
твои глаза
нас научили многому.
Я вижу:
легкий ветер
мех твоей развевает,
твои глаза.
Разлука вызывает слезы,
но терпим мы.
Ты приходи...

05.02.08.

* * *

Зерно мне дали,
сеять нужно.
Я молод был —
в голове пусто —
бросал зерно на камень горстями —
произрастало и засыхало.
Бросал зерно горстями я вдоль дороги —
оно взрастало и погибало.
Бросал горсть зерна в терновник —
оно росло и заглушалось.
Весь урожай погибал,
а весною — все сначала.
Я сеял там же, меня встречали —
все ждали лета и урожая.
Все погибало и все страдали,
а рядом поле —
земля плодила
всем на утеху.
Там сеял тот,
кто знал и верил.
И с урожаем его встречали,
он шел уставший,
но со славой.
А я полвека прожил неумехой,
ругался, злословя на долю и поле...

06.02.08.

* * *

Кошке Нике

Молчать, молчать.
Открыл рот — и пропал.
Поддался —
и понесло туда,
во тьму.
Молчать, молчать
и тихо думать
над каждым шагом,
каждым словом.
Все, что не чисто,
все, что не свет,
пускай идет на темный лес.
Осталась жизнь в самоконтроле,
где каждый слог —
против меня:
грешил я много,
устал от злого...
С самоконтролем
иду я в небо.
К Христу — один лишь путь:
через шипы да камни,
там ждут меня,
и рады, что кается
такой, как я.
Я так устал,
ты слышишь, Ника?
Я путник заблудший.
Начну сначала.
Бог поможет.

06.02.08.

* * *

Перевернулось и остановилось
в темноте на дороге.
Вышел из машины —
передо мной фургон
лилово-синий
в рекламных надписях —
Россия, Лондон и Париж.
Фургон без крыши —
улетела на самом деле.
Но где водитель или тело?
В кабине пусто,
мотор гудит неровно.
И в это время —
выстрел в упор,
Второй и третий — холостой.
Я стою, как не бывало —
кто стреляет?
Никого нет — какая чушь.
Фургон встает и уезжает,
медленно скорость набирает.
Рассвет. Сажусь в машину —
мотора нет,
исчезли шины,
пропал мой руль,
портфель, ключи.
Остался телефон и записная книжка —
звоню жене,
собака говорит, что вышла.
Звоню в полицию — гудки.
И слышу голос, как из кармана, —
посмотри, какая яма.
Я головой верчу по кругу,
вижу тропинку, сосны,
школьную подругу.
Она сидит и — удочка в руках.
Водоема нет и блеск в глазах.
Курит сигару, рядом коньек —
грудь оголена и бедра тоже.

Рядом — рыба, словно с мороза.
И вот клюет — тянет жабу.
Снимает с крючка, дает мне в руку
и говорит — нюхай.
Я понюхал — стало легче.
Жабы нет — в руках соседка.
Тоже чуть-чуть и в неглиже
и без удочки уже.
Удочку сложила под кровать
и ко мне — все целовать.
Тут и бармен подскочил —
вот твой счет и вон пошел.
Утром голова трещит,
я весь грязный и в пыли шарф.
Смотрю вокруг — везде асфальт.
Но где же душ?
Мне на работу.
Где мой дом?
Куда дорога?
Рядом мужчина —
глаз открыл и улыбнулся.
Что случилось?
Мы вчера с тобой женились, —
отвечает парень вяло.
Вечером возьми одеяло,
я ждать тебя буду
за поворотом.
Там контейнеры с мусором —
наша работа.
Ужин приготовлю на двоих.
Приходи пораньше, мой дюдик.
Я вскочил и побежал, что есть сил.
Я миллионер, банкир!
А меня так опустили!
Лишнего грохнул в баре!
И зачем я ехал
на эти, блин, Канары.

06.02.08.

* * *

Кошке Нике

Как трудно жить,
а не терять — нельзя,
так уж устроен мир —
не нам решать
кому дышать,
а кому нет.
Тебя унес
поток на небо,
а я остался,
или не был?
Какая боль.
Печаль моя —
лишь плакать
день ото дня.
А ты приходишь
лишь во сне...
Я буду ночи ждать,
чтобы увидеться опять.
Я плачу, милый друг,
я виноват,
ты подавала знаки мне —
я не помог,
не понял я.
Приснись сегодня,
слышишь?
Приснись...

07.02.08.

* * *

Глубина чувств
и единицы их измерения —
не прибор для кровяного давления.
Прибора нету,
единица измерений — Вселенная.
Чувства исходят,
мир наполняется ими,
и глубина ощущается.
Сердце чувствует их энергию,
принимает их или нет.
И ты получаешь ответ
через всю Вселенную.
Любовь к любви
и обратно в любовь.
Эта сила мир перевернуть может —
любовь и нелюбовь тревожат.
И если сила любви сильна —
сглаживается сила зла,
его удары смягчаются.
Любовь побеждает зло
ударом на удар.
Поникли деревья
шквал
опустил грозья цвета.
Меркнет солнце в глазах —
мир не готов ко злу.
Он просыпается и побеждает,
превозмогая шрамы.
Я виноват —
своими ударами
ранил я душу мира не раз,
сам не страдал,
но боль
по всей земле волной катилась.

Прошло время
и понял я,
что любовь не имеет конца,
а лишь глубину.
любить нелегко,
но учиться я буду.

07.02.08.

* * *

Дочка и кошка,
жена и мама —
четыре женщины,
для меня немало.
Любовь, забота
и праздники частые —
радости маленькие.
Идем по улице
родного города —
дочь беременна,
родит девочку.
Кошка ушла в мир иной,
но душа ее здесь.
То есть
нас будет шесть.
Девочку скоро увидим.
Слышите, вы,
с мышцами бычьями и злозамыслами.
Пять женщин в моей стране
готовы за меня на все.
Я им опора и фундамент дома.
Меня любят они,
хоть я и не прост.
Сложен переплетением роз
с колючками.
Все во мне переплелось
и периодически ранит.
Они терпят, а я их еще и погоняю.
Вот таким туротрядом
идем по миру отрадному.

Странники без устали,
иногда с ропотом,
боремся за чистоту рядов,
а иногда и со злом.
Мы одолеваем трудности вместе —
спасибо Богу за счастье
вечности.

07.02.08.

* * *

Плесенью покрытый пень,
за ним второй, третий.
Грибы на останках могучих
вековых дубов,
срезанных на мебель, на пол.
А пни остались, как немой укор, —
корни боролись,
но без крон
не выжить мощным лапам.
И медленно всосав все силы,
тлен их преодолел, разросся.
Везде лишь он
и запах гнили.
После дождей напилась
влаги грибная масса,
накрыла пни, а рядом
ветви исполинов
в пожелтевших листьях.
И птицы напевают
без устали молитвы —
поклоны Творцу.
А пни исчезнут под грибами —
на месте их взрастут деревья.
В лесу пахнет прелым —
уходят листья, хвоя, ветки.
Уходят пни навеки,
но грусти нету.
Я полон радости бытия
и жизнь люблю до слез в глазах.
Но тихоющемящая боль
никак не соглашается
с движением,
с рождением
и смертью без конца.

Свежеет воздух,
и просинь неба
меж верхушками дерев
пронзает птица.

07.02.08.

* * *

Попсуха-певичка
в красном костюме
и белой шапке,
под Деда Мороза манатки.
Поет и кривляется на сцене
на зависть таких же
элит-женщин.
Она поет,
а мы лишь жарим
своих мужчин
за ход налево.
Муж богатый и известный,
хоть политик очень бледный.
Но в стране давно несчастной —
все такие дяди-квashi.
И вот становится всем в пику
депутацией в совете именитом.
Делит землю и заводы,
за столом сидит вельможей
и глаголит свои речи,
выводы ума буфета.
Депутяги должны быть
очень богаты —
бедным места нету в депутатах.
Они правильно мыслить не могут.
Только очень богатые вельможи
могут править страной.
Все больше богатеть,
а бедным — фуфайка,
галоши из Ташкента,
грабли в руки
до конца эксперимента.
Править будем мы
и наши дети.

Бедные останутся на свете,
но немного —
так, чтобы была массовка
на выборах
в кабинках.
А пока — пусть слушают
чумные песни.

07.02.08.

* * *

Передо мною лист,
на нем черкну я ось —
икс, игрек, зет —
трехмерное пространство,
здесь родина,
здесь я живу.
Здесь все сложилось,
ну, не очень,
маюсь по жизни за журавлем.
Синица улетела прочь —
остался я под темным фонарем.
Электрика ушла
и свет пропал надолго.
Везде пустые окна —
где же любимая?
Хоть женщины
давно лишь фон —
да посудачить бы о том, о сем.
Увидеть бы четырехмерного
хоть уголок.
Все, что мы видим —
грезы.
Так жизнь пройдет
и выйдешь, как из кино,
глаза прищурив.
Реальности не видишь —
в глазах картинки,
кинопленок километр.
А вот и яма — для чего ее тут рыли?
Ну и попался
сегодня нам клиент.

Я слышу голос
и вижу рожи,
краснющие от водки по утрам.
Опускают
и долдонят о своем.
Вот я уже и там.

08.02.08.

* * *

Однажды посетил зоопарк,
мне было уже тридцать пять.
В погожий летний день,
с хорошим настроением,
мы шли вдоль вольеров
зебр, слонов и пони.
Нормальные животные в неволе
вели себя спокойно, жевали сено,
слон обливал водой свое тело,
далее клетки с медведями.
Я долго наблюдал за ними,
пространство клетки — три на четыре.
Прутья железные в ряд —
медведь на мощных лапах
двигался по кругу.
Голова моталась в такт движений
и мощные лапы неустанно
двигались в особом ритме.
Глаза в потуманье,
дикая тоски боль —
видно как зверь страдает.
Я сделал фото на память —
долго стояло на столе
и перед глазами — мучения зверя.
Мы, люди, так освинели,
так оглушманели
к боли чужой!
В душе медведя страданий больше,
а зоопарки приносят пользу
тому, кто строит эти тюрьмы.
Дождь золотых
двуногие ловят и спорят.
И понять немногим боль зверя дано.

Анатолий Можаровский

Кричим о росте промышленности
и потреблять стали больше.
Жестокость тоже растет по часам —
и сами мы плодим маньяков.
Мне за вас стыдно,
дяди из зоопарков.

08.02.08.

* * *

На лугу сенокос,
все травы легли в покос.
Над ними птицы
и пахнет до головокруженья.
А в теле бодрость искрится —
в дни такие
дома не усидится.
И я в лугу под небом синим
да облака плывут —
и диво в каждом облаке.
Я вижу то лицо,
то сказки детства,
то зверье лесное.
Лето всех награждает счастьем —
одинокая лошадка пьет воду,
тихий ветер развевает гриву.
Мне б промчаться
на ней по лугам верхом,
но лошадка отдыхает у ручья.
Я поглажу ее гриву, голову —
в глаза мне посмотрит нежно,
умна она.
Я лежу в покосе сена —
глаза в небо и пение птиц,
стрекоз, кузнечиков —
летняя страда.
Сердцу отрада,
душе облака.

08.02.08.

* * *

Сегодня молился Богу,
обращался к Иисусу Христу
сохранить жизнь
душе кошки Ники во Вселенной.
Я дал клятву Творцу
и просил встречи с Никой,
когда придет мой час.
Я дал клятву Богу:
посильное совершить на земле,
грехи обуздать,
гнев, раздражение, злость, прелюбодеяние,
сребролюбие, чревоугодие
оставить позади.
Многословие, осуждение —
мои враги.
Заповеди Божьи
исполнять день и ночь,
с Божьей помощью —
от грехов прочь!
Дорогу к небесности
проложу на всю жизнь.
Я еще докажу,
что могу праведно жить.

08.02.08.

* * *

Вы знаете

как ловить рыбу в мутной воде?

Многие скажут — нет, а другие — да,
хотя не видели ее никогда.

Зрелище варварское.

Водоем со стоячей водой,
илистым, с грязью и торфом, дном —
часть водоема ограждается дерном,
а далее люди ходят, бегают по воде,
грязь поднимается вверх.

Вода становится мутной и рыба,
глотая грязь и задыхаясь,
поднимается вверх.

Глоток чистого воздуха —
иначе смерть.

И люди — грязные,
черные от ила и торфа,
хватают ее — и дикий восторг.

Так и одичалый политический морг:
часть партий при власти,
а другие, как здрасте,
создают теневые кабинеты
и пишут об этом в газетах.

А в основном
блокируют в парламенте трибуну —
требования то те, то другие.

Удовлетвори все — и снова причина.

А в это время
сознание мутится —
вокруг крикливы, жуткие лица.

Запугивают всех и без остановки
дерут родину до последней заколки.

Народ попривык к мutilову,
к муторному поведению,
но от Бога придет прозрение.

Свяжут, вынесут,
и на виллах откроют психушки.

Соберут всех в кучу — пожизненно! —
на таблетки и уколы от буйства.
Скромный харч —
в сутки на гривен пять.
Журналистов, пекущих жаркое дурастии,
обвинят в неврастении.
Закроют, очистят, скажут —
ушла демократия вся чисто.
А кто виноват в этом? — спросят.
Я думаю — черт.
Это его по стране так носит.

10.02.08.

* * *

Будьте, как дети,
войдете в Царство Небесное.
Немногие выдержат.
Ломаются и поют другие песни.
Круг и в нем — танцы.
И по кругу бег —
мокрые от пота и голодные,
жадно ловят взгляд
одобрения или осмеяния.
Постоянно в напряжении —
гонятся и не успевают,
кто-то кого-то перегоняет —
зависть, злость, раздражение.
У кого больше, у кого лучше.
В головах брожение
входит в привычку.
Характер меняется —
замуж выходила мышкой,
а сейчас кусается
крокодилиной.
И вот седина в висок,
бес в ребро —
начинай сначала.
Молодые девушки
ради денег в любовь играют.
Кто-то побеждает и выигрывает,
кто-то смиряется и опускается.
Все меняется не в лучшую сторону —
а как же детство
веселое и беззаботное?
Доброта и непосредственность
потеряны в танцах.
Игры взрослые — дорого стоят,
затягивают и не отпускают.
Щеки надутые и что не спросишь,
надуваются еще больше.
Затем что-то вещают,
игра во взросłość.

Если бы знал — не пошел.
Дальше сел.
Сегодня выход один —
подальше от этих снов.
От реальности
за гранью вымысла.
Уединение и спасение —
в нем сила и возвращение
покаянного сына
из заточения.

10.02.08.

Содержание

«Кому-то помоги и мир похорошеет...» Ст.Бондаренко 3

Тетрадь первая

«Я вижу небо...»	8
«Болото, болото, болото...»	9
«Хочу быть птицей...»	10
«Впереди дорога...»	11
«Дороги деда и отца...»	12
«Я слышу музыку небес!..»	13
«Боль души и сердца боль...»	14
«Небо осени над нами...»	15
«Вставайте братя, роззуйте очі!..»	16
«Стрелы яда вновь несутся...»	17
«Снова тихая пристань...»	18
«Хочу на луга, и к травам»	19
«Переливы, перепевы...»	20
«Ветер над миром промозглый...»	22
«Октябрь...»	23
«Я кружусь, кружусь над городом...»	24
«Музыка звучит в душе...»	25
«Ветер осенний, серое небо...»	26
«Вдвоем по узкой тропе...»	27
«Вчера еще был праздник...»	28
«Пришла орда — забрала все...»	29
«В памяти детство и юность...»	31
«Всю жизнь не любил Совдепию...»	32
«Мой город, о тебе я мечтал...»	35
«Вы видели цветущий сад?..»	36
«Боже, Ты так много мне дал...»	37
«Я солдат войны меж духовным»	38
«Я поднимаюсь до небес, пою, от счастья тая...»	39
«Ветер сонный дожди принес...»	40
«От Бога идем...»	41
«Кольцо сжимается вокруг меня...»	42
«Стволы деревьев кто-то отлил из металла...»	43
«Серое небо всплакнуло холодным дождем...»	44
«Лето все ярче...»	46
«Трава медовая, цветы цветут...»	47
«Взлетает сердце, душа трепещет»	49
«Вгляднусь в ночное небо...»	50
«Все небо в красках, в облаках дивных...»	52
«Судьба бросала меня...»	53
«Был однажды мне дивный сон...»	55
«Человек совершает подвиг...»	56
«Размышления, сожаления...»	57
«Я снова хочу уйти...»	59
«Последний вечер ноября...»	61
«Две тыщи лет назад...»	63

Содержание

«Человечество ищет модель...»	64
«Мир манипулирует сознанием...»	66
«Прошу тебя, ноябрь...»	68
«В лазури небо, в цветах земля...»	70
«Клоун правит городом...»	71
«Моя страна на поле боя...»	72
«Господи! Ты дал мне жизнь...»	73
«Туда надули, здесь убрали...»	75
«Не ори ты в глаза человеку...»	76
«Отвернувшись от Бога теряет лицо...»	77
«Мир изменить...»	79
«Благоговою и люблю! Перед одной Его любовью...»	81
«Ночное небо...»	82
«Благоговою и люблю. Иду, хочу победы...»	83
«Рву жилы...»	85
«Я верю в вечность...»	86
«Отдал — забудь. Иди вперед...»	87
«Я счастлив среди снегопадов...»	88
«Великий, Богом избранный народ...»	89
«Господи! К Тебе в небеса!...»	91
«Боль, боль»	93
«Шановне панство, що владу має...»	95
«По телевизору дают квартиры...»	97
«Подари мне, Господи, слова...»	99
«Я пришел бы домой с работы усталый...»	100
«Мир стал мрачным и чужим...»	101
«Я верю в Бога. Я верю в вечность...»	103
«Я стал нервным и злым...»	105
«Глаза любимой — бархат и свет...»	107
«Не унывай и не грусти — неси свой крест...»	108
«Консервы — килька в томате...»	109
«Со злом по жизни не пройдешь...»	110
«Звечоріло...»	112
«Хочу начать жизнь сначала...»	113
«Я думаю про Вас, моя кохана...»	115
«Метель, снега, январь и я...»	116
«Я снарядом ворвусь в ваш мозг...»	117
«Листья желтые шуршат по асфальту...»	118

Тетрадь вторая

«Пришли такие времена...»	120
«Господи! Хочу к тебе, слышишь!..»	121
«Чим мерзенніший чоловік...»	123
«Мысли разные, мысли правильные...»	125
«Я был ракетой в жизни...»	126
«Сознание и язык — взаимосвязанные...»	128
«Зло многомерное, зло бесконечное...»	130
«Жизни смысл и жизни цели...»	131
«Жуткий вечер, жутчайшая ночь...»	132
«Я лечу, я плыву в голубых небесах...»	133
«Берег моря...»	134
«Поплыvем, моя душа, поплыvем»	135
«Мчусь на лошади по дороге...»	137

Содержание

«Я лечу под звуки песен...»	138
«Жизнь никогда не кончается...»	139
«Дрогнул мир и страна свалилась...»	141
«Он сменил имидж...»	142
«Рита! Я смотрю телевизор часами...»	144
«Мир повернулся спиной...»	145
«Февральский яркий день и неба голубого глубина...»	147
«Вчера увидел я картину...»	148
«Звериным стал мой лик и взгляд мой озверел...»	150
«Кто не терял — не получал...»	151
«Город распахнула весна...»	153
«Мир, как челюсти взбесившегося крокодила...»	154
«Встану рано поутру, соберу нехитрые пожитки...»	155
«По роще березовой тихо иду...»	156
«Не думай с грустью о смерти...»	157
«Морфий, кокайн, конъяк...»	158
«Мир давно сошел с ума...»	160
«Я зубами бы грыз скалу...»	162
«В перепевах апрель»	163
«Вишен белоцветье — весна в разгаре...»	164
«Утерянный рай...»	165
«Ветер кружит пыль дороги...»	167
«Лес осенний манит...»	169
«Всю жизнь наперекор судьбе...»	170
«Я шел к тебе четыре года сквозь войну...»	171
«Синие горы в белом...»	172
«С гор несется поток...»	173
«На крыльях май несется по земле...»	175
«Вечер, фонари на бульваре...»	176
«Метеоритный дождь...»	177
«Приснился в понедельник жуткий сон...»	179
«Оду женщине...»	180
«Моя крайно, моя Україно...»	182
«Я по бульвару под каштанами бреду...»	183
«Птицей — в небо! Птицей в сини!..»	185
«Зеленые листья деревьев весенних...»	187
«В майском парке — дождь из поливалки...»	188
«Остановлю мысль...»	189
«Проснулся ранним утром мая...»	190
«Я птицей юной взываюсь в небо...»	191
«Ветка сирени в твоих руках...»	192
«Ностальгия ломит...»	193
«Сильный ветер...»	194
«Тихая летняя грусть...»	195
«Колючкой сознание мира опутано...»	196
«Счастья Эверест...»	198
«Когда умру — заройте, как собаку...»	200
«Солнце светит — в речке лето...»	201
«Гуляют нервы и рвут все тело...»	202
«Бегу, лечу в страну другую...»	203
«Впереди — стена в нелегкий час...»	204
«Свалка железа, асфальта вонь...»	205
«Белым облаком по небу — ветер свежий...»	206

Содержание

«Идет великая война...»	207
«Мой Господь!...»	208
«Рву нервы с раннего утра...»	210
«Тихий вопрос, дерзкий ответ...»	212
«В мире, где правит зло...»	213
«Давайте вместе ходить рядами...»	214
«Господи! Приди...»	216
«Я жил в болоте...»	217
«Взрыв бомбы и падает дом...»	218
«Железные шкафы...»	219
«Все, существующее в сознании...»	220

Тетрадь третья

«Я от жизни ждал многоного...»	223
«Метель, снега, январь и я...»	224
«Вздыбленные лошади! Опасность!...»	225
«Вас вызывали к прокурору?...»	226
«Боже! Когда взлечу над летом...»	228
«Морда тоталитарная из памяти вылезла...»	229
«Птицей в небо, птицей в даль...»	231
«И снова в горы ухожу я с песней...»	232
«Бог силы дал — за веру и любовь...»	233
«Квадрат и круг в уме я изучаю...»	234
«От дома к дому...»	235
«Спиралью ветер кружит в поле...»	237
«Тоска щемящей болью...»	238
«Во сне иль наяву я вижу белый цвет...»	239
«Птицей — к тебе...»	240
«Нет правды на земле, а истина в вине...»	241
«Мои мечты...»	242
«День нелегкий...»	243
«Звуки леса в голове играют...»	244
«Дьяволосети мир объяли...»	245
«Я предавал не раз друзей...»	246
«У каждого — своя судьба...»	247
«Город уходит в ночь, и свет из окон...»	248
«Дождь по крышам домов...»	249
«Край неправды...»	251
«Временами мне хочется...»	253
«Белый свет моих туманов...»	255
«Ценою других жизней»	256
«Смотрю и не вижу...»	258
«Кому-то власть, богатство, сила, счастье...»	259
«Я скоро стану известным поэтом...»	260
«Твой звонок...»	261
«Цветущий сад...»	262
«У окна — фигура старика»	263
«Я молод и красив...»	264
«Белый туман...»	265
«Ночное шоссе под машину...»	266
«Дорогой жизни пронесла судьба...»	267
«Ветер веером листает книгу...»	268
«Не снятся сны...»	269

Содержание

«Страна без совести, морали...»	270
«Звериный оскал...»	271
«Я и осень...»	272
«На речке лед...»	273
«Белым парусом солнце...»	275
«Вижу и слышу море весны...»	276
«Я заточен, как в башне...»	277
«Стога в лугу...»	278
«В снегу белесом тополя...»	279
«Грохот пушек, танковых моторов...»	280
«Агентства модельные...»	282
«Подождите, подождите...»	284
«Осенним днем...»	285
«Я песни пою под луной...»	286
«Чорній дні твої, Україно...»	287
«Звезды да элита...»	289
«Холодный дождь...»	291
«Усталость свинцовила тело...»	293
«Белесый свет луны...»	294
«Эхо войны...»	295
«Слишком часто...»	296
«Как листья с деревьев осенних падают...»	298
«Имею ли право других учить?...»	299
«Лист бумажный...»	301
«Остров строю из отходов жизни...»	302
«Скатерь рваная и простины рвань...»	304
«Ночь. Темень...»	305
«Белым пароходом лета...»	306
«Пронзительный дверной звонок...»	307
«Цена жизни...»	309
«Кап-кап-кап дождь за воротник...»	311
«Снег медленно...»	312
«Нежный, дивный вечер мая...»	315
Сон правителей	316
«Край мира...»	318
«Сверло электродрели...»	320
«Жестокость — удар...»	321
«Слезы в глазах моих...»	323
«Грязные стены домов...»	324
«Сегодня праздник...»	325
«Жизнь Джонсона по-странныму...»	327
«От Бога вышел и к Богу иду...»	329
«Убивали дух крестьянина годами...»	330
«Строительство капитализма в России...»	332
«Верхушка кедра в моем окне...»	333
«Завидуют и ненавидят...»	334
«Тому, который во мне сидит...»	336
«Пролететь по Вселенной...»	338
«Ложь давно сравнилась с истиной...»	339
«Дубы-исполины...»	340
«Жизнь на гребне волны...»	342
«Многословие, многословие...»	343
«Не хочу рушить Отечество...»	344

Содержание

«Музыка — в твоих глазах...»	345
«Отпусти себя, как щепку в поток...»	347
«Волчара по снегу рыщет...»	348
«Скину мысли хмурые...»	349
«Пространство узкое...»	351
«Гоцалки попсовые...»	353
«Встаю спозаранку...»	354
«Люди уходят во тьму веков...»	356
«Я стою на берегу...»	357
«Не оглядываясь назад...»	358
«Бригадиры в парламенте...»	359
«Я тебя выхватил у тети смерти...»	361
«Ты уходишь от меня все дальше...»	362
«Шумит сосновый лес...»	364
«Что твой ласковый взгляд...»	365
«Тревога и боль...»	366
«Ты изменила мыслей ход...»	367
«Отец мой Бог...»	368
«Стеклянные глаза...»	369
«Я в просторной камере тюрьмы...»	370
«По краю обрыва...»	371
«Я к Господу Христу взываю...»	373
«Я люблю тебя...»	374
«Я возненавидел жизнь, дела...»	375
«Как вернуть моей душе покой?...»	376
«Я вставал и падал...»	377
«Мечта последних лет...»	378
«Жизнь любимого кота...»	379
«Я тебя не вырвал у тети-смерти...»	380
«Болея сильно...»	381
«Жизнь, как сумерки в ноябре...»	382
«Я, как застывший металл...»	383
«Старый Новый год...»	384
«Кошка Ника три дня как оставила дом...»	385
«Мысли грешные...»	386
«Сегодня День Богоявленья...»	387
«Хлопья снега кружатся...»	388
«Грусть моя тихая, грусть моя нежная...»	389
«Один в Москве, другой в тюрьме...»	390
«Не хочу зудусом...»	391
«И как жить дальше...»	392
 Тетрадь четвертая	
«Мagma зло в мозгу клокочет...»	394
«На соседней крыше друзья...»	395
«Твоему мудростью устроен мир...»	396
«Отайдут метели...»	397
«Желтая, засохшая трава в лугу...»	398
«Много лет жизни прожито...»	399
«Зелено-синее море...»	400
«Грозовой тучей над твоим домом...»	401
«Мой друг настоящий...»	402
«Видеть твои страдания и боль...»	403

Содержание

«Ночь покрывалом звездным...»	404
«Горечь горечи рознь...»	405
«Тихий зимний вечер...»	406
«Господь Христос — мой Бог...»	407
«Я — христианин...»	408
«Пространство таинственное...»	409
«Голубая сфера, конус...»	410
«Слыши слова...»	412
«Ковром зеленый мох...»	413
«Друг болен...»	414
«Взрыв бомбы и вой...»	415
«Одиночество в тягость...»	416
«Безумие по миру волнами...»	417
«Ты ушла навсегда...»	418
«Я приехал в город за счастьем...»	419
«Охапка красных роз...»	420
«Эта боль...»	421
«Перед глазами...»	422
«Белый снег искрится...»	424
«Дорога наша...»	425
«Западный ветер и дождь со снегом...»	427
«На автомобиле типа “ЗАЗ”...»	429
«Жизнь — фантом...»	431
«Белой пеной...»	432
«Вираж, пике и вдруг...»	434
«Я сегодня посетил твою могилку...»	435
«Крылящий берег Днепра...»	436
«Время стоит, время горит и улетает...»	437
«Я звоню...»	438
«Запах утренних трав...»	439
«Мир далекий...»	440
«Мне главное, чтоб была цель...»	442
«На судьбу уповаю...»	443
«Девятнадцатый день нет тебя в доме...»	444
«В небо смотрю днем и ночью...»	445
«Сегодня яркоснежный день...»	446
«Покорители космоса...»	447
«Ты в жизни немало страдала...»	448
«Шепот Вселенной...»	449
«Капает дождь, скоро ночь...»	450
«Резкий удар двери — о, сука!..»	451
«Я ухожу все дальше в глубины тайны...»	452
«Жизнь затворника...»	453
«Жизнь после твоего ухода»	454
«Скошены поля, хлеба в стогах...»	455
«Виски сжимает сильнейшая боль...»	456
«Ангелы — в небе, ангелы рядом...»	458
«Главнейшее в мире — секс...»	459
«Ах, какая женщина...»	461
«Выйду на улицу...»	463
«В Бразилии — карнавал...»	464
«Я смотрю на облака...»	466
«Нежное солнце...»	468

Содержание

«Я не люблю мужчину, с которым живу...»	469
«Говорю слова ласковые...»	471
«Молот распущенности...»	472
«Смотрю, напрягаясь...»	474
«Мои мысли...»	475
«Я тебя любил, люблю и любить буду...»	476
«Так давно хотелось...»	477
«Дорога, обрыв...»	478
«Ночной звонок взрывает тело...»	479
«Любовь и страдание рядом идут...»	481
«Ты стучалась в мое сознание...»	482
«Сомненья — волна морская...»	483
«Ограды, заборы, засовы, замки...»	484
«Язык отображает сознание...»	486
«Лицо к стене и руки вверх...»	487
«Завтра новолуние — особый час...»	489
«По тонкой грани тянет...»	490
«Мне тебя не хватает...»	491
«Мир издевы — жестокой лжи...»	492
«Я обречен построить дом...»	494
«Ты лежишь под деревом...»	495
«Зерно мне дали...»	496
«Молчать, молчать...»	497
«Перевернулось и остановилось...»	498
«Как трудно жить...»	500
«Глубина чувств...»	501
«Дочка и кошка...»	503
«Плесенью покрытый пень...»	505
«Попсуха-певичка...»	507
«Передо мною лист...»	509
«Однажды посетил зоопарк...»	511
«На лугу сенокос...»	513
«Вы знаете, как ловить рыбу в мутной воде?..»	515
«Будьте, как дети...»	517

Літературно-художнє видання

Можаровский А.И.

M75 Я слышу музыку небес. Поэтические тетради. Т.1. —
К.: ИПЦ «Киевский университет», 2012. — 528 с.

ISBN

ISBN

Книги Анатолия Можаровского — своеобразный поэтический дневник человеческой души, искренне стремящейся к Любви и познанию Божественных истин в леденящем одиночестве терзаемого греховными соблазнами мира.

Издание второе, исправленное.

**УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5**

*Відповідальний за випуск
Михайло МАЛЮК*

*Редактор
Євген ПАШКОВСЬКИЙ*

*Комп'ютерна верстка
Ганни СОЛДАТЕНКО*

*Художник
Валентина ПРОТОПОП*

*Художнє оформлення
Світлани УРБАНСЬКОЇ*

Здано до виробництва та підписано до друку 14.03.2012.
Формат 60x100 1/16.
Фіз.друк.арк. 33. Ум.друк.арк. 30,7.

Видавничо-поліграфічний Центр «Київський університет»
01601 м.Київ, бул.Т.Шевченка,14, кім.43
Свідоцтво ДК №.1103 від 31.10.2002.

Метрадъ вторая

* * *

Пришли такие времена,
что кажется,
минувший век нес бремя легче,
но подвигов его не сосчитать.
Все мелковато, воровато —
вокруг лишь глупость, дурь.
Встаю я утром, как солдат,
мечтающий погибнуть в схватке.
Но боя нет и подвигу нет места —
все заговоры, ложь да клевета.
«Фигня для понта» — вот наша страна.
В других не краше — так же, или хуже,
а нам, как символ — Запад.
На него равнение и планы.
Ворваться в золотой бы миллиард,
жизнь буржуинскую да средний класс —
автомобиль, камин и вечерком коньяк,
наркотики, кайф, пиво, порно,
заменившие мыслителей на пустоту,
как на мечту,
брюки, блузки, бриллиантов тьма...
Шли и упали, куда-то вниз.
Я вам дам лестницу и попрошу:
«Народ поднимись!» —
здесь солнце,
когда-то росли хлеба,
здесь твоё детство, мать и страна.
И пусть поводыри едут в Давос,
а мы в чистый лес —
плакать по себе,
сколько есть слез.
Давайте спасем себя —
тебя, меня, не родившееся дитя!
Мир очнись! Очнись страна!
Слава Богу, почти очнулся я.
И в таком же состоянии —
землян семья.

15.03.07.

* * *

Господи!
Хочу к тебе, слышишь!
Боль, страданье, скорбь
сделали меня чище.
Снег пролетает, зима в разгаре,
смотрю в окно.
Небо и птицы,
плывущие в воздухе снежном!
Прошу Тебя, Боже —
исцели — мне больно.
Я многое в жизни ломал, коверкал —
я шел, бежал и верен был себе.
Прости меня, если сможешь.
Хочу жить тихо,
смотреть на мир с любовью.
Поверь еще раз.
Ты слышишь, как болит,
как я погряз в пучине скверны.
Враг оказался сильней меня,
а я думал, что верен Тебе.
Моя вера — просто страх перед жизнью.
Я почти прозрел и вижу себя.
Прости!
Я стану другим — Тебе это известно.
Я рвусь непрестанно к чистоте мыслей.
Помоги и дай мне силы!
Ты меня слышишь?
Я Твой и Тебе жизнь отдать хочу.
Я в тупике — ужасы снятся.
И день и ночь — лишь боль.
Верни силы. Я люблю Тебя,
и жизнь, и близких.

15.03.07.

* * *

Я в бизнесе рвусь, как струна, угорая.
Деньги люблю, люблю успех,
товар предлагая.
Бывают дни, недели, но нет продаж,
нет поступленья — и я шалею.
Нет настроения и покоя, —
лишь крики, вопли — чумной вот такой я.
Не даю людям и близким счастья,
требую, попрекаю, загоняю всех и себя я.
Терпения нет и нет покоя,
хоть знаю — постучат в дверь и я открою.
Придет толстый дядя,
достанет гривны и доллары — и я заиграю.
Купит, растает и еще раз придет —
снова гривны, доллары, а, может, и евро.
Стану я богатым, известным —
жадным буду таким, что обо мне напишут песни.
Деньги все — себе родному. Все зарою.
Кайф по-олигарховски и радость по Кумиропопсову.
Сижу я, жду и все мечтаю —
я бизнесмен, капиталист, жизнь на бабло меняю.
Позабыл про леса, про море.
Мне бы доллары и большую комору —
запастись добром на тысячелетие.
Земли хочу собрать, как фараон египетский.
Не просите у меня — ничего не дам я.
Все себе.
Смотрите, идет блаженный и раздает подаянья.
Он не капиталист — он без мозгов, каналья.
Не то что я — с пальцами растопыренными...
Я сам люблю себя и себя славлю,
а вы все лохи — мне жаль вас.

18.03.07.

* * *

Чим мерзенніший чоловік —
тим краща машина.
Чим дурніший чоловік —
тим молодша дружина.
Чим дрібніший чоловік —
тимвищий щабель на владній драбині.
Чим заразніший чоловік —
не підірвати й на міні.
Якби я не був дурний —
в мене також був би син.
І я б його навчив —
у школі довго не барись.
Зошити, книжки, щоденник —
для понту й атестату,
вчи «феню», м'язи качай.
Купимо тобі дисертацію,
підеш у депутати —
правити крайною.
На щаблі, де ти сядеш,
вгору дивись
та кусай того,
хто просунувсь вище —
вниз його.
Не жалій жодних дуп.
Так собі потихеньку
правитимеш ненькою.
Та нема в мене сина
і не збулась Україна.

18.03.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Падает снег на город.
И тот и другой — мне дорог.
Гость я в городе и в мире этом —
время вечернее, а нет покоя.
Я останусь и заночую —
спать не буду, а буду сидеть
и смотреть на луну и звезды,
тихо плача о предстоящей разлуке.
Жизнь была часто не в радость —
были и скорби и муки.
Но мир этот дивно устроил Всевышний —
былое вчера сегодня кажется лишним.
Душа и сердце не хранят дурных раздумий.
Там только память о счастливом
и только радость.
Весна, цветущие вишни, май,
сирень и сады в белесом тумане.
Боже! Как они незабываемы!
Вспомню детство, родителей и льются слезы.
Вспомню первую любовь и красные розы.
Вспомню луга в траве зеленой —
цветы, пение птиц, река.
Вспомню все и ночь проведу в молитве,
славя Творца.
Жизнь, как пар, уходит, унося нас с вами.
Это потом, а сейчас — вечер ранний,
солнце еще высоко, ночь не за горами.
Этот вечер мой — я допью его летом.
Снег и снег.
Славлю Бога за это.

18.03.07.

* * *

Мысли разные, мысли правильные,
мысли странные, мысли безумные,
мысли прекрасные.

В один миг, в один час,
как понять себя?

И вот опять, та же череда.

Гениальное рождается редко,
словно вспышка, почти незаметная
за кутерьмой, осенними листьями,
снегом, дождем с ветром и бурей,
за бездонною тишиной.

Оседлаю скакуна мыслей —
через пропасти и ущелья
попаду в бесстрашие,
обрету свободу.

Страсти, желания
и недостижимые цели,
и тошнота от вращения...

Свобода в тебе — бери и не гордись!
Забудешься — и проиграл.

Череда мыслей —
новый шквал — запутался в них —
не тщись.

Избавься от них — свобода —
и вверх летиши.

Богу молись,
тогда мысль покориши.

18.03.07.

* * *

Я был ракетой в жизни —
летел! До предела скорость.
Суетился, спешил,
преждевременно ступени теряя.
Были времена — и обшивка трещала.
И вот — орбита, круг первый — удача.
Принимая поздравления, усталый, разбитый
я засыпаю.
Сквозь сон слышу вибрации, грохот —
метеоры долбят.
Смотрю на компьютер —
повреждена электроника.
Меня качает.
Орбита — мечта, цель жизни,
и вот — незадача.
Вкалываю, как проклятый, —
ремонт.
Ни конца, ни начала —
еле живой к концу дня,
немного сна
и снова работа.
Ошибка, две, иду, как на автопилоте.
Сон не снимает усталости —
весь разбитый,
а еще основные задания,
а я уже еле двигаюсь.
Посадка не скоро
да я и не спешу.
Я планету счастья ищу
и когда-нибудь к ней подлечу.
Пусть корабль раздолбан, помят —
я его поддержу, отдохну и
к счастливой планете,
но никак не обратно.
Путь долг, спешить мне некуда.

Метрадь вторая

Я так стремился, но корабль разбит.
Я руль сжимаю,
болтаюсь, дрожу, замерзаю.
Смотрю в иллюминатор
и счастья планету озарением вычисляю.

20.03.07.

* * *

Сознание и язык — взаимосвязанные.
Энергия сознания извергается пустословием.
Вырваться в мир!
Соединиться с сознаниями других.
Мозг бессмысленно переливается через край,
пустота жаждет вырваться
и заполнить такую же.
Энергия разрушения, энергия поражения —
неразумие ведет к погибели своим безумием.
Вначале я, потом ты, далее он
и цепь пустословия замкнута.
Играет гармонь, а может, аккордеон —
на сцене он, или не он —
не молод, не умен,
но создал цепь и сам не знает,
как выгнило его сознанье.
И так — каждый второй.
Язык действительно враг мой.
Но язык — и инструмент.
И здесь ни при чем мозг и разум.
Начиналось все, как обычно —
итог плачевен:
переиграл сам себя
и ничего из этого не вышло.
Как сбежать из этой карусели.
Угорел в себе и глаза потускнели.
Бог — и только Он — звезда, всегда,
к Нему идти, оставив себя вначале.
Прост и тих язык в затворе —
мудрость получишь в награду
не для гармошки и сцены,
самоутвержденья и пораженья,
болезненного самомнения.

Меморандум вторая

Прост и тих,
да еще и мудр —
цель будет достигнута многими.
Я в начале пути —
сегодня начал идти.

20.03.07.

* * *

Зло многомерное, зло бесконечное,
зло безумное, зло бездушное —
спрутяга, объявшний мир.

Часть спрута я и ты.

Я ухожу, отрываясь от ядовитых корней.

Ты остаешься — тебе это нравится,
ты его любишь, вы вместе сильней.

Я страх перед вами оставлю —
смрад преисподней и серы дух.

Я на светлом и чистом —
разбитый, еле живой, —
всех призываю бежать от спрута —
пусть сам извивается со своими подружками.

Их у него — не перечесть.

Он им нравится.

Их интересует
лишь полная вседозволенность.

Я убежал на воздух.

Зло победить старался, но это в сказках легко —
голову змею рубиши, за нею вторую, третью.

В реальности мерзость
подлее, хитрее, поизворотливей.

Нежится и улыбается
зверь в смоле и когтях.

Зло победит лишь Всевышний.

Сам я от зла озел.

Спелые вишни
и сад не снится.

Кошмары, ужасы ада —
я сломался и не устоял.

Снова к Богу,
чтобы удержанял.

25.03.07.

* * *

Жизни смысл и жизни цели —
все на свалку, все в трубу.
Едким дымом разнесется
труд мой — и я в дыму.
Труд, заботы, нервы, срывы,
радости и мрак.
Снится лес густой, красивый,
снится девушка-змея.
Просыпаюсь с дикой дрожью —
так устал и не заснуть.
Утром все начну сторицей —
есть ведь смысл, а цели нет.
Между ними, как граница,
вал дерьяма и крик чужой.
Как добраться, как добиться —
я один, но Бог со мной.
Слышу я Его заботу,
слышу мудрость с высоты,
но барахтаюсь в болоте —
сам стремлюсь туда идти.
Через вал — не удается.
Вроде силы есть,
есть надежда, но тревога
не дает присесть.
Поздний вечер и тревога —
самому мне не дойти,
Боже, за руку возьми,
поддержи и проведи.
Сам я слаб и ненадежен,
да тревога жжет в груди.
Тишина в ночи со снегом...
Завтра утром встану с Богом,
и попробую дойти.

25.03.07.

* * *

Жуткий вечер, жутчайшая ночь.
Утро невесело, дождь, как клочь.
Сжимает уныние.
Нервы выгорели, а хотелось не так.
Я любил дождь всегда —
летом, весною, осенью,
когда капель и мрак,
когда тихо ждешь,
когдатише идешь
под моросящим дождем.
Сегодня не так.
Дождь несет страх. Могло и не быть.
С детства мечтал о войне
и получил сполна.
Кровь кипит — это лично моя война.
И я, невидимый враг,
сжигаю пороки.
Становлюсь все сильней, крепче,
но иногда не выдерживает сердце.
Лежу в терзающем ожидании,
как в окопе на передовой.
Страх и одна мысль в сознании —
не победить, так выжить.
День лишь один.
Сам командир,
сам составишь план.
Стратегия есть,
но с тактикой часто бедлам.
Враг внутри и не отступает,
даже на время краткое.
Ты напряжен,
как на издыхании.
Улыбка на лице,
и враг на миг побежден.
Вечность ближе и выше.
Бога прошу и знаю, что слышит.

27.03.07.

* * *

Я лечу, я плыву в голубых небесах,
В лучах солнца купаюсь.
Я о счастье мечтаю.
Я на земли мечты, улетая, взираю.
Вокруг зелень густая.
Я на спину ложусь, смотрю в небо, летаю.
Птицы, небо и вечер — все тает...
Стать бы птицей на мгновенье, умчаться.
Мне хорошо в траве —
здесь бы мне и остаться.
Но время лета,
как время счастья —
у меня минут таких
очень мало:
то душа болит,
то просто мне чего-то не хватает.
Едкий дым машин,
толпы людей на улицах,
грехот.
Я привык к родному городу
и страдаю,
был он садом цветущим,
благоуханным,
теперь он город капитала и нахала,
бродячего пса и шакала.
Поэтому в мечты убегаю,
летаю...

27.03.07.

* * *

Берег моря.

Я, как околдованный,
стою средь кипарисов.

Бархатом сочным —
цветы под ногами.

Волны бирюзовые
катятся на скалы,
облизывая камни годами.

Пена, буруны и запах моря —
я околдован этим виденьем,
застыл и боюсь пошевелиться —
испугать или сглазить стихию:
вдруг я к ней, а она исчезнет.

Чаек стая с высоты падает в пучину,
и сердце мое замирает.

Я многое в жизни видел,
любил и ненавидел,
но море, горы так меня сразили,
и понял я, что это за сила.

Я еще чуть-чуть прижмусь
и постою у кипарисов,
а затем в воду зайду в блаженстве.

Море, море, ты моя стихия,
только здесь я понял — мы родные,
точно так во мне бушуют страсти,
точно так я тих и смирен,
или рвусь куда-то и дрожу от счастья,
то угрюм и сер, или сержусь.

Я и море —
песчинка и огромная стихия,
но я ему близок духом,
хоть и не так силен.

И вот волны столь нежное касание,
я в нем — и нежность получил с избытком.
Волна качает и качает,
и мысли мои стали так же тихи,
а грустные куда-то испарились.

28.03.07.

* * *

Поплыvем, моя душа, поплыvем
под белым парусом вдвоем.
Поплыvем, моя душа, —
жизнь чудесно хороша.
Плещется вода у борта нашей лодки.
Нам хорошо,
мы обрели свободу от мирского зла.
Мы вдвоем — под нами небо —
и вода кругом.
Море, дальше океан —
мы увидим много стран.
Нам не нужны дома, земля и деньги —
мы счастливы свободой,
хоть ждут нас ливни, ветры,
бури и шторма.
Я не один, и ты не одна —
вдвоем мы с тобою, душа.
Раньше жил, тебя не замечая,
раньше думал только о себе.
Всего на свете было мне все мало —
я покорял, стремился, добивался
и вдруг тебя почувствовал в себе.
Ты вовсе не такая, как я думал,
ты боль предчувствуешь — и в том моя вина.
Ты не свободна и забыта мною —
я виноват,
так виноват перед тобою.
Я слушал долго, что ты говорила —
мне было трудно рвать все прежние мерила,
мне в новой жизни —
новый строить дом,
там, где моря и небо,
и мы с тобой вдвоем:
не нужен архитектор и прораб,
кирпич или металл —
дом под дождем и снегом —
просто на траве.
И вкус свободы, оказалось,
сладок мне.

Анатолий Можаровский

И вот под парусом и ветром
над водой
несется лодка —
нам хорошо с тобой.

28.03.07.

* * *

Мчусь на лошади по дороге.
Дорога неизвестна, но впереди мечта.
С деревьев падают на плечи мне листья.
Осень ранняя и в небе — звезда.
Мчусь на лошади — ей бы отдохнуть,
но ждет любимая и долог путь.
Ждет любимая, сердце затая.
Я лечу к ней ночью, днем был занят я.
Днем — война, опасности, атаки и стрельба.
А я — с войны к любимой на час, а может, два.
Идут бои тяжелые — я в порохе, крови.
Из рукопашной схватки сегодня вышел я.
Осенний листопад — в небе горит звезда.
Мир сдвинулся, качнулся и сошел с ума.
Сколько жертв ненужных, сколько бед и слез.
Правителей бы наших — на передний вал
и пусть грызутся досыта, а я уже устал.
Я встречаю женщину который день подряд.
Я влюбился осенью — я, как листопад.
Увижу ль я победу — дом, и сад, и мир.
Пока — осенний лист
дорог мне и мил.
Я влюбился осенью.
Война с огнем.
Дожить бы до вечера,
и ночью вдвоем.

29.03.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Я лечу под звуки песен.
Я лечу, мне дом мой тесен.
Я лечу и звезд рукой касаюсь.
В сердце радость, словно каюсь.
Я грустил, были причины,
но отпали, грусть я кинул
с высоты метеоритом.
След оставит,
ночью будет видно
грусть мою.
Так серый цвет стал ярким.
И тусклый свет сознания смешался
с яркими фантазиями ночи.
Теперь пою, танцую и летаю.
всех, кому грустно —
в небо приглашаю.

29.03.07.

* * *

Жизнь никогда не кончается.
Жизнью всегда начинается.
Шел ты — и вот тупик,
боль, утрата и разочарование.
А ты осмотрись.
Жизнь всегда только начинается.
Попробуй уединись — мысли прочь.
Сознание станет ярче,
мысли вернутся, но тихие и спокойные.
Ты вспомнишь сосновый бор,
небо, озеро
и что там за голубой водой?
Роща цветущих акаций.
Ты не один — рядом кто-то грустный,
на него кричат, поучают
и так уже много лет.
Он тоже страдает.
Он тоже не свободный от мира человек.
Мы ищем улады плоти,
счастья для тела —
комфорт, стильная одежда.
И, вдруг, —
прозренье, знак,
как взрыв!
И мы бежим...
Ты примешь знак, но не до конца —
еще ропща, еще надеясь.
И, как всегда, сначала
Бог испытывает сердца.
Акаций цвет или черемуха?
Вишневый сад и я тихо сижу.
Куда, зачем? Я вроде понял смысл.
Но в глазах клети сталь,
в ней бушующий медведь.
Ни секунды покоя.

Раб, закрытый в утеху,
но я не зверь и видел мир другим,
и раньше или позже
придется выбирать
борьбу,
тяжелую борьбу.
И если ты не холоден
и не горяч,
тебе борьбу не стоит выбирать.
А я горяч,
и я пошел в разгон,
выбрав борьбу
меж телом и душой.

30.03.07.

* * *

Дрогнул мир и страна свалилась —
большая, могучая,
на полпланеты калейдоскоп осколков.
Мы все решили — это весна,
надежд, морали,
мы так устали.
Знамена, митинги, газеты
мешали с грязью.
О весне почти не говорили,
жизни исчадия повторяя.
Бизнес пищал, жужжал.
И каждый, кто хотел весны,
на шею посадил мента или бандита —
чиновников свиту.
Там убивают, там сажают,
там забирают, что успели.
Мрак небытия —
вот она, родина моя.
Мозги болванят свободой слова.
Трещат головы и сердце рвется —
весна отцвела.
А мы стоим у грязного колодца —
пить нельзя.
Рискнуть, попробовать
или новый копать?
Я так хотел весны своей стране —
я так люблю её, истерзанную, не извне.
Как ей помочь?
Как очистить ее от грязи?
Ложь законом жизни стала,
врут все, кому не лень.
Я тоже вру себе, и всем кому хочу,
и что это за жизнь? и как еще дышу?
Хочу весны, хочу дождя,
хочу грозы и молний день и ночь,
хочу омыть страну — стране помочь.

30.03.07.

* * *

Он сменил имидж,
автомобиль
«Рейндж-рover спорт»
купить себе смог,
а тебе — зависти полон рот.
Есть престижные районы,
есть трущобы для люмпенов,
есть дворцы, есть имения,
на лацкане звезда.
Если платишь, орден от президента.
Не платят екс-прокуроры,
генералы, политики и другие балалайки.
Украшают себя охотой, любовницами,
кровью животных.
Остальным — газеты, глянцы,
передачи шлюхер с румянцем.
Дурака сажают в кресло,
в душе его так нежно шарят руками.
Он то плачет, то рыдает —
говорит, как в кабинете доктору, по психотеке.
Зал в ладони бухает, а мы дома на диване —
паутина, пыль, пиво —
тоже ведь стали жить красиво.
Когда пара пива в час — жизнь «нищак».
Мир оболванен рогатым,
оболванен зубатым, оболванен проклятьем.
И дворец, и джентльмен,
и красотка в «Мерседесе»,
и электорат с диванов и кресел — все в плену.
Спят и видят новый день — счастья список.
Кто на имиджевом авто,
кто в шопе от кутюрье,
кто пакуется еще,
кто — за пивом спозаранку,
кто под бражкой, с грязной чашкой —
жизнь красива.

Жизнь прекрасна!
Побольше водки! Побольше пива!
Глаза искрятся,
мир ужрался.

30.03.07.

* * *

Рита! Я смотрю телевизор часами.
Рита! Я кручу и вращаю мозгами.
Рита! Я давно мог бы править миром,
не будь я смолоду таким кретином.
Рита! Ты виновата в том, что случилось.
Увидев тебя, влюбился в сладость.
Цель свою променял на усладу.
Рита! Я был гений, а что со мной стало —
лысый с брюшком — тапочки и шаровары,
протертый диван и ты весь день перед глазами.
Рита! Мир потерял в моем лице Наполеона.
Я мог взорвать все тоже — как эти вот в доме.
Рита! Я тебя оставляю! На память
тапочки и шаровары лежат на диване.
Сделаем вид, что я в космос взлетел без ракеты.
Ты остаешься одна. Покеда!
Жизнь и судьбу ты мою поломала,
я, идиот, ждал от тебя шоколада,
а получил горькие ласки.
Время ушло и вся жизнь — по льду голой жопой.
К черту салазки,
жизнь начата новая в понедельник —
лес, бездорожье и я, как отшельник.
Лучше жить один на один с природой,
чем себя так тревожить.
Рита! Живи, наслаждайся экраном —
вечером дяди, бутылка и звон стаканов.
Живи так и дальше, пока не облезешь,
а я пропретрезвевший.
И буду грезить.

01.04.07.

* * *

Мир повернулся спиной
и очень резко.
Я шел по дороге и видел
бездушную жизнь, как кокетку.
Мир стал холодным и безразличным —
взываю к судьбе,
прошу о жизни приличной.
Все очень быстро —
не успевает переварить сознанье.
Я шел и надеялся,
но обманули все ожидания.
В мире дорог и неизведанных стежек
я видел так мало —
теперь вот — протез без застежек.
Путь перекрыт и движение —
только глазами.
А там горизонт — кусок неба,
а я хочу дальше.
Сегодня тревога и мира спина на полмира,
движение глаз, и усталость, бессилье.
Глазами бегу, кувыркаюсь,
а ноги потеряли свободу движений.
Глазамизываю, прошу, умоляю —
к лету хочу,
к себе повернуть мир лицом.
Ведь это возможно. Я знаю.
Мир, я люблю больше и больше.
Славить Бога хочу!
Плыть с Его облаками.
Лето, слышишь меня —
ты уже не за горами.
По осколкам февральского наста
скользжу и на солнце взираю.

Анатолий Можаровский

Небо синее без облаков — умиляет,
ласковой синью в глазах
и лице полыхает.
Это мира лицо.
Спина у него — другая.

01.04.07.

* * *

Февральский яркий день и неба голубого глубина.
Искрится солнце в нежном льду —
и я иду.
И в памяти — картины детства —
такой же день, такой же лед, коньки.
Мальчишка убегает все быстрей — вперед.
Февраль кружит и скоро март — весна в пути.
И слышен ее дух, воздух пьянил,
а я на льду, как много лет назад.
Иду и сердце замирает — скоро март,
голубизной его насытиться нельзя.
Слава Творцу — жизнь бесконечна и мила —
и радость бытия, и грусть потерян.
Любой ценой хочу туда, где мне двенадцать лет.
Симфония начала — и душа
не ведает земного грустъ-конца.
И ощущений в ней — на миллионы лет.
И смерти нет.
О, как права ты, детская душа. В ней дух Творца.
Ведь с многолетней тяжестью
грехов и заблуждений —
и мысли суэтны, и нету звонких пений.
Растрачено все чистое и светлое в пути.
Скоро весна — может спасти.
В ней есть надежда воскресенья всех творений.
И возвращенье в радость бытия.
О Боже! Как прекрасна жизнь моя!

01.04.07.

* * *

Вчера увидел я картину —
лиц двадцать гневное письмо писали.
Не казаки, но гневно и сердито —
телеканалам, президенту и министру,
попсуха из Совдепии — ногами.
Их лица кто-то снял с телеэкрана,
холеные, подтяжки,
перекраски, имидж,
лимузины, острова, прислуга, деньги, дачи —
все может рухнуть в одночасье.
По телевизору нам крутят Галю,
Павлику Дурову — дуля к чаю.
Галя поет, танцует лихо,
слова, музончик.
Муж ейный, ее хозяин
для нас — «Кобзончик».
Я тоже в бизнес рванул внезапно,
киоск поставил.
Водичка, масло, галстук на шею, штаны с Китая.
Я бизнесмен, куда там Гале.
Но вот внезапно пошли проверки:
менты отрядом, чинуши, клерки.
С утра до ночи меня долбали, в поту и нервах,
чуть срок не дали.
Жену — в канаву и Галю — в койку,
а мужу Гали — в ладонь подковку.
На счастье дали — иди, хохол ты!
Поля, долины, сосновый бор,
лошадка, грабли тебе родному, а мне — киоск,
Галюшка в доме.
На сцену девку — в киноактрисы.
Поет и пляшет, все мне в карманы,
валютой разной, зеленой, грязной.
Вот это бизнес — и нехристь в силе.
Еще Сердючку — в телеэкраны.
Мы дураки, а им — Ла Скала.
В трусах девчонки, мальчишки в серьгах —
орут, бузятся и рвут нам нервы.

Попсуха старая из хлеба с маслом
на макароны торговой марки
и простоквашу с именем «Галя».
Котомки тихо берите, братцы,
по хатам, к семьям — от вас устали.
Понятно дело — привыкли к шику,
но время лечит судьбу-старчиху.
Играйте дома — соседям, близким,
а нам Сердючка и Галя вышли.
Их нам рогатых — хохлам — одели.
Вбивают баки и мы балдеем.

02.04.07.

* * *

Звериным стал мой лик и взгляд мой озверел.
Контроля нет над мыслями и разумом давно.
Я не безумен, но давно я отолпел,
ведь мы преобразились.
Мы к этому стремились.
Нам нравится пугать других,
самим от страха умирая.
Разум, волю
переменили на минусовый знак.
Не внезапно,
наши предки теряли данное им,
а нам передали — звериный лик.
Рык и гнев ведут к смоле и сере.
Там выше, как нам кажется, накал
и выше злобева потенциала.
Сера, дым, но вроде светло,
привыкли к ним — и уже легко.
Ведь это не страдания, не душевная боль,
лишь прожигание в тупике для слов.
Солнце в февральской дымке,
снегом покрыта земля.
Я не видел уж много лет поля.
В воронке зла я,
вгрызаюсь в плоть и душу свою.
Мамона, демоны —
я не живу...

02.04.07.

* * *

Кто не терял — не получал.
Кто не мечтал — не обретал.
Кто не терпел — не страдал.
Кто не ждал — не жил.
Кто не жил — по тому колокол призывом не звонил.
Жизнь — Божий дар.
Свобода — высший смысл.
Не горячись, а в казарме посиди,
на нарах за решеткой полежи, строем походи,
поживи всю жизнь
под общественным контролем.
Смирился — раб, а восстал — бунтарь!
А бунтарей — на эшафот.
Мне снятся сны: свобода,
нет стран и государств.
Нет строя, партий, руководяг.
Нет трескотни о заботах,
о демократии пустословия.
Нет тяжкой длани,
о которой так все мечтают,
в гробах перебирая кости
тех, кто был рукой силен
и погонял рабов.
А дальше новый сон: рассвет,
над горизонтом солнца,
восторг в тишине.
Душа плывет в этом огне
над лугами в белом тумане,
над морем синим
вместе с дельфином
вот, опять, в багрово-красном
тишайший шорох ветра
и я от всего свободен.
Звонит будильник — утро раннее.
Застыло сердце.
Вновь остановилось.
Звонок, я просыпаюсь и радуюсь будильнику, —
свободен.

Свободы лик:
не будь рабом идей — идолов от земли.
Закрой глаза и с Богом говори.
Свобода от Него.
Свобода для Него.
Свобода — Он.

02.04.07.

* * *

Город распахнула весна —
начало марта.
Зима лишь вчера ушла,
словно угасла,
осталась на просторах
ледяной вселенной.
Земля к весне
в молодом движении.
Снег почернел,
ручьи, потоки вод.
Ненастье и холодный дождь стеной
смыывает зиму. Грустно мне.
Еще вчера —
мороз и солнце, нежный снег,
крик птиц под небом голубым.
Сегодня — небо как свинец,
и шум воды.
Скорее б ночь —
исчезнуть в ней тревогу потеряв.
Пришла весна,
ее я ждал,
но я в печали —
похорон зимы...
Мы вновь, который раз, теряем что-то,
и грусть потери — плеткой по душе.
Но боль потерь проходит —
радость близко.
А в памяти зима оставит грусть.
Навеки, навсегда
ушла еще одна зима...

02.04.07.

* * *

Мир, как челюсти взбесившегося крокодила,
рвет всех встречных.

Остальные проходят мимо.

Некоторые, ухмыляясь, обвиняют жертвы —
надо хитрее быть, осторожнее,
или сидеть в пещере.

Страсти, гнев, зависть, раздражение.

Любовь присутствует,
но видоизмененная и в основном плотская —
совокупление —
так называют секс-движения.

Любить — в постели мять тело иль гладить.

Любить — целовать, дрожать, разрывать

и так далее.

Любить, улыбаясь ближнему?

Да, бывает, но редко.

Легче рвать тело и душу другому,
обвиняя его в грехах и бедах своих.

Злому легче прожить в современном мире,
злой и жестокий быстрее идет к своей цели,
круша и ломая все на пути.

Мир — во тьме, хоть солнце и светит.

Ложь и порок — нашего мира вехи.

Мир рвет, ломает, крушит, ухмыляясь.

Мы все поддались его власти,

от истинной Божьей Любви удаляясь.

Но озверение не может быть долгим,
без грома с небес, без огня и дыма,
пепел и слезы уготованы всем нам.

02.04.07.

* * *

Встану рано поутру, соберу нехитрые пожитки —
остальное — книги и картины — дома оставлю
и уйду чуть свет на запад, туда, где родина моя.
Там родился мой дед, прадед, а потом и я.
Там в земле лежат предки предков.
Помню детство, дом, оконницы из дуба,
сад и ясени — рядами.
Помню луг, реку, поля и лес,
я сегодня снова буду с вами.
Там богатство — прах.
Родине моей другое надо.
Там отсутствует нацбанк,
не слышен звон металла презренного.
Там простор, покой и радость.
Ведь у каждого есть своя родина,
а мне моя роднее.
Детство, юность в облаках пролетели —
жизнь казалась бесконечной, прекрасной.
Звали в путь города.
Мы ушли, но частью остались там.
Эта часть зовет и ждет меня —
радуется каждой встрече,
на заре с душой соединяясь,
и оставаясь чистой, словно часть небес.
Душа же вся поранилась, изорвалась
средь призраков успеха и побед —
кого и над кем? Мы успели, вы не успели —
кто секунды считает и где конец?
Все тленно — одна прахосуeta.
Копите, дерзайте, но без меня...

02.04.07.

Анатолий Можаровский

* * *

По роще березовой тихо иду я — сон ли это, или мечта?
Душою я здесь отдыхаю,
в шорохе листьев молитву шепчу, восторгаясь.
Осень все обжигает своим неуемным огнем —
на земле появился румянец.
Днем лучи солнца листву
превращают в багрянец,
ночью первый мороз
тонким инеем все покрывает.
Лист желтеет, березы белеют, осень, лес
и я, оглушенный природой, пьянею.
Это осень моя — и в нее я вошел,
нет — влетел, не заметив.
Шорох листвы золотой — иней не ночью, а днем —
на висках побелевших.
Осень моя, ты одна — ведь другой не бывает.
Золота блеск и небес голубизна —
а душа не готова к таким переменам.
Может сон, может просто мечты,
я себя успокою — ведь это все явь:
этот лес золотой,
солнце и небо над головою,
из глаз голубых тихо капают слезы.
Осень пришла — я так молод душою.
Осень пришла —
и я плачу к березе прижавшись щекою.
Лето, весна, все прошло —
только память да боль утихают.
Первая осень — второй не бывает.
Вечная осень, за нею зима — вот и все,
что осталось.

03.04.07.

* * *

Не думай с грустью о смерти
с рассвета и до заката.
Не думай с грустью о смерти,
как о потере, утратах.
Бог создал мудро мир.
Смерть — лишь яркая смена
состояний и впечатлений —
путешествие в мироздании.
Мир не может быть обездвиженным.
Вчера, сегодня или в настоящем
застывшая система рушится.
Система в движении,
изменяется и развивается.
Космическое путешествие —
слишком опасное и напряженное —
Душа увидев миры Творца,
становится лучше и не останавливается.
Мир — есть вечнодвижение,
и, слава Богу, что все изменяется.
Кровь, воздух, вода — в движении.
И жизнь продолжается.

03.04.07.

* * *

Морфий, кокаин, коньяк —
с утра, вечером или просто так.
Мир удивителен —
ты смел, как герой.
Яркие краски, фантазии,
девки, табачный рой.
Жизнь легка, безоблачна,
и ты христианин?
Тебя рвут, стегают, кусают —
грязных слов плеть по лицу.
Ты загнуждан, собой гоним,
воз тяжеленный прешь, нелюдим.
Жизнь опостылела, нет терпения —
мрак без просвета.
Но терпишь так много лет —
ждешь весну, а там и лета.
Все пролетает в рыжую осень.
Ты хочешь любить, ищешь ее,
а попадается постыдная девка.
Каждый день,
каждый шаг тебе опостыл —
все не так.
Ты не прячешься за плетень,
а разрываешь грудь.
И рану сердца — на показ,
рубцы и шрамы, неровный стук.
Но душа исполнена любви
и ты жалеешь вершителей мук.
Прости меня, Господи — я слаб.
А, может, я глуп?
А, может, и неспособен
пламя великой любви принять,
мы все одной крови.
Я мало получил на шею —
значит, еще хомутяру в克莱ят.
Роптать буду дерзко, сжав зубы,
но рано или поздно любить буду.

Не слюнявой любовью
в камышах или под рябиною,
когда, зверея, зовут себя
любимым, любимою,
а любовью
отмученного и истерзанного,
как у Бога — вечною.

03.04.07.

* * *

Мир давно сошел с ума.
Моя страна,
и ты туда же?
Белые хаты, мальвы, чернобрывцы,
поля во ржи,
воловешек голубых глаза —
изничтожены.
Луга, цветы, травы, леса,
деревья вековые смотрят в небо.
И люди тихие — с работы,
вечером селом едут телеги
и тянутся в ночное табуны коней.
Мальчишки родины моей!
Рос я, росла страна —
без веры, без Христа.
Ты шла и путь твой уводил, казалось, ввысь.
Мир дрогнул на миг —
и ты, родная, покатилась вниз.
Поля в сорняках, как лес,
а лес в отходах свалок.
В ночное не кони уже уходят,
а взлетают «бабочки».
Страна, ты хоронишь своих детей —
трибуны, партии,
воры и гензеки в бронзе отлиты.
Внизу баражтаешься —
забита, затравлена вся, пропита.
Моя страна — откуда столько?
Орда прет вверх — все туда,
и только
на холмы Печерские.
Ты слышишь, Боже, помоги!
Очисть Печерские холмы!
Очисть страну — даже огнем!
Я первый голову сложу
за милую мою страну.

Ты слышишь, Боже?
Больно мне —
страна в грязи, страна в дыму.
Дай нам священного огня!
Я жду...
Я так люблю мою страну.

04.04.07.

* * *

Я зубами бы грыз скалу.
Я ногтями бы ее рвал.
Я боролся бы изо всех сил,
Бога б молил, руки к небу подняв.
Я бы рвался из ущелья вверх —
из глубокого к небесам.
Я бы жизнь свою потерял,
но не ныл бы и не стонал.
Солнце, небо и облака,
крик орла в вышине —
вот ведь какая жизнь нужна,
а не та, что на дне.
Так всегда я с юности думал,
храбрым и сильным себя считал.
Было время, когда душа,
в вихре свободы кружась,
на огонь удовольствий летела
и думать о яме было нельзя.
Вершина скалы, ураганы счастья —
и вниз.
Раненный, избитый, измученный борьбой.
Знаний о жизни, казалось, — вагон,
а на поверку — прах.
Ныне я снова вверх — один,
а вокруг — зловещая тишина.
Ущелья мрак и мысль одна —
вершина скалы, борьба.
Слева — вихрь удовольствий
до самого дна.
Иду по лезвию — в крови ступни —
туда, где свобода, еще боюсь,
но яма разврата уже не моя.
Толкни меня, Боже,
правее с ножа —
туда, где свобода,
где Твоя борьба.

04.04.07.

* * *

В перепехах апрель
тихо вводит в буйство весны,
листву выталкивая из почек.
И первый гром, и ливень первый,
и град по телу.
В аллее каштанов — восторг стихий,
безумий радость.
Весною и смерть не страшна.
Воскресшей природе — мои слова,
Бог на небе, и Бог в душе, и радость в сердце.
Душе шестнадцать — и снова
молнии яркий свет.
Весна и буря. Утих апрель,
мне веселей.
А, может, и вправду шестнадцать,
иль поезд жизни так быстро мчался?
И я смотрел из окон редко,
сошел в апреле и не заметил.
Какая радость — под ливень прямо.
«Мне восемнадцать», — душа сказала.
Ведь не стареет душа, а тело —
его забота, его проблема.
Нам ближе сердце,
душа и песни птиц прилетевших —
их я заметил — ведь ждал всю зиму —
весна так долго не наступала.
И вот я снова в своем апреле.
Тихо, спокойно — буря умчалась.
И снова солнце — и май настанет.
В цветах и солнце
любовью ранней.

10.04.07.

* * *

Вишен белоцветье — весна в разгаре.
Небо в черных тучах
и солнце с жесткими лучами.
Град — и весна в печали,
не грустно —
вишни греют.
Сквозь снег и холод
я к саду вышел.
Жизнь — сквозь окна
и тесный скверик
в джунглях каменных.
И вот весна.
Вишневый сад — всего две вишни —
фруктовый остров среди асфальта —
чуть-чуть травы, цветы и лопухи.
Как город жмет природу жестко —
я часть природы, я венец,
я человек и в джунглях жарких —
такой же, как вишневый сад.
Прозрение сквозь снег и жесткие лучи.
какая разница, куда идти?

10.04.07.

* * *

Утерянный рай,
души покой и скорбь горой —
ледник скорбей и страх —
вчера, сегодня, завтра.
И скорбь и страх — осеннее ненастье.
Покой на грезы променял.
Искал, не спал —
дорогу правды потерял.
И зло пришло во всей красе.
То сон кошмарный,
то претензии — ну здравствуй!
Весь сжался — с кем ты дружишь?
И вот — обратный путь назад,
туда, где детства солнце светит.
Чего ты сник? Да — долг путь,
страх выедает силы,
а ты иди, смотри на мир красивый.
Но он не твой — твое вон дерево в аллее.
Твои цветы асфальт преодолели
и ярким солнцем расцвели.
Твои — все птицы,
твоя луна,
с тобою страх.
Молитвой победи — и не блуди.
Ведь столько, столько позади!

15.04.07.

* * *

Тихим, кротким, незлобивым
встречу новый день я завтра.
С солнцем ярким, ветром южным,
под дождем весенним, ранним.
Я омоюсь, успокоюсь,
изменив ход мыслей сразу.
Силы духа пламень взвею,
отрекаясь от заразы.
Поселю туда я мудрость,
ведь давно уж накипело,
наливалось, давно созрело
то зерно в душе печальной.
А с весной все подоспело —
ценности смешались в теле.
Тело просит наслаждений,
хочет ласки и комфорта.
Ну а мне, какое дело?
Скорби в теле нагорели.
Страсти все возьму в охапку
и с горы высокой брошу.
Слышишь грохот камнепада —
страсти змеями клокочут.
Я их — камнем, я их — камнем.
Блуд, стяжение, болтливость,
сребролюбие и страхи
все на свалку — камень сверху — и я чище.
Слышу звоны, слышу пение,
слышу музыку умиротворенья.

15.04.07.

* * *

Ветер кружит пыль дороги —
я иду усталый.
Нет воды в припасах,
хлеба нет,
а иду и напеваю.
Мой напев — лишь шепот тихий,
губ растресканных движенье,
а в глазах всепросветление.
Я иду дорогой горной,
ноги исколов шипами,
но напев свой тихий —
полушепотом продолжаю.
Путь свой знаю
по книге Мудрости.
Этот путь избрал я сам.
Так я думал,
но теперь Ему благодарен.
Ветер кружит пыль дороги,
солнце жжет, немеют ноги.
Путь далек или не долг.
Я иду к вам, звезды, —
и пыль мне не помеха.

29.04.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Я прах под ногами людскими.
Я горд и тщеславен заметно.
Я прах под ногами.
Я сам так хочу —
вы заметьте.
Никто не бросал меня в ноги.
Я выбрал эти жернова с любовью:
пусть земнолюбие и пустословие
сотрутся, как прах на дороге.

29.04.07.

* * *

Лес осенний манит —
запахом листвьев пряным.
Под осиной — гриб заблудший.
Я к нему полунагнулся,
но рука остановилась,
что-то в сердце сжалось.
И я к осине прижался —
к дереву с корой зеленою,
древу легенд
и недобрых предсказаний.
Но любовь к нему такая,
что во мне все замирает.
Небо в серой рвани —
изредка блеснет лучами.
До заката есть мгновенье —
и я — к ели с вдохновеньем —
созерцать ее наряды,
посидеть с красою рядом.
В роще тихо и так чисто,
журавлиный крик струится.
Клин исчез за облаками —
солнце вдруг багровым стало.
Вечер, мне домой пора.
Серый лес не отпускает.
Знать судьбе я так обязан,
чтоб у Бога попросить
больше праздничных мгновений
для природы и души.

30.04.07.

* * *

Всю жизнь наперекор судьбе
и шквал в «девятый вал».
Смогу ли устоять?
Всю жизнь наперекор судьбе —
и есть ли в этом смысл?
Я слышу голос в тишине —
остановись.
Судьба ведь знаки подает —
зовет.
Не всегда прямой и легкий путь.
Бывает и не отдохнуть.
Или выполнить начертанное —
в этом смысл?
Или в борьбе, в которой не победить?
У каждого своя судьба,
свой путь, свой смысл.
Летят десятилетия —
и мало кто прислушивается
к зову изнутри, к слезам бессмертия.
Все думают судьбу переиграть.
Потом приходится вернуться вспять,
иль отступать,
и раны заживлять.
Я парус опустил
и лодку потерял.
В морщинах весь,
а лодка то — все там.
Судьба зовет — и снова новый шанс.
Смирение, и снова по волнам.

30.04.07.

* * *

Я шел к тебе четыре года сквозь войну.

Я шел и ждал весну
победы над врагом,
весну любви.

Четыре года, всю войну,
зимой и осенью, весной и летом,
день за днем.

Я видел ужасы.

Я не герой — простой солдат.

Я часто плакал и стонал.

Болели раны, мучил страх.

Я побеждал себя, врагов давил
и шел, как мог.

Я устал и победил. Пришла весна
в цветах каштанов.

Цвели сады
и ты несла цветы.

Тюльпаны яркие в руках,
лицо в слезах и серебро в висках.

Четыре года шел я в этот парк —
войны солдат, вечный солдат.

Прости, что не дожил.

Я бронзовый, как символ
всех, кто полегли.

Прости меня, прости.

30.04.07.

* * *

Синие горы в белом.
Стога хлебов на полях.
Шум леса, горная река,
ромашки на лугах.
И мы в стогу —
глаза в глазах
и небо в облаках.
Бегут к горам,
а мы остановили время.
О, облака, вы так белы!
И на вершинах так изменчив цвет!
А мы, так опьянившиеся, лежим.
Любовь и лето — неба белый дым.
Время стоит и, кажется, не миг,
а вечность и бессмертие — для них,
для нас,
для лета и любви.
Умчались годы,
лето вновь пришло.
И облака, и небо — так легко.
Но горизонт белес.
Жизнь пролетела,
как мечта с небес,
той ночью, в том стогу,
где я по-прежнему люблю.

30.04.07.

* * *

С гор несется поток —
изгибами, каскадами.
В чистоводье солнце —
цветными переливами.
Камни столетьями ласкам ее поддаются,
сглаживая углы водой несущейся.
Стою и думаю о красоте и реальности.
Ау, люди — вы опоздаете
в борьбе за злато, власть и успех
жизнь свою губите,
в сумраке мрачном
будьте, как камни,
в потоке горном углы стирая
промыслом Божьим.
Остановитесь,
прислушайтесь к зову,
вы заплутали.
Поводыри ослепшие
ведут в болото,
в топи серные.
Люди! В реке,
словно древние предки,
души омойте потоком чистым.
Слышите, колокол —
это по вам его звон!
Поводырей своих,
серой пропитанных,
на дороге оставьте —
сытых, серых, упитанных.
Люди, вы —
дети Всевышнего.
Реки живые зовут вас —
слышите?

* * *

Ветер тучи гонит, полные дождя.
Тоскно и тревожно — я или не я?
Май в цветах каштанов,
свечи разожглись
к дню победному.
Сколько прошло
на полях сражений.
Стоит солдат седой
и память теребит —
грохот металла, взрывы, минный вой —
смерть за спиной.
Светлы,
юны легли они в полях.
Вся их война — моя война.
Вертятся в памяти
боев картины. Мать рыдает
с письмом в руках.
Три ее сына в земле —
и только сад,
груши цветущие, в память о них —
в вечность ушедших, юных таких.
Комок в горле — моя война —
сегодняшний мир и обезумевшая страна.
Люди ограблены, правды нет —
памятник воину, цветов букет.
Сердца очерствевшие,
как не похожи вы
на детей той войны.
Вы со своей страною воюете —
светлое, чистое вряд ли знакомо.
Спорите о языке — от скуки.
Родину сделали потаскуюй,
вечный Закон поправ.
Оккупантов хуже —
говорю вам я —
старый седой солдат.

02.05.07.

* * *

На крыльях май несется по земле.
Венец весны. Цветы и буйство зелени —
воскресшая природа — солнца свет,
небес голубизна и облака.
Стою я на своей земле и мне опять
так хочется на ней повоевать.
Очистить Родину от скверны, лжи —
очистить жалкую, где грабежи,
где земли реки и леса украдены, как и тогда —
врагом, в кровавых днях.
Земля — у ног врагов моей страны,
псевдоэлиты и шпаны —
людей без чести — совесть в кулаке.
Душа расстаяла, исчезла в бардачке.
И грабят, бьют, дают советы, как нам жить.
Детей учить их языку,
чтоб дети грабили нас всех.
Вы не заботитесь о нас, а яму роете себе.
Где ваша мудрость, «гер зольдат»?
Как хочется повоевать с мечом в руке.
Огнем души помочь стране.
Я выполню свой долг.
Моя страна, болею я тобой.
Мы правду воскresим,
как этот май.
Долг отдадим.
Мы все восстанем и придем —
солдаты той далекой мировой —
и Родину еще раз
мы спасем.

02.05.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Вечер, фонари на бульваре
и аллею каштанов качает
тихий дождик.
Майская ночь,
ночь полнолуния,
и воздух весенний свежит.
Ветер фонари на бульваре качает,
а я все не сплю и не собираюсь.
Ночь полнолуния — и мне уехать охота.
Мчусь в машине,
куда, сам не зная.
Просто еду и наслаждаюсь.
Ночь пролетит, сменится солнцем луна,
как было всегда и исполнится снова.
Жизнь, как шоссе, уносящее вдаль из дома.
Вчера — Новый год,
а сегодня — тревожит май.
Душу не греют неоны клубов и баров.
Влюбиться — не спать, все в минувшем,
где я не играю.
Дорога в ночи,
в свете фар — неизвестность
манит и беспокоит.
Жизнь, как шоссе —
чем дальше, тем больше вопросов,
ответить на них нелегко,
да и будет ли польза?
Мчусь, губы сжав,
и мысли гоню шальные.
Мне — пятьдесят,
не километров, не миль,
а половина жизни, —
в мечтах и минувшем,
красивом...

02.05.07.

* * *

Метеоритный дождь —
полосы света в небе.
Камни горят в атмосфере,
камни горят, превращаясь в пепел.
Мне бы метеоритом,
преодолев земное притяжение —
туда — во Вселенную,
откуда они прилетели.
Метеоритом промчаться
по другим системам,
увидеть мир и назад вернуться.
А есть ли смысл в этом?
Опередить время?
Просто мечта,
невнятный зов
мальчишки с седыми висками...
Я смотрю в небо
и не превозношу над другими.
Не обеспокоен и хлебом насущным —
как птицу меня кормит Сущий.
Я не лучшее Его создание,
но жизнь положу за Его мироздание.
Сожму волю в одну точку Духа,
словно воссоздавая Вселенную.
И себя распознаю — вычищу,
 выброшу тленное,
и все конченое и конечное
переделаю в любовь вечную.

02.05.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Чемодан, вокзал — к чертям.
Так распорядилась судьба.
Касса, билет, особый регион —
экспресс, вагон тринадцать.
Ногой под зад и на перрон —
ободранный экспресс и вот вагон.
Дверь с петель сорвана,
окна выбиты, купе тринадцать.
Соседи выпивши —
дети мне.
Лица страшные, глаза бездушные.
Поколение — мозги набекрень.
Соседка, — брови выщипаны, губ нет,
глаза огромные, кожа зеленая — ваш билет?
Проводник, контролер, милиционер —
вы с соседки берите пример.
Кругом зараза и только она в противогазе.
Мы уже в особом регионе — шахты, заводы, АЭС —
стопроцентный прогресс,
регион самый развитый,
кормит страну несчастную.
И впрямь дышать трудно — дым и газы.
А тут — нож к горлу, на ходу грабят.
Шапку сняли, часы забрали.
«Кто вы?» — спрашиваю.
«Мы — Хама бригада».
На этих рельсах — тридцать лет.
Милиционеру — сразу проценты; а мне — мой билет.
Скоро ваш полустанок, к выходу дорогой.
Там очередная бригада
«Рыжего шулера» —
за тобой.

02.05.07.

* * *

Приснился в понедельник жуткий сон —
или не сон?
Над страной мрак и дыма тьма,
а в небе новый стяг — триколор!
Но не такой, как у соседки за спиной,
а сине-красно-розовые полосы ввысь
И ширина полос — у кого какой процент
электорального чма.
И стяги, стяги по стране.
Фабрика «Госсзнака» работает день и ночь.
Печатает, штампует и за цент продает.
Флаг из окна, на заборе и в руке.
На тысячу лет, говорят на странном языке.
Рыбья речь — чувак, бабло, хаза,
шконка — и немое кино.
Джонсон держит девку в охапке.
Встал спозаранку, таблетку в рот —
холодный душ!
Вот так народ!
Из дома не выхожу —
боюсь, что не сон.
Лучше в четырех стенах
свободой подышу,
чем — «Левой, правой, стой, чувак!» —
за окном кричат.
А, может, сон?
Не пойму никак.

02.05.07.

* * *

Оду женщине —
но не той, с колыбелью,
ночью с плачущим дитем —
а тут муж с работы грязный —
и не любит ее, бедную, никто.
Оду спою красотке —
тонки бровки, тонки ножки,
глаз наметанный и томный, мол, устала —
жизнь не ваша.
И так далее милашка.
И идет к ней, как олень,
под прицел стрелка,
прямо в сердце, в печень цель,
задрав нос кверху,
победитель секс боев,
затаив улыбку страсти
меж вставных зубов,
память греет шелк постели,
кожи бархат, ласки губ
и на будущей неделе
он ей просто лучший друг.
А жена в халате дома —
кошки, дети, гастроном —
бегает по кругу адском,
ведь на ней — весь дом.
Но подружка в топлес виде
пахнет дорогим вином:
«Я весь мир к ногам ей брошу», —
думает стариик-козел.
И бросает потихоньку —
утончился кошелек.
А она уже филонит —
то не так, и то не впрок.
Обобрав козла седого
двинула на острова.
А его, еле живого,
в клинике отхаживает жена...

Кто искал судьбу-шалунью,
получил ее, колдунью.
Ручек шелк и бархат губ
до добра не доведут.
Без морали есть печали,
скорби без морали есть —
так вот всем козлам несчастным
бес на помошь подойдет...

06.05.07.

* * *

Моя країно, моя Україно...
Чорнобривці в садах,
любисток та мальви під вікнами,
від гір до гір твоя земля
нині вільна від ярма.
Оспівану поетами,
розписану палітрами —
століттями звеличують тебе.
Не раз розіп'ята,
не раз розтріпана
по чужих світах.
Та я тебе не покидав.
Білі хатки в садах весняних.
Ти, наче чиста дівчина із диво-казки.
Мене теж любила —
в лісах твоїх я набирався сил,
в полях твоїх я почувався сином.
Живу тобою.
Прийшла зоря.
Ти підвелася з попелу.
Ти встала й сонцю
руки простягла,
зоря твоя зійшла.
І надійде той день,
коли здригнеться світ
весь зачарований тобою,
і сам Ісус Христос
пройде по цій землі.
Твої сини
до слави вічної тебе знесуть,
й настануть дні,
коли ти станеш
храмом Живого Бога
на землі.

06.05.07.

* * *

Я по бульвару под каштанами бреду —
глаза потухшие, хотя встречаю я весну.
Каштаны свечи разожгли, ведь всюду май,
а я один, и сердце просит тепла чуть-чуть.
Душа истерзана, изранена душа,
и мысли нервные несут сумбур в речах.
Дорогу в небо я черчу, но не Марс или Луну,
а в царство Духа.
Мне бы покоя, хоть на миг, или на час.
Душа истерзана болит.
Весна на улице, весна и месяц май,
и этот день не лучший у судьбы, ты так и знай.
Судьба моя, ты клетку черную швырнула
мне не впервой.
Но ныне ведь весна —
зачем же мне страдать?
Я в небо синее уйду меж облаков,
туда где мир и не болит душа,
но не на Марс или Луну — там те же скорби,
и тот же мир, та же печаль.
Я по бульвару медленно иду —
свечи каштанов
и вся природа славят Бога.
А я грущу — значит грешу.
Сброшу печаль, очищу душу от страстей,
уйдут грехи — уйдет печаль,
мне, Боже, верь.
Мне трудно сразу мир свой изменить.
Но вот огонь в моей душе,
слышишь его, как он горит —
выплавлю золото души, шлак уйдет,
и будет свет в глазах.
Еще не раз придет мой май.

Анатолий Можаровский

Сегодня я был побежден
самим собой,
но дым развеялся и вот —
в душе огонь,
и блеск его
дрожит в моих глазах.

06.05.07.

* * *

Птицей — в небо! Птицей в синь!
Птицей ты несешься ввысь.
Эх, судьба моя, держись!
Ты несла,
как кони перепуганные, вдаль.
Ты несла по полю,
по колдобинам.
Я держался цепко, падал,
волочился за тобой.
Но другую я приметил
и ушел к другой.
Та другая не такая —
тихая, как плес.
Та другая — молодая.
Я рискнул и конь понес.
Обмануть тебя хотел я,
обмануть и побежать.
Но на то судьба дана нам —
что б не выбирать.
Ты несешься вдаль, как ветер,
пулями — года.
Но ты милая, родная, —
ты моя судьба.
И вот миг пришел наш звездный —
ты взлетела ввысь с равнин —
я остался и кричу все:
эх, судьба моя, держись!
Но одна лететь не сможешь,
ты же ведь моя судьба.
Я с себя свалил весь груз —
и к тебе, под облака.
Говорят, синица в руки
лучше, чем журавль в глубинах неба.
Никогда я так не думал.

Анатолий Можаровский

Жил я сердцем, не умом.
Куда ты, туда и я,
и доволен, счастлив я,
что такая
выпадает мне судьба...

08.05.07.

* * *

Зеленые листья деревьев весенних
ветер качает, как на качелях.
Солнце искрится, играет и греет —
после дождя все стало свежее.
Птицы на подоконник
в гости садятся и смотрят
глазами печальными,
словно все знают.
Мир из окна я давно созерцаю.
Небо бездонное в вечно движении —
цвет облаков то белый, то серый.
Красный, пурпурный — на душу ложится.
Мысли спокойные, редко взрывные —
уходят, приходят, откуда не знаю?
Куда — неизвестно.
Я в мыслях живу,
как в гостях.
Мир — за окном призывает и манит.
Мир за окном,
почему так случилось?
Взять бы, собраться
и добрым бродягой в дорогу.
Дом — не свобода,
окно мне не мило.
Добрый бродягой уйти.
Как красиво!
Жизнь доживать.
Запах листьев, травы придорожной,
шелест деревьев, лесов незнакомых.
Все это будет, если сердце желает.
Мысли придут и мысли растают.
Придет мое время.
Уйду по дороге,
где радость иная.

11.05.07.

* * *

В майском парке — дождь из поливалки
в свете солнечном, ярком.
Брызги искр его кружатся
и ложатся пеленою на газоны,
реют надо мной.
Прячусь от воды холодной
и в полдневном зное,
я бреду дорожкой
дальше в парк зеленый.
На краю газона —
две березы, словно чудо,
стрелами взметнулись в небо,
и какой покой.
Глаза вверх по стволам скользнули
и в верховьях кроны остановились.
Березы верхушками, как головами, прижались
и ветками-руками обнялись,
как символ неземной любви.
Моей душе бы петь да веселиться,
но слезы по щекам струятся.
Май цветет, играет, ну чего ты плачешь?
Иль душа такая?
Можно же иначе,
но глаза застыли на ветвях.
У одной березы — листья мягче мяты,
а другая — осень, горе, грусть
с тенью расставанья.
Майский дождь искрится,
слезы тихо льются.
Вот мои березы!
Вам уж не вернуться...

P.S. Березу засохшую срубили в июне 2007 года.
В июне 2008 года умерла вторая.

18.05.07.

* * *

Остановлю мысль
лишь на мгновение —
открывается Вселенная —
великий, бесконечный мир Творца.
Звезды, планеты в движении,
галактикам нет конца.

Остановлю я мысль
лишь на мгновение —
и в вечной, неизбывной тишине
услышу шепот,
музыку и звездопение.

В мерцании света
слаженный оркестр.

Остановлю я мысль,
лишь на мгновение —
затем продлю мгновение еще.
Стану аскетом, без движения
по миру роскоши и зла.

Мне мысли заслоняют небосклон.
Мне мысли не дают покоя днем,
зломысли беспокоят ночью.

Мысли зовут, желают об одном —
им роскошь, с утра удовольствий,
им нега, деньги,
женщины, вино.

Я мысль остановлю,
желания отброшу.

Желания исчезнут навсегда,
и вот — покой,
аскеза и звезда.

18.05.07.

* * *

Проснулся ранним утром мая —
лучи скользят, по комнате играя.
Я руки к солнцу возведя,
прославил Бога.
Средина мая — весна промчалась.
Как трепетно мгновенье
надежд на счастье —
верь, молись!
Таков закон — не торопись
за птицей радости.
Печаль смягчает сердце.
Она пролог любви,
которую мы ждем всю жизнь.
Любви не по расчету.
Любви, не жгущей слету,
одной, как вечность.
Цветущий май.
Цветы и ароматы,
полеты птиц вдыхай.
Печаль мила и тиха.
Моя печаль в горах —
несет меня —
дай Бог, всегда —
за голубые небеса.

20.05.07.

* * *

Я птицей юной взвиваюсь в небо,
страх преодолевая и слабость крыльев.
Из сил выбиваясь, падаю,
страх умножая —
«Держись!» — мне ветер говорит,
свои подставляя потоки — держись.
И снова ввысь
подталкивает стая.
И я, свой страх преодолев, вздымаясь выше.
Выбиваясь из сил,
кувыркаюсь вниз, раскинув крылья.
Страх разрывает сердце,
но ветер мягко опускает
в луговые травы.
Я прихожу в себя,
вглядываясь в небо.
Там такие же, как я, учатся летать.
И я использую страх, как успех,
Опираясь на него — и снова вверх:
страх превращается в энергию борьбы,
а слабость — в расслабление после полета.
Мне силы нужны
каждый день подниматься
все вверх и вверх.

22.05.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Ветка сирени в твоих руках —
солнце и небо в глазах.
Счастья весны лицо не скрывает.
Счастье весны ветер ласкает.
Хочу быть ветром вокруг тебя,
лес волос теребя.
Хочу быть ветром вокруг тебя,
гладя ресницы день изо дня.
Я — романтик, мир-циник —
несет насильно.
А мне бы — ветром в небе синем,
весной твоей — вокруг тебя.
Я романтик, но время вышло.
Улыбка лицо озаряет все реже.
Годы несут,
словно лошади дикие —
ни спрыгнуть, ни усмирить,
не удержать их на диком излете.
Ветер свистит у висков
и краснеет закат,
ветер пустынный кружит песок,
следы заметая.
И только памяти тончайший волосок
все еще теплится,
чуть согревая,
как солнышко красное,
уходящее за горизонт.
Кони все мчатся,
вихири за ними,
ветер свистит —
мне б не упасть!
Я ведь романтик,
а вовсе не циник...

22.05.07.

* * *

Ностальгия ломит,
мысли все наперекос.
То в лесу, то в снежном поле
тянет под откос.
То ли стог с любимой, милой,
то ли луг, то ли асфальт.
Чем-то вечно недоволен —
тянет все назад.
Забреду ли под калину,
или под рябиной лег —
что-то на душе немило
или просто занемог.
Десять лет асфальт не мытый —
тротуары все в смрадьбе.
Милый город, дикий город,
ностальгия по тебе.
Тянет вдаль — назад, в мир дивный —
эмигрант в своей стране —
будто занавесом тяжким
придавило нас вдвойне.
Где ты? Где я? Кто нас ищет?
И кому мы здесь нужны?
На майданах — все артисты,
в парках — нищета страны.
Кухонь полевых зловонный чад.
Дяди кормят люмпенистов —
грозный демонстрантотряд.
Стенка на стену — не тянет.
Нужен просто кнут и лом.
Санитарные машины — без крестов.
Смрад несется лет уж сто.
Ностальгия — крик души.
Чем мы кончим я и ты?

22.05.07.

* * *

Сильный ветер
превращает меня в парус.
Я иду ему навстречу, напрягаясь.
Вихри пыльные
с песчинками взвиваясь,
с тротуаров по спирали вверх,
кружатся и пугают.
В темном небе — яркий взрыв
рваной молнией
от края и до края,
рокот грома.
Вдруг чувствую себя
полным сил и бесстрашия,
волны дождя крупного —
ощущение такое,
что в пространстве я растаял.
Разрывы молний, грохот,
майский дождь.
Цветущие каштаны надо мною —
эта ночь дала мне силы,
веру в Бога,
и служить Ему готов я.
Майский дождь.
Стихия опьяняет.
Мир прекрасен —
жизнь всегда такая.

22.05.07.

* * *

Тихая летняя грусть,
свеча на столе тихо тает.
Отблеск пламени на лице,
такое уже бывало.
Бывало не раз и не только с тобой.
Пламя свечи дарило надежду.
Пламя свечи мерцало,
очищая заблудшую душу.
Ночь за окном и луна,
как в старинных рассказах.
Тихий шелест листвы,
и я новый сдаю экзамен.
Жизнь казалась другой —
впереди океаны.
Белые айсберги,
чистоты кристальной.
Океан с юга на север,
на полмира и очень яркий.
Но все, что было потом,
не со мной отслушалось.
Сверху кто-то ходил по мне,
топтался, плевал, рявкал:
«Я тебя утоплю в деръме. Ты — шавка!»
Отмываться бежал к реке,
плыл против течения,
нырял глубоко, освежал мозги
до нового жизнетечения.
Новое счастье — уже озерцо.
Виден берег другой — и ладно.
И снова кто-то плевал в лицо
и я снова в реку. Отрадно!
Надежда осталась —
убить не смогли.
Я не раз еще встану!
Новую песнь начну,
со свечой растану.

22.05.07.

* * *

Колючкой сознание мира опутано.
Свобода равная и всем одна,
но колючая проволока через сознание
невооруженным взглядом видна.
Концы проволоки — в руках верных.
Не только дергают, но и суют в темя
мысли нужные, мысли туманные —
страна свободная, а одно сознание.
Люди то разные — честные и вороватые,
но проволока колючая — будто и не виноватые.
Не виновен, кто честен, но гол и нищ.
Не виновен, кто украл море,
но перед прокурором чист.
В прокуроре проволока —
колючка в мозг.
Дергают, импульсы шлют
в темя и через нос.
Мир в сознании, как ему кажется —
гимны, знамена, гербы, товарищи,
кто это выдумал — очень умен.
Или умом коллективным
придуман облом?
Сами себе на заводиках,
мотаем в мотки и — в вагон.
Для себя колючую проволоку —
детям своим и в свой дом.
Кто это выдумал? Как он умен!
Поверх свободы
колючим дерьямом.
Сытые, пьяные, голые, драные —
в пастиах всех пирамид —
все вы, братцы, подключены,
все опутаны, аж звенит.

Кто газетой,
кто радио-теле-микрофоном —
опутаны, но зря не тужьтесь.
Пальцы в уши не нужно совать.
Тонка проволока — даже астральная.
Продолжайте свободой дышать.

23.05.07.

* * *

Счастья Эверест.
Счастья Эльбрус.
Каждый видит
со своего шестка.
Зачем мне Эверест?
Я в пивную пойду —
в пабе модном посижу,
гормонами женскими, пивными укачаюсь.
Глаза хмельные, речь ленивая
и я счастлив.
Другой — в клуб ночной,
к девочке-вешалке — ноги стрелой.
Обкурена, зубки с кариесом,
попка, трусики.
Мозг выбрасывает в кровь
какие-то мыслишки,
и он, как баран убойный —
шальной и чумной,
счастье свое под ногами нашел.
Третий с утра — на базар с мешком —
хлам из Турции или из Чайны.
Деньги рекой —
покупайте женщины и мужчины.
Пальто мафиозное, чашки модные —
к вечеру выдохся, но счастья — воз.
Вот денек — вот где привоз!
Четвертый — на выборы,
в списки партийные.
Деньги, мандаты —
теледебаты, спичи и райтеры,
адреналина — от пят и до темени.
А где ж держава?
На нее, от счастья,
просто нет времени —
пятый сад растит
для себя и семьи своей.
От рассвета до полуночи —
небо и крик журавлей.

Птенец из гнезда выпал
неоперившийся,
боль в душе дикая —
ведь погибнет он!
грею ладонями несчастного.
Бог мой,
этот мир и счастье в нем —
иней...

02.06.07.

* * *

Когда умру — заройте, как собаку,
а не умру — ведите, хоть на плаху.
Я молча смотрел,
я на кухне бухтел,
я лакейски голову гнул.
Я подыгрывал всем.
С моего согласия
пала моя страна —
на самое дно,
где девки продажные и мужики голубые,
нехристи чопорные,
пациенты нетрадиционной медицины.
С моего молчаливого согласия,
с моего ублюдочного «здравствуйте»
пала страна туда, где нет солнца.
Как поднять ее милую,
грязную, пьяную, но так любимую?
Как девку продажную
сделать жемчужиной чистою?
Огнем и мечом, горем, болезнями,
Богом Христом, Его явлением?
Пока есть время — молчать не буду.
Молитвой-мечем бороться буду.
Жизнь отдам я за счастье ваше —
грешный, измученный
и счастьем несчастный.

02.06.07.

* * *

Солнце светит — в речке лето.
И бежит до края света
мысль моя,
мечта о лете.
Лето в свете, лето в цвете
да июнь с грозой ночами.
Дождь рекою, буря, ветер —
это лето!
Круг за кругом, год за годом
воскресает все в природе.
Я мудрее или нет,
солнца свет.
Нежный шепот листьев пышных —
я под деревом тенистым.
Вечерком,
сюда я снова,
с милой женщиной-зазнобой.
Буду петь, шутить, смеяться —
лето! лето! как я счастлив.
Травы, свет,
душе не ймется
в парках города зеленых.
Я влюблен опять и снова,
теплым летом, ярким цветом.
Все поэты —
пока лето и рассветы
над землей.

02.06.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Гуляют нервы и рвут все тело —
и мысль, как белка в колесе,
кружит по мозгу оголтело —
и боль и страх, как на войне.

Гуляют нервы
сожженные не за правое дело.

Я, просто, бесовской дорогой шел,
словно солдат в строю — налево —
команду слышу и бегу.

А нервы жги,
как палый лист.

Жги, как траву
на скошенном газоне.

И нет копытам дела до меня.

Скоты в хлеву Совдепии,
животные, ублюдки кабинетов.

Здесь мало кто остался человеком.
Зато хлевов!

Сидят крысяры кабинетов.

Сегодня нет,
просвета нету...

Я человек и Богу верен!

Услышьте Его,
кабинетов звери.

16.06.07.

* * *

Бегу, лечу в страну другую,
где счастья море.
Смеяться буду
и радоваться утром,
вскочив с постели,
от света пьяный.
И вечером, всесчастьем,
уйдут ненастья.
Уйдут дожди холодные,
хоть на дороге лист осенний,
каштанов кроны, как из духовки.
Желтеет лист,
лечу к нему.
К цветам на поле пожелтевшем,
где рожь спела — мое сердце.
Где море волны укачали,
в далеком детстве — колыбель
и мама радуется,
хоть я не сплю, кричу и плачу.
Но мама рада — как иначе?
Сын родился!
У нее счастье птицы.
Другой здесь мир —
мечты, желанья.
Другой здесь мир —
здесь радость с нами.
Бегу, лечу
в траве под солнцем —
всем нужно счастье,
к нему и рвемся.

16.08.07.

* * *

Дочери Ирине

Впереди — стена в нелегкий час,
и сзади — тоже.
А мысль сжигает мозг и гложет.
Туда вперед — и не иначе.
Стена стоит и я не плачу,
сжав зубы нервно и руки тоже.
Пройти мне надо шагов хоть сто бы.
Стена судьбы, горечь потери.
Стою, зверею — ну что мне делать?
Туда, назад я тоже шел бы
в полянах счастья искать колодец
воды кристальной, живой и чистой.
Лечил бы сердце и небо слышал.
А память все хранит те островки удачи,
где много смеха и радость счастья.
Сквозь вал ненастия туда хотел бы.
Но только память — ее удел то —
хранит и держит, дает надежду.
А так — вперед мне — сквозь эту стену.
Глаза закрою и стану птицей.
Взмах крыльев мощный — стена разбита
духосилой, мне данной свыше.
Простор, свобода и воздух — чище.
Сзади отстойник, как шлюз судьбы.
Стена разбита, а я лечу.
И радость счастья. И горя нет.
Полет счастливца — размах побед.

05.09.07.

* * *

Свалка железа, асфальта вонь,
город мертвееет или что-то со мной?
Зелень деревьев, травы ковры —
все исчезает — боль головы.
Город цветущий и склонов рай.
Улетел, отымел — ты попробуй узнай.
Город мой и не мой — руки все приложили —
и приезжие и старожилы.
Шум моторов и дым,
лязг и грохот машин.
Днем и ночью он беспокоен —
и для меня стал чужим.
И я, словно дым, уйду
и рассеюсь в небе.
Город мой — был он и не был —
без войны и без катастроф
город выродился, озверел, возрос.
Фантастические щупальца
опутывают всех.
Город мой!
Слыши повсюду
дикий смех мракочудищ,
денег звон.
И нефть, и газ —
повсюду тусклый свет,
но час придет
и все сметет в кювет.

06.09.07.

* * *

Белым облаком по небу — ветер свежий.
Солнце светит.
По лицу улыбка.
Тихо, тихо — сердце слышу.
Тихим пением полета наслаждаюсь —
самолетом.
Сам работаю мотором и пилотом.
Руки-крылья — серебром холодным в небо.
На земле чего мне делать?
Я лечу и звезды рядом.
Ночью звезды — звездопадом.
И Луна — любимая планета —
сколько мною ты воспета?
Звезды в небе, звезды в небе —
я качаюсь, мир мой —
дивный, мир планетный.
Сколько мне лететь осталось —
позади мгновенья тают.
Сердцеболь за вас осталась —
всех несчастных, недалеких.
Пиво, водка самотеком,
дым табачный на рассвете —
вместо поцелуев лета.
Я плыву над облаками.
В облаках плыву не сам я.
Много братьев с облаками.
Жизнь их странная — не с вами.
Мысли их и песнь не с вами —
в облаках и с облаками.

06.09.07.

* * *

Идет великая война,
над миром Бог, а в мире — Сатана.
Живем, как хочется тебе, ему и мне.
Бог — трудный путь — не отдохнуть.
Потери, скорби, сердцеболь.
Бог есть любовь, а в мире чернокровь.
И нам жестокость, как на раз —
удар, удар и я погас.
Он тоже, но не верит Богу
и водкой заливает раны.
Ему бы на дорогу к Богу,
но он — под бесом.
И мерзостей судьба не пожалела.
А есть ведь шанс, но нет охоты —
ведь с водкой, пивом да экраном
жить беззаботней.
Мир помертвел давным-давно,
но сладость, как в кино.
Не трогай душу — ты, дерньмо.
Мне так кайфово!
Ушла любовь.
Сошла на нет душа.
Потерь не сосчитать,
ужасов мира не объять.
Беги, лети, настал твой час.
Бог ждет давно.
Иди, не жди. Ты слышишь звон?
Не жди конца. Живи, душа!

13.09.07.

* * *

Мой Господь! —
моя сила,
мое вчера, сегодня и завтра.
В нем бесконечность жизни.
Все звезды, планеты, миры.
Он Светило их.
Суетность дней, гнев и беспокойство.
Страх перед завтрашним и неустройство —
все внимание на мишуре —
«Свобода слова», «Дебаты».
День и ночь у телеэфира.
Запах осени, шорох листьев
и те проходят мимо
и как-то неловко менять что-то.
Все начну завтра — Бог ждет меня,
а я, как глупая шавка,
грызу себя, далеких, близких.
Сегодня яркий день осенний —
я счастлив, я весенен.
Счастлив тем, что Бог меня слышит.
Счастлив тем, что из порочного круга
я почти вышел.
Плыют облака
белые и густые,
в песке воробы купаются.
И голуби во дворе
меня, словно забыли.
Завтра, все завтра.
Я приду с хлебом.
Видит Бог,
я меняю жизнь ежедневно.
Мысли тянут меня назад,
чтобы все сначала.
Не нужно мне никого —
только б дышать осенью,
слышать листьев шорох,
еще раз ключ журавлинный увидеть.

Вот опять слезы —
счастья
от пробуждения веры.
У меня есть Бог.
Он мне поверит.
Мысли спокойные —
вечер без телевизора.
Смотрю на небо
и не мечтаю.

13.09.07.

* * *

Рву нервы с раннего утра,
не отдохнюю.
Рву душу —
в порочном круге
болтаюсь точкой.
Рву сердце и нет мне покоя.
Мир узкий, плоский
и, словно проклятый, в доме я.
Слезы близких утром
кислотой прожигают.
Я любил этот мир,
а теперь проклинаю.
Жить хотел долго и в счастье,
но каждый день горе,
каждый час — терзанье.
Душу вылечил
и был словно лев
и вот — снова срыв.
Больно от бессилия и тупика жизни,
но нужно устоять и выжить.
Грех победить.
Мне бы меч и свободу,
я бывойной прошел
по миру злобы —
рубил, калечил, очистил поле.
От Сатаны детей нет покоя.
Как много их в мире диком.
Я один на один с ними.
Как я выжил? Боже, дай сил и разума.
Я — Твой навеки. Не отдай врагам меня.
Солнце светит.
Я тоже светлею — мой крест небольшой —
дойду, как сумею.

Меморандум вторая

Иду, стремясь победить себя,
отмыть болото.
Я знаю, что дойду,
все успею.
Для этого и жгу себя,
ничего не жалея.

29.09.07.

* * *

Тихий вопрос, дерзкий ответ —
и тебя уже нет.
Ты смятый, угасший впечатан в стену.
И снова крик гнева, и я отплываю
во мраке ада — один.
Мне нужно не туда,
там не моя звезда.
И снова окрик, свист кнута
и я вновь мраком объят.
Где сила воли?
Жизнь на волоске
и снова крики.
Я привык, мне нравится тот кнут и этот крик.
Я загибаюсь, не живу,
но кнут, как хлеб.
Хоть я в хлеву, как скот убойный —
но здесь мой дом.
Глаза к земле — а там дерымо
и запах, родной и близкий.
И окрик гневный — я привыкший.
А где-то небо, ветер с юга,
зелень травы,
цветы над лугом.
Но это не мое, я мрачен.
Мне — хлев и кнут.
А что свобода?
Что с нею делать?
Других забота,
а я с кнутом иду по кругу.
Со мною много,
и каждый к вере склонен.
Хоть все в навозе —
и те — в хлеву, и те, кто гонит.

29.09.07.

* * *

В мире, где правит зло,
правды нет.
Но вдруг — взрыв надежд,
песни, свет.
И всем тепло.
Кто грезил о свободе, правде —
слезы счастья льет,
а все одной ногой
как будто там.
Иллюзия обмана, крушение надежд.
Мы снова видим хана —
на нем царский венец.
Снова темно и холод —
и так всю жизнь.
И так на много лет вперед.
Мне бы птицей и — на крыло.
Крылатых взмахов череда
и вижу — там горит звезда,
и путь мой к ней сквозь годы —
в полете я свободен
хоть на какой-то час.
Лететь бы так мне долго.
Лететь бы — на износ.

04.11.07.

* * *

Давайте вместе ходить рядами —
сегодня праздник,
и ты не с нами — Октябрь великий —
страну на дыбу, народ стреножил.
И было видно нас всех
несчастных на всю планету.
Строим Магнитку, не дискотеку.
Водка рекою — воды заместо.
И пили крепко рабочий, гений.
Гулаг за сеткой, а в нем наука —
конструктор видный, вохра, мишпуха.
Хлеба мало и земли тоже.
Страною правил и всех стреножил
народ родимый и дядя Ленин,
лежащий в морге — бишь в мавзолее.
Стучали резво друг на друга —
жена на мужа и сын по кругу.
На этом всем держалось знамя,
и герб с серпами, и баба с дядей.
Армия Красная на границах стояла,
КГБ крепко за жопу держало.
Каждый, кто прыгал с котла на полянку
тут же имел зону-подлянку.
Я не страдал, а лишь всем гордился,
строем ходил, петь научился.
Жалеть не жалею — мозгов не хватило
на лодке и веслах уйти из могилы.
Кончилось время, грохнулись резко —
искры летели по всей планете.
Громко кричали — и новое знамя,
снова начало и путь, как гирлянда.
И новый порядок — свобода, не братство
и капиталом займитесь вы, братцы.
Не выдержав натиск зеленых бумажек,
ушли, как в артисты.
А нам все собачки — тяв-тяв,
и народ смотрит нежно
на дядю Икону и тетю Надежду.

И снова все в жопе и те, и не эти.
Давайте рядами, и снова все вместе, —
Октябрь! —
начало пути недалече —
на кладбище, рядом,
там всех и поместят.

07.11.07.

Анатолий Можаровский

* * *

Господи!
Приди,
приди
ко мне.
Белым пламенем
моя любовь к Тебе.
Господи! Приди!
Мой дух поник,
и я, как неживой,
морозом обожженный куст цветов.
Как я страдаю без Тебя, Бог мой.
Так больно и так страшно мне!
Мой дух поник.
Господи! Приди и сохрани.
Грешен я
и получил сполна.
Господи! Приди и сохрани.
Я осознал свои грехи
Помилуй, Боже. Дух мой укрепи.
Миров Владыка!
Дай мне силы —
утром, ночью, днем.
Дай силы мне,
и я буду с Тобой.

10.11.07.

* * *

Я жил в болоте,
с кочки на кочку прыгая.
С островка сухого
на другой островок перебирался.
Встречал человека,
знакомился с ним, сближался.
Вскоре находил в нем
множество изъянов.
И на очередной кочке — сам оставался.
Тот был чересчур толстым,
а тот злым и худым.
Тот имел бульдожье лицо,
а этот малообразован, тупой.
Так и жизнь проходила впроприжку,
а я, как кулик в болоте, закрылся.
Видел себя всегда в белом свете,
в дорогих одеждах, вымытым,
и подающим большие надежды.
Наступило время жатвы — брожу по сушке
и колоски подбираю.
Какие-то растения дикие —
о них ничего не знаю.
Смотрю, у других стога зерна чистого.
Что же за урожай у меня чахлый?
Я жил так напрасно — мелко думал,
а любил еще мельче.
Но был уверен в себе.
Итог — и стыдно мне.
Смотрю на чужие стога,
и тупость свою прозреваю.

13.11.07.

* * *

Взрыв бомбы и падает дом —
покореженные железнобалки,
и груды кирпича —
пыль столбом в небище.
Солнце поблекло.
Сознание из мозга вытащили:
по балкам железным, ржавым пройдись им.
В кирпич окуни его нежно,
в пыльном облаке спой ему песню.
Затем опять в мозг всади —
голова, как обручем стянута.
Ход мыслей, иди ко мне.
К кому, не знаю, ты обращаешься.
Мозг, опухший от пыли грязной.
Пыль кирпичная просветляющей не бывает.
Снова хочу выбросить это сознание,
но другого у меня не бывает.
Желания тухнут и смысл бытия
облаком пыли на грязный асфальт ложится.
Выброшу мысли все
и буду, как пыль, кружиться.
Падать на листья деревьев,
дождем с них смыться
и двигаться с потоком.
А пока нового взрыва нет
промою мозг в телевизоре,
чтобы стать еще поущербнее.

13.11.07.

* * *

Железные шкафы
улицы города заполнили.
Трубы дымят в пространство.
Улицы березовые,
улицы каштановые —
стали улицы бензиновыми
и дурмановыми.
Корабли в море — штурм, стихия
удар о камни и море синее —
в мазуте и нефти на километры.
Люди моря — моряки смелые —
трупы синие, трупы белые.
Птиц тысячи мертвых.
Перья грязные.
Птицы живые,
в нефтяных пятнах.
Взлететь пытаются,
не получается.
Падают в нефть,
Богом созданы,
для славы Божией.
В падаль мертвую превращаются.
Люди глухие,
бесчувственные, агрессивные.
Люди глупые — мир в руки
вам Бог дал!
Вы убиваете его и нефть славите.
И остановить вас нельзя. Поздно.
Время склонило нефтью в прошлое.
Будущее жутко — за птиц Божьих
в дыму и мазуте, счет окончите.

13.11.07.

* * *

Все, существующее в сознании,
все, что может вообразить человек —
все это существует во Вселенной.
Мои фантазии с годами меняются,
как девушки под фонарями,
становятся красавицами с кожей матовой.
Глаза чуть с поволокой,
и только моя память
хранит объем живых грез.
Был бы я, как Бог,
я бы мог
очистить память.
С чистого места начать и плакать.
Господи, прости.
Я не ребенок, мне много лет
и заканчивается мой проездной билет.
Скорость при посадке лайнера — огромная.
Время скорости тождественно.
Очистить память от сора жизни.
Мой путь не вышел.
Я жгу себя огнем геенны
и зубы зверя — в свое же тело.
И только чистых мыслей рой
слов молчащей горой.
Идти по жизни — туда все вверх.
Мой путь не вышел,
но время есть.

14.11.07.